

**ЛЕВ
СОКОЛОВ**

**РОМЕЙСКИЙ
КВЕСТ**

2017

Annotation

Пойди туда, — не знаю куда, сделай то, — не знаю что. Именно в такой ситуации оказывается римский центурион, и от приказа императора ему не отвертеться...

Соколов Лев Александрович

Ромейский Квест

Глава первая.

Центральная Италия, Герцогство Сполетто, где-то высоко в горах...

Лестница с каждым годом становилась все длинней.

Брат Бонифаций знал каждую щербину и потертость на ступеньках. И каждый камень в кладке старой башни. Множество его предшественников сотни лет истирали эти ступени, поднимаясь на верхнюю смотровую площадку. Пришло время, когда это стал делать и брат Бонифаций. Пришло, и... постепенно уходило. Годы службы сплелись в жизнь, которая прошла зенит, и начала клонить к закату. С каждым днем, помалу, собственное тело становилось все тяжелее. В каждом движении становилось все меньше порыва духа, и все больше усилия воли. В былые годы молодой брат Бонифаций взлетал на башню по винтовой лестнице. Полы его рясы развивались как крылья птицы, сандалии стучали по ступенькам как палочки удалого барабанщика. Теперь долгий подъем проходил под аккомпанемент отдышливых вдохов, и одоление каждой ступеньки оплачивалось хрустом изношенных коленей. Бонифаций остановился, тяжело оперся о стену, и сгорбившись перевел дух. Тени на стенах и ступенях играли в такт его отдышливому дыханию, которое заставляло вилять глиняную плошку светильника в руке. Пламя свечи плясало, грозя сорваться с фитилька, будто неосторожная танцовщица с тесной сцены. Проем выхода на площадку уже показался наверху. В нем плескалась темнота, — ночь была в своем праве. Последнее усилие...

Бонифаций шумно выдохнул, и ухватившись за край люка подкрепил свое движение рукой. Вот он и на верхней площадке... Монах оттянул за ворот рясы, пытаясь подать себе больше воздуха, и несколько раз шумно вздохнув, пошел к охалке сена. Верхняя площадка была небольшой, все вокруг тонуло в ночном мраке. Но светоч в руке монаха будто бы превращал круглую каменную вершину в уютный и безопасный остров. Бонифаций любил это время, которое он проводил здесь. И особенно он любил этот момент, — когда он еще только собирался приступить к своим обязанностям. Момент предвкушения.

Бонифаций тяжело, шумно, приземлился на охалку сена, и тело отозвалось облегчением в расслабленных мышцах ног. Он окинул взглядом окрестную темноту. Ночь скрала и расстояние и саму землю вокруг. Но Бонифацию и не нужно было зрение, чтобы знать, что он мог увидеть отсюда. Почитай, вся его жизнь прошла здесь, в монастыре... Днем отсюда было видно древние, обветшавшие, стены монастыря, которые вцепились в круть горной вершины. Глянув вниз, можно было увидеть склоны, уходящую вниз извилистую дорогу, долину, и небольшой — отсюда совсем крохотный — замок местного рыцаря. Этот лен и свои шпоры, предок нынешнего рыцаря как раз и получил, чтобы охранять дорогу к горному монастырю, и сам монастырь. Нынешний рыцарь помнил свои клятвы, люди его земли исправно снабжали монастырскую братию необходимым, ибо сами монахи не могли растить потребного количества еды на горных кручах. Беда в том, что самой братии в монастыре почти не осталось. Несколько стариков, да один случайно приведенный сюда богом молодой служка. Диоцез перестал посылать сюда ученых мужей. Начальники церкви смотрели на монастырь как на пережиток... Бонифаций их не винил. Он уже давно сам начал думать так же.

Бонифаций не помнил, когда к нему пришла эта мысль. Наверно, она возникала у него

постепенно, исподволь просачиваясь в его разум. Когда он был молод, то считал, что именно ему выпадет честь завершить великое бдение. Молодость самоуверенна — именно поэтому она иногда свершает, что не под силу пожилым мудрецам. Но здесь, увы, был не тот случай. Молодость Бонифация, постепенно уступила место зрелости. Зрелость — преддверию старости. И в какой-то момент, он понял, что его великое бдение пройдет зря. Удивительно, но эта мысль не испугала его. Был только горький привкус, что служба, длившаяся столетиями, скорее всего, на нем и окончится. Братья Умберто и Викентий были старше его. Скорее всего, они раньше и уйдут. А послушник Франческо был еще не готов. Скорее всего, все закончится на Бонифации. И рыцарь в долине с удовлетворением избавится от старых обязательств. И в книгах диоцеза отметят исчезновения ненужной и неприбыльной общины.

Несмотря на то, что Бонифаций посвятил свою жизнь великому бдению, в результате которого он теперь не верил, — он не считал, что разменял свою жизнь на пустое. Он всегда имел ученый, созерцательный склад ума. В горном монастыре он нашел уютный ковчег спасения от мирских неурядиц, войн, суеты, нищеты. Здесь, в общении с учеными мужами, он узнал многие тайнства мира, и наполнил себя пищей духовной. Здесь он прочел великие астрологические труды светочей древности. Фрасилла, Птолемея, Антигона Никейского, Дорофея Сидонского, Гипарха, Критодима, Бальбила, Евтокия, Веттия Валента... Разве это чудо древней мудрости ни окупало всего?

А кроме того — из долины сюда привозили отличное вино.

Бонифаций похлопал по объемному кожаному бурдюку, который он притащил с собой снизу. Бурдюк приятно и упруго поддался под пальцами, будто женская... Эх, ладно, давно это было... Монах улыбнулся, поднес к лицу плоскую со светильником, набрал воздуха в легкие и дунул: — огненную танцовщицу снесло с фитилька, и светоч погас. Бонифаций отставил светильник, закрыл лицо руками, и откинувшись назад бухнулся спиной в солому. Полежав так несколько ударов сердца, он медленно, будто ребенок, ждущий чуда, отнял руки от лица, и посмотрел вверх.

Чудо было там, как и всегда. Вверху, в бесконечной высоте, раскинулось над монахом божественное безбрежное звездное небо. Бонифаций повел головой, вода взглядом по привычным звездам, здороваясь со знакомыми созвездиями. Вот могучий Геркулес, а вот зажатый в его кулаке Дракон, он же Адский Пес... Звезды мерцали и перемигивались. Гармония сфер. Божественный миропорядок. Симфония всеблагото первоначала. Бонифаций знал в какое время на небосводе появится, или сокроется та или иная небесная обитательница. Слава творцу, с возрастом он не потерял остроты зрения, и своего удивительного чувства времени, которое позволяло ему чувствовать, как круг дня и ночи неторопливо вертится, будто змий-уроборос, кусивший себя за хвост.

Наблюдая за небесами, монах подтянул к себе бурдюк, нашарил пробку, выдернул её, и прильнул губами к горлышку. Терпкая душистая влага, живая кровь лозы, слегка опалила горло и излилась в его нутро. В теле чуть потеплело, в голове чуть поплыло, и симфония движения сфер стала слышна еще ошутимее. Казалось, её вот-вот начнет улавливать ухо. После следующего глотка, казалось стало можно улавливать песнопения ангелов, поющих немолчную хвалу Творцу. Тело окончательно расслабилось, боль пожилого тела не ушла, но стала чем-то неважным, пред лицом величия мира.

А, тьфу... бурдюк скользнул в руке, и часть содержимого плеснула на рясу. Впрочем, Бонифаций уже давно не огорчался от таких вещей. Его ряса была темной шерсти, пятна на ней особо не выделялись. Через некоторое время, Бонифаций окончательно

гармонизировался с Богом и миром. Он знал, что в таком состоянии может задать Творцу любой вопрос, и получить в ответ любую мудрость необъятной вселенной. Жаль, что на следующий день эта мудрость покинет его, вместе с духом вина, и он ничего не сможет вспомнить. Но в этом и была мудрость Создателя, не правда ли? Смертный в обычном состоянии не может вместить в себя божественной истины. Звезды в небе, тем временем, кажется, начали немного расплываться. Не беда. Что с того, если размышления о высоком временно затмили трудолюбивому монаху звезды? Сколько лет провел Бонифаций наблюдая за ними, терпеливо ожидая пришествия Багряной Звезды. А она так и не появилась.

Бонифаций был слишком мал в этом огромном мире, чтобы знать, — почему Багряная Звезда так и не возшла. Может быть, древние пророчества оказались ошибочны. А может быть сам Бог — в неизмеримом милосердии своем — переменял волю, и решил отменить ужасную казнь, от которой, его попушением много веков так страшно страдал людской род. Кто знает? Звезда не возшла. Служба Бонифация длиною в жизнь, — как и многих монахов до него — оказалось бесполезной. Пусть так! Стоит ли печалиться, если Бог отменил казнь, и трубы пока не затрубили, и печати не были сняты? Этому можно только радоваться! Этому.

И сытой старости.

И вину.

Бурдюк тем временем, незаметно сильно облегчал. Потом из него вместо вина пошел терпкий, неприятный на вкус осадок. А потом и он кончился.

Бонифаций протянул руку к стоящему рядом шесту, и раздраженно несколько раз дернул привязанную к нему веревку. Веревка уходила через отверстие в пол башни, и ниже, к её основанию, где обычно спал служка Франческо. На конце веревки был привязан небольшой колокольчик, звук которого донесся до Бонифация отдаленным звоном.

Вечность прошла, прежде чем Франческо продрал свои глаза. Но все же через бездну времени на лестнице послышались легкие раздраженные шаги. Шаги! Когда Бонифацию было столько же, сколько Франческо, он буквально взлетал!.. Но, кажется, он сегодня уже вспоминал об этом.

В люке показался сперва свет, а затем и плутоватая заспанная физиономия служки.

— Чего изволите, отче Бонифаций? — Сонно, без малейшего почтения в голосе, осведомился служка.

— Грм... Презренный лентяй! Сколько тебя можно ждать?.. — Пробухтел Бонифаций. — Спустишь-ка в подвал, да принеси мне еще бурдюк вина.

Франческо в ответ помолчал, меланхолично наблюдая за старшим монахом. Пауза была достаточно долгой, поэтому, Бонифаций дополнил, дабы предать убедительности.

— От напряжения в глазах, у меня в горле пересохло.

— Там остался последний бурдюк, — предупредил Франческо.

— Ну так что? — Хмыкнул Бонифаций. — Крестьяне принесут еще.

— Крестьяне принесут только в среду. А сегодня понедельник. Брат Умберто будет ругаться, если вы выдуете все в одно лицо.

— С братом Умберто я сам разберусь! — Одышливо выдохнул Бонифаций. — А ты — аколит, и делай что старшие говорят! Мигом беги вниз!

— Делать мне нечего, как бегать туда-сюда, — хмыкнул Франческо, и вытащив бурдюк дотоле сокрытый за срезом люка, бросил его Бонифацию. — Натё.

— Хм... — Бонифаций сграбастал бурдюк. — Молодец! Вот это молодец!.. Вот как молодец, — так молодец. Как же ты догадался заранее?

— А вы никогда ничего другого не просите.

— Наглец! Пшёл вон! — Возмутился Бонифаций.

Кучерявая голова Франческо скрылась в проеме люка, ноги застучали вниз по ступенькам.

— И не вздумай чего подкладывать под язык колокольчика! — Крикнул ему вдогонку Бонифаций. — Лентяй!.. Я в твои годы... — Пробка со вздохом вышла из бурдюка, открыв густой ароматный дух. Бонифаций забыл свой гнев на нерадивца. Добрый глоток, а-хаа...

Через несколько часов многотрудное бдение Бонифация подойдет к концу. Дежурство окончится, а в следующую ночь наступит очередь наблюдать за звездным небом брата Умберто. Бонифаций же предается отдыху. Сперва он, конечно высится. Потом, возможно, перелистает любимый экземпляр "Альмагеста", великого древнего астронома Птолемея. А может быть, почитает латинский список с греческой комедии Аристофана, что-то там про лягушек... Глаза Бонифация начали закрываться. Он пьяно почмокал губами. Не беда, если он и вздремнет немного... Крестьяне в долине называли монахов бездельниками... Невежды и гупцы... Знали бы они... сколько трудов...

Монах незаметно смежил веки, и умиротворенно засопел. Сперва негромко, потом слышнее. А через некоторое время зарычал и забулькал тяжелым храпом. Звездное небо мирно мерцало над его головой, перемигиваясь мириадами глаз. Несколько часов монашеского покоя нарушила соломинка, уткнувшаяся монаху в шею над рясой, когда он чуть повернулся во сне. Бонифаций возмущенно всхрапнул, потянул руку, чтобы почесаться, и... опрокинул поставленный к себе на грудь винный бурдюк. Открытая горловина хлопнула его по лицу, — и в нос, и в ухо тут же потекло ядреное пойло. Бх-ааа!!! — Бонифаций вскрикнул, открыл глаза — вино тут же попало и в глаза, зафыркал, отпихнул бурдюк в сторону и, начал протирать лицо, пытаясь стереть крепкую жидкость. Взгляд монаха произвольно метнулся вверх, и... он застыл на месте, почти забыв о рези в глазах.

У созвездия Дракона появился новый страшный глаз. Ярче чем Сириус, краснее чем Марс, — Багряное, налитое кровью око змия открылось. Злобное страшное буркало обзревало лежащую внизу землю, мерцая кровавыми переливами. Багряная Звезда. Появилась. Там, где и было предсказано.

Бонифаций почувствовал, как у него безвольно отвалилась челюсть. В руках и всем теле ослабло. Пророчества не ввали. Новый цикл. Грядут ужасные бедствия. Великая угроза всему роду людскому. Опустошение и смерть... Монах подскочил к шесту и задыхаясь, чувствуя прилив крови к голове, который сдавил лоб будто стальным кольцом, задержал веревку. Колокольчик внизу забился и затрепыхался, будто вспугнутая птица, выплевывая тревожный звон. Раздраженные шаги по лестницы снова вынесли наверх заспанную физиономию Франческо.

— Да я же сказал, больше вина не осталось. — Возмущенно загудел служка.

— Молчи! Молчи!.. — Выдохнул Бонифаций.

— Что случилось, отче? — Удивился Франческо.

— Багряная Звезда! — Опираясь на шест, изможденно простонал Бонифаций. — Гляди наверх.

— Что? Какая звезда? — Задрал Голову Франческо. — Да там на небе звезд этих...

— Болван! — Пропыхтел Бонифаций, оторвавшись от шеста, и тяжело шлепая к люку, — Да ты вообще слушал, что мы тебе на уроках говорили?

Франческо в свете зажатою в руках светильника, поглядел на Бонифация такими

честными и пустыми глазами, что тот сразу понял — ничего тот не слушал. Да и чего греха таить — сами старики его знания толком никогда не проверяли...

— БАГРЯНАЯ ЗВЕЗДА! — Отчаянно завопил Бонифаций, пытаясь прорваться сквозь пустоту служки. — Ужели не помнишь?!

— Ну так это... — Франческо непроизвольно заgrimасничал. Улыбка лезла н его лицо, но в стоящем напротив Бонифации он видел столько тревоги, что не мог понять, как ему отозваться — тревогой или улыбкой. — Это же только старые сказки, отче.

Улыбка все-таки победила, и вылезла на лицо Франческо. Бонифаций размахнулся и согнал ту улыбку оглушительной затрещиной. Откуда силы взялись... Франческо отступил, держась за щеку. В глазах мальчишки было потрясение. Старые монахи постоянно бурчали, но никогда не били, тем более пустой рукой. Розги за украденную еду не в счет...

— Уяснил? — Зловеще процедил монах.

— Уяснил отче. — Испуганно — наконец-то испуганно — кивнул Франческо.

Уже лучше. Пусть даже парень боялся не зловещего ока, а всего лишь гнева старого усталого пьяницы.

— Беги вниз. — Зарубил голосом монах. — Буди брата Умберто, и Викентия. Передай, — взошла Багряная Звезда. Пусть найдут ключи от тайной комнаты, и отопрут её. Пусть берут бумагу, чернила, светильники, и поднимаются сюда. Надо засвидетельствовать все должным образом. Отправишь их сюда, а сам побежишь в долину. Постучишься в замок, и скажешь рыцарю, чтобы собирался сам, готовил своих людей, конную повозку для нас. Надо срочно ехать в Рим, к Святому Престолу.

— В сам Рим?! — Франческо с новым изумлением посмотрел на старика. И на лице его появилось такое выражение, описать которое Бонифаций бы не смог; но понял твердо, — в голову служки закралась мысль, что старик не в себе.

Бонифаций отвесил Франческо еще одну оглушительную затрещину.

— Понял? — Спросил Монах.

— Понял, — кивнул мальчишка.

— Беги.

Франческо загрохотал сандалами вниз, со скоростью дотоле невиданной.

"Экая прыть... — мельком подумал Бонифаций, — и чего я его раньше не лупил?.."

Мысль эта, однако, тут же стерлась. Монах оперся спиной о колокольный шест, и вскинул голову, так что хрустнуло в старой шее. Драконий багровый глаз с холодной яростью наблюдал за ним с ночного неба.

Римская Империя, столица Новый Рим¹, территория императорского дворца, где-то ниже уровня моря...

В голове гудело. И что-то кололо сзади в шею. Федор открыл глаза, и уставился в потолок. Первым делом он почувствовал, как ему плохо. А вторым, — что потолок ему совсем не знаком. Низкий, сложенный из необъятных камней свод, нависал, будто давил своей могучей массой. Федор приподнял голову чтобы осмотреться, и тут же скрипнул зубами. На малейшее движение голова отозвалась звоном, — будто колокол в который бил полоумный звонарь. Язык распух, и шершаво барахтался в сухом рту, на каждом движении царапая десны, будто ком чертополоха. Состояние было неприятным, однако вполне знакомым.

Похмелье.

Оглядеться, всеж было нужно. Воин должен терпеливо сносить все тяготы и лишения службы. Посему Федор полежал немного, собираясь с силами. Кряхтя и вяло барахтаясь, он приподнял голову. Оказалось, что лежит на ворохе квелой соломы. Он проволочил по шее бессильной рукой, и вытащил из-за шиворота жесткую сухую соломину. Колоть в шее перестало.

Взгляд меж тем сразу уперся в низкую сплошную стену, на которую опирался потолочный свод. Все те же необъятные, плотно пригнанные друг к другу камни, на которых плясали тени неверного источника света. Сухая старая кладка едва выделялась на фоне глыб. Углы комнаты тонули в непроглядном полумраке.

Федор поворотил голову на занывшей шее влево, — такая же стена. Поворотил вправо, — ровно то же самое. Оставалось неведомое за спиной. Тем более, как раз оттуда и шел желтоватый, мерцающий свет, который и позволял хоть-что то видеть в здешнем полумраке. Он напряг всю свою могучую волю, и вяло застонав, вывернув голову, чтобы обратить свой взор назад, на последнюю стену.

Четвертой стены не было.

Вместо неё на всем протяжении комнату замыкала могучая кованная решетка. Прутья толщиной в охват, как рука здорового человека. В решетке была крепко вделана дверь, ныне закрытая. За самой решеткой тянулся в обе стороны узкий сводчатый коридор. На стене коридора висел единственный здешний источник света — поставленная на специальный выступ в стене маслянная лампада. Хрупкий маленький огонек неуклюже подрагивал на её фитиле. Из-за этого тень от решетки, лежащая на полу тоже слегка шевелилась, тут же вызвав у Федора позыв на тошноту.

Темница! — Будто камень в колодезь, гулко ухнуло в голове. Теперь он узнал место где находился. Мудрено было. Ведь он, Федор, сотник отряда телохранителей-экскувиторов, обычно ходил во дворце по совсем другим маршрутам. Редко, когда ему приходилось спускаться в подземелья, к тюремным камерам, дабы водворить провинившегося смутьяна в позорное узилище. В те редкие моменты, он смотрел на тюремные камеры с той стороны.

А теперь смотрел с этой.

Федор машинально цапнул себя рукой по левому боку, привычно уловляя рукоять меча.

Меча не было. Он похолодел, в подбрюшье будто упал булыжник. Даже необоримое казалось похмелье, на какой-то момент отступило. Разоружен, и брошен в темницу дворца. За что?!

Соображать после вчерашнего было тяжело. Федор напрягся, совершая сей духовный подвиг, — и из холода его бросило в жар. Вчерашнего он не помнил. От слова совсем. Будто его, — вчерашнего — никогда и не было. Будто Федор сегодня прямо здесь и родился, с гудящей от похмелья головой. Будто пробуждение было ему отцом. А матерью — темница.

Федор возвысился четверенек на колени, и начал свирепо дергать себя за уши, с риском совсем их оторвать, дабы приливающая к голове кровь прорвала пелену беспомощности. Кое-что действительно вспомнилось, но отрывочное, будто ошметки разорванного гобелена. Вот Федор одевает воинскую сбрую у себя в комнатке. Вот, привычно поругивая, обходит посты своих солдат. Вот дежурство его закончилось, и он встречает несколько знакомых варангов, что направлялись в кабак. А вот они уже в кабаке, вздымают кубки, и... После этого — все было в тумане.

В коридоре загромыхало, послышались шаркающие шаги. Вскоре сторбленная фигура появилась у решетки. Тюремщик. Мрачный плешивый тип нес в руках миску и деревянную

кружку. Остановившись у камеры, он медленно, по-старчески наклонился, и протолкнул еду с питьем в специальное отверстие в прутьях. Миска проскрежетала по камню. Федор оторопело наблюдал за стариком.

— На, жри, — коротко сказал старик.

— Братец... — отбрасывая оцепенение, хрипло просипел пересохшим ртом новоявленный узник.

— Какой я тебе братец, аспид? — Фыркнул плешивец, щерясь редкими зубами. — Таких братцев при рождении топят. А лучше еще в чреве извести, — и дело с концом.

— Братец, — Федор усиленно пытался ворочать непослушным языком, — ты за что ж меня так?

— За что?! — Вскинул голову старик. — Ну! Не делай вид что не помнишь.

— Не помню... Не помню... Чего?

— Как ты вчера пытался убить нашего императора!

Рот Феодора открылся, но не издал не звука, будто он оборотился немой рыбой. Руки, протянутые к старику, плетьюми опали вниз.

— Убить... — прошептал он вслед уходящему тюремщику — императора...

Шаги тюремщика затихли.

Тени убежавшие от свечи, все также подрагивали на стенах.

Глава третья.

Римская Империя, Новый Рим, территория императорского дворца, — ночь, сутками ранее...

Тихо во дворце. Тихо и уютно в покоях императора Ипатия. За окном — ночь. Повелитель сидел за читальным столом, удобно подоткнув под стул свою долгополую рубаху. Горела ярая свеча, бросая свет на бумагу, перья, и раскрытую книгу. Перед правителем лежал его любимый фолиант. Это были памятные записки одного из предшественников Ипатия, носившего славный титул "император". Звали того, давнего императора Марком Аврелием, так же был он известен как Марк Философ. Жизнь у Марка выдалась тяжелая. Кроме обычных проблем державы, в виде полчищ вредоносных варваров и нехватки денег (увы, знакомых, и самому Ипатия), не задалась у Марка и на личном фронте: ибо жена его была курва, а сын — балованный дурак. Марк-Филосов однако не унывал, и писал в своих записях, что к ударам судьбы нужно относиться бесстрастно, — ибо все равно все помрем. Так чего зря переживать?

Правова древнего покойника была неоспоримой. Помрем конечно все, и все там будем. Однако Ипатий любил сочинения любомудра не за это. А за то, что, сравнивая свою жизнь с печальями древнего предшественника, понимал, — его личные дела идут не так уж плохо. Сын радовал и умом и здоровьем, а жена-царица тяготела к монастырям и молитвам, нежели к любовным похождениям.

Однако в данный момент, Ипатий использовал книгу Марка-Философа не как духоподъемное чтиво, а как источник поэтического вдохновения. Задумалось ему написать о славном Марке поэму, дабы оставить в веках славу о себе, не только как о мудром правителе, но и талантливом деятеле культуры. Поэтому, покусывая кончик павлиньего пера, и невразумительно мыча, дабы лучше уложить слова в размер, Ипатий бодро клал строчки на прижатую грузиками бумагу самой лучшей выделки. Строки лились рекой.

...На трон был молодым ты избран,

К радости солдат.
Но для того ли ты был создан?
Был ли сам ты рад?
Сын стал любителем арены,
Его ты упустил,
Жене простил ее измены,
На Рим хватило б сил.
Ты просыпаешься с надеждой,
Дожить до теплых дней.
Но только ночи, как и прежде,
Все больше холодней.
И что-то путаются мысли,
Кружится голова.
И хорошо бы, чтоб простуда.
Но кажется чума.
Ты не подвел народ и войско,
А мог ли довести?
Но разве можно, чтоб навечно,
Империю спасти?
Мы только можем, — то что можем;
Всегда идти вперед.
И нечто за собой оставить,
Что с нами не умрет.
Ах Марк Аверлий, Марк-Философ...

Тут живой ток пера Ипатия прервался, и он, отложив перо, задумался, подперев рукой щечку. Выходило неплохо. Можно даже сказать, — хорошо. Но теперь как-то следовало перекинуть мостик от древних дел, — к современности. Вернее, — от Марка Аврелия к самому Ипатию. Чтобы, значит, показать некую преемственность благородного духа. Марк — и Ипатий. Точнее даже — Ипатий и Марк, да... Ипатий снова решительно ударил пером.

Ах Марк Аверлий, Марк-Философ,
Ты встретил бога там?
Придет пора, и я вопросы,
Создателю задам.
Отлично! Теперь еще следовало...

В дверь покоев вдруг раздался громкий настойчивый стук.

Ипатий недовольно обернулся к двери, машинально засунув перо в чернильницу, и зашарил ногой под столом, в поисках улетевшего в порыве вдохновения тапочка. Он ведь просил никого его сегодня не беспокоить, — разве что по делам наиважнейшим и безотложным. Видимо такое дело нашлось... Он уже представил, как сейчас в дверь втечет кто-то из ближайших сановников, — и обязательно расскажет какую-нибудь гадость. Это хорошие новости редко бывают неожиданными, а плохие — сколько угодно.

Тапочек наконец изыскался, и водворился на царственную ногу.

— Войдите! — Величаво приосанившись, приказал Ипатий.

Призыв, однако остался без ответа. Вместо этого снова постучали. Да как! Вломили так, что в двери прогнулся золотой лист, а с притолоки пыльно обвалилась украшение в виде

переплетенной травы и листьев. И тут же из-за двери раздался разъярённый рев, будто завопило стадо разъяренных медведей.

Голова Ипатия ушла в плечи. В животе разлилась свинцовая тяжесть. Соображал император всегда быстро, а потому сразу осознал несколько вещей. Так стучаться к наместнику бога на земле не принято, а значит — попытка дворцового переворота, и мятеж. У дверей должна стоять охрана. И раз она не мешает молотить, — значит, либо подкуплена, либо уже мертва. И главное: — кто бы ни был сейчас с той стороны, — он ломился в открытую дверь. Буквально — в открытую. Дверь в эту комнату императорских покоев запора не имела. Если бы многосильный силач, прекратил долбить внутрь, и просто потянул на себя, — дверь бы открылась безо всяких сложностей.

От недругов Ипатия отделяла только их глупость.

В дверь снова долбанули. Золоченый лист сорвался, и отлетел, чуть ли не через всю комнату, аккуратно под ноги испуганному императору. Брызнула деревянная щепка. В проломе показалось лезвие огромной секиры.

Ипатий вскочил на ноги. Стул, лишившись равновесия, шумно рухнул за спиной. Черт с ним!.. Правитель заозирался. На стене висел меч! Побежав к стене, Ипатий дернул его из ножен. Великолепный пехотный полумеч² с идеальным балансом и преотличной выделкой клинка. Ну... по крайней мере так сказал Ипатию родич, по имени Андроник, который и всучил ему этот меч по какому-то забытому поводу. Сам Ипатий был, прямо сказать, не мастер фехтования. Поэтому единственное что он ощутил, оттягивающую руку железяку, которая несколько не прибавила ему уверенности.

Ба-бах! Секира снаружи нанесла очередной удар, выбив из двери целый кусок. В новоявленной отверстии показалась чья-то рожа. И вот тут Ипатий напугался еще больше, — хотя казалось, больше уже некуда. Сквозь пробитую дыру на него бешено зыркал пьяный русский. Всклокоченные усы, и масляные бельма глаз, веяли первобытной дикостью.

Чем Ипатий всегда гордился, так это способностью помнить имена и лица. В подражание Кесарю, — тому самому, первому, который знал по именам всех сотников в ромейском³ войске... Поэтому ему не составило труда узнать пьяную рожу. Того звали Добромер. Он был рус. Служил в отдельном отряде личных императорских дружинников-телохранителей, известных как варанги⁴. По идее его работой было защищать повелителя, а не рубить его дверь...

Добромер тем временем страшно зашевелил усами, и натужно покрутив осоловелыми очами, наконец ухватил взглядом застывшего посреди комнаты императора.

— А-аа! — Жарко пропыхтел Добромер, так что до Ипатия докатилась волна сивушного дыхания. — Воот о-он!

— Не уважает! — Отпихнув Добромера в сторону пьяно завопила в дыру другая рожа. — Загордился! Пройдет мимо, — головы не повернет!.. Думает, купил нас с потрохами!..

Император, совсем обмер от страха, но машинально сделал в уме галочку, что вторую варяжью рожу в дыре — звали Путята.

-..А нам не денег нужно! — Прорычал вновь отвоевавший место у дыры в двери Добромер. — Нам уважение!.. Чтoб с понима-аанием!.. С душо-оой!..

— Дайте, я ему рожу начищу!!! — Пролаял, вновь отжимая могучим плечом Добромера Путята. — Государь, тоже мне! А ну вылазь сюда, царская твоя рожа!..

На краткий миг еще кто-то смог отпихнуть Добромера с Путятой от заветной дыры. Показавшаяся императору среди разбитых досок двери физиономия была настолько

перекошена спиртным, что Ипатий сперва и не признал владельца. Но потом все же уловил: — в дыру сувался рылом уже не русский, а ромей; а именно — сотник экскуваторов⁵ по имени Феодор.

"А этот-то как сюда вылез?" — Охнул про себя Ипатий. — "Неужто и отряд экскуваторов ударился в бунт?"

Феодор тем временем тоже подключился к пламенным воззваниям:

— А-та-та-а!.. — Булькнул сотник, пьяно пережевывая свои губы, и погрозил императору пальцем, будто расшалившемуся ребенку. — Нехорошо-о!.. Ик!.. Ты-то так... А надо так...

На этом мысли и силы у Феодора закончились. Он огорченно заглянул в пустой кубок, зажатый в левой руке, снова назидательно погрозил пальцем Ипатию правой, и ослабнув ногами, сполз куда-то вниз, под дверь, сокрывшись из вида. Судя по звукам, на него тут же наступили Добромер и Путята, чьи рожи опять заполнили дыру. Добромер снова занес свою ужасную секиру для удара.

— Опомнитесь дерзновенные! — Пискнул Ипатий. — На кого подымаете мечи?!

В ответ на сей пламенный призыв, из дыры донеслась богатая оборотами мешанина ругательств на славянском и греческом.

— А ну разойдись, слабачё! — вдруг прогудело колокольным басом из-за дырявой двери, и Добромера с Путятой будто ветром сдуло. Показавшийся краем в отверстии вместо них был настолько ужасен, — что Ипатий совсем ослабел в коленках. Это был еще один варанг по имени Могута. Самый сильный воин в варварской дружине, а возможно, и вообще во всем известном мире. Могута повел своей лобастой, похожей на жбан головой, и видимо, пнул в дверь своей необъятной ножищей. Дверь треснула по всей длине, и поддалась в косяках.

Ипатий наконец опомнился. Он стремглав бросился от разрушаемой двери — к противоположной, — которая вела в его личную спальню. Однако пробежав несколько шагов, он затормозил, метнулся к столу, и подхватил под мышку свиток со своей гениальной поэмой и бесценную книгу Марка-Философа. Тому при жизни и так пришлось много претерпеть; нельзя было оставлять его на поругание варварам... Перед тем как отбежать от стола, Ипатий дунул на стоявший там светильник, и комната погрузилась во мглу.

— Стой злыдень!.. — Завопил где-то позади Могута.

Но Ипатий уже юркнул за дверь спальни. Он бросил меч на пол, аккуратно положил рядом "Марка Аврелия" и свой гениальный свиток, с натугой задвинул дверь спальни, и затворил на ней тяжелый засов. В только что покинутой им комнате уже что-то гремело и рушилось. Варанги ломились в темноте как стадо носорогов.

— Факелы! — Завопил кто-то за дверью. — Тащи факелы!..

Уже и во дверь спальни что-то ударило. С той стороны жарко заматерились. Дверь не дрогнула ни на пядь. У империи была давняя богатая история, в том числе и попыток дворцовых переворотов. И дверь в спальный покой была сделана как раз с учетом этого опыта. Она могла выдержать и удары африканского боевого слона. Ипатий знал, что большинство его предшественников погибших во дворце, смогли бы отсидеться за дверьми покоев, если бы их не предали постельничьи слуги, которые передавали заговорщикам ключи. Судя по тому, что варанги ломились будто лоси сквозь чащобу, — ключей у них не было.

В дверь снова замолотили.

— Стучите-стучите... — пробормотал Ипатий, больше для того чтобы ободрить себя. Голос был каким-то непривычно тонким. Он затравленно огляделся по нарядной спальне, любимой кровати с паланкином и пушистыми кисточками... Дверь крепка. Но вдруг?.. Деваться в спальне было некуда. Ипатий проклял себя, что в свое время перебрался из огромной неуютной спальной комнаты в эту. Та, — неуютная, была оборудована подземным ходом... Здесь же можно было схорониться разве что под кровать. Ипатий живо представил, как ворвавшиеся варанги извлекают его из-под кровати, и... сотни лет во всех хрониках будут писать об этом позоре. Он бросил взгляд на лежавшую у входа книгу Аврелия, и исполнился решимости. Нет уж, лучше принять судьбу с достоинством, как и положено стоику.

Ой, окно!

Сводчатое окно выходило во внутренний двор дворца. Слишком высоко, для прыжков на вымощенную каменными плитами землю. Но можно попробовать привязать занавес! Ипатий подбежал и растворил сводчатое окно. Отворил, и замер. Внизу во двор, брэнча железом, затекали солдаты. В ночной тьме это выглядело как освященная факелами живая железная река из блестящих панцирей, разноцветных плащей, узорчатых щитов, и леса копий. Солдаты уже заполнили весь двор. Здесь были представители почти всех гвардейских отрядов. И протекторы доместикиб, и эскувиторы, и евнухи-кувикулярии, и кандидаты⁷, и солдаты палатинской схолы⁸, и иные прочие из пестрой и многочисленной ромейской гвардии. Впереди — как живое ядро — шли их командиры. На острие командной группы двигался "магистр милитиум"⁹, так же носивший титул "Коноставл"¹⁰ — по имени Гермоген. Старый служака с лицом, иссеченным шрамами, поднявшийся из низов, и всю жизнь прошедший на войне, он шел положив руку на рукоять меча, неумолимый, будто камень катящийся с горы. Один из спутников, шедших за магистром, углядел торчавшего в окне императора, и затряс Гермогена за рукав. Все остановились и задрали головы. То же сделал и сам Гермоген, машинально придерживая рукой шлем.

На мгновение все замерло. Ипатий почувствовал, что дело идет по острию бритвы. Верны ему воины внизу, или нет?

— Господин! — Закричал снизу Гермоген. — Что за смута?

Ипатий облегченно выдохнул, и почти обессилено облокотился на створ окна. Господин... Значит воины внизу еще признают его повелителем.

— Варанги! Перепились и бузят! — Сложив руки рупором закричал вниз Ипатий.

— Матерь Божья, Пресвятая Богородица!.. — Несмотря на неоспоримую храбрость, от таких новостей Гермоген невольно отступил на шаг назад. Ветераны за его спиной растеряно зашептались. Варангов побаивались.

— Ломятся ко мне в спальню! — Добавил Ипатий.

— Мы идем к вам на помощь, повелитель! — Преодолев минутную слабость, решительно вскричал отважный Гермоген.

— Нет! Ни в коем случае! — Закричал Ипатий. — Этак вы поубиваете друг-друга, на радость врагам державы! — Он секунду подумал. — Слушайте, что нужно делать! Немедленно возьмите под контроль дворцовые винные погреба. Обороняйте их до последнего человека! Ни один варанг не должен добраться до новых кувшинов с вином! Когда они протрезвеют, то сами усмиряться!

— А как же вы господин? — Вопросил Гермоген.

Ипатий бросил взгляд назад. В дверь долбили с пьяным усердием, но она стояла

МОНОЛИТОМ.

— Запоры крепки! — Прокричал Ипатий. — Ежели варанги не получают винного подкрепления, то скоро их одолеет тяжкое похмелье! — Он еще подумал. — Но на всякий случай, поставьте внизу людей, пусть растянут ткань. Ежели что, — выпрыгну к вам из окна!

— Пусть повелитель прыгнет на мой плащ! — Пылко выкрикнул внизу "комес доместиков", срывая дорожную ткань с бронированных плечей.

— Нет, — пусть прыгает на мой! — Закричал другой командир, взясь с застежкой плаща на плече.

— Болваны!!! — Рывкнул Ипатий, но тут же прикрутил гнев; ругаться на верных людей в такой момент не следовало. — Я ж еще не прыгаю. Мне что, — ноги поломать, чтоб только оказать вам честь? Пошлите гонцов к вигилам¹¹, — пусть притащат и растянут большое пожарное полотно! И пусть войска окружат весь дворец! И пусть городской префект¹² удвоит патрули в столице, дабы никто не воспользовался смутой. Ты же, верный мой Гермоген, — не медли! Защити вино от окаянных варваров!¹³

— Слушаюсь повелитель! — Стукнул кулаком в окованную грудь бравый Гермоген. — Я буду защищать вино, — как Гораций мост! — Седой вояка повернулся к воинам — За мной, мои храбрецы!

Гермоген и его храбрецы, брэнча бранным железом, побежали выполнять смертельно опасный приказ. Впрочем, предусмотрительно оставив отряд "кандидатов" во дворе, на случай, если повелителю все же придется прыгать. Ипатий чуть повеселел.

...И все же, императору пришлось провести еще несколько тревожных часов, сидя у окна, слушая глухие стуки в дверь, и сиплый гул голосов диких славянинов. Лишь к утру удары их стали ослабевать, становится все реже, и наконец, затихли. После того, отважные гвардейцы Гермогена, оцетинившись мечами и копьями, тихонько подкрались, и повязали вповалку уснувших варангов. Теперь те сидели в самом глубоком подземелье дворца, страдали от похмелья, и стыда. Туда же в темницу Ипатий приказал засунуть и примкнувшего к варангом гвардейского сотника Федора. Славяне, — с них чего взять, они ж как большие дети... Но с ромея, посмевшего посягнуть на священную и богоданную особу своего правителя — особый спрос.

Глава четвертая.

Римская империя, Новый Рим, территория императорского дворца, — день, спустя сутки после мятежа варангов...

О, сколь много должен уметь правитель державы! Он должен знать дела мира: сколь собрано налогов, почему их собрано так мало, и карманы каких чиновников стали слишком глубоки. Должен уметь быть незаменимым посредником между партиями и сословиями. Чтобы одни не перегрызли других, и чтобы все не задружились против него. Он должен слыть справедливым, но грозным. Должен знать дела войны: как вести войско в походе, и как построить его в бою. Он должен уметь хитрыми делами оборотить соседние народы друзьями себе, и врагами друг-другу. Он должен никому не доверять, но знать на кого опереться; будто путник идущий по кочкам гиблого болота, где один неверный шаг — гибель. Вот сколь много должен уметь делать правитель державы.

Но самое главное, что должен уметь правитель — делать бесстрастное лицо. Можно выпестовать людей, которые будут верны. Можно найти толковых сановников, которые помогут тебе в управлении царством. Можно натрудить умелых полководцев, которые

обратят твоих врагов в прах. Но никто не сможет построить вместо тебя каменную физиономию, когда ты сидишь на троне, и принимаешь послов. Облик царя в этот момент должен быть спокоен. Взгляд — мудр и безмятежен. Перед послами, не человек. Перед послами — наместник и отражение Бога. Правитель Державы Ромеев, — величайшего царства в истории. Послы не могут его ничем удивить. Не могут ничем напугать. Послы правителя могут только заинтересовать. Могут испросить о милости. И тогда, он, — может быть — явит свою милость.

Хотя бы в виде легкой улыбки.

Говорят, в далекой островной стране, куда доплывали вездесущие ромейские мореходы, жил узкоглазый народец, который буквально помешан на бесстрастности. Воины малого народца ходили в смешных запашных пижамах, постоянно друг-другу кланялись, и делали пустые лица, — будто бы ничто в мире их не колышит. Но все это была фальшь, потому что истинным своим нравом народец сей напоминал бурных выходцев с хребтов Кавказа. Стоило одному островитянину задеть другого локтем, — и пижамные воины начинали дико пучить глаза, шипеть и мяукать, будто коты перед случкой. А потом обнажались кривые, дрянного металла сабли, и лилась из желтых тел горячая кровь...

Ясное дело, правитель Ипатий умел владеть собой куда лучше незадачливых островных варваров. Однако, сейчас даже ему, — последователю учений древних философов и стоиков, трудно было быть господином своим страстям. Потому что вчера, его — римского императора чуть не убили его собственные элитные телохранители. А сегодня Ипатию предстояло принимать послов.

... Два посольства из разных краев прибыли к ромеям. Было это уже несколько недель назад. Так уж было заведено в обычаях ромейской державы — послов мариновать. Чтоб значит знали, во-первых, как много дел у великого ромейского повелителя, и насколько незначительны их посольские делишки, перед лицом величия ромейской державы. Идея мариновать послов была замечательной, но теперь выходило, что принимать их Ипатию придется после страшной и бессонной ночи. Можно было и перенести прием. Но уже конечно ползли слухи о ночной смуте, — и перенос только подтвердил бы их. Именно поэтому Ипатий решил показаться иноземным послам, и быть бодрым и веселым, дабы те узрели, что ромейская держава крепка, устройство её вековечно, а слухам доверять никак не следует.

Теперь дело было за малым, — изобразить эти самые бодрость и веселие...

Ипатий вздохнул, и обвел окружающих суровым взглядом. Слуги суетились. Десяток человек вился вокруг повелителя как мухи вокруг... меда. Легкими невесомыми касаниями они поправляли Ипатию прическу, надетый на голову венец. Слуги расправляли долгополую рубаху, украшенный золотом и жемчугами богатый плащ. Вся это привычная, и обычно незаметная профессионально-ласковая суета, сегодня раздражала правителя. Так много слуг. А где они все были вчера, в минуту опасности? Разбежались по углам как тараканы, и поджидали чем окончится смута. Вот они люди. Вся их подлая суть.

Да нет, были и верные люди. Любимый секретарь Ефтропий, да два воина-евнуха, стоящих вчера у спальни на страже, не изменили своему долгу. Потому и лежали теперь битыми, на попечении императорского врача. Руки у варангов тяжелые. А эти, — холуи...

Ипатий раздраженно взмахнул руками, будто сбрасывая с плеч плащ, — и слуги тут же отпорхнули в стороны, как испуганные бабочки. Император двинулся вперед — к своему роскошному трону. Комнатка где сейчас находился повелитель и его прислуга, была

крохотной, — всего в ней и было что четыре неукрашенных стены, да неизмеримо богатый, отделанный золотом и самоцветами трон, — который здесь смотрелся чужеродно. К тому же сам трон стоял для непосвященного человека странно, — ибо сидящий на нем человек упирался лицом в стену. Не совсем глухую, впрочем, были в ней для тайного взора отверстия...

Ипатий подошел, подоткнул рубаху, и уселся на трон. Поерзал ягодицами, устраиваясь на мягкой подушке поудобнее. Раздражение не отпускало.

— Скипетр! — он протянул правую руку, и подбежавший слуга, раболепно согнув спину, вложил ему в раскрытую ладонь увесистый жезл. Ипатий с трудом подавил желание отоварить жезлом слугу по хребтине.

— Державу! — Во вторую руку ему вложили золотой шар, символ всей земли, которой Богом доверено править ромейскому властителю. Дать бы тяжелой державой службе в лоб!..

Ипатий снова вздохнул, укрощая гнев. Господин гневу своему — господин всему.

— Ну что? — Спросил он у слуги, который прильнул к смотровому отверстию в стене.

— Врата растворяются, господин, — отозвался слуга. — Послы входят в зал.

— Ну-с, снизойдем... — буркнул Ипатий, и решительно топнул пяткой по секретной педальке у подножия трона.

Тихо затарахтело и защелкало, — пришел в движение сложнейший механизм, сотворенный древними чудотворцами. Завращались сокрытые зубчатые колеса соединенные друг с другом по рецептам античных магов-механиков. Трон под Ипатием дрогнул, и поехал вниз.

Ипатий опустился сквозь пол комнатки, и... оказался на небесах. Вокруг плыли нарисованные облака, сияло голубое небо. Каждый раз проезжая на своем троне здесь, Ипатий не уставал поражаться искусству украшавших большую тронную залу мастеров. Даже вблизи все выглядело великолепно. Для собравшихся же внизу придворных, и иноземных послов, император действительно будто-бы спускался с неба. Посланец Бога, снизошедший до смертных просителей.

Что-то в механизме трона закричало, и Ипатий почувствовал, как его слегка потряхивает. Надо будет сказать главному механику дворца, пусть проверит конструкцию. А то, не приведи боже, застрянешь на пол пути. Уже проходили. Кричи тогда на послов с верхотуры, а как уйдут, жди пока притащат длинную приставную лестницу...

Бог, однако, миловал, и трон продолжал съезжать вниз по стене огромной залы, по искусно сокрытым рельсам. Послы тем временем, подойдя на отмеренное расстояние, по знаку распорядителя остановились, и задрав головы наблюдали за появлением ромейского императора.

Было послов трое. В центре стоял главный, тучный и щекастый мужик, — посол, который на латинский манер звался легатом — за ним торчали два его молодых, но тоже упитанных служки. Глаза служек разбегались по великолепию тронного зала, скача по сделанным из золота прекрасным деревьям, сидящим на их ветвях золотым соловьям, рыкающим золотым львам, и распушившим украшенный драгоценными камнями хвост, золотым павлинам. Тихонько лилась в фонтанах вода, золотые птицы щебетали, звучала прекрасная музыка. Каждый, кто попадал на прием к ромейскому василевсу, — попадал в рай. Щекастый главный мужик, впрочем, видел это не в первый раз, поэтому хоть как-то сдерживал свое восхищение. Служки же его, позабыв про этикет, раззявили рты.

На то и рассчитывалось.

Для того и строилось.

Трон наконец опустился на грешную землю. Бывшие в зале многочисленные придворные, шурша великолепной одеждой, опустились на колени. Послы тоже преклонились. Главный сразу. Очарованные раззявы-служки с опозданием. В лицо Ипатию заблестели посольские тонзуры — выбритые на макушках круглые лысины. Монахи с запада. Плюнуть бы послам на лысины, топнуть педальку, да снова уехать на троне вверх...

Зазвучал зычный поставленный голос распорядителя, задававший пришельцам формальные вопросы. Глуховатый голос посла озвучивал положенные ответы без запинки. Все знали свои роли.

Наконец все формальности были окончены, и папский посланник получил возможность подняться. Он поднял свое толстопятое тело, оправил дорожную сутану, и преисполнившись достоинства загудел.

— Его святейшество, глава католической церкви, наместник Христа, приемник принца апостолов, наместник и блюститель престола святого Петра, Патриарх Запада, Примас Италии, архиепископ и митрополит римской церковной провинции, епископ Рима, Величайший Понтифик, — первочтимый Папа Римский¹⁴ Сильвестр шлет Императору Ромеев Ипатию пожелание здоровья, и всяческих благ...

В момент пожелания здоровья, Ипатий, мужественно перетерпевший хвастливые титулы римского папы, (до которых тут никому никакого дела не было), благосклонно кивнул. Посол же захватив глотком побольше воздуха, продолжил:

— ...А тако же, его святейшество, шлет весть, что римский Патриарх, неустанно верный делу Божьему, помнит и самые древние свои клятвы ромейскому повелителю; в частности же, святой и нерушимый обоюдный договор от 326го года от рождества Господа Нашего, Иисуса Христа, к совместному исполнению которого, мы — готовы приступить со всем рвением.

Услышав эти слова, Ипатий напрягся. 326й год, от рождества Иисуса, это выходило... Это же... больше семи сотен лет назад! Это было в те древние времена, когда Средиземное Море часто называли "римским морем", потому что все земли по его берегам принадлежали ромеям. Сама Италия, откуда прибыл посол, была тогда одной из ромейских провинций, еще не захваченных вредоносными варварами. Той самой провинцией, где собственно, и располагался древний город Рим, с которого пошла вся великая Ромейская держава. Многое изменилось с тех пор... Что за договор мог иметь силу через такую прорву лет?!

Ипатий незаметно скосил один глаз на евнуха Игната, одного из ближайших своих помощников, в чине "паракимомена"¹⁵, который стоял недалеко от трона. Мол, — о каком там договоре речь? Евнух Игнат едва заметно пожал плечами, и сам скосил глаза на "препосита"¹⁶ Потамона, который стоял рядом с ним. Потмаон скорчил озадаченную гримасу, и переглянулся с "куриопалатом"¹⁷ Марекллом. Маркел же отрицательно кивнув, метнулся взглядом к "логофет-тон-геникою"¹⁸ Евсевию. Евсевий, досадливо закусил губу, и повернулся к "логофету дрорма"¹⁹ Филумену. Филумен тут же пожал плечами, и непонимающе оборотился к "протоспафарию"²⁰ Аркадию. Аркадий же в свою очередь...

"Никчемные мерзавцы!!!" — свирепо подумал Ипатий, глядя на мнущихся придворных самых высоких рангов. — "Горазды только щеки наедать!" Пауза с гляделками неподобающе затягивалась. Краем глаза он успел увидеть, как стоявшие поодаль малые служки незаметно начали вытекать из зала, — не иначе побежали к секретарям и архивистам, узнавать про

неизвестный древний договор. Раскопают конечно... Но сейчас это уже не имело значения. Из-за нелепого мятежа варангов, которые не дали нормально подготовиться к приему послов, — повелителю придется унизиться, и признать перед лицом италийского попа своё невежество.

О, — позже кто-то ответит за это!..

— Ромейская Держава существует многие сотни лет, — ровным ласковым голосом заговорил с послом Ипатий, — и за это время подписала тысячи договоров, которые она всегда соблюдала неукоснительно. Однако, не соблаговолит ли посол его святейшества напомнить, — о каком конкретно договоре идет речь в данном случае?

Ипатий выжидательно замер. А посол... посол при этих словах замялся. Перетоптался с ноги на ноги, хмыкнул, и наконец смущенно изрек:

— К великой досаде и сожалению Римского престола, — явно неуютно себя чувствуя ответил посол, — сами мы не имеем о точном содержании договора никакого понятия.

Среди толпы придворных прошел гул. Ипатий почувствовал, что его челюсть слегка отвисла вниз. Ситуация выходила как в уличной сценке плохих мимов.

— То есть, — уточнил он, глядя на посла — папа римский прислал вас сообщить, что вы призываете нас к исполнению договора, суть которого сами уже позабыли?

Посол тяжело побагровел от унижения, — и собственного, и его далекого господина. Ипатий испытал бы огромное удовольствие от конфуза италийских выскочек, если бы ситуация не была настолько странной. Посол обреченно вздохнул:

— Папа Сильвестр вынужден сообщить, что долгие столетия войн и неурядиц не пощадили наши архивы. Многие сгорело, и было утрачено. Великие знания римских предков, осыпались прахом под гнетом времени. По-совести говоря, мы и не подозревали о данном договоре, пока с отдаленной горной обсерватории, в вечный город не прибыл гонец, который сообщил о появлении знамения.

— Какого же знамения? — Уточнил Ипатий.

— Багровой Звезды, — объяснил посол. — Оказалось, что в горах находится уже многие сотни лет наш Монастырь, в котором согласно приказу первых римских пап, велось бдительное наблюдение за небесами. Увидев знамение, монахи прислали своего гонца, который тут же передал эту весть специальному святому отцу. Должность сего священника, оказывается, только и состояла в том, чтобы ждать этого известия, и исправно передавалась из пополнения в поколения, хотя нынешний его святейшество, папа Сильвестр, уже не имел об этом никакого понятия. Получив весть, сей священник открыл древнюю кладовую, и извлек оттуда ключ, и инструкцию, которая была в древности заверена столь досточтимыми отцами нашей Святой Церкви, — что сразу обеспечила ему пропуск к самому его Святейшеству. Его Святейшество Сильвестр, прочел в той инструкции, что все подробности сего дела он обрыщет в специальном ларце, хранящемся в папском архиве.

Посол вновь сделал паузу, лицо его при этом страдальчески перекошилось.

— ...Ларец сей, и правда отыскался, в замечательной сохранности, не считая небольшой дырочки. Однако, когда его святейшество открыл его, то оказалось, что хранившиеся в нем некогда пергаменты, съели вездесущие мыши... — Посол тяжело вздохнул. — Лучшие ученые мужи святейшего престола пытались восстановить содержимое сих пергаментов по клочкам. Однако, все что мы смогли выяснить из ветхих останков, было весьма обрывочно.

— Что же все-таки вы прочли? — уточнил Ипатий.

— Что речь идет — чрезвычайно серьезно и веско ответил посол — о некоей общей угрозе, о которой меркнут все мирские ссоры и неурядицы, не только добрых христиан и схизматиков, но даже и язычников, и богомерзких агарян. Угроза та возникает снова и снова через века, с некоей цикличностью. В древности она была предотвращена. Ныне же подступает вновь. И угроза та такова, что угрожает не только царствам, но самому существованию всего рода людского! Так же мы смогли прочесть, что для отвращения той угрозы папский престол, согласно договору, обязан предоставить ромейскому кесарю специально обученных воинов, со специальным же оружием. Но вот что это за угроза... — Посол вздохнул. — Все утрачено в алчных пузах ненасытных грызунов.

— Однако же, — несколько воспрянул посол — святой римский престол, моими устами выражает надежду, что в вечной державе пресветлого ромейского кесаря, древние знания сохранились лучше, чем в нашем суетном краю. И что пресветлый император сможет уведомить нас, — какую угрозу первые римские папы считали столь чудовищной?

— Ипатий помедлил, и крепче сжал в руках символы своей власти. Острый ум его осмысливал сказанное. Звучало все это донельзя глупо, и он счел бы это недостойной шуткой италийских пап, если бы не одно "но". Спесивые римские попы ни за что бы не пошли на такие прилюдные унижения, — признать, что они чего-то не знают, — если бы не были преизрядно встревожены. Настолько встревожены, что даже не побоялись уронить в глазах ромейского императора свою горделивую честь. Что-то в древнем ларце настолько напугало этих себялюбцев... Краткий момент удовольствия, который император испытал, при виде растерянности гордого папского посла, — которому пришлось прилюдно признаться в невежестве своего дальнего господина, — быстро прошел. Теперь выходило, что ловкими речами выведать что-либо у посла было невозможно — тот и сам ничего не знал. Более того. Папа и его посол перевесили всю ответственность на ромейскую державу. Ипатий собрался с мыслями.

— Так ты говоришь, — уточнил Ипатий — что документы в ларце были заверены высокими лицами древности?

— Свиток был скреплен печатями, — с придыханием выдохнул посол. — Да не восковыми, а золотыми; потому и не съели их окаянные грызуны! А печати те были скреплены личным знаком христоролюбивого императора Флавия Валерия Аурелия Константина. И тако же заверены кольцом самого святого Петра, которое, как известно, является личным знаком римских пап, что передается ими по наследству.

— Константин!.. — зашелестело невесомым ветерком в рядах придворных. — Сам древний Константин! Константин Великий!.. Равноапостольный Константин!.. Мыслимое ли дело?..

Ипатий ласково поглядел на придворных, и ветерок сразу утих.

Император стал задумчив.

— Спасибо за весть, посол. Отраднo слышать, что папский престол Старого Рима верен своим обязательствам перед Империей. Нынче же я прикажу найти образцы указанного договора в наших хранилищах. И тогда мы снова продолжим разговор. Пока же — ступай. Тебя разместят согласно чину.

— Посол облегченно поклонился, и начал отступать к выходу. Служки семенили рядом с ним.

Ипатий же сидел, все еще обдумывая. Странная история!.. Однако, с этой странной историей можно будет разобраться позже, сейчас же предстояло сосредоточиться на

насушном. Приходило время следующих послов.

— Кого принимаем следующими? — Спросил Евегний подбежавшего евнуха Игната.

— Посланца Спахбеда Востока, — заглянув в список отрапортовал Потамон.

— Ну-ну... — Пробурчал Ипатий. Он заметил, что распорядитель с дальнего конца залы дал ему знак, и топнув ногой, нажал на скрытую педаль у основания трона. Кресло затарахтело, и вновь поехало по стене вверх. Для каждого новых послов император должен спускаться с неба.

Вот и катайся туда-сюда...

Кресло почти потарахтело до самого потолка, когда распорядитель снова подал Ипатию сигнал, и тот топнув, запустил спуск обратно вниз. В дальнем конце зала появился посланец Спахбеда востока. Перс... Пока кресло опускалось с "небес" на землю, Ипатий пытливо осматривал подходившего ближе посла. Некогда Перса была злейшим врагом Романии. Свыше тысячи лет войн за власть над землями. Персидский правитель носил титул Шахан Шах. Ромейский Император среди прочих — Василевс Василеон. Означало оба этих титула одно и то же — "Царь Царей". Но двух Царей над Царями быть не может. За то и воевали... И чем все кончилось? Воюя и ослабляя друг друга обе державы проглядели, как в аравийских песках появился и поднял голову новый враг. Под знаменами своего пророка кочевники-агаряне хлынули и на земли Персы, и на земли Романии. Романию ошципали, лишили многих исконных земель. А Персов разгромили на голову, и покорили почти полностью. Великая держава, стоявшая долгие века, затрещала под натиском фанатичных захватчиков как хилый парус перед бурей. Перса пала. Исчез великий Шахин Шах. Лишь только один военначальник, правитель восточного округа Персы, чин которого звучал как "спახбед", укрывшись в горных крепостях, не склонил знамени перед захватчиками. И вот, этот Спахбед Востока, — ныне правитель всех еще свободных персов, — прислал посла. Древний враг... Чего ему стоило добратся сюда? Чего он хотел? Как вести себя с ним? Вот о чем думал повелитель, глядя на пришельца.

Вновь начались и окончились ритуальные вопросы. Седобородый и беловолосый старик, в длинном одеянии приблизился на дозволенное расстояние, и с достоинством заговорил:

— Наместник Востока, благородный Шахрияр, шлет тебе пожелания здоровья и счастья, великий император Ипатий. Пусть будут долгими твои дни. Мне же поручено тебе сказать: — Несмотря на то, что многие земли и люди персов ныне стонут под игмом девовских захватчиков-муслимов, — Спахбед Востока чтит священный договор, который заключили наши предки, по вашему новому счислению, — в 326ом году. Несмотря на потерю большей части архивов шаха, во время нашествия, — мы не забыли о нашем долге. Все, кого мы смогли обыскать из специально обученных мужей, и специально откованных мечей, ждут в заповеданной нам предками точке общего сбора.

Придворные пораженно загудели, почти позабыв о приличиях.

Ипатий медленно выдохнул.

Глава пятая.

Римская империя, Константинополь, территория императорского дворца, зала малого императорского совета...

Правитель Ипатий положил руки на полированную столешницу древнего стола. Провел ладонью по красной древесине, поднял взгляд, и исподлобья оглядел членов малого совета.

Малый совет был учреждением неофициальным, и сюда попадали только люди ближайшие, люди доверенные. Ну, насколько это вообще возможно... Вот и сейчас по правую руку от правителя сидел евнух Игнат, за ним Потамон, за ним Маркел. По левую же ерзали на задницах Евсевий, и Филумен. Более никого на царском совете не было.

— Что с варангами? — Хмуро поинтересовался Ипатий.

— Проведена полная смена личного состава отряда, — отозвался Маркел. — Все "внутренние варанги" отправлены служить в самые отдаленные гарнизоны. И наоборот, из "внешних варангов" мы набрали новый отряд ваших личных телохранителей, повелитель.

Ипатий коротко кивнул. Издавна русские наемники приходили служить в Ромейскую державу в столь больших количествах, что из них образовали два подразделения: варангов внешних, и внутренних. Внешние варанги служили по всей державе, в то время как внутренние были элитным отрядом, — одним из личных царских "номеров", который постоянно квартировался в Константинополе, в царском дворце. После пьяного бунта, провинившихся услали подальше, и заместили другими соплеменниками.

— Надеюсь, бунтовщиков услали в самую задницу нашей достолюбезной державы? — Рыкнул Ипатий, взглянув на Филумена.

— В такую дупу, что оттуда и света белого не видно. — Поспешно кивнул Филумен. Часть послали на границу в Богом забытое место. Где только и есть, что камни, солнцепек, да безбожные агаряне. Других же послали на помощь архонту Армении, кой испросил помощи, так как его одолевают набегами дерзкие горцы. Уж там поплачут варанги о безбедной службе в вашем дворце, о величайший.

— И пусть поплачут! — Затряс в воздухе указательным перстом Ипатий. — У, мерзавцы! И ведь отличные же воины. Храбрецы. Но как выпьют...

— Что взять с северных варваров... — Пожал плечами Евсевий.

— А что новые варанги, прибывшие в столицу? — поинтересовался Ипатий.

— Первым делом пошли разведывать столичные кабаки. — Сообщил дотоле молчавший евнух Игнат.

— Клянусь святым причастием! — Хлопнул по столу Ипатий. — Ну это ж невозможно!.. Если бы я не видел, как эти парни гоняли злобных агарян во время восточной компании, я разогнал бы их к чёртовой матери.

Ипатий привычным жестом подлез под малый царский венец, и почесал себе макушку. Все эти венцы-короны он не любил, потому как подозревал, что именно от них необратимо лысеет. Большой венец, кой надевался для торжественных случаев и приемов, вообще его раздражал, так как был украшен бабскими висюльками, на манер серег, — тряхнешь неосторожно головой, не дай бог попадут висюли тебе в глаз... Но в связи с чрезвычайным положением вызванным мятежом, последние несколько дней Ипатий все же венец носил. Малый, без висюлек. Чтоб не забывали стервецы, кто тут батюшка-царь, избранный на благо всего ромейского народа.

— Но что послужило причиной мятежа? — Сурово спросил он. Обращаясь главным образом к евнуху Игнату. — В чем корень сего зла? Не скрываются ли за возмущением варангов козни придворных интриганов и изменников?

— По всей видимости нет, государь, — тряхнув румяными щечками, и сложив руки "в замок", серьезно ответил Игнат. — Тщательно проведенное расследование и допросы, показали, что к мятежу варангов никто не подзуживал.

— Почто же тогда возмутились варвары?

— Как единогласно показали на допросах русские варанги, — Возвестил Игнат. — третьего дня, вы Государь, возвращались во дворец из храма "Святой Софии".

— Возвращался. И?

— Войдя во дворец, вы не удостоили стоящих на посту варангов ласковым взглядом, а напротив, прошли мимо них... — Прошу прощения за цитату — (тут Игнат годами отточенным движением открыл папку тончайшей кожи, и зачел лежащий в ней документ) — Секунду, где тут... а вот!.. "Прошел мимо нас государь, вздернув нос таково, что едва не цеплял им потолочные балки... Шел с видом зазнайским, будто нас и на свете нет... Пожалел для нас государь ласкового взору...".

— И что? — Недоуменно спросил Ипатий.

— И — все. — Пожал плечами Игнат. — В ближайшую увольнительную варанги усугубились в кабаке, и решили, что не потерпят такого к себе неуважения.

Ипатий обвел взглядом свой совет, лупающий на него преданными глазами.

— Нет я... — Он попытался вспомнить, как он возвращался из церкви, и о чем тогда думал.

Память услужливо подсказала, что думал правитель в тот момент о любовнице Ефросинье. Желю Ипатий конечно любил, но — годы не щадят даже горных вершин, что уж говорить о женской красоте. — С возрастом царица потолстела, и увы, не в нужных местах... С некоторого времени император делился этим своим горем с придворной дамой Ефросиньей, которая была пригожа лицом, статна фигурой, и весьма темперамента при встречах наедине. Как и положено порядочной придворной даме её лет, у Ефросиньи имелся муж, — вояка с чугунным лбом, который (согласно рассказам Фроси) был грозен на поле боя, но совсем не блистал на семейном ложе. Пользуясь служебным положением, Ипатий постоянно сплавлял мужа Ефросиньи на какую-нибудь пограничную войну, которые длились на границах державы бесконечно. В нынешнее время чугунный лоб должен был бодаться со зловердными муслимами-агаранями. Увы, как раз того третьего дня, выяснилось, что в бесконечной войне случилась нежданное перемирие, и "чугунные лоб" возвратился в столицу. Желанная встреча с прелестницей сорвалась. Вот почему император возвращался во дворец насупив брови... Хм...

Ипатий решил не делится своими выводами с малым советом.

— Нет, ну возможно, неустанно радея о государственных делах, я и был немного хмур ликом... — буркнул он — но устроить из-за этого мятеж! О, загадочная русская душа...

— Варвары как дети. — отозвался Потамон. — За ласковое слово умрут за тебя, государь. А за невнимание — затаят лютую обиду.

— Игнат! — Распорядился император. — Составь мне памятную записку. Чтоб при встрече с варангами я всегда приветливо улыбался и кивал.

— Слушаюсь, государь.

— Но постойте! — Спыхватился Ипатий. — Ведь в мятеже замешаны не только варанги. — Я же сам видел среди бунтовщиков рожу из отряда "экскувиторов". Как же его там?.. — ну точно — сотник Федор! Экскувиторы тоже участвовали в мятеже?

— Нет государь. — Покачал головой Инат. — экскувиторы вам верны. Вместе с варангами принял участие в смуте только как раз один из них, этот самый их сотник, — Феодор.

— А ему-то чего, поганцу, не понравилось?! Ладно, когда бузят эти русские, наивные дети природы. Но когда бунтует природный ромей!..

— Ну, он не совсем ромей, — Доложил Игнат. — Отец этого Федора тоже был из краев, где живут русы. Этот славянин служил у нас в державе в команде пограничников-"акритов". Там женился на ромейке, и прижил себе сына. Вот сын, — Федор, уже пошел по регулярной военной службе, и за военные подвиги попал служить в придворные войска.

— Варварская кровь всегда себя покажет — глубокомысленно буркнул Потамон.

— Но зачем он принял участие в бунте? — Продолжал докапываться Ипатий.

— Ну... — Игнат развел ухоженными руками. — Он говорит, что не помнит.

— Все в тюрьме так говорят, — Скривил рожу Потамон. — Не был, не помню, не знаю...

— Он не помнит, зачем бунтовал? — Недоверчиво сощурил глаза Ипатий.

— Он вообще не помнит, что бунтовал — уточнил Игнат. — Все что он помнит, это как встретился с варангами в кабаке, где они решили принять "по чуть-чуть".

— Ничего себе, "по чуть-чуть"! — Фыркнул Ипатий.

— Это ритуальная русская фраза, государь. — вмешался известный своей образованностью Маркелл. — Русские используют его, перед обильными возлияниями, которые могут длиться неделями. Возможно, они позаимствовали этот обычай от скифов, кажется о чем-то подобном я читал у Геродота...

— Ладно, они приняли "по чуть-чуть". И?

— И, это его последнее ясное воспоминание. Следующее что он помнит, как очнулся в тюрьме.

— Он и под пыткой показал то же самое? — Вклинился Потамон.

— Пытки пока не применялись, — Объяснил Игнат, и повернул взгляд к Ипатию. — Как никак он палатинский командир. Мы решили уточнить у вас государь...

— Ладно, это я решу. — Буркнул Ипатий. — А что прослушивание его камеры? Установлено?

— Да государь. Два слухача попеременно слушают его камеру круглые сутки. К ним приставлен писец, который ведет запись.

— Он о чем-нибудь проболтался? Разговоры вслух?

— У меня тут полные записи, — Игнат потряс своей пухлой папой, и переложил несколько листов. Значит, в первое утро, в полдень, читаю...

Игнат начал читать с выражением:

"Феодор очнулся, и оглашал камеру тяжкими вздохами, жалуясь на сухость в горле, ломоту в членах, и головную боль. О первом часу Феодор говорил с тюремщиком, и узнал в чем обвиняется. После того до двух по полудни стонал и бился головой в стену".

— Хм, бился он... — Закусил губу Ипатий. — А говорить? Говорил что-нибудь?

— Так точно. Говорил, читаю:.. — В пятом часу узник сказал "Ну попа-а-ал!..". А в шестом часе начал петь.

— И что пел? — Заострился Ипатий.

— А, секунду... — Игнат переложил пару листов. — Значит пел... вот чего...

Игнат приблизил лицо к листу, и забубнил:

"Девка нравится — скорей

Ей вина в стакан налей!

Как стакана видно донце -

Обнимай её смелей!

На дается? — Не робей.

Ей еще винца подлей!

После целого кувшина,

Будет девка подобрей...".

— Гм, — заслышав текст буркнул Ипатий, вспомнив кой-чего из своей юности — Метода конечно, верная... — Он опомнился, и снова нахмурил брови. — То есть, и что? Вот это все?

— Там еще есть куплеты, — Пояснил Игнат.

— Да к черту куплеты!!! — Рывкнул Ипатий. — Имена! Сообщники!! Кто из дворца замешан? — Что-то такое было?

— Нет, — покачал головой Игнат. — Как я и докладывал, мой вывод — не было у них никаких сообщников.

— Надо пытаться, — убежденно буркнул Потамон.

Ипатий задумался. Игнату он доверял. По крайней мере, больше чем остальным. Евнух всем был обязан Ипатию. Он того возвысил с самых низов, тот всем ему был обязан. К тому же, — Игнат не мог попытаться подсидеть Ипатия, чтобы самому стать правителем. У него для этого кое-чего не хватало... Да, Игнату можно было доверять. И раз он говорит, что бунт случаен и заговора не было...

— Ладно, — хлопнул по столу Ипатий. — С этим мерзавцем Феодором, я позже решу, что делать. Уж я ему придумаю казнь лютую!..

— Четвертовать! — Обрадовался Потамон.

— Потом решу. А пока, — раз корень мятежа вырван, и дальнейшая смута нам не грозит, — перейдем от внутренних дел державы, к делам внешним.

Ипатий вновь оглядел членов малого совета.

— Кто что думает по поводу послов от римского глав-попа, и персидского спахбеда?

Малый совет на редкость дружно помолчал.

— Донельзя странная история, государь. — Наконец подал голос евнух Игнат. — Сколь живу на свете, и сколь книг прочел о делах седой древности, а о такой дипломатической оказии, не слыхивал.

— Не есть ли сия ситуация каверзная шутка италийского папы, который решил унижить твое кесарское достоинство, государь? — Предположил осторожный Потамон.

— Я бы и сам подумал также, — буркнул Ипатий, — если бы не одновременное прибытие посланца персов, сидящего в горах на другом конце мира. Трудно представить, как он смог договорится с папой, и главное — зачем?

— Дипломатические ухищрения неисповедимы, — глубокомысленно заметил Евсейий.

Ипатий передвинул венец на голове, ближе к левому уху, и отхлебнул из стоявшего рядом резного кубка разбавленного вина.

— Хорошо, — утерев губы спросил он — но что нам удалось разузнать об этом баснословном договоре в наших собственных архивах?

Все как по команде повернулись к Маркеллу. Это была его область.

— Гм... — откашлялся он, — узнать нам, честно говоря, удалось очень немного, государь. — Увы, как не гордимся мы — ромеи своими знаниями о древности, и наши архивы тоже не совершенны, и...

— Что значит — несовершенны? — Очень тихо перебил его Ипатий, и от этого негромкого замечания члены малого совета вытянулись на своих местах, — все знали, как выглядит императорское затишье перед бурей. — Ты что, забыл — кто мы есть? Мы —

Империиум Романорум. Мы — Политеа тон Ромеон. Мы, — мать йети! — богохранимая Римская Империя. Наша держава — отражение царства Божьего на земле. Мы хранители древних истин, неизменный оплот, град на холме, остров порядка в море хаоса. Мы помним все, и знаем обо всех, — дьявол мне в печёнку!

— Так мы говорим варварам, мой государь — побледнев, как простыня, отважно возразил Маркелл.

— Так мы говорим варварам, — и так есть!!! — Взорвался Ипатий. Кулаки его стукнули об стол. — Что с нашими архивами? Ты отвечаешь за все дела во дворце! На это идет прорва денег! Оравы бездельников-логофетов у нас чуть ли не больше всей армии! Так какого черта вы не можете найти один единственный документ?!

— Наши архивы в полной исправности, государь — едва заметно дрогнувшим голосом, изрек Маркелл — И архивисты наши заслуживают самой высокой оценки. К сожалению, искомый документ был уничтожен.

— Когда? — Процедил Ипатий. — По чьему приказу?

— Сотни лет назад. В 532ом году, при вашем давнем предшественнике, — императоре Флавии Савватии Юстиниане. — Забормотал Маркелл. — Согласно архивам, в тот год было большое возмущение городской черни. Злодейские смутьяны сожгли храм Святой Софии...

— Наш величайший храм?! — Ужаснулся Ипатий.

— Не нынешний, — покачал головой Маркелл. — А тот, который прежде был на его месте, построенный христоролюбивым императором Феодосием. К сожалению, как раз в том храме находился архив государственных актов и договоров, в числе которых, был и искомый договор. Нечествицы-бунтовщики все спалили до тла.

— Гм... — Ипатий потер переносицу, и хмуро глянул на Мареклла. — Так что, мы теперь совсем ничего не знаем? Выходит, даже италийские святоши, с их обожранной мышами бумажкой, знают больше нас?! О, унижение!..

— Кое-что нам все-таки удалось установить, — успокоительно поднял руку Маркелл. — Слава нашей бюрократии, наши архивы всегда имели перекрестную систему, в которой указываются все связанный друг с другом документы. Сам текст договора нам найти не удалось, но изыскались связанные с его поручением приказы по ведомствам, — расписки казначейства, интендантские доклады, докладные записки. Это дает нам некоторый объем информации.

— Продолжай, друг-Маркелл! — Воспрянув духом повелел Император.

— Первое, что нужно сказать, — Провел руками по папке на столе Маркелл — договор действительно существовал. И ваш давний предшественник, император Константин, относился к нему со всей серьезностью. Достаточно сказать, что для его исполнения было заключено почти двухлетнее перемирие с вечным соперником Старого Рима — Персидским Царством.

...Ипатий мельком подумал, что Маркелл дал выступить двум видным членам совета — Инату и Потамону, в духе, что никакого договора не было, уже точно зная, — что он был. Придворные дразги и попытки подсидеть друг-друга были неистребимы...

— Так что же это была за угроза, из-за которой Рим на время помирился с заклятым многосотлетним врагом? — Осведомился император.

— Этого из сохранившихся документов мы понять и не можем, — развел руками Маркелл. — Удалось только выяснить, что для подавления этой угрозы император отправил в помощь персам экспедицию из двух легионов-комитатов²². Так в то время в империи

именовали таксисы²³.

— Примерно тысяча воинов в каждом, — кивнул Ипатий.

— Да, государь. Но они, как и силы персов, были только в поддержку. Главные надежды возлагались на отправленный вместе с ними отряд палатинских катафрактариюв, как это по латыни... — Маркелл заглянул в папку — эээ... эквитэс сингулярис...²⁴

— Особые Всадники, — перевел на родной греческий разносторонне образованный Ипатий — Элитный отряд императорских телохранителей.

— Совершенно точно, мой государь. Именно среди них были лучше бойцы, вооруженные неким особым оружием.

— Что значит, — особым? — Уточнил Ипатий.

— В документах это указано совершенно определено. Вооружение для ударного отряда собирали из личных оружейных древних патрикианских родов, с алтарей языческих храмов, и даже по древним могилам героев.

— Что за нелепость? — Вклинился Потамон — нечто у старого Рима при самом великом Константине не было оружия для его людей, чтоб ему понадобилось обшаривать древние могилы?

— Это были некие особые мечи, — тыкнул пальцем в папку Маркелл — которые могли что-то такое, чего не могло обычное оружие. Как сказано в документе, "без малого сотня особливых клинков...". Держава столкнулась с каким-то таким врагом, против которого обычное оружие было мало применимо.

— Все страннее и страннее... — Подпер подбородка рукой Ипатий. — Ладно, и что дальше?

— Экспедиция выдвинулась к восточным границам, — отрапортовал Маркелл — там они соединились с отрядом гвардии персидского Шаха, так называемыми "Бессмертными". Совместный отряд прошел старую имперскую провинцию "Сирия".

— Ныне там находятся прибрежные государства потомков кафоликоф-крестоносцев, основанные во время крестового похода; а дальше, за ними, лежат земли муслимов? — Уточнил Евсевий.

— Точно так, — кивнул Маркелл. — Местные варвары называют те места "Шам".

— Немало земель отторгли от святой Римской Державы нечестивцы и еретики, — буркнул Ипатий. — Ничего, мы все вернем со временем. — Но продолжай, Маркелл.

— Да, государь... Так вот, отряд прошел Сирию, углубился в область Месопотамии, прошел по берегу великой реки Евфрат до засыпанного канала, и так добрался до развалин некоего древнего города, который местные называли "Мари".

— Так. — Поторопил император. — И?

— Видимо, там и была конечная цель их экспедиции. Оттуда отряд повернул обратно. Персы отправились к себе, а ромейские войны — домой. Но вот в чем штука, согласно армейским реестрам, обратно вернулась едва ли половина воинов. А из гвардейского отряда — и того меньше.

— Дальше? — Изрек Ипатий.

— Это все. Есть еще несколько более поздних документов. Как раз, об утверждении после этого договора с Персией, а также рассылка императорского приказа по всем храмам, языческим и христианским — именно на него сегодня ссылается Италийский папа. Есть ведомости о том, что уцелевшие особые мечи были отосланы обратно на хранение в великие патрикианские дома. И есть так же императорский указ, о создании на территории империи

нескольких обсерваторий, которые должны были неусыпно, до скончаний века, наблюдать за небом, дожидаясь нового появления Багряной Звезды. Видимо, это событие было как-то связано с походом...

— И что же? — Осведомился Ипатий. — так-то в великой империи исполняются указы? И где эти наши обсерватории? Почему о появлении Багряной Звезды нам доносят надменные посланцы римского глав-попа?

— Так ведь италийская обсерватория папы — и есть та, что была учреждена Константином. — Объяснил Маркелл. — Центральная Италия есть наша древнейшая провинция, ныне, частично, отторгнутая варварами.

— Временно отторгнутая! — Наставительно поправил Импатий. — Временно! И её вернем, дай только срок... Но все-таки, а что с обсерваториями на наших нынешних территориях?

— Ни одна не пережила смутных времен, — вздохнул Маркелл. — Одна из крупнейших была во Фракии, но потом тот наш диоцез захватили дикие болгары.

— Мой великий предшественник Василий Второй, одолел зверообразных болгар, и вернул те земли под руку Нового Рима, — заметил Ипатий.

— Да, но фракийская обсерватория к тому времени уже сотни лет как была разрушена невежественными варварами. Император Василий даже не узнал о ней.

— О, сколь многое утеряно... — Вздохнул Ипатий.

— Пойдите, — встрял евнух Игнат, — а наша-то, — Константинопольская обсерватория? Как же наши столичные звездочеты прохлопали?

— Да, — кивнул Маркелл. — Я уже проверил. Эта лаборатория сотни лет назад тоже получила императорский указ, но к сожалению, через пару сотен лет все её сотрудники оказались еретиками-несторианами, и во время религиозной чистки, сбежали с территории империи, со многими бумагами из архива. А новые астрономы уже не знали о давнем императорском указе. Багряную звезду они конечно заметили, но отнесли к ней просто как к любопытному астрономическому явлению, которое исправно занесли в каталог. Беспокоить императорский двор они конечно не стали...

— А мы будем говорить, — что наши звездочеты все помнили! Заметили! И доложили! — внушительно обвел совет император Ипатий. — И что заметили гораздо раньше, чем в Италии! На год! А лучше — на три!

— Гораздо раньше нельзя, — тихо буркнул Маркелл. — Астрономы говорят, что земля как-то не так крутится...

— Тогда просто — раньше! — отрубил рукой Император. — Не уступим италяшкам! Понятно?

Все согласно кивнули.

— Проинструктируйте звездочетов соответствующим образом, — Щелкнул пальцем Ипатий.

Совет зашелестел папками, записывавшая монарший приказ.

— Так, — отмахнул рукой император — а что собственно, с теми древними особыми мечами?

— Я провел самое тщательное расследование, государь, — снова дал голос Маркелл.

— Говори.

— Сперва, государь, позволю себе напомнить, с чем к нам пришли посланцы италийского папы, и сплахбеда персов. У каждого из них нашлось только по одному

единственному клинку, которые они изыскали с великими трудами. С персами все понятно, — нашествие агарян разрушило их державу, и привело к потере многих святынь. Но один такой клинок сохранился в семье самого спахбеда, и сейчас храниться в их горной крепости. Италия, пережившая столько нашествий и неурядиц, вообще не сохранила ни одного клинка, — но папская комиссия все же смогла найти один — им владел рыцарский род из Провэнса, сейчас его владелец служит в ордене госпитальеров, в Антиохийском Княжестве.

— В древности таких клинков было сотни, а сейчас у них сыскалось только два... — пробормотал император — Но что же у нас?

— Увы, государь, и нашу великую державу не обошли несчастья и неумолимый ход времени. — Несколько театрально развел руками Маркелл. — Столетия войн, переселения патрикианских родов из Старого Рима в Новый, смуты и нашествия варваров... Одним, словом, государь, никто из наших патрикиев не смог сохранить чудо-клинков.

— Что, — вообще ни одного? — Хмуро переспросил Ипатий.

— Ни одного, — подтвердил Маркелл, — но...

— Что — "но"? — Нетерпеливо заострился Ипатий.

— Но проведя изнурительные и подробнейшие архивные изыскания, я смог кое-что обнаружить.

— Ну что же?! — нетерпеливо переспросил Ипатий, — да не тяни ты kota за хвост!

— Терпение, государь. Я нашел, что древний император Константин, в мудрости своей, видимо, предупреждая грядущие беды, устроил тайный схрон — в котором был укрыт неприкосновенный запас тех дивных мечей.

— Так-так!.. — Император подался вперед. — И сколько же в том схроне клинков?

— Пятьдесят, государь — победно ухмыльнулся Маркелл.

— Полсотни? — С недоверчивой радостью переспросил император.

— Да.

— Пятьдесят! Ха-ха! — Император от восторга аж подскочил на стуле. — Пятьдесят, — это число! Это уже серьезно! У итальяшек с персюками по одному — а у нас целых пятьдесят! Вот это удар! Вот теперь сразу видно, кто тут мировая империя, а кто варвары с окраин! Мы есть Рим! Мы — хранители древних чудес! Они все профукали, но у нас — у нас! — ничего не пропадает! А-ха-ха! Что говорить, — этот мой предшественник Константин был головастый парень. И ты — Маркелл — тоже молодчага!

Маркелл расцвел, будто цветок под солнцем.

Потамон, Евсевий, и Потамон поглядели на Маркелла с завистью.

— Да, — спохватился император, — но где же он, этот замечательный тайник?

— Я выяснил это со всей точностью, государь.

— Где же он?

— Почитай, у нас под самым боком, — победно взмахнул рукой Маркелл, — прямо здесь, в нашей столице. В Константинополе!

— Друг Маркелл, — возликовал император, — озолочу тебя!

Маркелл почуял, что его звезда вошла в зенит, и со снисходительной усмешкой оглядел остальных членов совета. Победу следовало закрепить, поэтому он подхватил на руки древний документ, и начал тыкать перстом в выцветший едва различимый городской план.

— Вот здесь, мой государь. Тайник устроен на Средней Улице, на Форуме Константина. Мечи замурованы прямо внутри триумфальной Порфирной Колонны.

Император Ипатий почувствовал, как улыбка отвалилась с его лица, будто плохо прикрепленная маска мима. Со стороны совета послышались тяжелые вздохи.

— Где? — Переспросил император севшим голосом.

— Внутри колонны Константина — Растерянно повторил Маркелл. Улыбка тоже сползла с его лица, но он совершенно не понимал в чем дело. — А разве... что-то... не так, государь?

— Ох, Маркелл, Маркелл... — покачал со своего места головой Поатмон.

Игнат прикрыл ладонью глаза, и с силой потер пальцами веки.

Маркелл растерянно обводил взглядом членов совета.

— А в чем дело? — Вопросил он, обращаясь уже ко всем разом. — Что такое?

Евнух Игнат провел рукой по волосам, огладил пухлые безволосые щеки, и заговорил с Марекллом, будто с маленьким дитятей.

— Ты ведь родился не в Константинополе Маркелл? Где-то в маленьком городке в Анатолии?

— Какое это имеет значение? — Поднял густую бровь Маркелл.

— Каждый коренной житель Константинополя знает, Маркелл — что эту колонну император Константин воздвиг, когда заложил город Новый Рим на месте древнего Византия.

— Так и есть. И что?

— И каждый житель Константинополя знает, что Константин замуровал внутри этой колонны священные христианские реликвии, такие как двенадцать корзин с остатками хлеба и рыбы, которыми Иисус накормил пять тысяч голодных в пустыне, а тако же топор, которым Ной построил свой ковчег, и наконец — гвоздь с креста спасителя нашего Иисуса. Простонародье так и зовет эту колонну — "Гвоздь Креста"²⁵ — неужто ты не слыхал?

— Но это же неправда! — Фыркнул Маркелл, — Бабские сказки! Константин заложил внутрь колонны не корзинки с объедками, а клинки. — Вот у меня на руках архивный документ!..

Евнух Игнат поглядел на Маркелла, как на идиота.

— Какая разница, что написано в твоей бумажке? Если КАЖДЫЙ житель столицы, о мала до велика, ВЕРИТ, что в колонне замурованы Иисусовы корзины и гвоздь.

— Хуже того, — буркнул Потамон — Эта колонна была воздвигнута в первый день основания города. Каждый житель ВЕРИТ, что если эта колонна будет разрушена, — то этот день станет последним днем города, в тот день Константинополь — падет.

— Но, документ!.. — Промямлил Маркелл.

— Ты хочешь попытаться перебить веру тысяч людей вот этой квелой бумажкой? — Криво улыбнулся Игнат. — Хочешь надругаться над христианской святыней? Ударить в сердце религиозного чувства жителей? Эта колонна не просто украшение города — она столп христианской веры! Столп Вечного Города.

Члены совета мрачно переглянулись.

— Константинопольский патриарх на дерьмо изойдет, — внушительно изронил Евсевий.

— Не успеет, — мрачно предрёк Потамон — любого, кто начнет ломать колонну, жители порвут в лоскуты. Дело чревато бунтом.

Император Ипатий тяжело вздохнул.

— Близок локоток... — Пробормотал он с кривой усмешкой.

Маркелл почувствовал, что у него крадут победу.

— Может быть... ночью? — Растерянно предложил он.

— Там постоянно кучкуются нищие, — отмахнул рукой Потамон. — Пять минут, и они добегут до людей ипподромных партий. Прасины и венеты²⁶ ради такого случая объединятся и поднимут все димы... И это твое восстание, о котором ты нам читал архивные писульки с таким вдохновением, — покажется невинной шалостью. Даже у императорской власти есть предел.

— На совсем крайний случай, можно попробовать провести все под видом ремонта колонны, — Прищурившись вбросил Игнат.

— Недавно же ремонтировали...

— Арестовать всех нищих, заблокировать площадь и прилегающие улицы, запереть всех ипподромных вожakov в их домах, и что там еще — пусть об этом болит голова у префекта-эпарха и магистра Гермогена, — все еще не сдавался Маркелл.

— Стоп-стоп-стоп! — Медленно поднял руку император, и все сразу утихло. — Не стоит дергать льва за усы. Не надо злить народ без крайней нужды... Давайте-ка придержим лошадок. А то — не ровен час, — наша колесница перевернется.

Император провел ладонями по полированной столешнице, собираясь с мыслями и заговорил ласково.

— В таких делах, мои доверенные друзья, не нужно позволять средствам затмить цель. В конце-концов, взглянем на ситуацию трезво. У нас есть сведения, — если архивы не врут — что много сотен лет назад, в седой древности некая угроза — возможно какое-то особо злое варварское племя — заставила наших предков объединиться даже со злейшими врагами; — хорошо. Для устранения этой угрозы вроде как потребовалось особое оружие; — ладно. Древние думали, — или звездочеты их убедили — что эта угроза может повториться, и это будет как-то связано с новым появлением Багряной Звезды; — пусть так. Во всем этом есть уйма вопросов. Что если та давняя угроза — чем бы она не была — была тогда же и окончательно уничтожена, а нынешняя Багровая Звезда — не более чем совпадение? Что это за особые мечи? Язычники того времени видели в них какой-то ритуальный смысл? Ведь любой обычный меч губит, — любой воин подтвердит вам это. Наконец, это великий Константин — тем более договорившись с персами — мог себе позволить отправить два таксиса и свою гвардию прошвырнуться в Междуречье. Сейчас... персы уже не владеют теми землями, — муслимы загнали персов в горы, и те скачут как козлы по кручам... — они не смогут обеспечить нам проход. И если бы мне даже пришла в голову блажь, отправить воинов в эту сомнительную экспедицию... Ныне окрестными владеет землями султан Алеппо. Он воспримет это как прямой вызов и объявление войны. А если к нему присоединятся еще и эмиры Хамы и Хомса... Это уже будут не пограничные стычки с муслимами, а новая полномасштабная война, к которой мы — пока — не готовы. Кто-то здесь думает, что я настолько глуп, что устроить это безумие?

Император со значением поглядел на совет.

— Когда здесь появились послы италийского попа и спахбеда, заговорили об угрозе, походе, и мечях, я подумал — ладно. Разыскиваем в чуланах патрицианских родов старые клинки, сдуваем с них пыль, — суем в нос варварам. У них два меча, а у нас — полста. Наш... авторитет — длиннее. Мы круче гор. Римская Империя опять подтвердила свое значение, дикие народцы получили щелчок по носу. Но раздолбать ради этого одну из центральных городских святынь, и спровоцировать религиозный бунт в центре собственной

столицы? Кто-то здесь считает, что я сошел с ума? Император обвел всех суровым взглядом, особо задержавшись на Маркелле.

— Разумные речи, государь — Дал голос Евсевий.

— Сказал, — как на скрижалях высек, — одобрительно кивнул Потамон.

— Но, государь... — Промямлил Маркелл.

— Что? — переспросил Ипатий.

— Не гневайся, государь... Но, если чему меня и научила вся моя многолетняя служба — так это уважению к имперским архивам. И если там сказано... Что если и правда, — есть эта ужасная угроза? Что если и правда, — её нужно отражать? Что если правда нужны те спрятанные особые мечи?

— Если угроза есть — так она себя непременно проявит. — Назидательно сказал Ипатий. — Вот пусть у нынешних временных владельцев тех земель, о ней голова и болит. Меньше будут на наши границы зариться. А уж если эта неведомая угроза, паче чаяния, вдруг доберётся и до наших границ — так мне хоть будет, что показать горожанам, чтоб убедить их долбать священную колонну. И если эта ужасная угроза придет сюда — я буду иметь для неё полсотни мечей. Вник?

— Вник, государь.

— Ну то-то... А сейчас... Нам просто нужно что-то предъявить италийцам и персам. Показать, что мы тоже помним и соблюдаем древние договоры. С полста мечами не получилось...

— Может просто подделаем? — Дал голос Евсевий. — Возьмем лучших кузнецов, они нам такой "древний" клинок откуют — залюбуешься. Краше настоящего!

— Чревато... — Покривился император. — Мы же настоящих древних мечей, что нашли италийцы и персы, еще не видели. Вдруг они чем-то сильно отличаются? Потеряем авторитет. Эх, да ведь у них всего по мечу. Нам бы предъявить послам хоть один такой же, — и мы сравняем счет.

— Дело говоришь, Государь. — вклинился Игнат — у италиков и персов по мечу, нам бы еще один — всего три. Вот мы бы трех человек с мечами и послали по древнему маршруту. Три воина, — это не войско. Войны не накликают, а разведать смогут. И все стороны — вроде как договор соблюли.

— А что, — мысль! — Одобрительно кивнул Император. — Вот это мысль! Вот это тонко, по-государственному. Нам позарез нужен всего один меч. В древности этих мечей были сотни. Неужели у нас на территории не изыщется ни одной древней гробницы, или еще какого схрона, кроме клятой колонны на самом видном месте?!

— Вообще-то, — помедлил Маркелл. — Я нашел сведенья о еще одном месте, где хранится подобный меч. Случайно уцелевшая строка в почти истлевшем свите... Но после того как нашел про тайник в столице, думал, то место уже не понадобится.

— Ну вот, видишь — приободрился император — а понадобился! Понадобился! Поправляешься, Маркелл. Вот на глазах поправляешься! Можешь ведь, когда захочешь.

— Но этот тайник вас тоже не порадует, — мрачно предрек Маркелл.

— Ну-ну. — Приободрил император. — Хуже, чем со священной колонной уж точно не будет. Где он там еще? Не под фундаментом же Святой Софии, в конце-концов? Где тайник?

— Он вообще не в столице, государь.

— Вот! Вот, хорошо!

— На дальнем острове.

— Отлично!

— В уцелевшем фрагменте описи сказано, что это древний храм, государь. Он расположен на острове.

— Ну прекрасно. Взять корабль, — и всего делов!

— На острове Сицилия, государь. — Уточнил Маркелл.

— Сицилия... ага... — Ипатий прикусил губу. — Так ведь уже Бог знает сколько лет, добрая половина Сицилии захвачена муслимами... — Он нахмурился. — Эээ... надеюсь, любезный Маркелл, этот старый храм расположен на НАШЕЙ стороне; на той, что удерживают наши храбрые войска?

Маркелл виновато уперся взглядом в стол.

— Та-ак... — Констатировал император. — Значит, не на нашей... Что-то не радуешь ты меня сегодня, Маркелл. Вроде и стараешься, — а не радуешь. Ладно. — Император с усилием приободрился. — Трудно, но не невозможно, в конце-концов! Нужно послать туда наших лазутчиков. Пусть проникнут на занятую врагом половину, и найдут меч.

— Опасное, лихое дело, государь. — Заметил Игнат.

— Ничего, — ради державы и не на такое люди шли. Смогут добыть — озолотим. — Император вдруг задумался. — Хотя, нет... Озолотим... Зачем это?.. — Он вдруг криво улыбнулся. — Не озолотим, — а помилуем. — Император взглянул на Потмаона. — Друг-Потамон, — того сотника, что принял участие во вчерашнем пьяном мятеже, — точно еще не пытали?.. И кстати, — какие там у нас самые страшные казни?

Глава шестая.

Шаги здесь было слышно издали.

В подземелье стояла почти мертвая тишина. Будто и не было над ним многолюдного дворца, а вокруг — огромного города. Все внешние звуки разбивались о каменную толщ, и не доходили сюда. От этой тишины слух сам-собой обострялся, и каждый случайный звук, вроде треска фитиля в светильнике, разносился необычайно отчетливо. Здесь, дальше по коридору, должны были быть другие заключенные. Редко, но до Федора доносился сдавленный людской стон, и железный перезвонец кандалов. Но и те, невидимые люди, будто зараженные тишиной, молчали. Тишина раздражала Федора, от неё горькие мысли становились еще горше. И тогда он начинал петь. Пел про озорное, про разное. Никто ему не мешал петь. Но никто и не поддержал. В царском дворце — под дворцом — даже заключенные были дрессированными. И когда у Федора начинало саднить в глотке, он замолкал. Кто знает от чего больше саднило горло, то ли от громких песенных слов, то ли от ощущения глупо погубленной молодой жизни... Но, в один из таких моментов Федор услышал шаги.

Шагали несколько. Звук накатывал в камеру к Феодору шарканьем старых ног тюремщика, и другими шагами — тяжелым звонким стуком о камень крепких каблуков. Четкий шаг. С приближением к нему добавился неуловимый ареол негромких звуков, знакомых Федору как вторая кожа. Скрипела кожей портупея, царапали друг о дружку пластинки брони, похлопывали по бедру ножны. Тюремщик шел с воинами? Сюда? За ним? Неужто, пора?..

Федор привстал на соломе, оперся на локоть.

Звук шагов все приближался, и вскоре, — будто морской прибой — вынес к решетке камеры Федора троих. Один был — угадал — старик-тюремщик. Не ошибся и про других.

Двое... Империя была очень древней, и время от времени, властвующий император заводил себе новый гвардейский отряд. Старые же гвардейские отряды, доставшиеся "по наследству", при этом, как правило не распускали — империя стояла на традициях. Кроме того, сама многочисленность конкурирующих отрядов императорской гвардии была хорошим средством от мятежей. Все это привело к тому, что различных гвардейских подразделений у нынешнего императора имелось более десятка. Сейчас перед Федором стояли воины палатинской схолы. Элита. Лучшие из лучших — по крайней мере сами они так считали. Говорили, что форма и снаряжение схолариев повторяла форму легионов древнего языческого Рима; ну, если кто-то действительно помнил, как она на самом деле выглядела... Красные овальные щиты с выгибом, красные короткие плащи, шлемы с металлическими гребнями из которых росли красно-белые султаны, сверкающие белым золотом панцири, с "крыльшками" для защиты плеч усеянные бляхами. Подогнанные по ногам поножи. А над великолепным панцирем, и под великолепным шлемом стоящего впереди офицера маячила рожа...

Тьфу! Федору захотелось сплюнуть. Перед ним стоял, надменно выпятив волевой подбородок, сотник Наркисс. Спесивый фазан, вечный конкурент и завистник. Наркисс был добрым мечником, — сказать против правды Федор не мог. Но все же, Федор часто брал над ним верх в тренировочных поединках, в том числе и перед лицом самого императора. И этого Наркисс пережить не смог. Затаил злобу, и будто змий ядовитый изливал её в мелочных, недостойных война интригах. Будто ночной дух Накрисс носился по дворцу, по постам, пытаясь уличить в подчиненной Федору сотне экскувиторов недогляды и служебный разлад. Свиня всегда грязь найдет, пару раз Наркисс что-то да углядел, и тут же мчался лить в уши голове дворцовой охраны, и всем, до кого мог дотянуть своим змеиным жалом. И когда не находил — все равно лил. Федор подозревал, что именно поэтому он пролетел в продвижении до топотерита — заместителя командира отряда. По этой же причине он, подловив Наркисса во внеслужебное время, провел с ним разговор — и подарил схолярию добротный фонарь под глаз, чтоб тому было виднее рыскать ночью. Накрисс и этого не забыл. И надо же было судьбе, чтоб из всех, кого можно, забирать Федора прислали именно Наркисса.

Старик подпошел к решетке, и быстро перебрав связку ключей, отомкнул тяжелую дверь.

— Что? Пора? — Хмуро спросил Федор, обращаясь к тюремщику.

— До чего ты тут славно смотришься, — тут же дал свой надменный голос Наркисс. — Тут тебе и самое место. Даже забирать тебя жалко. Вставай.

— Куда меня? — Пересилив себя спросил Федор у Накрисса; тюремщик с ним общаться явно не хотел.

— На оглашение приговора. — Улыбнулся Наркисс, и вошел в камеру. — Добром пойдешь, или дурить будешь?

Федор окатил Наркисса и его война оценным взглядом. Дурить... У безоружного, против готового умелого война в полном снаряжении шансов нет. Против двоих нет с запасом. Обратно бывало только в ромейских героических песнях про акритов-пограничников, да в русских отцовых песнях, где махнул богатырь Вольга рукой — улочка, отмахнул — переулочек... А в жизни, махнул рукой — нет руки, а потом и башки нет. Вот неготового, расслабленного, самодовольного, как Наркисс сейчас война, свалить было можно, — была пара хваток. И второго наверно можно. Но куда потом? И Федор это знал.

И Наркисс это знал.

— Добром. Веди. — поднимаясь отряхнул рубаху Федор.

— Жаль. — Презрительно смял губы Наркисс. — Ну да что с тебя взять. И жил ты как баба. И на смерть идешь — как телок на убой.

— Твое счастье, — процедил Федор. — А то одному ведь туда уходить скучно. А ну как взял бы тебя в провожатые?

— Кишка тонка.

— Ну, в прошлый-то раз, из нас двоих, не я землю мордой трамбовал.

Наркисс катнул желваки, кожа на скулах натянулась так, что того и гляди прорвется. Одновременно с этим он мгновенно перетек в боевую стойку с левой ногой вперед, и характерно повернул щит, — хочешь себя укрывай, а хочешь колено противнику ребром выбей. За щитом у Наркисса характерно шоркнуло. Щит укрывал Наркисса, и Федор не видел что он там достал, но судя потому что ножны меча тот не шевелил, на свет божий был извлечен кинжал, с которым в тесноте даже сподручнее. Федор отодвинулся к стене и собрался.

— Гляди-ка, Прокл, — обращаясь ко второму, пришедшему с ним схолярию, обратился Наркисс. Обращился без поворота головы, глядя при этом на Федора. — Напал на нас арестант. Напал, и погиб.

— Не дури, командир, — отозвался тот, кого поименовали Проклом. — У нас приказ.

— Так мы что? — Удивился Наркисс. — Только предотвращали побег.

— Не дури, — повторил второй. — И приказ у нас. И свидетель здесь. — Прокл мотнул головой в сторону тюремщика.

— А свидетель подтвердит, — весело утвердил Наркисс. — Верно, ключник?

Тюремщик кашлянул, взвесил в руке тяжелую связку ключей.

— Не верно, — тюремщик твердо посмотрел на Наркисса. — Я врать не буду. Скажу все как было. Ты что, вояка, думаешь, если я маленький человек, то и службы не понимаю? Пусть он аспид и безбожник, и пытался убить императора, а ты должен его привести, как и куда сказали. Потому — на том Рим стоит.

Федор поглядел на старика с приливом неожиданной благодарности.

— Да я же шучу, ключник, — опустил щит весело и добро сказал Наркисс. — Неужто думаешь, что я убил бы этого пса? Это бы для него только избавление. А там, куда мы его отведем, для него уж выберут казнь медленную, да лютую.

— Ну вот и веди на казнь, — буркнул старик, — нечего службу с шутками мешать.

— Выходи, — приказал Наркисс Федору.

Федор подчеркнуто медленно пошел навстречу Наркиссу, прошел мимо него, и вышел из камеры. Спина при это вся собралась в узлы, ожидая подлого удара кинжалом, который Наркисс в ножны так и не убрал. Но — не случилось.

— Пошел — показал на коридор второй схолярий.

— Спасибо, Отец, — повернув голову к тюремщику, сказал Федор.

— Да чтоб тебе гроб без крышки, — сплюнул ему под ноги тюремщик. — Саранча ты египетская.

С таким напутствием Федор, понукаемый двумя бойцами, и убыл из подземелья.

Как из темной подземной пещеры, поднимаясь на поверхность, к солнцу, видишь все больше света и красок, так же было и при подъеме из темниц дворца. Сперва коридоры

стали светлее, появилось больше светильников. Мрачный тесанный камень сменили полированный плиты. Станы оделись узорами да мозаиками. Световые окошки сменились окнами с яркими витражами. Безлюдье уступило место деловитым и распорядительным слугам. Наполнявшим коридоры тихим гомоном и шуршанием одежд. При появлении Федора, и его провожатых, все замолкали, и расступались, будто пред ними были вестники чумы. Наркисс со своим воином шел позади Феодора, и на развилках говорил ему куда свернуть.

— Что я дворец что-ли не знаю? — пробурчал Феодор. — Ты скажи куда идем?..

— Повертывай, куда скажу, — отзывался из-за спины мелочный Наркисс — арестанту знать не положено.

Впрочем, Феодор и сам вскорости догадался, куда его вели. И верно, через малое время жесткая рука Наркисса втокнула его в малую залу для приемов. Сколько раз тут бывал Феодор, а все не уставал поражаться дворцовой красоте. Стены были одеты мрамором. Мощные колонны держали свод, до того округлый да легкий, что казалось, сам висит, никакой поддержки ему и не нужно. Свет играл на расписных потолках, изливался из окон, ласкал узорчатые витражи, что изображали старые битвы, славные победы, да богоугодные деяния. Люстры сверху были, — что огромные тележные колеса, все из блестящей бронзы, да на тяжелых цепях. А пол камнеплиточный был до того натерт, что отсветы лежали на нем будто озера...

Но сейчас не до красот было Феодору. Тишиной встретила его зала. Во время приемов, в ней всегда была тишина. Но обычно была она спокойной и торжественной. А сейчас она была — гневная.

Обычно здесь на страже стояли воины из этерии варангов, но сегодня не было их в зале. Кроме одного — глава варанговой дружины, что носил звание "аколуф-этериарх". Он стоял в дальнем конце, у самого трона, хмуро положив руку на рукоять тяжелого меча. Правый глаз главного варанга, глядел на Феодора, будто серое свинцовое северное озеро. А левый глаз матерого воина заплыл в щелку в окружении огромного лилового синяка. Видать не стал участвовать Аколуф в пьяной смуте, за то и получил в глаз от своих буйных воинов. Да зато сохранил свою должность, и был ему тот синяк вместо памятной медали. И все же, места где обычно стояли варанги сегодня занимали другие гвардейцы — из отряда "кандидатов". Обычно их отряд обеспечивал ближайшую защиту императора в военных походах, но ныне, они стояли, защищая императора и в самом дворце. Воины в своих отличительных белоснежных ипадеклибанионах и плащах, со знаком хризмы на щитах с зеленым полем, стояли у дверей и у стен, уперев древка копий в пол, и смотрели на Феодора по-разному. Со спокойным любопытством, с хмурым укором, а некоторые с жалостью, будто на хороший, но необратимо сломанный меч.

От немногих царедворцев же, столпившихся у трона — изливало гневом. Ближние императорские люди, смотрели на Феодора как на зловерное насекомое, навреде ядовитой сколопендры. В центре же их, на самом золотом троне, — будто спокойное око бури посреди шторма, сидел сам император Ипатий.

Толчок сзади прервал озиранья Феодора, толкнул его вперед по зале. Будто клещи вцепились ему в плечи, — что говорить, руки у Наркисса и его второго воина были железными. Схоларии протащили Феодора мимо белых плащей и щитов стражи, мимо тяжелой узорчатой, разноцветной гексамитовой парчи придворных, мимо пятен гневных лиц, и тяжелым гнетом на плечи заставили Феодора опуститься на колени в нескольких

десятков шагов, возле трона.

Камень пола больно ударил в колени. Руки конвоиров гнули к земле. Но Феодор все же извернул шею, и подняв глаза поглядел на своего императора. С этого положения василевс Ипатий казался выше, шире в плечах. Ноги в красных сапогах — символе царской власти — крепко попирали пол. Одежда и тяжелый плащ, пурпурного императорского цвета, украшенные многочисленными узорчатыми бляхами, будто превратили императора в тяжелую статую. Руки его спокойно и тяжело лежали на подлокотниках. Лицо под венцом было спокойно. А глаза — император глядел прямо на Федора с грозной испытывающей печалью, будто сам Иисус-вседержитель с иконы. Где-то краем, на краю сознания мелькнули у Федора обрывочные образы, где был вроде тот же человек, что сидел сейчас пред ним. Тот да не тот — испуганный, сгорбленный своим страхом, сжавшийся за столом. И будто глядел на него Феодор через какую-то неровную дыру... Полно, было ли? Мелькнуло и ушло. Почудилось. Не помнил Феодор день своего мятежного падения. Не помнил, как покусился на императора. Но глядя на грозное достоинство сидевшего перед ним отца всех ромеев — уверен был Феодор — тот и в тот день, спасая драгоценную жизнь свою, вел себя так же спокойно и достойно. И все же, — что-то было... До сего момента Феодор какбы не очень верил в предъявляемое ему обвинения. Они были будто неодолимый навет, нежданная беда, несправедливо свалившаяся на него, и перечеркнувшая его жизнь. Но сейчас, какие-то смутные образы проходившие мимо разума, подсказали ему, — бедовал он той ночью. Поднял он руку на первейшего среди всех ромеев. До сего момента Феодору было горько.

Под спокойным укором глаз императора Феодору стало стыдно.

От колонн у стены, шурша тяжелой одеждой, расшитой золотыми и серебряными цветами, вышел куриопалат-дворцезаботник Маркелл. Он тяжело взглянул на Феодора, медленно и величественно поднял руку вверх. В зажатом кулаке его был свиток. Маркелл опустил руку, взломал печать, и раскатал шуршащую бумагу. Повернул свиток поудобнее к свету, и тяжело бросая слова, — будто чушки железные отливая, — начал читать:

— Фёдор, Потапов сын, кентархос экскувиторон — суть, сотнначальник дворцовой стражи из отряда "внеспальников"; или же по древнему латинскому табелю — кентурио экскубиторум. Ты признаешься виновным в организации мятежа против боговенчанного римского императора!..

По рядам придворных прокатился гневный рокот.

...- Вступив в сговор с северными варварами — продолжал чеканить Маркелл — ты бесстыдно и дерзновенно пытался совершить государственный переворот. Это есть гражданская и воинская измена, — оскорбление царского величия, покушение на священные устои Римской Державы. За сие ужасное злодеяние ты проговариваешься к прилюдной казни на площади Амастриан. — Здесь Маркелл оторвался от свитка, и глянул прямо на Феодора. — Сперва тебе вынут правый глаз, а затем — левый глаз. Затем отрубят нос, правое ухо, левое ухо, правую руку, левую руку, правую ногу, левую ногу...

Оратор замялся, подыскивая, чего бы еще отрубить.

— С пальцев надо было начинать, балда, — донесся до чуткого слуха коленопреклоненного Феодора шепот Потамона от колонн, — а так вон как быстро все кончилось...

— Мужское естество! — Громко шепнул с боковой позиции евнух Игнат.

— ...отрубят мужское естество! — согласно кивнул Маркелл, решительно рубанув

воздух ладонью. — А каждую рану тебе будут натирать жгучим перцем да мелкой солью. А потом твое мужское естество сожгут прямо у тебя на глазах!

— Глаза же уже вынут, — хмуро удивился Федор. — Как же я тогда увижу?

— Кхм... — Маркелл запнулся, и ткнулся носом в раскатанный свиток в руках, который, видимо составлялся впопыхах — Нет, глаза до того момента оставим, дабы видел ты своими очами, как пресечется твой позорный и никудышный род! Естество твое сожгут. Вот потом уже глаза. А потом же самого тебя посадят на кол, и наконец — тебя тоже сожгут!

От озвученных перспектив, Федор малость позеленел. Но преодолевая приступ малодушия природной храбростью и воинской выучкой, он как мог выпрямился, повернул голову к безмолвно сидящему императору и громко произнес:

— Спасибо за твою милость, василевс.

Император чуть повернул голову к Маркеллу.

— За какую такую милость? — Недоверчиво уточнил Маркелл.

— За то, что сожгут в конце. — Объяснил Феодор. — Этого я, неверно, уже не и почувствую.

— Дерзишь, смутьян! — Рывкнул со своего места Потамон.

— Фёдор, Потапов сын. — Прогремел Маркелл — Не хочешь ли ты напоследок прилюдно покаяться в своем богопротивном злодеянии?

Феодор продолжал глядеть только на императора.

— Каюсь пред тобой, государь. Виновен я в непотребном питии с не теми людьми. Виновен, что позволил винному духу отнять мой разум, а с ним и дисциплину мою, и воинскую честь. — Губы Феодора, вопреки желанию дрогнули. — Я поступил супротив присяги и достоинства воина. Но сейчас, когда разум мой в ясности, — говорю тебе государь: Трезвым всегда я служил тебе верно, и никогда не хотел чинить тебе вреда. Казни меня за мой грех, но только знай, что вина моя — глупость и ошибка, а не лихой умысел.

— Всяк раскаивается, как голову к плахе клонит, — прокомментировал Потамон.

— Довольно! — Прогудел Маркелл. — Ни к чему теперь лживое и запоздалое раскаянье! Тотчас объявить о казни народу, чтобы мог он собраться и поглядеть на казнь нечестивца! Приговор привести в исполнение! Увести его!

Железные клещи перчаток конвоиров-схолариев снова сжались на плечах, и сдернув Федора с колен, волоком потащили его к выходу из зала. Босые пятки скользили по полу. Одобрительный гул взвился над придворными. Федора тащили так скоро, что трон, император, и стоявшие вокруг того ближние придворные, удалялись так быстро, будто бывший сотник падал в какой-то колодец. Федор прикрыл глаза.

— Пойдите. — Раздался негромкий, но звучный голос.

Гул придворных мгновенно утих. Железные клещи на плечах Федора тут же разжались, отчего он мешком упал на пол. Мгновение спустя Федор сообразил, что голос принадлежал самому императору. Установилась тишина.

— Этот падший воин, — неторопливо заговорил в тишине император, — чем проявил он себя до своего преступления? За что он был зачислен в столичную тагму?

Маркелл произвел руками какой-то магический жест бюрократа, отчего свиток с приговором в его руках мгновенно сменился другим, и развернув его принялся читать.

— Федор, Потапов сын, — признан пограничником по праву рождения от отцовой ветви. Служил на заставах в Таврских горах. Быстро дослужился до десятника. Неоднократно

отличился как в рейдах против агарян-сельджуков, так и в пресечении их набегов на окрестные фемы. Имел благодарности и подарки от стратигов и домашних фем Каппадокия и Харсиан. С другими пограничниками сопровождал войско во время крупных сборов, в качестве передового разведчика. В сражении у реки Халдис, где успех отвернулся от наших войск, помог вывести большой отряд из окружения, за что был повышен до сотника. Отличился во время похода, в битве под стенами Теодозиополиса, где сразил одного из сельджукских архонтов Умара, а пред тем многих из его личной стражи. За что и был переведен в столичную тагму экскувиторов, а потом и в самый дворец, в стражу большого круга...

Маркел звенел медью своего гласа, излагая сухие короткие строки. А перед глазами Феодора проносились моменты его жизни. Ночные скачки, засады в горных проходах, свист стрел и сумятица сумеречных боев. Лихие вылазки, будто мелкие укусы, с той только целью, чтоб не давать муслимам набрать у границ сил, и перелиться через горы в пределы державы. Мертвый запах разоренных деревень, и пустые глаза редких выживших, когда муслимы все же прорывались в Романию. Плачущие от радости крестьяне, которых отбивали в последний момент, перед тем как муслимы навсегда увели бы их в глубь своих земель, и сгноили в неволе. Пожары и грабеж муслимовских поселений, когда во время рейда удавалась до них добраться... Сбор большого войска, битва, когда ромейская пехота стояла, будто утес под непрерывным прибоем, умирая, но держа позицию. Стрельба на скаку. Гибель коня. Разбитый в щепу щит, отбитая левая рука, и звериные перекошенные лица муслимовских одержимых бесами газии, которые подыхали десятками, но вновь объявлялись сотнями, сами бросались на копья, и кусались с яростью шакалов. Гибель кавалерии, развал войска, отступление наспех сколоченного отряда на возвышенность, где ромеев окружили волчьи стаи конников, и они стояли под дождем стрел и пуль, который постоянно находил брешь в чьем-то щите или доспехе. И наконец — настоящий дождь, благословенный, самим Богом посланный ливень, который размочил тетивы луков агарян, потому что те во множестве делали их из кишок... И тогда отчаянная усталая атака вниз по склону, а потом — прорыв, бегство... Другой поход, штурм города, столкновение копейщиков на узких улицах. Стрелы, пули и камни из окон и с крыш. И там ему впервые пришлось убить женщину — смуглую муслимку, которая кидала с крыши тяжелые камни, а он рубанул её, и был прав, но почему-то потом часто вспоминал о том без радости. Другая битва в поле, где передовой строй ромеев, по древней эллинской военной мудрости связал свои щиты цепью. И враги не могли прорвать тот строй. А ромеи продавили муслимов, и били их, и те бежали, завывая как побитые псы. И немногие отважные прикрывали их бегство. И среди них был смуглолицый, сухой, с лицом узким — будто ветвь в старой коре морщин — муслимовский архонт, из тех, что у муслимов звались эмирами. И тот архонт со своей конной дружиной осаживал преследователей. И Федор в азарте гонки и победы, в сложных завихрениях проскакивающих друг мимо друга конников, вдруг оказался один против муслимовского архонта и трех его дружинников. Видать сам тезка, — святой Федор Стратилат, водил его рукой и прикрывал его с небес, потому что одного дружинника он сразу сбил дротиком, а еще один словил в спину невесть откуда присланную стрелу, а у третьего конь попал ногой в звериную нору, и третий слетел с коня, так что больше не встал, — и Федор оказался перед архонтом. И тот был жилист и быстр несмотря на возраст, и ловко подправлял коня, и они переведались две сшибки на скаку, узнав крепость руки и посадки друг друга. А потом кони встали вплотную, переступая копытами, и все пришлось положить на умение. У архонта муслимов была богато

изукрашенная, но странная сабля, где из одной рукояти рядом росли сразу два клинка, хотя он хорошо управлялся ей. Но Федор был всегда хорош в меч, и он был моложе и сильнее. Глаза у муслима на миг дрогнули предчувствием, но он мужался, и вскричал на своем булькающем языке, (который Федор немного знал), как было у тех муслимов в обычае: "Лаббайка — я пред тобой!", и "нет Бога кроме!.." — и тут Федор развалил ему на плече кольчугу, и все что под ней... Странную, неудобную муслимскую саблю, два гибких клинка которой соединялись силой рук, и укладывались в одни ножны, Федор потом поднёс предводителю ромеев, — стратигу Луке Петралифу. И не прогадал, тот не забыл дорогой подарок, и с его руки Федор вскорости попал служить в Константинополь. Отец успел в последний год жизни погордиться сыном, которого ждала спокойная и блистательная столичная карьера.

Ждала, да не дождалась...

Трубный голос дворцезаботника Марелла наконец смолк. Он опустил папирус.

— Клянусь слезами приснодевы. — Раздался в тиши глас императора. — Хоть и безмерна его вина, а все же жаль мне губить такого славного воина. Немало послужил он ромейской державе. Должны ли мы губить его из-за одной ошибки?

— Государь! — Гневно возвысил голос Потамон. — Покушение на твою богоизбранную особу умертвило все его предыдущие заслуги! Что проку в хорошем мече, если он повернут супротив тебя?! Вина известна. Указ подписан. Казнить его!

— Казнить! Казнить! — Поддержали со своих мест и евнух Игнат, и Евсевий, а за ними все другие придворные. — Казнить его!

Император воздел длань. Все замолчали.

— Меньше криков, светлые мужи, — сказал император Ипатий, оглядев придворных, — Вы не иудеи, я не Понтий Пилат... Эй, стража! Подведите сюда этого падшего.

Руки схолариев снова подняли Феодора, и подтащили ближе к трону императора. Телохранители-кандидаты, стоявшие у трона, на всякий случай, придвинулись чуть вперед.

— Дайте ему встать, — приказал император.

Схоларии отодвинулись. Федор поднялся, поводя затекшими плечами, и с трудом взглянул в глаза императору. Правитель пристально поглядел ему в глаза, будто бы стараясь проникнуть в самую душу. Через несколько мгновений император кивнул.

— Хорошо, воин. Нет в тебе подлости. Я верю тебе. — Он чуть повернул голову к придворным. — Слушайте все! — Я милую этого воина. Казнь отменяется.

— Но государь!.. Государь... — Зашелестело с ближних мест. Что-то задушенно крикнул за плечом Федора Наркисс.

— Казнь. Отменяется. — Раздельно повторил император снова вернул взгляд к Феодору. — Воин, раньше твоя жизнь принадлежала мне по присяге, и ты не смог соблюсти её. А теперь я дарю тебе твою жизнь по милосердию. Что ты скажешь?

Федор потрясенно оглядел императора, и сам, без нажима опустил на одно колено.

— Жизнь моя теперь тебе принадлежит, государь, — от сердца произнес Федор. — Умру за тебя. От сердца.

— Добро. — Коротко кивнул император. — Помни свое обещание, воин. — Он возвысил голос. — А теперь, мои придворные, и моя верная стража — я более не нуждаюсь в вас. Пусть останется ближний круг. И ты, Федор, останься.

Склонились спины, зашуршала парча, заблестел гексамит, — придворные начали вытекать из дверей, как вода из воронки. За ними вышел мрачный Маркелл, и другие воины.

Последним грузно удалился, блистая наливным фингалом, командир варангов этериарх-аколуф, по имени Вилк. Напоследок обернувшись в дверях, он поймал взгляд Федора, подмигнул ему, и вышел, щерясь своей волчьей ухмылкой. Память Федора совсем некстати вынесла из пучины беспамятства картину, как он с другими варангами, тащит пытавшегося помешать им Вилка и засовывает головой вниз, в пустую бочку... Федор виновато почесал затылок, вновь ощутив прилив раскаянья. Вилк был хороший мужик. Надо будет зайти, и лично извиниться перед ним. "И брошу пить! Совсем!" — Дал себе яростный зарок Феодор.

Двери за придворными захлопнулись.

— Пойдем с нами, воин, — пригласил император, и встав с трона направился к небольшой боковой двери. Федор, перетоптался босыми ногами, и пошел вослед.

Глава седьмая.

— ...Один меч предоставляют италийские попы. Один — персюки. И мы должны сделать то же самое. — император стоял, уперев руки в стол, на котором была раскатан карта.

Он, Федор, и члены ближнего совета находились в малых покоях, в восточной части дворца. Хотя говорил император, в основном, обращаясь к Феодору, остальные члены совета на всякий случай тоже кивали. Общий смысл Феодор пока улавливал.

— ...Дело это государственное. — Продолжал император. — Итак, — твоя задача. Сперва ты пересечешь средиземное Море, отправишься на остров Сицилию. Пробежешь на половину острова занятую муслимами, отыщешь там старый храм, а в нем — древний меч. Дальше обратно, снова поплывешь по морю, доберешься до Антиохийского княжества, до города Валания. Там сейчас находится рыцарь, который хранит меч италийских святош. Дальше, пойдете вглубь земли от побережья, — палец императора прочертил линию по карте, и вот здесь, встретитесь с отрядом персов, который принесет их меч. Они будут ждать вас там, это тоже уже оговорено. Собрав все три меча вместе, вы все, во исполнение древнего договора — двинетесь еще дальше, до развалин древнего города Мари. И вот там...

— Что там? — Переспросил затянувшего паузу императора Федор. Лица придворных перекосило от такого нарушения этикета.

— Мы не знаем, — что там — признался император. — Узнать, что там — как раз и есть твоя задача. — Ипатий почесал нос. — Как видишь, задание сложное. Большая его часть, будет проходить на землях, занятых врагом. Поэтому полагаться придется больше на скрытность и ловкость, чем на силу. Кроме того, действовать придется в союзе с италийцами и персами. Дело это, выходит, политическое. Поэтому на тебя в данном вопросе ложиться поддержание чести всей Римской Империи. Разумеешь ли? Вопросы?

— Я, государь, не так чтоб очень политик... — Осторожно заметил Федор.

— Ничего, справишься. — Уверил император.

— Кто будет командовать отрядом? — По военной привычке сразу решил разобраться в субординации Федор.

— Ты конечно! — Ожег его взглядом Ипатий. — Ромейская держава главная в этом деле, остальные на подхвате, — так по древнему договору. Чтобы ни у кого из временных союзников не возникло вопросов, кому они подчиняются, — я даю тебе соответствующий титул. Считай, что с этой минуты, на время задания, ты переведен в отряд моих протекторов-доместиков...

У Федора аж перехватило дыханье. "Протекторы-доместики" тоже когда-то, в седую

старину, начинались как один из отрядов охраны императора, откуда и происходило их название "защитники домашние". Но со временем, они превратились в особую скрытную службу личных порученцев императора, которые действовали от его имени по всей империи, а иногда и за её пределами. Это были длинные руки императора, для исполнения его воли на расстоянии... Карьера Федора, только что лежавшая в руинах, расправила крылья, и вознеслась к солнцу. Где-то там, за горизонтом, его отец наверно дольно улыбался

— ...это же звание, — продолжал император, — поможет тебе, иметь дело с нашими военными и чиновниками, — когда вы будете в границах нашей державы.

— Спасибо тебе, государь! Отслужу твою милость! — Горячо сказал Федор. Рожи ближнего совета за его спиной опять покривились, от такого безыскусного и краткого проявления благодарности.

— Отслужишь, — подтвердил император. — Другой бы умолчал, но я честен. Не просто так даю я тебе милости. Дело, на которое тебя посылаю, что говорить, опасное. На нем и голову можешь сложить. Но ведь голова твоя принадлежит мне. А если выполнишь его успешно — считай, долг ты свой искупил. А от меня многое, и сверх того будет.

— Положись на меня, как на левую пристяжную²⁷, василевс. — Горячо пообещал гвардеец. — Вот оружие бы еще, — вспомнил о насущном Федор, — и... сапоги. — Он пошлепал босыми пальцами по холодным плиткам пола.

— Все получишь. — Махнул рукой император. — Ты же представитель державы, дурень. Можно было б — мы бы тебя в шелка с самоцветами по самый нос закатали, но... нельзя. Не забывай, что дело ваше шпионское. Как бы вас не ограбили в безбожных землях за чрезмерное-то богатство. А так, — и одежда будет, и оружие любое, сам выберешь, из дворцового арсенала. И денег дам вволю, мощну увесистую. Сможешь, если что, сойти за купца средней руки.

Федор расцвел улыбкой.

— Денег дам, но не тебе, — осадил Ипатий. — За деньги будет отвечать другой человек.

— Какой это, другой? — Подугас улыбкой Федор.

— Я с тобой еще одного ромея отправлю. — Объяснил император. — Вот он и будет за деньги отвечать.

— Да что я. Сам кошелек донесу? — Возмутился Федор.

— Донесешь, ага!.. — Фыркнул император — До кабака. Спасибо, проходили.

Федор решил, что на этот раз его уели, и искомую тему лучше не развивать.

— Что за человек-то? — Спросил он, чтоб поскорее уйти от неприятной темы.

— Священник с тобой поедет,

— Что, поп?! — Не поверил с первого раза Федор. — Да на кой он мне сдался? Пусть благословит в путь, и дело с концом. Возись мне с ним еще в дороге...

— Поедет с тобой, — утвердил император. — Патриарх наш, как узнал, что в деле замешаны италийские церковники, — на посыле своего человека настоял. Мне с ним, по мелочам, спорить не с руки. Мне у него еще может, его любимую колонну снести придется...

— Какую колонну?

— Да не важно, — отмахнул рукой император. — Ты не забывай, сам сказал, что в политике ты не очень силен. Вот наш ортодоксальный поп, тебя и подстрахует, не даст тебя заесть тому — католическому попу, которого с тобой посылает римский папа.

— Как?! Уже два попа? — Подпрыгнул Федор.

— Поедешь с обоими. — Кивнул император. — Кто от персов будет, не знаю, на месте увидишь... Ну, ну, не хмурься. Знаю, что вы вояки, считаете божьих людей нудными. Но, если поразмыслишь, увидишь в этом и плюсы. Тебе ведь предстоит войти в бесовский языческий храм. Вот пусть священники и защитят ваши души молитвой. Кроме того, не забывай, что тебе придется ехать по чужим землям, и у священников там шансов проехать больше, чем у воинов.

— Мы по землям муслимов-агарян в основном поедем, — буркнул Федор.

— Все равно. И из муслимов многие относятся к христианским священникам уважительно.

— Знаю, знаю, — буркнул Федор. — Муслимы и нас, христиан считают людьми писания...

— О, — дал в стороне голос евнух-Игнат, обращаясь к Филумену. — Вояка не так необразован, как может показаться с первого взгляда.

— Я с муслимами пять лет на границе мытарился, — глянув на Игната бросил Федор, — Хошь не хошь, кой чему научишься. — Он повернулся к императору. — Главное, государь, чтоб и твои персы к нам попа не прислали. Потому что персидские попы есть нехристи-огнелюбы, и их муслимы ненавидят пуще всяких других. Увидят с нами такого, — так всех на месте перережут.

— Кого там персы пришлют, не знаю, — развел руками император — разберешься на месте. На то тебе и голова. Еще вопросы есть?

— Так, вроде, нет.

— Добро. — Император выпрямился. — Тогда — ты получил приказ. Рассчитываю на тебя — Повелитель перевел взгляд на дворцезаботника. — Маркелл! Позаботься о всем нужном снаряжении, и сведи Федора с его спутниками. Исполнять сейчас.

Глава восьмая.

Федор все более и более, чувствовал себя значимой персоной. Конечно сам дворцезаботник Маркелл, исполнять поручение императора не стал, а перепоручил его другим слугам. Но исполнения приказов это не замедлило. Все организовывалось, словно по волшебству. Федор отвели в удобную комнату, заметно больше, его комнатке в казарме, где он омылся. За это время перед ним организовался прекрасный обед, штаны, мягкие туфли с оплетками, и комплект формы, — в числе которого была красивая круглая шапочка, удобный плащ, и главное, туника с нашитыми на плечах эмблемами — в белом внутреннем круге по кругу шли сердца, а на внешнем синем круге, два крылатых ангела-вестника смыкали руки, поддерживая доску с изображением головы — такова была многовековая дигма отряда domestиков.

Федор сперва поел, — чтоб часом не заляпать новой красоты, — потом обрядился. И тут же распорядительные слуги вновь потащили его по дворцу — на этот раз, к арсеналу. Священный императорский арсенал, в котором кроме прочего вооружались и порученцы-доместики, оказался в другом крыле дворца, но по уровню был где-то на одной глубине с тюрмой. Расступилась стража. Растворились кованые полукруглые ворота с тяжелыми запорами, и внутри, в полутьме разгоняемой световыми окнами, а больше факелом в руке, Федора встретил начальник арсенала.

Федору уже случалось прежде видеть, этого сутулого белого старика, но общаться не приходилось. Звали того Десмонд из рода Левеллов, но сам он почему-то, любил, чтоб его

называли одной греческой буквой "Мю", — никто не знал зачем это, и что это значило... Происходил начальник арсенала, вроде, он откуда-то из-за моря, с берегов туманной Британии. Каким ветром его занесло на другой конец мира, Федор не знал, — впрочем, в Римской Империи происхождение, цвет кожи, и прочее, никогда не имело значения. Ромей определялся верностью державе.

— Мне сказали выдать тебе все, что скажешь, — изронил Десмонд, и развернувшись пошел вглубь помещения — идем.

Федор направился за ним, бросая жадные взоры на полки и стеллажи. Чего здесь только не было! На стеллажах стояли полу-мечи, мечи, большие мечи. Разной формы, разного размера. Спаты, просто прямые, прямые, но с гнутой рукоятью, а другие с изогнутым полотном клинка. Лежали большие кавалерийские тесаки-парамерионы, а за ними мечи-акуфии — бронебойные пробивцы без рубящих лезвий, но с гранями сведенными в колющее острие. Топорки-полосы, небольшие, а дальше больше, доходящие до огромных секир-пелик. Клювастые военные молотки. И доспехи! Кольчуги разной длины, чешуйчатые пансидерионы, — простые и с зеркалами, пластинчатые доспехи, и даже полные нагрудники. Шлемы, с личинами и без. Щиты! От огромных ростовых, до маленьких кулачников... Федор не знал куда бежать.

Наконец, уняв ошаление, он начал с мечей. Взял тот, а потом вот тот. Все великолепной работы. Прикинул.

— Мне бы мой найти, прошлый... Когда в дворцовой тюрьме сидел, отняли.

Мю ничуть не удивился, что Федор сидел в дворцовой тюрьме. То ли уже знал историю, то ли не вникал в то, что его не касалось.

— Твой прошлый был лучше этих? — Спросил он, покосившись на стеллаж.

— Он был добротный, и я нему привык, — ответил Федор.

Десмонд понимающе кивнул, щелкнул пальцами, — откуда-то из-за стеллажей тут же выскочил слуга.

— Найдите его старый меч, — распорядился Мю, и слуга тут же неслышно убежал к дверям, ведущим во дворец.

Федор тем временем высмотрел себе нож. Кривой, что коготь, с изгибом вперед, будто родственник серпу, он уютно лег в руку. И резать такой должен был хорошо, и узкое острие, если что, позволяло проткнуться в крупное кольцо кольчуги.

— Беру? — Спросил Федор.

— Бери что хочешь.

Федор начал протискивать кожаные ремешки ножа, в отверстия пояса.

— На войну едешь, или по секрету? — Спросил Мю.

— По секрету.

— Тогда доспехов с зеркалом не бери. Возьми лучше кольчугу. Какие у тебя размеры?.. — Десмонд секунду подумал. — Вот. — Он достал со стеллажа кольчугу с до того малыми в диаметре, что просветов в кольчуге почти не было, и она переливалась у него на руках темной осенней рекой, — была та кольчуга затемненная, без блеска. — Возьми эту. — Одевается быстро, снимается быстро. Ветром продувается. Оденешь поверх рубаху, никто и не поймет, что ты в броне, пока в спину тебе нож не ткнет... Погоди-ка.

— Десмонд достал с другой полки тунику, и перебросил её Федору. Туника была шерстяная, разношерстная. К телу мягчайшей шерстью, да такой клеткой, чтоб тело дышало, а поверху более плотная шерсть была нашита мелкими валиками, — такие валики смягчали

удар по кольчуге, да заодно пропускали под ней воздух, чтоб воин не варился под солнцем в своей броне как рак в кастрюле. Федор сбросил рубаху и надел тунику, надел поверх кольчугу. Туника чуть болталась в боках, а кольчуга была чуть широковата в рукавах...

Мю шелкнул пальцами, и видать родившиеся по этому звуку среди стеллажей слуги подбежали к Федору, и заставив его оттопырить руки в стороны, начали измерять его какими-то тесемками.

— Тунику подошьем, рукава у кольчуги ужмем, — будто читая его мысли пообещал Десмонд.

— Дак, пока кольца переклепаете... У меня времени нет...

— Мне сказано, сколько у тебя времени. Все успеем. Давай выбирать шлем.

Остановились на шлеме, замаскированном под шапку с козырьком. Внутри войлока прятался стальной колпак, лепестки которого, как объяснил Десмонд, все были в небольших отверстиях, — чтобы голову не спекло. В нащечниках с тесемками пряталась мелкая кольчужная сетка, — хуже честной металлической пластины, конечно, но от легкого секущего удара спасёт.

— Сапоги бронированные брать будешь? — Предложил Мю.

— С поножами что ли? — Уточнил Федор.

— Вроде того. Это хитрые монголы придумали, а может и еще где подглядели. Сверху обычные сапоги чёртовой кожи, а внутри, под ней, как пластинки на панцире уложены. Сапоги и поножи в одном. Тяжелые, но ногу тебе не посекут, ни снизу, когда будешь на коне, ни в поединке с мечом.

Федор осмотрел несколько пар тайнобронных сапог, выбрал по размеру. Широкие, не низкие как обычно у степняков, а наоборот высокие, с забором на колено, — так что можно и на колено присесть, не разобьешь даже о камень. Кочевое происхождение выдавали только носы, по обычаю степняков загнутые кверху. Сапоги оказались удобны, мягки внутри, сели по ноге, но тяжелехоньки. Федор прошел туда-сюда, прикидывая, не уморят ли такие сапоги на долгом марше.

— Туфли тебе еще дам, с ними в комплект. — Опять угадал его мысли Мю. — Легкие, оленьей кожи. Почти не весят ничего, и места в суме не занимают, даже в поясной. Будет нужда, так сбросишь сапоги, и побежишь легконогий. Потом переобуешься в туфли.

— Как же я брошу такую красоту? — Усомнился Федор, оглядывая сапоги.

— Бросишь — и дело с концом. Главное, чтоб голову свою где не бросил. Вернешься, так другие сапоги всегда найдем.

На том и порешили.

— Щит нужен?

— Обязательно, — кивнул Федор. — Без щита воину никуда. Первое дело.

— У нас есть щиты, где на лицевой стороне специально написаны всякие обидные слова. — Похвалился Десмонд. — Для каждой народности на её родном языке. Например: "Муслимы — свиноеды". Или — "Аллах не бросал чёрный камень". "Итальяшки — не римляне". Для датских нортманнов есть: "У тебя рубаха с вырезом ниже сосков". Насельцы каждого народа, как свою надпись видят, так от ярости голову теряют в бою, и тогда их легче победить. Будешь брать?

— Не, — подумав мотнул головой Федор — Многие варвары букв да письма вовсе не знают. И потом я же только один щит могу взять. Еще встретить потом нужного племенника.

— Ну, у нас есть и более объемлющие варианты. — Не сдавался Мю. — Вот, например:

— "Помнит бритт, герман и галл, — как их Рим в гудок... позвал".

— Хм... — запыхтел Федор.

— Вот еще, смотри какая замечательная надпись: — "Ты мой сын!".

— Это в смысле, — я твою маму?.. — Уточнил Федор.

— Ага.

— Да ну. А вдруг встречу инородца, когда мне с ним еще не нужно драться — а у меня на щите такая срамота...

— А у нас специальные чехлы есть. До поры закрывают надпись. А в урочный миг дернешь тесемочку — всё и откроется!

— Ага, а если случайно дернешь? Будет вокруг сто бедуинов, и тут у меня занавеска упала... Закопают в песок вверх ногами. Да и вообще. Это только некоторые воины от ярости ошибки делают, — а другой, может, наоборот, воодушевиться. Бегай от него потом...

— Не возьмешь?

— Нет.

— Ладно... Тогда мы тебе по-другому щит раскрасим. Специальным пестрым узором. Как крутанешь ты щит, — так у врага в глазах зарябит. Тут ты его и того!..

— Это можно.

— Ты сказал, что едешь по секрету. Бери тогда маленький щит, кулачный. Будешь носить на крючке при поясе, он и не стесняет почти.

— Не, кулачным от стрелы не прикроешься. Надо какой-никакой. Пехотный туреоскутарион, пожалуй, великоват будет.

— А каплевидный только коннику хорош... — подхватил его размышления Мю.

— Да-а...

— Бери тогда вот этот, — Десмонд передал Федору круглый щит. — Сделан на манер старого клиппеуса, видишь, круглый да выпуклый.

— Тяжеловат... — Удивился Федор.

— А то! Это он только сверху обложен тонкими фанерками деревянными, а под ними — лист бронзы.

— Ну! — Удивился Федор.

— Да! До посинения может вражина колотить в этот щит. Хоть лбом своим чугунным. Никогда не разобьёт. А снизу, видишь, кольчужная сетка на тесемочках? Можно со щита кольчужную сетку вниз свесить, так она завесой и ноги прикроет. Хочешь длинный этот щит. А хошь — короткий.

— Беру! — Соблазнился Федор. — А "марсовы колючки" есть?

— Есть, — кивнул Мю. Марсовыми колючками издревле назывались короткие, не больше локтя, оперенные дротики со свинчаткой для утяжеления, которые ромейские воины носили на щите. — Прикрутим тебе под них полочку на щит.

— Добро.

— Плащ еще есть, с кольчужной подкладкой. Хочешь?

— Нет... — Сказал Федор после примерки, с трудом вылезая из броне-плаща — этак я и с места не сдвинусь, и коня приморю...

— А мы тебе тяжеловозного коня-кентуклиона дадим, на которых наши броненосные всадники ездят. На нем хоть наковальной вози!

— Да он жрёт как не в себе. Чем я его в долгом походе кормить буду? Не, не возьму ни плащ ни коня.

Проскрежетали ворота, и к Федору с Десмондом прибежал слуга. В руках у него был старый Федоров меч.

— Нашелся! — Обрадовался Федор. — Вытащил старого друга из ножен, и ревнив оглядел, не запоганил ли кто? Меч был невредим, как он помнил. Был он на одну руку, средней длины, но такой, что можно и с коня рубануть. Прямой, и с перекрестьем с загнутыми к лезвию концами, — чтоб не мешал при рубке. Острие и колоть позволяло. Федор довольно приладил его к поясу.

— Лук, — напомнил Десмонд.

Пошли к стеллажу с луками. Федор мечтательно покрутил в руках "гастрофет" — здоровенный механический лук, который для зарядки требовалось упирать специальной аркой себе в пузо, и потом напрягать дугу пербором специальных рычагов. Болт такого гастропета мог пробить насквозь двух-трех бездоспешных человек. Бил он и кольчугу. И только самую тяжелую пластинчатую броню гастропет не всегда пробивал, но врагу от того было не легче, поскольку стрела ударом в доспех ломала ребра, и мяла внутренности в смятку. Гастропет был могуч, но великоват, и долговат в натяге.

— Есть хиропульты размером поменьше, — Предложил Мю.

— Нет, подумав ответил Федор. — Мешкотна перезарядка. Не для одинокого воина такое оружие. Я с луком хорош, да и то...

Лук изыскался царский, составной, могучий, с футляром на восточный манер, где и сам лук и стрелы возились вместе. В комплекте были стрелы с узкими бронебойными, да широкими живопырными наконечниками изумительной выделки. Цвет оперенья у стрел был разный, чтоб не вынимая из колчана, по кончикам сразу видеть, какую стрелу брать под дело. Несколько шелковых тетив прилагалось. Федор примерился, напрягся, накиннул шелковую тетиву на ушко, натянул. Превосходный был лук!

— Эх! Не возьму, — с сожалением сказал Федор. — Без коня с большим щитом, да с луком, да с прочим скарбом — мешкотно. Обойдусь дротиками. Вот рюкзак бы еще заплечный... — Вспомнил он.

Рюкзак тоже отыскался. Толковый. Цельношитый из толстой шкуры, с толстыми мягкими лямками, с рамой из гнутых веток, распределяющих по спине нагрузку. Отдельные ремешки позволяли его крепить и к конской сбруе, как переметную суму. Добротный рюкзак.

— Ну, теперь идем в особый отдел. — Сказал Мю.

"Особый отдел" оказался стеллажами в самом дальнем от входа конце.

— Гляди, — привлек внимание Федора Десмонд, показав на стеллаж, где лежали какие-то трубки разного размера. Наиболее крупные были длиной в локоть, и диаметром в посох. А самые мелкие в мизинец длиной, чуть толще стилуса, которым скребли по дощечкам для письма. — Секретные стрелометы! — похвалился Мю, взяв одну из трубок в руки. — Сделаны по циньским образцам. Поворачиваешь кольцо здесь, жмешь на вот эту бляшку, и... — вжикнуло, — и в стенке стеллажа засела небольшая металлическая стрелка.

— Ловко, — удивился Федор, осмотрев стрелу. — Что же её бросает?

— Пружина внутри трубки, сделанная лучшими кузнецами. — Объяснил Мю. — Будешь брать?

— Не-а, — отмахнул рукой Федор. — Неглубоко вонзилась-то. И летит, видать, недалеко. Доспех не пробьет, в кольчугу глубоко не воткнется. Бездоспешного, разве, ранить только.

— Сущеглупый, — снисходительно ухмыльнулся Мю. — Дак ведь мы эти стрелки мажем самым сильнобыстрым ядом. Как попадет такая стрелка в человека, тут он синееет, — и славу ему поют. Ну-ка, погоди!.. — Мю обернулся к маячившим на почтительно расстоянии слугам, и распорядился, — приведите свинью!

Слуги исчезли, и — минуты не пробежало, откуда только взяли — вскорости притащили ошалелую, откормленную поросятину, и привязали её к стеллажу в одном из проходов.

— Смотри, — предупредил Мю, — куда более осторожно взяв еще одну трубку с отельной полки. — Сейчас ты увидишь, что делает этот ужасный и необоримый яд!..

— Э-ээ, погоди, — Федор протянул руку к Мю, аккуратно не касаясь трубки. — Не губи зазря животину. Верю я что ужасный яд. Потому и не возьму. Вещь мне не привычная. Не дай бог, протечет со стрелы. Или просто пусканешь неудачно, оцарапаешься... Ну его, я уж по старинке... Воткну стрелу в землю, или в труп многодневный, перед пуском, — и довольно.

— Хм... — Мю — Поставил ужасающий стреломет на предохранитель, и вернул на полку. — Тогда другой вариант. — Есть у нас яд не убивающий, а как бы сказать, расслабляющий.

— Это как? — Не понял Федор.

— Расслабляет, снизу. Тоже почти мгновенно. Уж так человека снизу чистит — что сразу он не боец, и долго ему еще будет не до тебя. Ну а если сам ненароком уколешься... Пострадаешь полденька, а все ж будешь живой. Только воду не забудь хлобыстать, а то этот процесс сильно обезвоживает.

— Ну-ка, продемонстрируй. — Заинтересовался Федор.

— Сей момент...

Мю добыл с другой полки почти неотличимую, маленькую трубку, направил её на свинью, нажал пуговку, и... — Со свиньей случилось ужасающее, и с таким напором, что окатило и ближайшие стеллажи. Животина верещала, будто её режут заживо мелкими ломтями, и билась в конвульсиях, которые грозили её разорвать. Пошел и ожидаемый неблагоуханный дух.

— Гм... — Прокряхтел Федор, огладив щеки — Милосердной, если б ты её сразу ядом погубил. Экий ужас... В людей-то таким и стрелять страшно, простит ли Христос сие изуверство... Ладно... дай, пожалуй, таких, штуки три. Только маленьких, чтоб спрятать в поясе.

— Держи, — снабдил его Мю. — Может и пригодиться.

— Не приведи Господь. Только если совсем отчаянно будет дело, или подлеца какого встречу, который в аду всем брат, — только тогда использую я столь бесчеловечное оружие. — Дал себе обет Федор, засовывая трубки в поясные карманы.

— Есть у меня и кое-что еще более впечатляющее, — пообещал Десмонд, и увлек Федора подальше, от зловонного духа, и несчастных слуг, которым теперь предстояло приводить в порядок животное. Подведя Федора к отдельно стоявшему стеллажу, он снял с него толстую металлическую трубу, длиной в руку. Глянув на трубу, Федор увидел, что она искусно сделана в виде бронзового дракона. Передняя часть была в виде свирепой распахнутой пасти, а задняя, где должен был быть хвост, — оканчивалась ручкой на штыре, навроде как у корабельных помп, которыми на море откачивали с кораблей воду — только маленькой.

— Что это? С сомнением спросил Федор.

— Хиросифон, — Значительно произнес Десмонд. — Он же "Хиропироверхоманион".

— Хиро-пиро... — С трудом попытался произнести Федор.

— Или если говорить точнее, как его называли наши механики, — "РПО Мелисса"²⁸; что означает "Ручница Пожаро-Окатывающая".

— А почему "Мелисса"? — Уточнил Федор.

— Гм... Не знаю. — Пожал плечами Десмонд. — Так создатели называли, заблажило им. Может быть, — не прими за обиду, — чтоб простые солдаты могли не мучиться со словами вроде хиро-пиро.

— Толково, — согласился Федор. — Ну а что он делает? Слышал я про штуки под названием "сифон". На наших кораблях, да еще каросифоны, — на телегах при регулярной армии. Те штуки огнеметами были, и такое делали, что не приведи на себе испытать. А этот твой зачем?

— Так это и есть огнемет, — радостно рявкнул Мю — только маленький. Ну-ка смотри!

Десмонд схватил бронзового дракона, и побежал в самый дальний конец помещения, где на пустом месте было установлено соломенное чучело в виде человека, вроде тех, какими крестьяне пугают ворон на полях, и стал перед ним метрах в трех. Мю перехватил дракона поближе к пасти, и чиркнул встроенным в нижнюю челюсть небольшим колёсиком. Видать, там был установлен кремь и кресало, потому что заискрило, и в пасти дракона зажглась как бы маленькая лампадка. После того Мю схватился за заднюю рукоять на штыре, резко отвел её назад, — раздался всасывающий свист, и рукоять высунулась из драконьего тела. А затем Мю резко толкнул рукоять обратно вперед. Фукнуло! — из пасти дракона вылетело ослепительное пламя. Федор в испуге отшатнулся. А пламя уже, будто огненный змей, пролетело вперед, объяло всего соломенного человека. Жарко и жадно затрещало, фигура горела, будто её поразил сам бог, или, вернее по пламени — диявол.

— Ромейский огонь... — благовейно прошептал Федор.

— Так и есть. — Довольно заметил Мю. — Гнев богов в руках человека. Пугающе мощное оружие.

— На сколько он бьет? — Несколько оправившись спросил Федор.

— Зависит, с какой силой и скоростью толкнешь внутрь насос. У меня получается метра на три. Ты парень здоровый, у тебя и на все пять может выйти.

— А зарядить его снова можно?

— Можно. Но для этого надо секрет огнесмеси знать. Не простая это, видишь, смесь. Ко всему на что попадет, липнет. И это главный секрет, который знают только особо доверенные государевы люди. Всяк иной, кто попробует проникнуть в этот секрет — умрет. Не только с нас с тобой. С члена царской семьи голову снимут, если они попробуют сунуть свой нос в этот секрет. Так что в путешествии такой сифон зарядить нельзя. Использовал — вези домой, или выбрасывай. В сифоне секрета нет. Весь секрет в огнесмеси.

— Ясно... Дашь?

— Раз показываю, — дам. Сколько тебе?

— Две. Нет, три!

— Бери три.

Федор сграбастал трех драконов, к которым были приделаны удобные сыромятные ремни, для удобного подвеса на плечи.

— Ну что, — вроде все. — Прикинул Мю. — Есть у меня еще пояса, с деньгами, да

драгоценными камнями в них зашитыми.

— О! — Обрадовался Федор. — Давай!

— Не могу. Это мне крепко запретили тебе давать. Сказали, будет с тобой специальный казначей. Вот ему пояс и вручить.

— Приставили ко мне попа — пожаловался Федор. — Ему пойдут деньги. Чую, заморит он меня. Сам знаешь, какие попы жадные.

— Мд-а уж... — Цокнул языком Мю. — Все понимаю, — но приказ нарушить не могу. Не велено тебе давать денег. Впрочем... Есть у меня одно спецсредство. Посильнее греческого огня будет, подороже денег. Погоди-ка...

Десмонд убежал между стеллажей, и довольно долго отсутствовал. Наконец он вернулся, и гордо протянул какой-то сверток Федору.

— На, держи. Только потому отдаю, что глянулся ты мне. Не чурасься технических новинок, как некоторые.

Федор благодарно взял сверток, и начал его разворачивать. Внутри свертка, однако, ничего не оказалось. Тогда Федор сообразил, что видимо, в самой этой развернутой ткани что-то и заключалось. Он начал вертеть ткань так и сяк. Ткань была приятная на ощупь, гладкая, цвета навроде... кожуры сливы, только ярче и насыщеней. Федор еще пару раз повернул ткань, неожиданно она разошлась, рука провалилась и прошла сквозь ткань, — нет, не сквозь ткань, а сквозь отверстие. И наконец Федор сообразил, что держит в руках нечто вроде... Пододёжной набедренной повязки, только не скрутку как у простолюдинов, а специально сшитые на манер штанов без штанин... Федор подозрительно глянул на Мю.

— Это же... труселя?

— Так и есть! — Довольно подтвердил Десмонд.

— А... В них что-то зашито?

— Нет, ты что. Зачем бы.

— Я... Тогда не понимаю... Зачем они мне?

— Ох, ты село-деревня... — покачал головой Десмонд. — Во-первых, это ткань из чистого циньского шелка.

— И чего?

— Это значит, что с такой ткани любая вошь соскальзывает. Не будут тебя в походе кусать всякие гниды за причинное место. Но главное не это. Главное, как шелк окрашен. Это же финикийский пурпур²⁹, дурень!

— И чего?

— Да ты что? Не видел, что одежду такого цвета могут позволить себе только самые влиятельные люди? Эта ткань стоит в десятки раз дороже золота! Дороже соболей из русских земель! Не будь ты императорским агентом, — тебе бы такую ткань даже подержать в руках не удалось никогда. Мне запретили давать тебе деньги. Но я могу дать тебе ткань. — про это мне никто ничего не сказал. А главное, ты можешь спокойно носить эту драгоценность на теле. Пояс-то с золотом найдут при любом толковом обыске. Всяк дурак знает, что именно там прячут деньги. Но прощупав штаны, кальсоны могут и не снять.

— Они... правда так дорого стоят? — Уточнил Федор.

— Дороже всех твоих фантазий.

— Так я... Могу при случае отрезать от них кусочек, и что-то купить?

— Ты что, совсем бум-бум? — Десмонд постучал по деревянному стеллажу, — кому потом нужны маленькие лоскуты? Тут отдавать целиком. На крайний случай, половиной —

из половинок потом какой-нибудь мастер женский шарф, или ленту в волосы сделает... Эта вещь не для мелких сделок. И я тебе её не для того даю, чтоб ты в таверне мог кружку сивухи заказать. Это — на серьезный случай. Подкупить охранника, коли попадешь в плен, а может, даже перекупить ихнего командира. Или подарок влиятельному вельможе. Сообразил?

— Сообразил.

— Ну, одевай тогда.

Федор оглядел себя, вздохнул, — и начал снимать с себя многочисленную сбрую, в виде ремней сифонов, колчана, пояса... Процесс одевания пурпурного неприкосновенного запаса вышел долгим.

Глава девятая.

На следующее утро, после сытого завтрака, слуга — силой императорского повеления — пригласил Федора следовать за ним. Федор быстро оделся в верхнюю одежду, надел оленьи туфли, чтоб не грыхать по дворцу броне-сапогами, перепоясался мечом, — и воспоследовал. Слуга и привел его в небольшую залу, в западной части дворца, пропустил его в проходе, а сам остался у двери снаружи. Еще не вступив внутрь Федор слышал шум воды. Шаг за порог вынес новоявленного домашнего в залу, белого мрамора, с небесно-лазоревыми стеклянными изразцами на стенах и потолке. Журчал же устроенный в центре залы небольшой фонтан с низким бортиком, журчание которого ласкало слух, и упокаивало душу.

Но внимание Федора привлекли не небесной красоты металлические цветы на лазури, не упоительный фонтан, — а двое мужчин, что оказались в комнате раньше его.

Оба были священниками. Первый был, судя по одеже, ромейским прямоучительным-ортодоксальным священником. Его зеленое, цвета темной травы, долгополое одеяние скрывало почти всю фигуру, но не могло скрыть ни высокого роста, ни худобы, ни узких плеч. И лицо у него было худое, со впалыми скулами, чего не могла скрыть — тоже худая, хоть и густая борода. На лбу у него лежала хмуро-задумчивая складка между бровей, похоже, никогда уже и не расправлявшаяся. Волосы его скрывал такой же зеленой ткани клобук. И единственно, что выделялось в его одежде, это большой бронзовый нагрудный крест, свисавший с шеи на цепи. На том кресте был мастерски изображен сам спаситель, претерпевавший муки до вознесения. Второй же поп, был в чужацкой одежде. Его ширококостное, с хорошо надетыми щеками, и вторым подбородком, лицо, щурилось глазами-щеками, которые заплыли, однако скорее не от сытой жизни, а от хитрого разума. Выражение лица святого отца было полно благодати, которая Федору показалось несколько постной. Поп сей был одет более цветасто. На ноги его спускалась длинная серая рубаха, с широкой красной оторочкой, на которой были вышиты квадратные кресты, перемежавшиеся символом какой-то завитушки. Поверх же была одета неяркой красной краски накидка, которую так же украшали красные кресты, но уже вышитые каждый на специальном светлом круге. На груди чужацкого попа тоже был крест, но без спасителя, и наложенный на слитую с ним воедино бляху кругляша-медальона. Голову попа украшала круглая шапочка, передняя сторона которой была поднята выше чем остальные, как небольшой утес, на котором среди кругляшей-бляшек тоже был прикреплен металлический крест. В руках у попа был пастуший посох, с верхним концом загнутым в завиток.

Все это Федор уловил своим наметанным военным оком с первого взгляда. А со второго взгляда, углядел он, что оба святых человека попали в комнату не сильно раньше его, и

видимо, до того не были знакомы. Ни тот ни другой не воспользовались скамейками у фонтана, не вели беседы, но и не игнорировали друг друга, наоборот, пялились перехлестывая взглядами, теперь перескакивая глазами еще и на Федора. Краем у Федора пробежала мысль, не специально ли всех троих ввели в комнату почти одновременно? В зале было несколько одинаковых дверей, видимо попы попали в зал через них. Федор вспомнил, что ведущий его слуга идучи по дворцу то притормаживал, то ускорялся, перекидываясь короткими безмолвными знаками с другими слугами. Если троих специально ввели в комнату синхронно, то служба у слуг василевса была поставлена не хуже, что выучка лучших отрядов гвардейского войска. Может, даже и лучше. Ведь солдаты в тагме совершают маневры одновременно, у друг друга на виду, а в от как можно одновременно привести трех людей с разных сторон? Разве только зная маршрут, и помня путь по каждому до секунды.

Первым из троих заговорил чужацкий поп. Пока Федор ворочал в голове свои мысли, он поклонился, сперва другому священнику, а потом Федору, склонив голову так, что это выглядело уважительно, но без потери достоинства, и сказал ласковым мелодичным голосом — Пакс вобискум, — и тут же перейдя на хороший греческий, почти без акцента — мир вам, добрые люди.

Поп отечественного разлива поклонился в ответ, так же оставив второй поклон для Федора.

— С божьей помощью, здравствуйте.

— Здравствуйте, святые отцы! — Звучно поздоровался Федор.

Еще мгновение все изучали друг друга, пуская взгляды в разные углы человеческого треугольника.

Наконец, ромейский поп, поразмыслил, шурша длинной одежей, приблизился к Федору, и протянул тому свою руку для благословения. Но Федор хоть и был солдат, не был наивным простачком. Он уже сообразил, что скорее всего два этих попа как раз те, о которых говорил ему император. Значит этот долговязый аспид пред ним, был держателем казны, лишившим Федора благодати финансовой самостоятельности. Целовать после такого поповскую руку Федору совсем не хотелось, — чай не Патриарх до него снизошел. А кроме того, он держал в виду слова императора, что в экспедиции все таки он, Федор будет главным. А как Федор крепко усвоил с молодых ногтей по службе, кроме званий существовала и негласная иерархия. Бывало, что в отряде мнение рядового уважаемого бойца значило крепче, чем слово десятника. Бывало, что приказы десятника исполнялись только там, где увильнуть совсем было нельзя, и просить такой десятник мог не больше, а то и меньше, чем спрашивали с него самого вышестоящие. Быстро прокрутив все это, — Федор подхватил протянутую ему вниз ладонью руку и бодро сжал её в сердечном воинском приветствии, — за запястье, да для пущего эффекта еще и энергично тряхнул — пусть поп-то увидит, как Федор встрече с ним радуется.

Хмурая складка на лбу священника еще больше усугубилась. Он непроизвольно тоже схватил запястье Федора, и только после пары потряхиваний отпустил, и убрал руку, машинально обтерев её об рясу. К мимолетному злорадству Федора, однако, притесалось ощущение, — несмотря, что рука священника была узка да костлява, хватка у того была вполне ощутимая. Федору уже приходилось сталкиваться с такими костлявыми, но цепкими, а иногда даже и сильными. Такая сила была не наработанная упражнением, а природная. Или же наработанная трудом, который не развивал стать, но какие-то части тела — так часто бывало у крестьян. Сутулые от труда, не имеющие красивой постава и лепой

округлости мышц, но цепкие будто сами черти что тащат в пекло.

— Позвольте мне представить себя, — тем же ласковым голосом прорек иностранный поп, — я состою при канцелярии папской курии первопрестола его святейшества папы римского. Мое скромное имя — иеромонах³⁰ Окассий.

Поименованный отцом Окассией умолк, и выжидательно глянул на ромейского священника. Федор присоединился.

— Порученец канцелярии первочтимого константинопольского патриарха, — иеромонах Парфений, — отозвался православный священник. Голос у него оказался без присущей коллеге кошачьей мягкости, но тоже напевный, хоть и делал акценты на другой лад.

"Вот странное дело — отметил Федор, — оба монахи. Им бы в монастырях положен сидеть, а они у своих пап в особых поручениях..."

Оба священника теперь воззрились на Федора.

— Из отряда священной особы автократора римской державы, — слово и рука императора, — domestik-протектор Федор. — Отбил он, старательно проговаривая новое для себя, почетное звание.

Западный священник Окассий еще раз поклонился, обоим наперстникам. После чего все еще несколько мгновений лупали друг на друга глазами. Федор решил, что надо уже брать инициативу на себя, и открыл уже рот, как вдруг, — почти синхронно с его ртом — отворилась еще одна дверь в залу. Федор на всякий случай закрыл рот обратно, и очень вовремя. Потому что через ту дверь вошел, плавно плывя в своем белом с золотыми нашитыми травами одеянье, евнух Игнат. Этот благостный человек, носил звание паракимомена, суть — рядомспальника императора. И как и полагает человеку обличенному такой близостью к телу императора, власть он имел огромнейшую. Федор стукнул себя в левую часть груди старым ромейским военным салютом, и за тем глубоко поклонился. Парфений успел согнуть стан чуть ли не раньше его. Мгновением позже, их примеру последовал иностранец Окассий.

Игнат метнул в каждого из них быстрый пытливый взгляд. Несмотря на приятную округлость лица, он не наел пухлых телес, которые так часто одолевали лишенных мужественности евнухов. Говорили, что Игнат не чужд физическим упражнениям, стараясь, сколь можно, держать в узде свою природу.

— Вижу, вы уже успели познакомиться, — звонко обратился ко всем разом Игнат.

— Успели, рядомспальник, — почтительно ответил Федор, стараясь не вспоминать, и не пускать в лицо, как буквально день назад Игнат свирепо требовал его казни.

— Хорошо, — энергично сомкнул ладони Игнат — потому что именно вам предстоит исполнить древний договор, от лица римского императора — он кивнул на Федора, — константинопольского патриарха — кивок на Парфения, — и досточтимого италийского папы — клевком головой на Окассия. Прошу всех помнить, что это военная экспедиция, под юрисдикцией и главенством Римской Державы. Старшим в вашей миссии, как это и положено по рангу, будет domestik — представитель императора римской державы. За ним общее и военное руководство. Досточтимый Парфений выступит казначеем, на него ляжет финансовое обеспечение экспедиции. Почтенный отец Окассий будет наблюдателем от папского престола, а также поможет связаться с хранителем единственного — увы, единственного! — уцелевшего у италийцев меча. Так святой отец Парфений выступит советником и светочем веры, — буде такая помощь понадобится. Окассий же восподдержит

его в этом, насколько ему позволят его латинские догматы. Так же святые отцы помогут, если где в пути, вы сочтете нужным изобразить религиозное паломничество. Надеюсь, с распределением полномочий все понятно?

Все трое кивнули. Федор, за заметно большим удовольствием, чем святые отцы.

Игнат повернул свой взор к отцу Окасию, и обратился к нему.

— Как я уже сказал легату его святейшества, который доставил тебя сюда, — на территории богохранимой римской державы с древних времен бережно сохранены пятьдесят, — то есть пять полных десятков — особых клинков. Древние документы об месте и способе хранения мы вам предоставили.

— Слава и благосостояние Ромейского государства неоспоримы, — с почтением кивнул Окассий.

— Однако, данные клинки находятся на страже столицы славного Нового Рима, — града Константинова. Цель же вашего путешествия — предварительная разведка возможной угрозы. В древности, таких клинков было больше, чем сейчас. Поэтому, с целью собрать все возможное, мы дали поручение нашему domestiku, отправится еще в одно древнее хранилище; прежде чем встретится с вашим и персидскими хранителями клинков. Твой легат сказал, что ты хочешь сопровождать domestika и в этой части путешествия. Но должен предупредить — миссия предстоит опасная, ибо хранилище находится ныне на землях занятых безбожными муслимами. Не передумал ли ты сопровождать domestika? Не лучше ли тебе дождаться его возвращения здесь, под крышей гостеприимства императора?

Окассий вежливо отступил на шаг, однако медленно качнул головой в твердом отрицании.

— Сам его святейшество, наместник первочтимого престола святого Петра, дал мне прямое поручение: — наблюдать за ходом этой миссии на всем её протяжении, и дать ему полнейший отчет. Поэтому, я должен увидеть все, что... Ромейская держава не сочтет нужным скрыть от нас.

— Ромейская держава ничего не скрывает от союзников. — Нахмурился Игнат. — Речь лишь о твоей безопасности.

— Под Божьей дланью буду невредим и в гуще битвы, и в сердце бури. — Отмолвил Окассий. — Если же Господь решит призвать — не проживу и лишнего мига в постели своей. Так мы понимаем христову веру.

— Так понимаем её и мы! — Поспешил вернуть со своего места Парфений.

Игнат бросил неодобрительный взгляд на некстати вклинившегося Парфения, и снова обратился к Окасию:

— Но если с тобой что-то случится, кто сведет наш отряд с хранителем папского меча в Антиохии?

— Это сделает один из аколитов, что прибыли с легатом к вашему двору.

— Хорошо, — развел руки Игнат. — Ты предупрежден, и в этом вопросе волен поступать, как сочтешь нужным.

Евнух собрал группу взглядом, и обратился уже ко всем.

— В полдень из гавани Феодосия отбывает купеческий корабль "Наперстница Ветра". Он идет с грузом к Сицилии. На нем вы, не привлекая внимания, достигнете острова. Хозяину заплачено. Места для вас забронированы. Теперь — собирайте вещи.

Глава десятая.

Часа за два до полудня, слуги без опознавательных знаков императорской службы, подали три одиночных паланкина, посадили в них Федора, Окассия и Парфения, каждого в свою кабинку, вынесли их из боковых ворот Большого Дворца, и споро понесли их по шумным улицам самого большого города мира. Народ спешил по своим делам, гомонил. Пред Федором за завесой окна мелькали сотни платьев и лиц. Горожане, мастера, солидные купцы, городская стража, уличные мимы... Навесы торговых лавок, и телеги, подвозящие к ним товар... Пестрая одежда, многоголосье, где в привычный греческий вплетались и десятки других языков... Все это проносилось, а Федор вдруг неожиданно подумал — доведется ли ему вернуться, и увидеть все это когда-нибудь? Пред ним, несомым спорыми ногами слуг, проходили знакомые виды многолюдного форума Феодосия, и Федор машинально подумал, что были пути к гавани Элевтерия, и покороче. Но для папского посланника выбирали наиболее величественные и красивые виды, из тех, что были в этой части города. Наконец носильщики свернули на одну из боковых улиц, и скоро внесли паланкины к порту.

Гавань встретила запахом морского ветра, смолы, рыбы, пота, скрипом телег, кряхтением носильщиков и руганью купцов и приказчиков, волновавшихся за свой товар. Здесь, по совету слуг они спешили. В многолюдье портовой толкучки паланкины двигались бы слишком медленно. Федор пробирался за головным слугой мимо зданий торговых товариществ, между тюками и бочками. Покрикивали в небе и на пристани говорливые наглые чайки. Скрипели каким-то сложным, мелодичным скрипом корабли у пирсов. Идя за слугой Федор отметил, что двое его спутников — святых отцов, сменили свои богатые платья на более подходящие к путешествию. Изумрудная зелень одежд Парфения, уступила место темной долгополой рубахе, и такому же клобуку. Окассий же переоделся в серое верхнее платье, вышитое более темными крестами... Чтож, это было разумно — не стоило священникам светить в дороге слишком богатым платьем. Это лишь привлекало бы внимание, и без большой свиты вызывало много вопросов. Сам Федор так же оставил во дворце почти ненадеванную форму Доместика, и оделся просто — серые штаны, серая же наддоспешная рубаха, а поверх — коричневая накидка, которую можно было одеть и как плащ, и как верхнее платье, благодаря широким рукавам, — что было чрезвычайно удобно, при одетом на плечи рюкзаке.

"Наперстница Ветра" оказалась пузатым многопалубным кораблем, таким высоким, что впервые увидев его, Федор поразился, — как эта плавучая башня не переворачивается? Из его палуб на корме и носу вырастали две надстройки, которые торчали над водой метров на шесть. А мачты, коих было три штуки, были еще выше! Все это было опутано немислимом количеством веревок и лестниц, а в стороны торчали еще лопасти сушащихся весел, которые выглядели как недоразвитые плавники какой-то фантастической перекормленной рыбы.

Слуги подвели Федор со спутниками к сходням, перемолвились парой слов с вахтенным, и отступили в сторону. Федор и святые отцы вскарабкались по крутой доске с набитыми планками и одним боковым поручнем, вверх, на палубу, где и были встречены сперва комесом, — как тут было принято называть помощника капитана, а затем и с самим капитаном, который носил тут звание "патрон"³¹. Несмотря на то, что команды и звания тут были на латинский лад, капитан представился Авксентием Килликийцем, и Федор так и не понял, было ли второе слово указанием на родину морехода, или просто прозвищем. Энергичный, краснощекий, дорого одетый, и надушенный так, будто искупался в бочке духов, капитан вызвался препроводить своих гостей к их каюте. Обходительно лавируя он

умудрился вести гостей за собой, при этом почти не поворачиваясь к ним спиной.

Сперва Федор, несколько ошеломленный могучим парфюмом капитана, шел за ним на расстоянии. Но затем, буквально через несколько шагов, ему в нос ударил такой отвратный шмон, что он едва не схватился за нос. Пахло дегтем, скотским навозом, и человеческим не-навозом, давно немытыми телами, тухлой рыбой, испорченным мясом, прогорклым жиром, кислыми нотками рвоты, и еще чем-то не менее отвратительным. Федор на ходу заозирался, пытаясь понять, откуда идет столь мерзостная вонища, но через несколько секунд понял, что это разит сам корабль, каждой своей доской. Федор был военным, и сам знал толк в запахах. Несколько недель похода оравы мужиков в полных доспехах под солнцем, да еще смазанных жиром для предохранения от ржи, могли натренировать любой нос. Портянки размотанные на привале могли удивить богатством оттенков запаха даже свинью из давно не чищенного загона. Однако, не имея доселе близко дел с кораблями и моряками, воин почему-то был уверен, что постоянная близость к воде дает им некие преимущества в гигиене. Сейчас эти иллюзии полностью разбились, и Федор, дотоле сторонившийся капитана, постарался идти к нему как можно ближе. Увы, — сильно лучше от этого не стало. Запахи только смешались, будто полк больных диареей солдат справил нужду в разгромленной парфюмерной лавке... Обернувшись на спутников, Федор увидел, что Парфений с осоловелыми глазами откровенно пытается зажимать лицо рукавом своей долгополой рубахи, а — видать — более опытный в морских путешествиях Окассий, напрыскал на полотняную тряпочку ароматической воды из какого-то пузырька, и угнездил свой нос в это спасительное прибежище.

— А, я вижу вы морщите нос, благородные господа, — разглагольствовал на ходу Авксентий — пробираясь по палубе. — Ничего не поделаешь, — запах моря, запах странствий. Вижу, один из святых отцов запасся мускусом. Что ж не подсказал остальным? И времени нет вам купить в порту благовоний, — мы скоро снимаемся с якоря. Впрочем, если хотите, могу по своей цене продать вам крепких духов. Держу их как раз для такого случая. Не хотите ли? — И капитан озвучил цену, изрядно чрезмерную.

— Такие деньги платить за твой парфюм, что в воду метать, — буркнул Парфений. — Может, договоримся на мену, взаимнообразно?

— Это как? — заинтересовался капитан.

— Ну, ты уступишь нам толику духов, — а я благословлю твой ковчег, и испрошу у Господа нашего для него благодати, и всякой удачи в путешествии.

— Э, благодати... — Выдул через щеку капитан. — Да я ж католик.

— А это по-твоему кто? — Тут же указала Парфений на Окассия. — Хочешь, так думаю, не откажет святой отец благословить твое судно и по латинскому обряду.

— Истинно, — кивнул Окассий, — дабы не страдали спутники мои, — не откажу.

— Эх, досточтимые отцы, — Взмахнул руками капитан. — Благодать-благодатью, а если я начну продавать товар не за деньги, так и разорюсь. Если соберетесь купить за честную монету, обращайтесь. — Он глянул на Федора — А ты, благородный господин. Вижу, ты не из святых людей, может тебе надобно духов?

Федор подумал о мощне, которой распорядился рачительный Парфений, и покривил рожу.

— Я, видишь ли, солдат. К запахам привычный.

— Эх, — хохотнул Авксентий, — где моряк запах, — там солдат прослезился. Ладно, не отставайте господа мои.

— Вам повезло, — жизнерадостно блажил капитан, взбираясь по крутому трапу на носовую надстройку, — обычно в это время бывает много пассажиров. — Но сейчас почему-то затишье. Раз на раз не приходится, да. Всех пассажиров кроме вас, только какой-то малый купчина, который везет несколько племенных телушек. Бог ты мой, мы еле подвесили их на лямки. Видели бы вы эти туши! Боюсь, как бы они не проломали мне борта при качке... Трюм забит амфорами с вином. Хозяин встретит их в порту, груз сопровождает один из его доверенных слуг. Вино у него дрянь, покупает его где-то у болгар. Самую дешёвку, бог знает, из чего они его гонят, а поди-ка ты, — еще и возит его через море, и имеет навар, а? Еще немного холстины, тоже грубая, для бедняков. Этот армянин торгует с бедняками и богатеет на этом. Предприимчивый муж, чего говорить... Здесь осторожно, господин, осторожно святые отцы! — крутые ступеньки... Да, груз у меня в этот раз средний, хорошо еще, что вы подвернулись в качестве пассажиров. Но надо во всем стараться находить хорошее, господа мои. Груз с малой ценой, — значит и малые проблемы с пиратами. Не правда-ли?

— А что пираты? — заострился Федор, поспевая за хозяином.

— О, пираты! — Сплюнул за борт Авксентий. — Бездельники, наживающиеся на честных мореходах. Такое ощущение, что они рождаются из лягушачьей икры, такое их несметное количество. Говорят, когда-то, века назад, ромейская держава почти вычистила от них и мраморное, и черное, и в все средиземное море. Можете в такое поверить? Хотел бы я плавать в те времена... Увы, с тех пор как Романия сражается на море с арабами, и с нортманнами, пиратам полное раздолье. Много войны, мало порядка. Если корабль не сопровождает военный дромон, пираты тут как тут. Большая удача проскочить, не встретив этих лихоимцев.

— А что же, если встретить? — Уточнил Федор.

— Тут уж ничего не попишешь. Придется им заплатить пиратскую пошлину. Этим прохиндеи ведь взимают налог за проход, будто они сами королевская стража на дорогах.

— И много им надо платить?

— Как повезет. Тут отношения договорные. Он смотрит сколько у него сил, сколько у меня воинов на борту... Вот сейчас, кроме матросов у меня охраны на борту нет. Невыгодно нанимать на такой рейс. Тут уж пират сам назначает цену. Порядочный пират не возьмет больше десять-пятнадцать процентов от стоимости груза. Они ведь понимают, что если разорят купцов, — то им самим не с чего станет кормиться. Но ведь встречаются и наглецы, которые берут тридцать, а то и сорок процентов! Это уже не по-божески, как ни крути.

— А могут ли попасться такие, которые захотят взять все?

— Ну это уж форменные беспредельшики! Бывают и такие, но редко. Это, чаще, если попадешься не к единоверцам. Эти могут и корабль отнять, и самого продать как живой товар, оборони нас господь... Так что если уж вдруг встретим пиратов, вы уж держите денюжки наготове, и постарайтесь с ними не пререкаться. Это нам всем может выйти боком. Хотя есть среди пиратов и порядочные люди, клеветать не буду. Вот в позапрошлый рейс, вез я одного знатного вельможу из Рагузы. Пираты тут как тут, выскочили из-за острова, вскарабкались на борт, досмотр, то да сё. Вельможа то вышел из каюты, весь важный... Пираты его сперва хотели в плен взять и ждать выкупа, но тот такой-сякой, речистый. Убедил их, что выкуп долго, и еще дойдет ли. Убедил их, что лучше он их наймет честным образом, чтобы, значит, они его сопровождали до конечного порта. И что вы думаете? Те взяли деньги, и действительно, исправно сопровождали мой корабль, честь по чести. Правда, на третий день мы встретили другого пирата, на огромной галере, и наши

сопровождающие все же сбежали. Пришлось вельможе еще раз платить, на этот раз просто за проезд. Вельможей быть хорошо, крестьяне в имении работают, деньги тебе приносят. Можешь деньги спокойно отдавать, твои люди тебе еще наработают. Не то, когда все твое состояние — это корабль, только и трясешься, как бы не отнял его какой лихоимец. Не правда ли, господа мои? Но вот, прошу, ваша каюта.

Каюта располагалась в носовой надстройке, и её крыша служила самой верхней носовой палубой, на которой уже шел фальшборт. Это оказалась вполне сносная, если не считать все того же запаха, комната, похожая на нишу в казарме, или комнату в дешевой гостинице. Было в ней двое деревянных нар, пристроенных прямо к стенам, с лежанкой снизу и сверху на каждой — всего стало быть четыре. Между был расположен стол — толстая доска висела на четырех прикрученных к потолку канатах. Напротив двери было маленькое круглое смотровое окно. В потолке еще одно отверстие — зарешеченный световой люк, который мог задвигаться дверцей. Под люком на полу застыл птичий помет, видимо на нем любили посидеть морские птицы. В стороне от дверного проема — принайтованный к полу сундук, и двухдверный шкафчик. Все.

— Ну вот, ваше жилище на время путешествия. — Махнул рукой капитан. — Есть у меня на корме каюты и пороскошнее. Но те одноместные. Раз вы хотите ехать втроем в одной, — придется довольствоваться этой. Располагайтесь.

Федор машинально подумал, что императорская казна могла бы расщедриться и по каюте на каждого. Впрочем, нет худа без добра. Когда вместе и каюту не обворуют, и приглядится друг к другу проще будет.

Троица путешественников зашла в каюту. Пока Федор прикидывал, как лучше разместить между шкафом и сундуком связку с пиросифонами и щит в чехле, — Окассий тут же запихнул под кровать свой посох, хлопнул свою котомку на одну из нижних полок, а затем и сам свалился на ней объемистым задом. Парфений, следуя его примеру метнул свою переметную суму на другую нижнюю полку, и приземлил на неё свой афедрон. К тому моменту, как Федор обернулся к нарам, обе нижние койки были заняты. Вот блин!.. Рассудив, что негоже при посторонних дрючить по пустякам святых отцов, Федор забросил свои пожитки на оду из верхних коек. Ничего, солдату не привыкать...

— Кормежка на судне два раза в день, вам будут приносить. — продолжал инструктаж стоящий у дверей капитан. Сухари у нас двойной закалки, так что рекомендую их размачивать, если бережете зубы. Вода на камбузе, с ней проблем нет, благо мы не уходим далеко от берегов. Стол на подвесе, это позволяет не проливать еду на волне. Но если будет штормить, не забудьте прицепить его крюком снизу, — а то он вам всем переломает ребра.

— А как мы узнаем, что будет штормить — решил уточнить Федор.

— О, вы узнаете! — Смял лицо в веселой улыбке капитан. — Это пропустить невозможно... Что еще?.. Каюта врача на корме, если понадобится, он же у нас и за цирюльника. Ниже главной палубы лучше не спускайтесь. Трюмы запечатаны, а на твиндеке живут галеоты.

— Кто упомянутые сии? — заинтересовался Парфений.

— Так мы зовем гребцов. Они люди низкие, подлого происхождения. Живут в скотстве, и так же развлекаются. Таким почтенным людям как вы, не стоит опускаться до их общества. — Капитан отступил на шаг, выходя за проем двери. — Чтож, не буду вам мешать обживаться. За время плавания мы еще увидимся не раз.

С этими словами капитан аккуратно притворил дверь. Федор удовлетворённо приметил,

что изнутри дверь оснащена добрым железным засовом.

Все трое завозились, устраивая личные вещи. Федор положил скатку с кольчугой и меч на ту сторону нар, что спрягались со стеной, чтоб не свалились. Провел рукой по одеялу, хлопнул по подушке. Ткань на подушке была жирной на ощупь. Одеяло тоже не внушало доверия. Ночью, скорее всего, на беззащитную троицу совершат свой злодейский налет вши, и прочая живность. Чтож, и к этому солдату не привыкать... Сгрузимся с этого корыта, — повыведем.

Утвердив свои вещи, Федор свесил ноги с койки вниз.

"Вот — подумал он — путешествие уже. Считай и началось. А я про своих спутников еще и ничего толком не знаю. Нужно к ним присмотреться, перетолковать, прикинуть кто из двоих чего стоит. Мало ни мало, возможно жизнь моя от них будет зависеть".

Мысль была верная, однако, Федоту в жизни своей почти не случалось общаться со священниками, за исключением службы в храме. Поэтому он не очень представлял, как завязать разговор. Нужно было как-то закрутить беседу, а уж дальше оно само пойдет. А святые отцы меж тем, тоже закончили возиться с постелями и поклажей. Иностранный поп Окассий сел, ссутулившись на койке всем своим широким телом, и благожелательно улыбнулся. Парфений, приложив переметную суму рядом с подушкой, сел напротив, прямо как палка, затем откашлялся и огладил бороду.

"Спрошу-ка я этого Окассия, часто ли ему приходилось до того путешествовать на кораблях — наконец придумал Федор. — Он видать, в морских ходках человек бывалый. Спрошу у него совета. Советовать, да поучать, всяк любит — вот и закрутится беседа!"

Обрадовавшись своей находчивости, Федор уже открыл рот, но — как и в случае с кроватью, — не успел.

— Славен Бог, — вдруг важно изрек Парфений, — испытующе глядя на Окассия.

— Во веки-веков, — тут же, не менее важно отозвался Окассий.

— Аминь. — Припечатал Парфений.

Оба святых отца помолчали. Федор решил, что теперь-то самое время ему заговорить, и... — опять опоздал.

— Рад я, что и на западе, в варварских землях, хранят святую христианскую веру, не забывают отцовское благочестие, — снова подступился Парфений.

— И я рад, что в ваших греческих землях не иссякли богоносные мужи взыскующие к святой истине. — Немедленно отозвался елейным голосом Окассий.

Федору отчего-то внезапно свело рот судорогой, и он зевнул.

— Гм-м... — Прочистил рот Парфений. — Да, храним лампаду истинной веры, как нам святые апостольские мужи заповедовали. Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя Творца неба и земли, всего видимого и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца прежде всех веков...

— Голос Парфения звонко бубнящего, стал напевным, да еще на световом люке сверху закурлыкала какие-то птицы, и Федор почувствовал, что почти засыпает, как в детстве, под материнскую колыбельную. Вернее, начинает дремать тем особым образом, с открытыми глазами, как умеет любой опытный солдат. Федор встряхнул головой, и решил, что раз на него накатывает сон, нечего спать сидя, — когда можно сделать это лежа? Поэтому он закинул ноги обратно на свою полку, и растянулся. Ладно, пусть святые отцы поговорят о своем. Время прощупать их еще будет. С тем Федор и прикрыл глаза, уплывая в сон под звук приятного голоса.

— Веруем и в Духа Святого, — Продолжал свой напевный речитатив Парфений — Господа, подающего жизнь, исходящего от Отца...

— ...и от Сына. — тихонько прибавил на заднем фоне Окассий.

— Не-еееет!!! — Громоносным гласом вдруг рывкнул Парфений.

...Федор подскочил на койке, судорожно сжимая сам-собой оказавшийся в руках меч, и свесил голову вниз.

— Нет! — Еще раз громыхнул Парфений, голосом, утратившим всякое благозвучие. — Нет духа святого от Сына!

— Идет дух святой и от Сына тоже!³² — Упрямо дёрнув головой взвизгнул Окассий.

— Не идет!

— А вот идет!

— Скверное и богопротивное глаголение! — Заревел трубным басом Парфений. — Святые отцы-каппокадийцы о том еще в древности изрекли золотое слово на втором вселенском соборе! Только от Отца исходит дух!

— А блаженный Августин Иппонийский, что же? — Приподнялся на постели Окассий. — Разве перестал он считаться отцом матери нашей церкви, святейшим и богоносным мужем?!

— Августин — муж апостольской святости, — Гукнул Парфений — и что?

— А то! Что называл Августин Отца и Сына одним началом для духа! — Победно возгласил Окассий.

— Превратно уразумели, и дерзновенно переврали вы Августина, — отмел широкой ладонью Парфений. — Запутались в душевредных умствованиях! Нашел себе диавол скудельные сосуды! Не идет святой дух от Сына! Понимаешь ты это? Или совсем дурак?!

— Сам дурак! — Взвизгнул Окассий. — Да искаплют горы сладость и холмы правду! Как есть говорю — идет от Сына дух святой! А кто глаголет противу, того святая католическая церковь анафемствует!³³

— Нет правды против Бога! Это вас святейшая православная церковь анфемствует!

— Да ты схизматик!³⁴

— Сам схизматик! Защитник нечестия!

— Э-ээ! — Протянул руку вниз Федор. — Святые отцы? Вы чего?..

Голос Федора, однако, потерялся в реве двух священников.

— Безумствующий нечестивец! — Завопил Парфений потрясая кулаком.

— Демонский слуга! — Брызнул слюной Окассий.

— Китовидное чудище!

— Женоподобный муж!

— Сам ты педри!..

— МООООЛЧАААААТЬ! — Рывкнул Федор так, как рывкал на новобранцев на плацу. — Ветер пронесся по каюте. С бритой макушки Окассия слетела его широкополая шляпа, и повисла за спиной на тесемочках. Парфений испуганно смял в кулаке бороду. Со стороны светового люка раздались заполошные взмахи крыльев, и вниз свалилась еще толика свежего помета.

Наступила тишина.

Вы что морды поповские, совсем нюх потеряли? — Зловеще зыркнул потемневшими синими глазами Федор, на оторопевших святых отцов. — Послал мне бог спутников... Вам сам римский император, да константинопольский патриарх, да твой заморский папа

римский в довесок — дали приказ: Ехать вместе по наиважнейшему делу за тридевять земель. А мы еще от гавани столичной отплыть не успели, как вы перелаялись из-за какой-то неведомой херни, — копые мне в печёнку!

— Не херня это, а символ веры! — Возбух на койке Парфений.

— Святые апостольские заповеди! — Поддакнул Окассий. — На этом столпе вся...

— МОООООЛЧАААААТЬ! — Снова продрал глотку Федор. (Птицы снова возмущенно взвились над люком). — Заткнитесь оба! Я даже не понимаю, что вы тут несете, прости меня Господи!.. — Федор на всякий случай размахисто перекрестился, и выпустил воздух. — Вы что, милостивые господа, еще не поняли, как мы влипли? — Зловещим и проникновенным голосом спросил он, давая волю думам, которые начали обуревать его с утра, когда прошла эйфория от внезапного помилования. — Да ведь нас послали туда — не знаю куда. Найти то — не знаю что. В белый свет, — как в копеечку. И велели, пока не выполним приказ, — не возвращаться.

— И что? — Пожал плечами Окассий. — Дали нам перовначальники важный приказ. Обличили высоким доверием.

— Да это почти ссылка, — потрянул рукой Федор. — К смерти в лапы. На такое дело посылают или самых лучших, или...

— Или что? — Уточнил Парфений.

— Или таких как вы. — Буркнул Федор. — Другие остались сидеть в уютных монастырях, да в светлицах у патриарших палат. А вас послали в... Как думаете, почему? Да потому что вы начальство свое достали, — как геморрой писаря.

— Чем же это? — Насупился Парфений.

— Откуда я знаю? Может жрете много. Может, слишком умные. Меня вон, за пять минут довели. А уж как вы должны были своему начальству надоесть...

Парфений и Окассий переглянулись.

— Ну а ты сам? — Спросил Окассий.

— Что я? — Буркнул Федор.

— Ты-то с нами как оказался? Тоже, выходит, проштрафился?

Федор почесал затылок.

— Я, это... Меня за вами послали присматривать.

Парфений и Окассий молча скептически ухмыльнулись. Федор вдруг заметил, что когда оба попа перестали ругаться, оба вдруг оказались очень похожи лицом — чисто родные братья. Разве что Окассий был щеками потолще и с выбритой лысиной на голове, а Парфений повыше и с длинной бородищей.

— Солдат, хоть глуп и невежа, — Окассий искоса взглянул на Федора, — однако же прав. Сложное нам предстоит дело. Негоже нам сейчас ссорится.

— И верно, — огладил бороду Парфений. — на время общего дела, позабудем разлады, брат. Хоть и по-разному славим мы Бога, все же оба мы добрые христиане.

— Заключим на время путешествия крепкий союз! — Предложил Окассий. — Не будем искать вражды, давая рост дьявольским козням.

— Верно! — Поддержал Парфений. — Будем говорить не о том, что разъединяет, а о том, что объединяет. Поговорим о богоносных мужах церкви, которых признают и у нас на востоке, и у вас на западе!

Немало таких мужей в истории церкви! Богато жито Христово! — Воодушевился Окассий. — Вот, вспомнить хотя бы... Помпония Путетольского.

— Помпоний Путетольский — боголюбезный муж, — подумав, согласился Парфений. — Его выступление на первом Вселенском Соборе до сих пор есть завет отцовского благочестия. А что же Пасхазин Кордубский?

— Истинный божеский угодник! — Радостно подпрыгнул на койке Окассий. — Медоречивый златоуст!

Федор нахмурил брови, почувствовав недоброе. Святые отцы же воодушевились, и скоро имена посыпались как сильный град.

— Дульсидий Мираликийский!..

— Экзюперий Антиохийский!..

— Мундиций Халкидонский!..

— Лампридий Капуийский!..

— Нумериан Аретузский!..

— Санктиссим Фессалоникийский!..

— Плусиан Долихийский!..

— Хрисорит Птолемаидский!..

"Что ж за имена-то у древних святых отцов? — Мрачно подумал Федор, ерзя на кровати. — И как их только нынешние святоши выговаривают? А я даже большинства названий городов откуда они родом не знаю, наверно их уж и нет давно. Велика была в древности Ромейская держава..."

Попы меж тем не унимались.

— Опортунт Фикулийский, — богопотребнейший муж!..

— Пасхалий Лиллибейский, — цветок во Христовом саду!

— Этот ваш, местночтимый, мы его не канонизировали...

— Ну и ладно... Лампридий Нерониадский!..

— Дионисий Ираклеопольский!.. Гроза лукавых ариан-аномеев!..

— Примасий Нерониадский! Гонитель монофизитов!..

— Дезидерий Долихийский...

— Раввула Библосский!..

— Дамасий Аморийский!..

— Евлалий Элионопольский!..

— Перпетуй Пиктавийский!..

— Филипониан Олизиппонский!..

"Извести меня решили, — медленно сатанея стиснул зубы Федор. — Даже не знаю, что лучше, когда он ссорились, или как помирились".

...Гервасий и Протасий Маркианопольские! — Победно выкрикнул Парфений, от чего Окассий буквально застонал в экстазе.

Федор не выдержал:

— Да святые же вы отцы!.. — Простонал он сверху. — Я понимаю, что все, имена кого вы перечисляете, наверно, были почтенные люди...

— Весьма почтенные! — Громыкнул Парфений. — Весьма!!!

— Очень! — Поддакнул Окассий.

— Но нет ли у святой церкви нет достойных людей с именами... покороче?

— Как же нет? — Удивился Парфений. — Их есть! — Вот хотя бы....

— Вит Тирский, — вспомнил Окассий.

— А Пап Фивский? — Поддержал Парфений.

— Да. А Тавр Римский?
— Ну! А Мунд Лиддский?
— Это еще куда ни шло... — Утер пот Федор.

Коротких имен у святых отцов, однако хватило ненадолго.

— Элладий Лаодикий-Сирский! — вдруг вывалил Парфений.
— Филогоний Кесарии-Каппадокийский! — не остался в долгу Окассий.
— Фебадий Епифании-Киликийский!..
— Потамон Селевкии-Исаврийский!..
— Кандидиан Самосато-Сирский!..
— Флорентий Петро-Идумейский!..
— Там их еще много? — Уныло спросил Федор.
— Да мы еще даже и не начали! — Фыркнул Парфений.
— Только разминались. — Воодушевленно подтвердил Окассий.
— Сильна дедовским благочестием апостольская церковь!
— Глубока сокровищница святых мужей!
— Воспомянем лучших из них!

"Твою ж медь"... — закрыл глаза рукой Федор.

— Эрект Евахиадский!..
— Факиан Павианский!..
— Фалассий Дрепанский!..
— Филокал Писсидийский!..
— Акакий Писсунитский!..
— Гавиний Кальский!..
— Что-то имена последних совсем никуда не годятся, — снова дал голос Федор.
— Чем это?! — Ревниво взъелись на него сразу оба святых отца.
— Не знаю... За такие имена в приличной казарме сразу морду бьют.
— Дикарь!
— Невежа!
— Солдафонщина!
— Продолжим, брат.
— Продолжим.
— Павлин Созопольский!..
— Примитив Капуйский!..
— Экспедит Птолемаидский!..
— Эпопей Костовальский!..
— Простатит Халкидонский!..

Федор тяжело вздохнул. Мелькнула мыслишка, что может, лучше бы его казнили. Усекновение головы дело быстрое. Хотя бы не мучился.

А путешествие обещало быть долгим.

С этой мыслью он соскочил с койки, протиснулся между богоносными мужами, и вышел из каюты вон.

Меж тем, выйдя на палубу, Федор застал там большое оживление. Корабль наконец-то снимался с якоря. Комес-помощник стоя на корме махал руками, забористо ругался и дудел в свисток. Пестро одетая матросня бегала по палубе и лезла вверх на мачты. Выглянув за борт

Федор увидел, что из бортов в воду свесились весла, и забили по воде. Корабль начал разворачиваться от пирса, медленно, будто беременная свинья в загоне. Стараясь не попадать под ноги матросам, Федор забрался на самый верх носовой надстройки, с тем чтоб лучше узреть свой первый выход в море. Проходя мимо светового люка своей каюты, он услышал отзвуки голосов двух святых отцов, — похоже они все еще теребили отцовское благочестие...

Федор встал сбоку от бушприта, и окинул взглядом открывающийся вид. Корабль шел к выходу из гавани, стараясь держаться на расстоянии от других разнообразных кораблей, которые шли на вход и на выход из порта. Пролетел мимо, споро ударяя воду многочисленными длинными веслами императорский военный бегун-дромон. На его носу было нарисовано угольно черное крыло, и рядом было написано вполне соответствующее название — "карбоноптерон". Правее, на встречном контркурсе вползал в гавань толстобокий торговец с генуэзским флагом. Федор любовался на корабли, на пестроту парусов и флагов, на расстилающийся за гаванью просто мраморного моря. Вскоре, под аккомпанемент свистка, матросы распустили паруса, при каждой эволюции бегая от борта к борту, чтобы уменьшить риск переворота своей высокой посуды. Затем, весла втянулись к бортам, корабль поймал ветер, и весело вышел из гавани.

Тут Федор сообразил, что ведь он никогда не видел Константинополя со стороны моря... Он резво спустился по носовой лестнице, и взбежал по другой на кормовую надстройку, будто в форте с одной башни на другую пробежал, и встав у борта бросил назад. Константинополь, столица мира, — удалялся, блистая. Виднелись укрепления гавани, крыши домов, купола многочисленных церквей. Столица Нового Рима, — и сама же — Новый Рим, лежала на бликах воды, все более оттягиваясь к горизонту. Солнце играло блеском в пучинах волн, кричали морские птицы, да расходились все дальше по разным курсам паруса уходящих кораблей...

Однако, несмотря на прелесть вида, Федор вскоре почувствовал некое беспокойство. Неприятное чувство все нарастало, и наконец локализовалось в области желудка. Как только корабль вышел из гавани, волны стали выше. Судно и стоящий на его палубе Федор, взлетали и падали с каждой волной, а вот желудок Федора за ними не поспевал, и словно норовил оторваться от хозяина. Федор почувствовал, как его лоб усеяла испарина. Во рту стало сухо. Свет будто-бы померк. Еще несколько минут, и... Федор едва успел подскочить к борту, и переломиться за него. Весь замечательный завтрак с императорской кухни полетел за борт.

— Эй, дьявольское семя! Какая сволочь травит сверху на руль?! — Завопили снизу из-под палубы.

Федор заметил, что и правда, сбоку кормы прямо под ним торчит черен большого рулевого весла, в которое он попал с привычной меткостью гвардейца. Эту мысль тут же смыло очередным спазмом, и он едва только успел сделать шаг в сторону, — первые блюда завтрака догнали вторые.

Сзади на плечо Федор неожиданно легла крепкая рука. Обернувшись, он увидел улыбающуюся физиономию смуглого курчавого комеса.

— Господин впервые в море? — Поинтересовался комес.

— Да-а... — Вяло ответил Федор, утирая рот, и краем глаза ухватывая веселящихся матросов.

— Вам лучше спустится с надстройки на нижние палубы. Там не так сильна бортовая качка. Возможно вам будет полегче.

— Снизу могу до борта не успеть, — выдохнул Федор.

— Ничего. Кажется, все что вы могли отдать Нептуну, вы уже отдали.

— Хорошо...

Федор оттолкнулся ослабевшими руками от борта, и пошел вниз с надстройки. Веселое снисходительное презрение встречных матросов даже не вызвало у него гнева, до того ему было плохо. "Куда мне пойти? — Подумал он — в каюту? Нет. Эти два богослова там меня окончательно уморят. И каюта тоже высоко. Кромес сказал, мне нужно побыть где пониже"...

С этой мыслью он спустился на среднюю часть верхней палубы, под тент. Муторное состояние не отпускало, и он медленно побрел к люку, ведущему вниз. Там, потолкавшись вокруг каких-то бочек и ящичков, наступив на хвост обиженно завизжавшего поросся, и бездумно обойдя пару раз вокруг какой-то колонны, (которая оказалось подпалубной частью мачты), он наконец, залез на какую-то бочку, на свернутый бухтой толстый канат, закрыл глаза, и решил, что это хорошее место, чтобы умереть.

Здесь он провалился в муторное полузабытье. Немного очнулся он оттого, что кто-то пытался стянуть с его ноги щегольскую туфлю оленьей кожи. С трудом открыв глаза он увидел перед собой вороватую рожу, видимо, матроса. Федор со второй ноги закатал матросу в лоб, и пообещал освежевать его на вертеле. После этого гвардейца перестали беспокоить, он пострадал еще немного. Успел подумать, — таковы ли муки ада для грешников, или все же чуть полегче? И с этой мыслью нырнул в спасительный крепкий сон.

Глава одиннадцатая.

Проснулся Федор резко, каким-то рывком. Во рту было такое ощущение, будто там перночевали кошки. Несколько секунд он пялился на палубный полумрак, и наконец, закричав выполз из канатной бухты. Пройдя проверку сном, она оказалась не такой комфортной, шея и плечо отчетливо ныли. Желудок в теле сотника был точно недавно усмиренная после бунта провинция: — не знаешь что с ним делать, не дай бог опять начнет бунтовать. Однако, были вместе с этим, и чувство жажды и чувство голода — хороший знак.

Федор на раскоряченных ногах обогнул бочку, и под тихий скрип корабельного нутра, поковылял к трапу на верхнюю палубу. Едва Федор ступил на трап, сверху, к нему в трюм промчался матрос с искаженным невыразимым ужасом лицом. Промчался, и исчез где-то в глубинах судна.

— Какого дьявола?.. — Буркнул Федор, и взбежав наверх, огляделся на палубе.

Здесь творилось что-то непонятное. Матросы остервенело работали со снастями, но на лицах их не было прежней деловитости, а было какое-то мрачное отчаянье. Тяжелая атмосфера висела над людьми, будто облако.

— Эй, ты!.. — Позвал Федор ближайшего матроса.

Матрос плеснул на Федора гневным взглядом, шикнул что-то короткое на неизвестном языке, явно не комплимент — и снова потянул свой канат.

Федор решил не тратить время, и забрался на кормовую надстройку. Там он увидел сразу все корабельной начальство. Капитан, помощник-комес и штурман, торчали у кормового планшира, выглядывая что-то по курсу, и не обратили на Федора ни малейшего внимания.

— Эй, патрон! — Позвал Федор капитана. — Что здесь творится?

Капитан Авксентий перевел взгляд на позвавший голос, — и Федор аж крикнул.

Капитана было не узнать. С его лица слияли все краски, осталась лишь мертвенно бледная тревога, судя по подергиванию черт, едва не переходящая в панику.

— Пират, — лаконично ответил за капитана кучерявый Комес.

— Где?! — Федор завертел башкой охватывая своим зорким взором горизонт за кормой.

— Там, — комес указал рукой в противоположную сторону, за спину Федору на нос корабля.

Федор резко развернулся на пятках. Мать божья!.. — Буквально не более чем в десятке метров от носа "Наперстницы ветра", на волнах накатывал к ней другой корабль. Стройное хищное судно. На мачте его трепетал красный флаг, на котором была изображена кривая сабля, и отрубленная голова. А на носу и бортам рассыпалась орава вооруженных до зубов головорезов. Смуглые загорелые рожи, в основном, агарянского рода, но были и черные уроженцы Африки. Все эти люди со щитами саблями, луками, не кричали, а молча и зловеще смотрели на команду купеческого корабля, как волк смотрит на стадо.

На мгновение Федор буквально оторопел. "Как же я не увидел эту здоровенную посудину?! — закрутилось у него в голове. "А, он подходит с носа, а я вылез из люка на середине, и он был закрыт от меня нашей носовой надстройкой. Черт, да какая разница"...

Федор свирепо повернулся к троице мореходов.

— Каково черта эта посудина у нас на носу? — Свирепо спросил он. — Мы что, даже не пробовали бежать?!

— Он вышел из-за острова у нас по борту, — снова отозвался комес. — Оседлал правильный ветер. У нас не было шанса уйти Кто бы им не правил — он отличный пилот, и знаток этих мест.

— Я знаю кто им управляет, — ломким от ужаса голосом отозвался капитан. — Видите надписи на его парусе?

На переднем парусе корабля действительно виднелись крупные надписи. Выведенные каллиграфическими буквами, на самых ходовых языках, — латыни, греческом, и арабском, все они означали одно и то же: — "Фиг уйдешь!".

— На носу у него написано "фиг уйдешь", а на корме "фиг догонишь". — Подрагивая щеками продолжил капитан Авксентий. — Это корабль самого Батки Махмуда. Его зовут Махмуд Ужасный. Латиняне зовут его Махнодус Барбанигра.³⁵ А среди греков он известен просто как — Мавропогонатос — Черная Борода. Это самый свирепый пират во всем средиземноморье.

— Смилуйся вседержитель, — я слышал о нем! — Отозвался штурман, худой жилистый человек в широкополой шляпе. — Он сдерет с нас большой выкуп?

— Он не берет выкупа с христиан, — в глазах капитана было черное отчаянье. — Он просто заберет мой корабль. Нас всех продадут на рабских рынках, и мы очутимся где-нибудь в Мосуле.

По лестницы ведущей на средину судна раздались тяжелые шаги, и на кормовую надстройку взобрался поп Окассий. Одной рукой он держался за перила, а второй сжимал свой деревянный, обтянутый старой корой посох.

— А, вы проснулись? — Углядел он Федора. — Бене! Ну и что мы будем делать?

— Почему вы не разбудили меня раньше?! — Зашипел Федор.

— Я посылал моряка, — ответил Окассий, — но вы прогнали его пинком.

— Я... — Федор запнулся, пытаясь сообразить, был ли это тот моряк, который пытался спереть его оленьи туфли, или он еще кого угостил позже; — но это уж точно сейчас было

неважным.

— Когда император послал всех нас в путь в одной каюте, — сузил глаза монах — я молчал. Я понимаю, что такое конспирация. Но почему нам не дали в эскорт отряд солдат, или военный корабль? Так-то в империи организуют дела? Наше путешествие сейчас закончится, не начавшись...

— Побухтишь потом, — отмахнулся Федор. — А сейчас мне нужен мой щит и меч.

— Поздно, — констатировал монах.

И правда, уже было поздно. Вражье судно подошло вплотную и ударило по касательной — скула в скулу — так что от навала бортами "Наперстница Ветра" вздрогнула, будто раненное животное. Федор и все, кто был на мостике, едва удержались на ногах. Матросы внизу застенали. Пиратский корабль проскочил высокую носовую надстройку купца, и дошел до более низкой середины. Здесь в фальшборт вцепились абордажные крючья и багры, а затем на палубу посыпались свирепые головорезы, от которых буквально разлило убийствами и жесткостью. Федор мрачно подумал, что теперь между его мечом, щитом, кольчугой, и прочим, что он так любовно выбирал в арсенале, — теперь стоит живая стена, и они так же недоступны, как на дне морском. И только в этот момент пираты завыли, — как волки над добычей.

— А где Парфений? — Вспомнив спросил Федор Монаха.

— Молится в каюте.

— Каждый делает, что умеет... — Качнул головой Федор. Он мацнул рукой свой серповидный нож, но одернул руку, потому что углядел кое-что получше. — В ящике у борта лежали толстые палки, которые использовались матросами как рычаги. Он подхватил один. Отполированный руками до блеска, тяжелый как дубина. Отлично!.. Здесь же у Фальшбортов в пазах стояло несколько щитов — это были не удобные щиты воинов, а ростовая защита для стрелков, когда они сопровождали судно, и использовали надстройку, как стрелковую башенку. Просто сколоченные доски с ручкой. Но неуклюжий ростовой щит, все же был лучше, чем ничего, — тем более, что у Федора не было кольчуги. Федор ухватил щит, и потащил его к единственной лестнице, ведущей вниз с кормы.

— Что вы делаете?! — Взвизгнул капитан Авксентий. — Бросьте оружие за борт, пока никто не видит! Они же поубивают нас всех!

— Умолкни балласт, — огрызнулся Федор, прикидывая, где лучше встать, и сможет ли он в одиночку хоть насколько-то перекрыть лестницу, чувствуя, как тело готовится к бою, и покрывается мурашками, а мир делается резче и ярче.

— Мы не настолько смазлив, чтобы нас взяли в гаремные мальчики, — сплюнул комес, — все что нам светит — кайло в каменоломнях; а я для этого староват. — И его морской нож тоже покинул ножны. Комес встал рядом с Федором.

Пираты между тем, растеклись по палубе, частью скатились в трюм. Но основная часть волчьей стаей шла к корме. Вел их колоритный человек, выделявшийся в толпе, будто лев среди шакалов. Высокий, могучий, в богатой кольчуге, на которой подбором колец разного цвета были исполнены изречения на арабском языке, в сверкающем шлеме, поверх которого был намотан богатый тюрбан, с тяжелой саблей, и развевающейся угольно черной бородой, которой он зарос почти до самых антарцитово-черных глаз. Не иначе, это и был пресловуто-ужасный Махмуд.

Эй там, на корме! — пророкотал бородач, сверкая очами. — Сложите оружие, и будете жить. Но если хоть один удар будет нанесен моим людям — клянусь бородой Пророка! — Я

нарежу вас ломтями, чтобы рыбам было удобней обедать.

— Мы сдаемся! — Тут же пискнул Авксентий.

— Он сдается — Фыркнул Федор.

— А вы? — Уточнил снизу бородач.

— А нам и так неплохо.

Бородач меланхолично развел руки.

— Аллах свидетель, кафиры³⁶, я пытался быть к вам милостив. — Он чуть повернул голову к своим людям, и махнул рукой, — убейте этих нечестивцев!

Орда пиратов рванулась по палубе, как псы спущенные с привязи. Федор половчее перехватил свою дубину. Но не успели пираты еще даже вскарабкаться по лестнице, как — свистнуло — и в тяжелом щите Федора дрожа засела стрела. Он поискал откуда был выстрел, и увидел нескольких лучников, которые сидели на мачтовой корзине и рее пиратского судна. Если бы не волна, качающая суда, быть той стреле у него в голове... — У, мерзавцы!.. Федор погрозил дубиной стрелкам, и повернул щит, пытаясь укрыть и от лучников, и от бегущих снизу. В этот момент комес подтащил второй щит, прикрыв Федора сбоку. Федор одобрительно кивнул. Теперь их щиты образовали угол, в котором Федор перекрывал лестницу, а комес закрывал от стрелков. Через секунду за двумя щитами стало тесно. Сперва сюда же, под защиту забрался и поп Окассий, а еще через мгновение Капитан Авксентий, дрожавший как осенний лист.

Первым по лестнице взлетел какой-то бербер, в широченных штанах до колен, с круглым щитом и клевцом в руках. Из-за крутизны лестницы он заведомо был в проигрышной позиции. Бербер не стал бесполезно долбиться в щит, а попытался использовать пробойник клевца как крюк, — подцепил щит Федора сбоку внизу, и стал его оттягивать. Федор не стал играть в пертягайки, а сразу же влупил своей дубиной в щит берберу. Тот пошатнулся, и Федор добавил еще, смяв берберу руку так, что щит нахлобучил того по его собственной башке. Бербер потерял равновесие, и полетел кубарем вниз, попутно увлекая еще двух товарищей.

— Подходи на раздачу! — Рывкнул Федор.

Следующим после бербера под раздачу залез какой-то рябой, с восточным разрезом глаз и жидкой бородой. Щитом ему служил расширенный наруч, не сковывающий кисть, поэтому он держал в двух руках средней длинный копьё. И с этим копьём он был хорош. Первый же его тычок так точно летел Федору в лицо, что тому пришлось спрятать голову под щит. Выглянув из-за своей защиты чуть в стороне, Федор снова едва успел убрать физиономию от острого пера, сбив его в сторону своей дубинкой.

Третий тычок едва не лишил его глаза, и Федор метнул в узкоглазого самый грязный матюг, из тех что он знал. Узкоглазый ощерился. Пока он стучал копьём, связывая Федора, мимо него уже пытался протиснуться по узкой лестнице другой пират — с каким-то гибридом копья, и пожарного крюка — вдвоем им будет сподручно сдвинуть щит, и попотчевать железом потерявшего защиту гвардейца. Противопоставить этому Федор ничего не мог, и он уже от отчаянья подумывал метнуть свою импровизированную дубинку, надеясь оглушить ловкого копыеносца, как вдруг... Что-то длинное вылетело по правую руку от Федора, и вlepилось узкоглазому копыеносцу в грудь с такой силой, что-тот отлетел назад чуть ли не на метр, — и рухнул на головы своих товарищей. Оглянувшись Федор увидел, монаха Окассия, сноровисто втягивающего свой посох обратно за ограду.

— Добро монах! — Улыбнулся Федор.

Дротик влетевший в щит Федора, пробил его и едва не пригвоздил ему кулак сжимавший ручку. Щит был дешевкой, без стальной полосы для защиты руки... Еще один дротик застрял выше, пробив древесину своим клювом почти на уровне глаз.

Сбоку один худой жилистый пират, зажав короткий тесак в крепких зубах, невообразимым тигриным прыжком взлетел вверх, вскарабкался через перила, и оказался на кормовой площадке, минуя лестницу. Окассий, не успевший сбить появление пирата на перилах, встал перед ним, выставив свой посох, но стараясь не выходить из-за укрытия щитов. Пират перехватил тесак, и нанес мощнейший косою удар, мысля надрубить деревянную палку. Поп блокировал удар, раздался странный звук — отдача от удара едва не выломала пирату запястье. Пират в изумлении отступил, оглядывая соперника. Часть коры на посохе Окассия оказалась срублена, а под ней проступил до той поры спрятанный в деревянной оплетке металлический прут; который собственно настоящим посохом и являлся. По той же причине на лезвии тесака появилась здоровенная щербина. Пират горестно охнул, углядев, как испорчено его оружие.

— Что дружок, тесачок попортил? — ощерился Окассий. — Мой посох зовется — "Убийца Мечей".

Пират яростно зашипел, и бросился на Окассия, но тот ловко пнул его нижним концом посоха в голень, а на обратном движении верхним концом посоха так зарядил пирату сбоку, что тот вцепился обратно в перила, перевалился через них и убыл обратно к своим товарищам. Еще одного молодца, который так же пытался подтянуться через перила, поп не чинясь оходил посохом по голове.

Федор, щит которого все вздрагивал от ударов смертоносных металок неприятеля, вдруг сообразил, что и его импровизированная дубина не одинока. Он ведь забрал её из ящика, где лежало еще несколько её товарок. Он обернулся за щитом, и углядев застывшего в прострации капитана, пнул его ногой, и показал палку в руках — тащи сюда все эти дубинки!

— Это вымбовки, — машинально пробормотал капитан.

— Мне начхать! Тащи! Только берегись стрелков!

Капитан хотел заспорить, но наткнувшись на Федоров взгляд, умолк, и скрючившись побежал к ящику.

По лестнице меж тем уже карабкался новый штурмовик. Необъятной ширины богатырь-тюрок, в паноплии — щит, кольчуга, островерхий шлем, и боевая секира, которую тот держал легко, будто клюшку для чогуна. Между шлемом и верхней кромкой щита шевелилась будто волосатая гусеница одна сросшаяся бровь, накрывавшая сразу оба злобных глаза. Могучий кривой нос, который сами тюрки почитали орлиным, а иные скорее попугайским, — хищно подергивался. Подельники подбадривали из-за его широкой спины богатыря одобрительными воплями.

Поп справа снова пробил посохом, и Федор успел поразиться тому, как поставлен удар у святого отца — не всякий воин так делал копейный выпад. Однако подступающий богатырь был готов — его щит вскользь принял удар комеля посоха, и сбил его в сторону. Это была хорошая, грамотная отбивка, и богатырь ничем не рисковал — он еще не подошел на удар дубины Федора. Однако Федор огорчил его иным способом: — прямо с плеча, сильным разгибом руки зашвырнул свою-дубинку богатырю в голову. Дубинка-биток с посвистом вмазалась аккурат в могучий нос. Богатырь всплеснул руками, выронил секиру, и повалился спиной на задних товарищей.

— Ловок, пассажир! — Вскричал комес.

— Молодец, ромей — сдержанно похвалил поп Окассий.

Федор обернулся. Капитан уже вернулся обратно, и сторбился под щитом, неуклюже сжимая в руках несколько палок.

— Будешь подавать! — Приказал Федор, хватая у него из рук новую палку.

Снова свистнуло — еще стрела прошла мимо двух кромок щитов, и буквально прошла впритирку рядом с Федором. Снова стрелял лучник с вражеской реи. Федор крикнул, примерился и — вы еще не знаете, что такое славянские городки! — с могучим размахом запустил дубинку в лучника. Дубинка вертясь описала параболу, и шлепнула в лучника так, что тот выронил лук, и сорвавшись с мачты, поцеловал палубу, да больше и не шевелился.

— Еще! — Протянул руку назад Федор.

В руку ему легла новая дубинка.

Федор повел взглядом по ораве врагов вниз — ему глянулся губастый кучерявый негр в плетеном веревочном панцире, с целым колчаном дротиков. Дубинка поразила негритоса — прихоть случая — в самое греховодное место, и тот пал сжавшись в клубок, огласив море жалобным воем.

— Еще! — Новая дубинка приготовилась к полету.

На этот раз досталось какому-то экзальтированному типу, который вроде и не был воином, а видимо был кем-то вроде бродячего проповедника. Белобородый, с безумными глазами, и в лохмотьях. Оружия у того не было, но забравшись на ванты он так оглушительно вопил, подзуживая толпу, что Федор рефлекторно запустил дубину в него. Как раз на конце тирады, где крикун призывал "обрушить на слуг тагутов джихад меча" — дубинка бумкнула того в центр масс, после чего проповедь прекратилась, а сам пламенный оратор ухнул с вант за борт, — только булькнуло.

— Как ты говоришь, называются эти штуки? — Кратко обернувшись спросил Федор капитана.

— Вымбовки.

— Отличные штуки! Еще!

Следующая цель так и мозолила глаз, — Федор запустил дубинку в шикарного предводителя пиратов. Неумолимая деревяшка сверкнула в воздухе как молния, и... Ловок был чернобородый вожак — отбил на подлете, не щитом даже, а маховым движением плоскости меча.

— Еще! — Федор протянул руку назад, и получил очередной снаряд.

— Последняя! — Предупредил дрожащий голос капитана.

Федор досадно фыркнул и опустил руку, уже готовую запустить дубину в полет.

— Хватит этого балагана! — Проревел чернобородый. — Сдавайтесь!

— Я тебя на вымбовке вертел! — Рывкнул Федор.

Черноволосяый побагровел.

— Полновесный золотой румейский солид³⁷ из моей казны, тому, кто принесет мне голову этого клоуна — отдельно произнес предводитель Махмуд, и показал мечом на Федора.

Орда взревела. Губастый негр прекратил стонать, и пожимая левой рукой мошонку вскочил на ноги. Носатый богатырь, зажимая кровянку из носа, попытался оттолкнуть тех, кто его поддерживал, но его уже никто не поддерживал — все рванулись зарабатывать золотую монету. Пираты хлынули к корме с неодолимой силой речного разлива.

Федор схлестнул дубину с булавой какого-то египтянина, успел стукнуть по пальцам долговязому желтоволосому типу, который схватил его щит. Но щит уже вырывали откуда-то снизу. И одновременно в щит стучало чье-то длинное копьё. И одновременно египтянин снова вознес булаву. А кто-то уже лез на перила в обход лестницы, и поп Окассий не успевал сбивать их посохом. Щит снизу уже буквально уходил, разгибая руку, — еще несколько секунд и его либо вырвут, либо просунут под него копьё. От напряжения и отчаянья Федор закричал. И... руки, тянувшие его щит, отпустили, оружие стучавшее по щиту опустилось. Пираты отступили на шаг. И Федор даже не успел поразиться волшебной силе своего вопля, как вдруг услышал нечто, что перекрыло его вопль, и понял — не он испугал пиратов — где-то над морем трубил боевой рог.

Пираты растерянно завертели головами. Батька Махмуд нахмурившись оттолкнул в сторону попавшегося на пути подчиненного ротозея, и подскочил к левому борту, где был пришвартован его собственный корабль. Федор подтянул к себе щит, и тоже посмотрел на море, пытаясь поймать направление звука. И увидел. С того же левого борта к ним на всех парусах шел корабль. Зоркий глаз Федора выхватил сидящих в ней молодцов в кольчугах и набивных рубахах. Часть из них, что еще не одела шлемы, была брита на лысо, а часть носила странные прически, где волосы были на лбу и боках, а на затылках выбриты. Момент — и лысины и странные прически сокрылись за коническими шлемами с наносниками, поднялись щиты, — молодцы готовились к бою. Один из молодцов взобрался на поднятый нос корабля, и сложив руки лодочкой, закричал.

— Я Роже де Бриуз, — младший сын барона. Ваши корабли — моя добыча. Вы все — мои пленники. Нужен ли вам бой, чтобы признать это?

— Это еще кто? — Удивленно пробормотал Федор.

— Похоже, что нортманн³⁸. — Отозвался Окассий, разглядывающий чужаков, приложив ладонь ко лбу козырьком. — Из тех, что пришли с севера, отторгли часть древних галльских земель у франков, и осели там.

— Я вижу у некоторых из них кресты, — глянул на священника Феодор. — Они христиане?

— Они признали истинного бога.

— Может, они помогут нам, против муслимских нечестивцев?

— Сомневаюсь, — качнул головой Окассий.

— Но ты же поп по их укладу?

— Нортманн уважают священников. Но еще больше уважают трофейные трофейные корабли.

— Ясно...

Тем временем и батька Махмуд, оправившись от краткого замешательства, дал голос.

— Мы первые напали на этого купца! — Заорал он, гневно топорща бороду на приближающийся корабль — Это наша добыча по праву!

— Важно не кто начал, а кто закончит! — Крикнул в ответ здоровяк-нортманн. — В море одно право: — сильный берет!

— Мальчишка! — Разгневался бородач. — Ты хоть знаешь, у кого пытаешься отнять добычу? Я — Махмуд Барбанигра!

Нортманн на секунду замялся, переваривая такую новость.

— Я слышал о тебе, — Черная Борода!

— Так давай разминемся миром, — почуял возможность Махмуд. — Море — не горная

тропа. Умные разойдутся. Плыви своей дорогой!

— Ты такой известный, что за тебя наверняка можно стрясти хороший выкуп! — Обрадовался сын барона Роже. — А если я убью тебя, то стану более известным, чем ты. Ты принесешь мне деньги, или славу!

— Ах ты ссыкливый щенок! — если черная борода Махмуда была цветом похожа на уголь, то теперь над ней вспыхнул огонь: — лицо его запунцовело от ярости, — Ну плыви сюда, огреби свою известность! Охотишься на льва — несешь завтрак льву!

— Парни, прибавьте! — Скомандовал Роже гребцам. Он так и не слез с носа, только принял щит от одного из ближних. Корабль его помчался к двум сцепленным абордажной сцепкой судам. Пираты засуетились. Большая их часть, во главе с Махмудом побежали обратно на свой корабль, так как тот был ближе к нортманну и оставлять пустой борт под высадку было нельзя. Некоторая часть, однако, осталась блокировать кормовую надстройку Федора сотоварищи.

— Слушай Окассий, — Федор схватил священника за рукав. — Разбойников на нашем корабле осталось не больше десятка. Мне нужно прорваться в нашу каюту на носу.

— Зачем?

— Увидишь! Удержишься здесь без меня?

— Какое-то время, — скупно улыбнулся монах.

— Добро. Держи щит!

Федор передал монаху ручку щита, и хлопнул его по плечу.

— Ну, не поминай лихом!

Федор глубоко вдохнул, резко выдохнул, и отстранив щит как коршун бросился по лестнице вниз. Брови у десятка бывших на средней палубе пиратов подскочили от удивления. Но парни они были тертые, ближний бусурман с коротким копьеносцем тут же выставил перо так, чтобы Федор бегущий вниз сам наскочил на него. Федор гневно крикнул, запустил в башку копьеносца последнюю дубинку-вымбовку, а сам сильно оттолкнулся от ступеньки — и воспарил. Гигантским прыжком перелетел он копьеносца, и большую часть пиратов, и приземлился ногами прямо на того самого многострадального негра, который так ужасно пострадал от него, немногим ранее. Негр даже не успел охнуть, и смялся под ногами как соломенное чучело, заодно и смягчив удар. Федор кубарем прокатился по палубе, вскочил на ноги, увернулся от удара подскочившего сбоку богатыря с разбитым носом, и помчался по палубе к носовой надстройке. Пираты, заревев от ярости бросились за ним. Но тут одного из них поразила в бедро невесть откуда упавшая стрела — не иначе, пущенная на удачу навесом с нортманского морского разбойника. Раненный пират закричал. Разбойники смешались. А с кормы из-за щита тем временем выглянул поп Окассий, и рыкнул как дикий медведь, случайно разбуженный среди зимовки, кричит на охотников. Все эти разнонаправленные события смутили пиратов, они замялись, вертя головами, и остались у кормы. За Федором же грузно побежал один лишь горбоносый богатырь со щитом и секирой. Разбитый дубинкой Федора, нос богатыря был сворочен набок, и это подогревало его к мести.

Федор слышал за спиной топот ног в сандалиях, и сопение в сломанном носу преследователя. Природно быстрый, к тому же не отягощенный в отличие от пирата кольчугой и оружием, он оторвался, особенно на крутой лестнице, взлетел вихрем на носовую надстройку, подбежал к двери своей каюты и... дернув ручку, обнаружил, что дверь заперта на засов.

— Парфений! — Завопил Федор во всю глотку, дергая ручку. — Отпирай!

— Кто там? — Испуганно отозвался глухой голос священника.

— Федор! — Рывкнул гвардеец, видя, как по лестнице к нему быстро поднимается богатырь с секирой — Отпирай, немедля, чтоб тебя мать не рожала!..

Надо отдать Парфению должное, — хоть Федору с испугу и показалось, что прошло года три, тот отпер сразу и без лишних вопросов. Федор проскользнул внутрь каюты, мимо бледного как мел лица святого отца, развернулся схватился за ручку, захлопнул дверь, и... дверь не закрылась. В щели между дверью и косяком торчало лезвие секиры. Снаружи раздался рев мстительного богатыря.

— Ох ти! Господи!.. — Испуганно пролепетал Парфений.

— Помогай! — Завопил Федор, пытаясь закрыть дверь.

Парфений потянул вместе с ним. Но это не помогло. Мстительный тюрк снаружи оказался человеком феноменальной силы, который перетягивал и тренированного воина со священником в довесок. Щель начала медленно и неуклонно расширяться.

— Ах черт! — Федор оттолкнул Парфения в сторону, а сам, полностью сменив приложение сил, толкнул дверь что есть мочи обратно. Сила тюрка вместе с силой Федора метнули дверь словно плечо осадной машины на торсионах. Тюрк не ожидал, что дверь вдруг так поддастся и отлетел на несколько шагов. Федор же мгновенно выхватил с пояса кинжал, и метнувшись из каюты ударил тюрка что есть мочи. Щита у тюрка в руках уже не было, — он сбросил его, чтоб ухватить дверь, не теряя секиры, поэтому от изогнутого серпком кинжала Федора он закрылся рукавом. Клинок лязгнул по кольчуге богатыря, конец кинжала вошел в дырку одного из колец, испил крови распоров руку, да примозжил вокруг ударом — но и только. Тюрк закричав от боли, тем не менее сразу ответил страшный ударом секиры — Федор только тем и спас себе жизнь, что отскочил назад в каюту. Но тем же он окончательно сдал дверь, и пират ввалился в комнату вслед за ним, перехватив секиру на две руки, ближе к лезвию, чтоб сподручно было орудовать её в тесноте. Страшно сверкая глазами, пират мигом оглядел комнату, хотел было ударить по Парфению, но Федор, видя это, метнулся вперед, грозя тюрку ножом, и тот снова переключился на гвардейца. Тюрк опять шагнул вперед. Федор, страшно матерясь, спиной протиснулся между койками и столом. Глянул на стол — и сообразил — когда тюрк приблизился еще на шаг, Федор оттолкнулся от стены и схватившись за столешницу бросился на тюрка. Подвешенный на канатах стол вцепился в супостата снес его с ног. Шлем тюрка брэнча покотился по палубе. Тюрк что-то зарычал снизу, наверно ругательство. Федор мыслил тут же ринуться на врага и доить того, но стол своим обратным ходом унес его обратно к стене. Пока Федор, отталкивая стол, пытался пробраться к тюрку, тот уже успел встать на колени, выставив секиру в защитной позиции, и... рухнул обратно на пол безвольной кучей. Над поверженным тюрком стоял Парфений, с удивлением глядя на зажатый в своей руке тяжелый нательный крест.

— Молодец, поп... — Выдохнул изможденно Федор.

— Свят-свят! — Испуганно отозвался Парфений, и перекрестился сам, а потом — зачем-то — перекрестил еще и поверженного тюрка.

Федор меж тем метнулся вверх, схватил со своей постели ножны, набросил на себе их ремень, потом, косясь на дверь, подбежал к своему походному рюкзаку, стоящему между шкафчиком да сундуком, и вытащил из принайтованного свертка три тубуса пиросифонов. Два повесил через плечо на ремнях, третий схватил в руки, чиркнул кремнем, подпалив

запал, — выскочил на палубу, и огляделся.

За секунды снаружи мало что изменилось. Ладья нортманнов шла на сближение. Между ней и кораблем пиратов летали стрелы и ругательства. Ругательства летали чаще, — их в отличие от стрел не экономили. Все же, пираты черной бороды стреляли больше, поскольку не были заняты на веслах и парусах. Младший баронет Роже кричал с носа ладьи, что сделает из бороды Махмуда щетку для своих сапог. Махмуд в ответ грозил страшными карами, не забывая при этом похвалить себя, сравнивая с орлом, львом, и прочими образчиками звериного благородства. Федор метнул взгляд к корме. Там монах Окассий держал прочную оборону, пираты не рисковали соваться под его посох, и осыпали ругательствами на всех известных языках.

Федор сложил двух драконов себе под ноги, а сам примерился, и поднял пиросифон, что остался в руках. Но едва он схватился за заднюю ручку, как над водой вдруг разнеслась песня. Сперва едва слышная, она вдруг начала перекрывать брань людей и Махмуда и баронета Роже. Федор обернулся на звук. С правого борта, с противоположной стороны от корабля нортманна и сцепившегося с "Наперсницей Ветра" корабля агарянина, — ходко приближался еще один корабль...

— Да вы издеваетесь!.. — Непонятно к кому обращаясь выдохнул под нос Федор.

...Приближающийся корабль был похож на ладью нортманнов. Он также не имел закрытой палубы, и походил общим силуэтом, но был меньше по размеру, и более узкий. Его загнутый нос украшала хищная голова злобного морского змея. А на скамьях сидели мощные гребцы. Одетые для боя, кольчужники ритмично пенили волны могучими ударами весел, — и пели. По-над волнами разносились их голоса, низкие, вибрирующие, тяжелые, от которых, казалось, колыхалось само море и небо над ним.

Молись, иль не молись Всеотцу,

Хей-я!

А Мир все равно грядет к концу.

Хей-я!

Время последней зимы придет.

Хей-я!

И племя могучих асов падет.

Хей-я!

Всплывет из толщи глубин Ермунгард,

Хей-я!

Явится Фенрир, изрыгая смрад.

Хей-я!

Пылает меч Сурта, — в нем гибель людей.

Хей-я!

Бредут мертвецы во главе с Хель.

Хей-я!

Чудовищ не счесть вокруг меня,

Хей-я!

И что же тогда сделаю я?

Хей-я!

От радости смеюсь сам не свой.

Хей-я!

Вот случай сыграть с самой судьбой.

Хей-я!

Я хвост отрублю мировой змее.

Хей-я!

Я темного волка склоню к земле.

Хей-я!

Я великана сломаю меч.

Хей-я!

И голову смерти сниму с плеч.

Хей-я!

Что боги не могут, то я смогу.

Хей-я!

А если вдруг не смогу, и паду.

Хей-я!

Улыбка сверкнет на моих устах.

Хей-я!

Я видел всё, мне неведом страх.

Хей-я!

Викинг только для битвы живет.

Хей-я!

Викинг последнюю битву ждет.

Хей-я!

— Это кто еще такие, — дьявол их заведи? — Вглядываясь в новый корабль процедил Федор.

— Похоже, нортманны, — Приложив руки к ушам, сказал выбежавший вслед за ним из каюты Парфений.

— Опять нортманны?! — Федор бросил взгляд на левый борт, где плыла ладья баронета Роже.

— Эти другие, — пробормотал Парфений. — Первые — крещеные, с франкских земель. А эти, судя по песне, в которой они поминают дьявольских языческих демонов, — дикие безбожники. Я даже не знал, что такие где-то остались, с тех пор как Олаф Святой крестил северные земли. Оборони нас Господь...

— А которые для нас лучше?

— Мы между молотом и наковальней. Молись, сын мой. Пришел наш последний час.

— Ну это мы еще посмотрим, — разъярился Федор.

Тем временем, тяжелую песню языческих нортманнов, наконец услышали и две первых банды пиратов. Стрелы и ругательства прекратили летать между кораблями. Махмуд с частью людей снова перебрался на борт "Наперстницы ветра", и бросился к её правому борту, чтобы взглянуть на новых гостей. Баронет Роже, приказал гребцам левого борта табанить, сменил курс, и повернув свою ладью начал обходить два сцепившихся в абордаже корабля по дуге, чтобы оценить обстановку.

Меж тем, языческая ладья подплыла уже так близко, что стали хорошо различимы люди в ней. В отличие от крещеных нортманнов, которые брили бороды и бошки — эти все как на подбор имели длинные волосы, у многих сплетенные в косицы. Часть язычников была белолица и светлоглаза — здоровяки, многие со светлыми волосами. Но некоторые из

язычников явно принадлежали другой породе, прежде Федором невиданной: Эти люди были черноглазы, кожа их была красной, будто обожженная глина, а носы горбаты. Хотя волосы на головах у них были заплетены в такие же косицы, как и у их светлых товарищей, бород у них не было, и не было даже намека на щетину, будто господь не даровал им этого признака мужественности. Была и пара гребцов, вроде как происходившая от смешения двух пород.

На нос языческой ладьи легко взбежал мужик, — косая сажень в плечах. Ветер трепал его русые волосы, и бороду. Приобняв голову деревянного змея, мужик закричал на худой латыни.

— Я — Торбьерн-Широкий-Шаг! Все эти корабли теперь мои! Хотите скрестить за них мечи, или откупитесь золотом?

— Не торопись, маджус!³⁹ — Зарычал с борта многострадальной "Наперстницы" Махмуд. Нельзя разорить гнездо, не победив орла! Я Черная Борода, — эти корабли мои!

— Никогда не слышал о тебе, — флегматично отозвался Торбьерн. — Из твоей бороды выйдет хорошая подтирка для задницы.

— Сын Кабила!⁴⁰ — Гаркнул Махмуд — я буду пропускать тебя под килем, пока ты не счистишь все наросты с корпуса моего корабля!

Тем временем ладья баронета Роже тоже вышла из-за корпусов сцепившихся кораблей, и стала видна вновь прибывшему судну.

— Я Роже де Бриуз! Судя по твоему кораблю, и словам на устах твоих людей, — ты из стран Северного Пути, откуда родом и мои предки. Другие здесь, кажись, малахольные греки, да овцелюбы из пустынь! Давай объединимся, ограбим их, — и разделим добычу. Я буду справедлив при дележе, и отдам тебе треть, — клянусь распятым!

— С твоими предками, и с тобой, — я на одной поляне по нужде не сяду! — Отмел Торбьерн. — Из-за таких как ты, моему отцу пришлось покинуть Норвегrrr! Вы забыли истинных богов, и перешли в веру в дрянного божка, приколоченного на гвоздях! Который даже запрещает вам убивать и грабить! Мне и моим людям — две трети!

— Что значит, — запрещает грабить? — Возмутился Роже. — А чем мы здесь по-твоему занимаемся?! Наш бог милостив! Мы заносим долю в церковь, — и наш бог прощает нам все грехи! Не знаю, из какого глухого угла ты вылез, — Торбьерн Широкий Шаг, — но ты зря отвергаешь мое великодушное приложение! Целая треть!

— Я, молокосос, приплыл из Винланда — далекой земли невиданного изобилия, до которых никогда не доплыть такому трусу как ты! Я переплыл такие моря, по сравнению с которыми это ваше море — лужа! Чихал я на твое предложение! Но если возьмёшься за треть — возьму тебя в долю!

— Если твои земли такие изобильные, — так какого рожна ты приперся обратно? Последнее предложение — делим пополам!

— Не твое дело, раб распятого божка! Так и быть! Половина на половину!

— Но половину без учета церковной десятины, которую я должен отдать матери нашей церкви, как добрый христианин! — Крикнул Роже. — Мне еще нужно будет отмолить грех союза с язычниками!

— Не рассказывай мне сказок, малёнок! Я по твоей блудливой роже вижу, что ничего ты не понесешь в свою церковь! Я тоже должен делать подношения Всеотцу, чтобы он даровал удачу мне и краю! Делим чисто половина на половину, — или сделки не будет! Ну, решай скорей! Видишь, мой берсерк — Трюгви-Щитогрыз уж начинает терять терпение!

Рядом с Торбьерном действительно приплясывал на носу странный человек, со

стеклянными глазами, в которых плескалась смерть. Человек этот все время дергался, рука его подрагивала на рукояти меча, и он пускал пену изо рта, шептал в свой щит какие-то непонятные слова, а иногда начинал грызть край щита зубами, в том месте, где нарочно был сделан заботливый пропуск в металлической круговой оковке.

— Ладно, — делим пополам! — Согласился Роже. — И держи своего одержимого бесами подальше от моих людей!

— Добро! Посмотрим сколько в вас осталось Севера, рабы распятого! Заставим их разделить людей по бортам! Бери правый! Я зайду с левого!

— Мерзавцы! Порождения Иблиса!41 — Завыл Махмуд! — Я покажу вам, что значит иметь дело с Черной Бородой! К бортам правоверные!!! Отразим нечестивцев!

— Ну хватит, мне это надоело, — Сплюнул Федор. — Эй, вы все! — Заорал он мощно, — Смотрите внимательно!

Федор примерился. Корабль Махмуда, был пришвартован абордажными крюками так, что его корма качалась у носа "Наперстницы". Косая рея на бизань-мачте пиратского корабля, своим нижним концом водила буквально в нескольких метрах от гвардейца. Федор направил на неё пирсифон, отвел до отказа ручку назад, — а затем резко толкнул её вперед. Дракон в его руках исторг жирное алчное пламя. Сноп огня пролетел по воздуху, охватил конец реи, зацепился, и пополз по парусу. Со всех кораблей слышались испуганные крики и проклятья. Пользуясь этим, монах Окассий высунул посох из-за щита и отоварил им по голове ближайшего пирата на лестнице.

— Греческий огонь! — Изумленно и испуганно вскрикнул побледневший баронет Роже.

— Клянусь глазом Одина!.. — Буркнул Торбьерн.

— Вай! Вай! Ласточка моя!.. — Заорал черная борода, — Что вы стоите, дети шайтана! Хватайте же ведра, тушите рею!

Пираты со страхом в глазах смотрели на Федора, нервно сжимая в руках оружие. Те кто был ближе к мачте, ринулась в трюм за ведрами, несколько срезав ножами парус на средней мачте, макнули его в воду за бортом, и попытались набросить на горящий рей — мокрый парус тоже затлел, и его под ругань Махмуда скинули от греха за борт. Наконец к разгорающейся рее подобрался ловкий матрос, и лихорадочно работая топором отделил её от мачты — горящий рей грохнулся на палубу, и пираты, подстегиваемые рыком Махмуда, с натужным рывком сбросили его в воду. Зашипело. Однако даже морская вода не сразу загасила огненную жидкость пирсифона — только когда она выгорела, рей наконец потух, болтаясь на волнах обугленным концом.

— Вы, олухи тугорогие, напали на особых порученцев римского императора! — Отчеканил гвардеец. — Я domestik Феодор. Любой, кто подойдет к моему кораблю — превратится в филе с прожаркой.

— Нас здесь не ждет прибыль... — пробормотал баронет Роже. — Разворот!

— Выброси свою колдовскую штуку, и сражайся сталью, как мужчина! — Гневно заорал Торбьерн, одновременно с великим трудом удерживая за шкуру своего Трюгви-щитоеда, который похоже намеревался прыгнуть в воду, и добраться до врагов вплавь.

— Еще чего! — Фыркнул Федор — Вали отсюда, пока я твою ладью в погребальный костер не превратил!

— Ты баба в штанах! — Погрозил Федору Торбьерн, — когда-нибудь мы сойдемся в честном бою! Эй, парни! Вяжите Трюгви, и уложите его на дно! Разворот!.. Левый борт табань! Правый гребь!..

Ладьи нортманнов начали разворачиваться, и отходить. Федор перевел свой взор на Махмуда.

— А тебе, борода, что — особое приглашение нужно? Отдирай свой корабль, и улепетывай отсюда.

— Не считай меня дураком, румей. — Осклабился Махмуд. — Стоит мне отшвартовать свой корабль, — и ты окатишь его огнем. Но пока наши корабли связаны, ты побоишься стрелять, из опасения сжечь и свое судно!

— В первый же раз не побоялся. — Отмолвил Федор. — Я лучше сожгу всех нас разом чем дамся тебе в плен, агарянин.

— Господин, — обратился к Махмуду какой-то пират невеликого роста, но с острыми глазами и умным лицом. — Я уже видел такие огнеметные штуки румеев. Они грозны, но в них заряда только на один плевок. Румей пытается вас одурачить, его огнемет больше не опасен.

— Ты уверен в этом, Юсуф?

— Да господин. Устройство там не сложное. Отвечаю своей головой.

Махмуд испытующе глянул на Федора, и расплылся в нехорошей улыбке.

— Так? Да? — Вы слышали? — Обратился батька к своим людям — Румей больше не может метать огонь. Принесите мне голову этого свиноеда!⁴²

Люди Махмуда начали переглядываться, но с места никто не сдвинулся. Всем было боязно.

— Трусливые мерзавцы! — гневно сжал кулаки Махмуд. — Или мое слово ничего не стоит? Ладно! Я сам поведу вас! За мно-ой!

Махмуд решительно сжал меч, и пошел к носу где стоял Федор. Пираты, увлеченные его примером, двинулись за ним, на некотором, однако, удалении. Шаг за шагом, видя, что Федор не стреляет, к пиратам начала возвращаться храбрость. Федор скорбно вздохнул, тихо сбросил использованного дракона, подтянул с пола заряженного, и чиркнул колесом кремня. Пиратам его манипуляции за оградой надстройки были не видны, каждый их шаг являл все большую удаль.

Федор дождался, пока Махмуд поднялся по лестнице и возвысился над палубой так, чтобы в него можно было пальнуть наискось, в сторону моря, не запалив палубы. Он аккуратно прицелился, — и воззав в мыслях к богу, чтобы не сжечь свой собственный корабль, — дернул насос. Пираты дружно завопили, когда на почти одолевшего лестницу главаря-Махмуда ринулось адское пламя. Основной снап вылетел за борт, но часть попала в бородоча. Махмуд тоже завопил, и прикрывшись щитом кубарем свалился обратно с лестницы, и забарахтался внизу. Щит на руке пирата пылал, Махмуд вскочил, затряс рукой, сбрасывая предплечный ремень, и как дискбол запустил горящий щит в море. Больше на пирате, божьим попущением, ничего не горело.

Пираты с опаской глядя на надстройку, где стоял Федор подскочили к предводителю. Раздались изумленные и горестные крики. Махмуд глядя на перекошенные страхом лица своих людей, машинально огладил бороду — и обомлел — черной бороды больше не было. Вместо неё остались какие-то перекрученные жаром жалкие останки.

— О, моя прелесть!.. — Юсуф!! — нечем стрелять?! — Несколько бессвязно и странно звенящим от пережитого страха взвизгнул Махмуд — убью тебя!!!

Это было последнее предупреждение, — дал голос сверху Федор, с новым драконом в руках. — Если через секунду не уберетесь, спалю вашу посудину, а потом начну жечь вас

живьем.

— Махмуд взглянул на Федора снизу-вверх взглядом, в котором трудно было определить пропорцию ненависти и испуга.

— Хорошо, кафир! Ты победил!.. Но что если ты подпалишь мой корабль, как только я отвалюсь от твоего борта? Что мне чести в такой позорной гибели? Лучше уж мне сгореть здесь, пытаюсь вогнать меч в твой живот.

— Ты хочешь жить. И я хочу. Я дам твоему кораблю уйти. Даю слово.

— Немного ты мне даешь.

— Все что у меня есть.

— Поклянись! Поклянись пророком Исой и его матерью Марьям, что не будешь догонять огнем мой корабль.

Федор помедлил.

— Клянусь, — наконец сказал он — Клянусь господом нашим Иисусом Христом, и его матерью-приснодевой Марией, что сегодня дам тебе уйти и не буду жечь твой корабль.

— Ладно, кафир. Всем известно, как лживы неверные. Я не верю тебе! Но я все же попробую уйти. Берегись нарушения клятвы перед Аллахом!

Махмуд оглядел своих людей.

— Что стоите? Живо на борт! Мы отваливаем!

Пираты засуетились, — уговаривать их было не нужно. Они быстро перебежали на свой корабль, и начали снимать абордажные крюки. Махмуд, к его чести, отступил последним. Федор, стоя наверху, подбадривал их, поигрывая зловещим драконом в руках.

Вдруг, когда корабли уже почти разошлись, за спиной Федора испуганно вскрикнул Парфений. Федор обернулся: Из каюты, пошатываясь выбирался тот самый богатырь, которого Парфений огрел своим тяжелым крестом. Теперь же он пришел в себя, и сжимая секиру с лютым видом направлялся к попу и гвардейцу. Федор угрожающе поднял своего дракона, но на битого богатыря с разбитым носом и шишкой на голове, это не произвело ни малейшего впечатления. Федор сообразил, что здоровяк в своей отключке просто пропустил все, что случилось на палубе. Для него Федор сжимал в руках не страшное оружие, не гнев богов, а просто какую-то замысловатую трубку. Тратить последний пиросифон Федору не хотелось, не хотелось и случайно зажечь свой корабль — поэтому он, не выпуская воскресшего богатыря из вида, чуть повернул голову, и крикнул Махмуду.

— Убери этого калеку, — иначе сделке конец.

— Абубакр! — Закричал Махмуд. — Не трогай их! Живо ко мне! Мы уходим!

— Что? Почему?! — На лице поименованного Абубакром богатыря отразилось непонимание. Он был ранен и зол. — Мы их зарежем! Я их сам зарежу!.. — Он зарычал и двинулся на Федора. Парфений зачастил, осыпая себя крестными знаменами.

— Абубакр! — Отчаянно крикнул Махмуд! Вернись на борт! Нет времени объяснять!!! Иначе, клянусь стойкими пророками!.. Печатью Пророков клянусь!.. Мамой клянусь!.. Я тебя сам зарежу! Ты меня знаешь.

— Вай, вернись Абубакр, Вернись! — В страхе загалдели остальные пираты.

Может быть, батька Махмуд, лишившись своей знаменитой бороды, выглядел уже не так представительно, но людей он своих держал крепко, и авторитет его был силен. — Абубакр зарычал как пес, которого душит невидимый ошейник, испепелил Федора с Парфением ненавидящим взглядом, глядя на них резко провел большим пальцем левой руки у себя по горлу — жест понятный без слов — спрыгнул с надстройки, пробежал по палубе, и

перелетев через фальшборт приземлился на корабле Махмуда, когда тот под тычками шестов и копий пиратов уже начал отваливаться от борта.

Федор неусыпно наблюдал, пока корабли развалились бортами, разошлись, и покалеченный пират без задней реи стал удаляться в голубую даль.

— Больше тебе так не повезет Румей! — Услышал с удаляющегося корабля Федор. — Мы еще встретимся!

— В твой последний день! — Лаконично ответил Федор.

И только тут он почувствовал, как невероятно, чудовищно он устал. Обычное дело после битвы — тело, которое крепилось в минуту опасности, вдруг начало жаловаться всеми полученными синяками, ссадинами, и общим упадком сил. Федор оперся спиной о фальшборт, и сполз по нему на палубу, осторожно сжимая в руках последнего дракона. Руки немного тряслись, голова гудела. Но это был не первый его бой. Надо просто немного перетерпеть. Просто перетерпеть...

Но главное, морской болезни, — как не бывало.

Глава двенадцатая.

Дальнейшее морское путешествие оказалось более приятным. Видимо, судьба решила, что вывалив на троицу в самом начале такое количество пиратов, можно дать им за это некоторое послабление. Море было спокойным, погода прекрасной, ветер, в основном, — попутным. Большую часть путешествия компаньоны проводили на средней части судна, на деревянных лежаках, под натянутым палубным тентом. Благодарный капитан проникся к своим пассажирам безмерным уважением, и открыл за них запасы своего личного стола. Так что вместо червивых сухарей двойной закалки, Федора и его спутников потчевали в капитанской каюте мясом, вином и сладостями. Единственное, на что сетовал капитан Авксентий, что Феодор отпустил с миром пиратов.

— Зря, зря вы отпустили этих стервятников, благородный господин, — сокрушался он. — Надо было загнать их в трюм. Мы бы сделали крюк, и продали их всех в Венеции. Там бы дали хорошие деньги за крепких рабов.

— У меня нет времени делать крюки, — Объяснял Федор, — дела не ждут...

О том, что у него остался один заряженный дракон, которого могло и не хватить на перемогу целой пиратской оравы, Федор не упоминал. Капитану хватало и простого объяснения.

А меж тем, случившийся пиратский налет, — как это часто делает общая опасность — помог наладить отношения между Федором и двумя священниками. Те уже реже нажимали на Федорову солдатскую простоту и необразованность, иногда называли его куманьком, а друг-друга даже, под настроение, взялись именовать "братьями". Федор же тоже проникся некоторым уважением к попам, которые повели себя в схватке вполне достойно. Особенно его впечатлил западный монах Окассий, который орудовал посохом, как гибридом булавы и копья, — не хуже иного солдата.

— Мы вместе хорошо держали лестницу. — Сказал Федор, подойдя к Окассию во время прогулки по палубе. — Где ты так чертовски ловко научился так орудовать древком?

— Ну, я же не родился попом, — улыбнулся Окассий так, что его толстые щеки почти скрыли щелки глаз. — Мой отец — рыцарского рода. Но он не богат, владения его не велики. Дом и землю наследует старший брат. Младший сын должен сам добыть себе пропитание и кров. Хорошо, когда есть какая-то большая война, или созывают крестовый

поход — таким как я есть как проявить себя. Увы, когда решалась моя судьба — было некоторое затишье. Вот родители меня и сплывили в монастырь — в этом нет ничего не обычного, так поступают многие.

— Хм, — покачал головой Федор — Незавидная судьба для воина, оказаться среди унылых святош.

— Там не так плохо, как ты думаешь, — хохотнул Окассий, огладив выбритую на темени тонзуру — Среди "святош" очень много младших рыцарей. Говорю же тебе, — отпрысков туда пристраивают многие. Не скажу, чтоб моя жизнь сильно отличалась от той, что я вел в миру. Мы устраивали пирушки, держали охотничьих собак, тренировались друг с другом, ездили в соседний лес охотиться на беглых крестьян и разбойников, ездили на бой с соседним феодалом за заливные луга, ездили в соседний женский монастырь для... богословских бесед. Единственное в чем я отличался от многих сынов воинов забритых в попы, — я всегда имел тягу к учебе. В нашем монастыре нашлось несколько святых отцов, которые приучили меня к книжной мудрости.

— Прямо не жизнь, — а рай земной, — заметил Федор. — Но как же тебя сослали в нашу странную экспедицию?

— Досадная случайность, — поскучнел Окассий.

— Чего уж там, — расскажи.

— У меня была весьма хорошенькая знакомая монахиня, из соседнего женского монастыря, что стоял на другом берегу озера. Все у нас с ней было слажено, и в урочную ночь я собрался к ней с визитом. Стена из монастыря была давно не чинена, и преодолеть её не представляло никакого труда. Дорогу к келье сестры Розамунды я тоже знал прекрасно. Встреч с другими монахинями я не боялся, так как все они, вплоть до настоятельницы были благородными и понимающими женщинами. Даже сама настоятельница была дама в самом соку, и нескольких старорежимных унылых гримз, которые бывало, что-то бухтели, — держала в узде. На беду мою, как раз в тот визит, мне в монастыре как раз никто из знакомых по дороге и не попался — уж они-то смогли бы меня предупредить. Меня должно было это насторожить. Но я так стремился к моей Розамунде, что ни о чем больше и не думал.

— Да ты вообще, оказывается, нормальный парень! — обрадовался Федор — Но что же случилось?

— Случилось, что открыв дверь в келью, и прошептав имя подруги, я не получил никакого ответа. Тогда я решил, что она, должно быть, забылась, ожидая меня, и заснула. В сладком томлении, при одном только лунном свете из окошка, я подобрался к постели, засунул свои руки под одеяло, нащупывая прелести своей доброй сестры во христе. Эго тэ амо, эго тэ воло, Розамунда!.. Однако, не успел я толком пошерудить руками по, так сказать, холмам и низинам, — как келью огласил жуткий истошный визг. Меня как ледяной водой окатило — голос явно принадлежал не Розамунде. Вихрь мыслей закружился в моей голове. Не перепутал ли я келью?.. Я пытался успокоить девицу, но мой голос кажется напугал её еще больше... И — это последнее, что я помню.

— Ну-ну? — Искренне заинтересовался Федор, который и сам был не прочь путешествовать по холмам и низинам.

— Очнулся я в той самой келье, — с мокрой тряпицей на башке. Оказалось, что тем вечером в монастырь с кратким визитом прибыла послушница, столь знатного рода, что я не буду его объявлять. Моя Розамунда, чтоб ты знал, сама была баронского рода — поэтому она

занимала одну из лучших келий в монастыре. Конечно на время визита, лучшую комнату отдали высокой гостье, переселив Розамунду в другую келью. Предупредить меня моей голубке не было никакой возможности. По этой же причине я и не встретил никого ни во дворе, ни в здании монастыря — на время визита правила соблюдались более строго. И вот, я залез в знакомую келью... Не знаю уж, что там почудилось высокой гостье, когда внезапно, среди ночи, я стал шарить по ней руками. Поняла ли она, что это мужчина, или ей привиделось, что за ней явился сам вельзевул. Одним словом, она завизжала. А её компаньонка — мерзкая гримза, — вскочила с соседней кровати, и оходила меня бронзовым тазом для омовений, да так, что из меня едва дух не вышел вон. Скрыть это уже было невозможно. Делу дали ход. Поскольку, высокая гостья оказалась родственницей семьи самого нынешнего римского папы, местный епископ побоялся разбирать дело сам, — дело дошло до Наместника Христа. Настоятельница монастыря и все монахини выступили против меня, — не могу их винить, — я уже тонул, им не хотелось тонуть вместе со мной. Все на разные голоса завывали о ужасном нечестии, — будто такие нечестия не случались там чуть не каждую ночь...

— А твоя Розамунда? — Она свидетельствовал против тебя?

— Что бы она могла сделать, голубка моя? Все что она могла сказать, — что она незнакома со мной, и не знает, зачем я лез в её спальню... Скажи она иное — что она меня ждала — разве это облегчило бы мою участь? Что говорить... Сам наш святейший папа — веселый человек. И я уверен, не коснись дело его родственницы, — он бы не придал делу такого значения. Однако, узнав, что я воинского рода, и при этом достаточно образован, — он и преподнес мне поручение, которое вылилось в эту нашу морскую прогулку. В тот момент, — я думал, что легко отделался.

— А сейчас?

— После встречи с пиратами, — меня начинают посещать сомнения.

— Та же фигня, — вздохнул Федор.

— Да. — Окассий посмотрел на Федора — Ну а ты?

— А что я?

— Каков твой залет?

— Да с чего ты взя?.. — Федор посмотрел в глаза Окассия, выдохнул воздух, и махнул рукой. — А, ладно. Откровенность за откровенность...

— Мда, — Развел руками Окассий, когда Федор вкратце пересказал ему свою историю. — Ну а какой вывод? — Бабы и вино — зло!

— Но без — них скукота. — Поднял палец Федор.

— Амен. — с благочестивым видом резюмировал святой отец.

То ли по той же причине, что нападение сблизило троицу, то ли решив, что уже достаточно они позадирали друг пред другом носы, — но святые отцы покамест больше не изводили Федора спорами о разнице в догматах восточной и западной церкви. Один раз только, под настроение они устроили скучнейший диспут о сути частей святой троицы, но Федор на его счастье, сразу под него и задремал. И еще один спор у святых отцов все же случился, но в этот раз Федор по крайней мере понимал, о чем соревнуют попы.

— А все-таки, — сидя в каюте, когда ветер под вечер стал не так благоприятен, — сказал Парфений Окассию, — большой грех, брат, что ты обучался воинскому искусству.

— Как же я мог ему не обучатся, — возразил Окассий, — если это было еще до того, как

меня постригли в монахи?

— Так ведь и в доме божьем ты не забросил этого дела — ткнул перстом в коллегу Парфений — сам признаешься, что и в монастыре тренировал тело по воинским канонам. И посох твой, не посох доброго пастыря, а самое что ни на есть оружие. А ведь сказано — "ни убий". Разве может священник проливать кровь?

— Недалекий ты ум, — Возразил Окассий, — Так ведь я для того и ношу посох, чтоб не проливать кровь. Это не меч, не секира, — от посоха кровь не брызжет. Дам кому надо аккуратно в лоб, — крови нет, а черепушка треснула, — пошла душа на небо! У нас именно потому многие священники носят дубинки булавы и посохи вместо секир и мечей. Как раз, чтоб по христианскому обычаю, по священническому сану, — не проливать крови.

— Лицемерие! — Громыкнул Парфений.

— Да ну ладно заливать, — высунувшись со своей верхней койки к Окассию, вступил в беседу Федор — что я, булавой не работал что-ли? Редко бывает, чтоб удар по голове не оставил ни ссадины, ни порванной кожи. А где кожу схудил — там будет и кровь. Так что не работает ваша поповская хитрость.

— Если даже кровь у кого я стукну, где и прольется, — это уж по божественному волеизъявлению, — Вздохнув перекрестился Окассий. — Я сделал все что мог, чтоб она не пролилась. Острого лезвия не брал, бил тупым. Значит и грех мой мал, и мне простится.

— Ну вот же лицемерие! — Побагровел Парфений. — Как есть лицемерие!

— А что ты меня ругаешь? — Возмутился Окассий. — Сам ругаешь. А сам — мне Федор рассказал — пирата святым крестом по голове нахлобучил.

— Это... другое... — На мгновение смутившись, отмел Парфений, — Я с крестом как с оружием не тренировался, бить специально не учился. — А ударил едино неожиданным побуждением, только спасая христианскую душу.

— Ну вот и мы, бьем едино только по нужде. У нас это не грех.

— Так нельзя. — Помотал головой Парфений. — Воин — это воин. А клирик — есть клирик. Не зря Бог эти сословия разграничил. И что ты есть по сути воин, а по виду рукоположен в сан — грех и лицемерие.

— Ладно! — Поднял руки Окассий. — Пусть я, по-твоему, лицемер. Но у вас-то в вашем православии что? Сам ты значит, не убиваешь, рук не мараешь. Потому как, — сам сказал — заповедано "не убий". Но ведь и ваши священники постоянно благословляют и причащают ваши армии, которые готовятся идти на бой, на убийство. Других убивать и умирать благословляешь, а сам за их спинами чистенький сидишь. Это как?! Не это ли и есть большее лицемерие?

— Нет! — Взвился Парфений. — Когда благословляешь на защиту богоданной Римской Державы — это не лицемерие. Это воля Бога!

— Может, и мой боевой посох, и мечи в руках наших монахов-крестоносцев, что воюют с неверными в святой земле, за удержание гроба Господня — тоже есть воля Бога.

— Это нет! Вот это вот нет!

— Почему?

— Потому!!!

— Ну, знаешь... — Окассий развел руки, и поглядел наверх, на Феодора. — А то чего думаешь воин? За кем из нас правда?

Федор задумался. С одной стороны, получалось, что и правда — священник с оружием нарушает Божьи законы, которым сам же и учит. Выходит, — лицемерие. С другой же, когда

священник благословляет на убийство — тоже лицемерие. Вспомнились Федору и бедственные дни, когда после тяжелого поражения и больших потерь, римской державе отчаянно не хватало солдат. Обескровленные армии отступали. Проходили и мимо монастырей, в которых сидели монахи — лоснящиеся здоровьем сытые мужики, которые только и делали что "молились за одоление супостата". Глядя на этих церковных наливных мужиков, усталый Федор думал — дать бы каждому из них щит да копье, — сколько новых полков можно было бы сформировать...⁴³ И будут ли молиться "за одоление супостата" эти попы, если сам супостат эти земли захватит?

Но что в таких делах, да в самих божьих замыслах мог понимать простой сотник?..

— Не знаю кто из вас прав, святые отцы, — покачал головой Федор. — Но если Бог и правда так всеведущ, как говорят на проповедях, — он ведь и сам знает, кто прав и кому дать победу. А я так уж предпочту побольше добрых воинов со мной в одном ряду.

— Расскажи нам, — а в чем ты провинился, брат Парфений?.. — Гудел Окассий.

Западный поп и гвардеец уже вполне по-свойски сидели в каюте, и играли в игру, которую Федор знал как "тавла", а Окассий называл её на старый латинский манер — "табула". Для того чтобы Федор мог играть внизу, Парфению на его кровати пришлось потесниться. Крохотный походный набор для игры, появился на свет божий из заплечника Федора. К маленькой раскладной доске, где каждая плашка была размером в ладонь, прилагались крохотные фишки. Фишки храбро шли вперед, гремели в стаканчике и рассыпались кости, по качавшемуся на веревках в такт волнам, столу. Поскольку Федор своих свободных денег не имел, (а Парфений ему на такое благородное дело не давал) — сражаться с Окассией приходилось на интерес. Но азарта это нисколько не умаляло, — игра шла отчаянно. Федор упорно подозревал, что Окассий пробует как-то жульничать, по особому завертывая кости при выбросе из стаканчика. Окассий при каждом неудачном раскладе рычал аки медведь, и попеременно винил в своих неудачах то кости Федора, которые несомненно залиты свинцом, то подвижной стол и качку, который сбивали его самые удачные броски. Парфений бубня для порядка о "диявольских забавах", и "игрищах бесовских", тем не менее сидел рядом, и алчно наблюдал за застольной баталией. Несмотря на то, что Парфений, преодолевая сатанинский искус, не играл, иногда он не выдерживал, и подсказывал ходы — всегда удачные. Такая подсказка вызывала бурю негодования у второго оппонента, поэтому договорились, что Парфений подсказывает каждому по очереди. Между делом, и болтали о том о сем.

— ...Так расскажи нам. — Не отставал Окассий. — Федор выпил не с теми людьми. Я пощупал не ту девицу. Мы открыли свои темные секреты. А чем отличился ты?

— Не твоего это ума дело, — бубнил Парфений. — Не твоего, говорю.

— Признавайся греховодник. — Окассий тряс стаканчик с костями. — Ты ведь давно не был на исповеди. Покайся, — и я отпущу тебе все грехи. Тэ абсолюво а пекагтис туис, скажу я тебе... И ты сам увидишь, как тебе станет легче. Слезы омоют щеки твои, и воспарит душа твоя.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Мне и так легко. — Фыркал Парфений.

— А нам нет. Нас мучает любопытство. — Окассий поворачивался к Федору. — Тебя, вот, мучает?

— Необычайно. — Соглашался Федор.

— Вот. Поэтому, говори.

— Мучает вас, — отбивался Парфений — так облегчитесь с борта. Авось полегчает.

— Нет, ну каков! — Фыркал Окассий. А как же нам прикажешь тебе доверять? Что же ты такого ужасного сделал, что даже не решаешься признаться? Что может быть страшнее греха винопийства и блудодеяния, в которых мы с Феодором так искренне раскаялись? Уж не мужеложец ли ты?! — Пронзительно глянул на Парфения западный монах.

— Свят-свят, шутки у тебя...

— Уж не огулял ли ты козу с монастырского подворья?

— Тьфу на тебя схизматик!

— Да уж не тайный ли ты манихей?!⁴⁴

— За такие шутки гореть тебе в пекловище! Прости тебя господь!

— Ну тогда я не знаю, — Окассий повернул голову к Федору. — Что думаешь?

Федор машинально тряхнул стаканчик.

— Пьет как воробушек... На девок не глядит, аки евнух... Тут что-то другое. Думаю, — проворовался. — Решительно предположил он.

— Парфений, — ты проворовался? — Уточнил Окассий.

— Отродясь чужого не брал. Лишь на краю могилы я в чем признаюсь таким бесолубам как вы! Отстаньте от меня аспиды, вы так партию никогда не доиграете.

— Ладно, — Фыркал Окассий, — отложим твою исповедь. Пока. Эй, ну кто так бросает?! Кость укатилась со стола!..

Когда сражаться в тавлеи надоедало, — Федор шел на палубу, и занимался физическими упражнениями. Благо, количество рей и веревок, давало возможность нагружать почти любую часть тела. Капитан лишь приставил к Федору комеса, который показал, какие снасти тому не следует дергать ни в коем случае, под угрозой случайного переклада паруса, и возможного опрокидывания корабля. Потому Федор подтягивался лишь на веревочных лестницах, ведущих к мачтам, да наглухо закрепленным канатам. Вместе с Феодором иногда занимался и западный монах. К подтягиванию он, по причине большого веса был не сильно способен, зато весьма могуч в подъеме тяжестей. Забавы для, монах по многу раз тягал вверх-вниз многопудовую бочку. Матросы, глядя на их упражнения тихонько бурчали, что коли благородным господам некуда девать силушку, так устраивались бы на сезон на галеры махать веслом — и им польза, и меньше людей из тюрем ссылали бы на военный флот... Парфений же устраивался на лавке сиднем, и прилежал к одной из книг, которые возил в котомке.

Попрыгав по снастям, Федор устроился на средней палубе, отжиматься на кулачках, уместив ноги на скамейку. Окассий наоборот, ноги уместил на палубу, что при его комплекции было более разумным. Качка корабля на волнах давала любопытный эффект, когда при каждом следующем жиме мышцы нагружались немного по-иному. Некоторое время, оба спутника тихо пыхтели. Монах сделал свой задел раньше, Федор окончил позже, от изнеможения едва не ткнувшись носом в грязные доски.

— А все-таки, странное нам дело поручили... — задумчиво изронил, вынув нос из книги Парфений. — Что за мечи мы ищем? Зачем потом ехать в древний забытый город в пустыне? Куда нам те мечи потом приложить?..

— Чего гадать, — если даже сами наши начальники того не ведают? — Отдышавшись, и утирая пот со лба, ответил Федор — найдем меч, найдем старый город, осмотрим

развалины, составим отчет — да поедем получать награды! Меня больше волнует, как нам мимо местных муслимов проехать.

— А меня больше волнует, как связана со всем этим Багряная Звезда. — Назидательно поднял руку Парфений. — Вот книга, — он показал спутникам обтянутый кожей фолиант. — Сей список сделан с одного из неисправленных церковью томов "Великого Состроения" египетского астронома Птолемея, что хранится в библиотеке Константинопольского патриархата. Сей Птолемей, хоть и не любим отцами нашей церкви за то, что упоминал Аристарха Самосского, — коий утверждал, что наша земля вращается вокруг солнца, — однако же является величайшим светилом древности. И в этой книге Птолемей подробно упоминает о Багряной Звезде.

— Ну?! — Федор подался на скамейке вперед, и наточил ухо — и что же он пишет?

— Пишет он, что...

В неосторожно распушенные уши Федора водопадом полились потоки слов, которые частью были знакомы, но никак не складывались ни во что осмысленное, потому как — видать — астрономы-звездознатцы использовали их для определения чего-то своего: "Окружная волосатка... Окружность обращения... Истинная ненормальность... Отсолнечное расстояние... Землесрединное расстояние... Линия нерастягивания...

— ...таким образом форма колеи этой волосатки — частил монах — характеризуется изосрединной много больше нуля, что дает нам овальную колею, по которой волосатка проходит мимо Земли примерно раз в...

— А, хватит, хватит! У меня сейчас приступ падучей случится!.. — Поднял руки Федор. — Ты не мог бы говорить на нормальном греческом?

Парфений скорбно взглянул на Федора, но сжалился.

— Ну, если говорить совсем по-крестьянски, — Птолемей пишет, что эта блуждающая звезда приближается к земле через одинаковое время, с перерывом во много сотен лет. И каждый раз это сопровождается "странными и ужасными бедствиями, в которых многие видели гнев богов.

— Ну вот, можешь же по-человечески, когда хочешь — утер пот Федор. — Но что же это за страшные бедствия?

— Об этом сиятельный Птолемей нам не пишет, — Покачал головой Парфений. — не упоминание о них мы находим в труде нашего великого ромейского естествознателя древности, Тита Лукреция Кара.

— Ну ты просто ходячее книгохранилище, — уважительно посмотрел на монаха Федор. — Ясно теперь, почему ты не тяготеешь к физическим упражнениям. Обидно бы, случайно стукнувшись головой, выбить из нее память обо всех этих знаниях.

— То так, — смиренно подтвердил Парфений.

— Что же оставил нам древний естествознатель? — Подключился к разговору Окассий.

— В многосильном труде своем "Дэ рерум натура", Лукреций описывает характер тех бедствий, которые оставили нам более древние авторы, пусть и с большим скепсисом. Пишет он, что с приближением багряной звезды якобы являлись дети Гекаты — чудовища ламии, что самой лакомой пищей считали человеческую плоть и кровь. Поднимались и начинали ходить мертвецы. Среди людей распространялись невиданные болезни. Города стояли пустыми, и сам род человеческий грозил исчезнуть. Вот как.

— Бабкины сказки! — Фыркнул Федор.

— Не скажи, — Серьезно покачал головой Окассий. — Ты видно слишком давно

живешь в самом большом городе мира. Конечно у вас там нечисти не водится, — что бы она стала там делать? А вот у нас, после того как империя оставила наши земли, когда леса снова взяли свое, окутав редкие поселения... случалось в глухих местах немало странного.

— Так ведь и я не родился в Константинополе, — отмахнул Федор — Вырос на границе в горах. И у нас старики рассказывали всякое. Много слышал — да ничего не видал.

— Древние мудрецы, — встрял Окассий, — высказывали такую теорию, — что весь мир нам лишь снится. Но что, если сон у людей один на всех? Тогда бы не удивился я, что в городах империи с её порядком, где с подачи многомудрых ученых мало кто верит в нечисть — её нет. А в глухих краях, где ночной ветер заставляет стонать деревья — стонет не только ветер.

— Безбожная ересь!⁴⁵ — Фыркнул Парфений.

— А та книга, что у тебя в руках — разве не ересь? — Ехидно подшил Окассий. — Разве знания древних астрономов согласуются с тем, что сказано в святом писании? Разве одобряет мать наша Святая церковь, разговоры о том, что Земля вращается вокруг Солнца? Разве не бросает это тень сомнения на библейский рассказ, что Иисус сын Навиннов смог остановить на небе Солнце?

Парфений помолчал, вздохнул, опустил плечи.

— Вот за это, — Сказал он.

— Чего за это? — Не понял Окассий.

— Ты все спрашивал, — за что меня с вами послали? Я не напивался пьяным, и не бесчестил христовых невест. Я не нарушал обетов, и верую в Бога нашего Иисуса всем сердцем. Но чувствую я в книгах старых любомудров тягу к постижению божьего мира, от которой не могу отказаться... Эх... — Парфений махнул рукой, встал со скамейки и ушел в каюту.

— Несчастный человек, — провожая святого отца сказал Окассий. — Наши мелкие грешки церковь всегда простит. А его страсть может привести куда дальше. Многие знания — многие печали.

— Эт-точно, — Согласился Федор, встал со скамейки и побежал по палубе, забегать и сбегать по крутым лестницам надстроек.

А по следующему утру, на горизонте показались берега.

Корабль наконец добрался до Сицилии.

Глава тринадцатая.

— Стратиг⁴⁶, которому подчинялись все военные силы империи на Сицилии, встретил Федора стоя. После того, как корабль пришвартовался в порту, найти стратига не оставило труда, его штаб-квартира располагалась в том же портовом городе, на вершине холма. Распрощавшись с корабельщиками и протолкавшись среди портовую толчею, компаньоны довольно быстро добрались до резиденции командующего. Там сперва пришлось раздвигать пасущихся у дверей просителей, а потом путь преградили скрещенные копыя стражи. Но золотая табличка личного порученца императора, тайно показанная дежурному офицеру, произвела эффект масла пошедшего в зубцы механизма. Тотчас декарх-десятник отдал приказ, солдат умчался как ужаленный, прибежал один из личных адъютантов командующего, и предупредительно показывая дорогу, проводил Федора с двумя его спутниками к кабинету командующего на втором этаже. Федор, Окассий и Парфений зашли в кабинет втроем. И встретило их там тоже трое.

— Я стратиг-полимарх⁴⁷ Димитрий Кантакузин, — представился широкий квадратный человек, с упрямыми глазами, и широким лбом, который казался еще больше благодаря залысынам. Несмотря на возраст за пятьдесят, буквально дышал здоровьем. Четким военным жестом он показал на стоявшего рядом богато одетого человека, в характерном кавалерийском плаще, подвешенным на плечевых ремнях: — Это мой топотерит⁴⁸, - иппарх⁴⁹ Николай. — Указал на третьего. — Мой личный порученец.

Федор глянул на второго офицера. Узкое и унылое лицо, больше подходило какому-нибудь писарчуку, чем иппарху — командиру конницы. Впечатление искупали витые жилы на руках, осанка, и глаза, которые показывали, что перед ним воин с полевым опытом. Порученец, которого командующий не счел нужным представить по имени, походил на породистую борзую — блестящий красавчик, какие всегда образовывались при штабе; не хватало только павлиньих перьев в заду. Как любой настоящий военный, Федор таких не любил.

И все трое высокопоставленных командиров перед Федором стояли. Это было необычное ощущение. Командиров такого уровня Федор привык созерцать сидящими их, сам стоя навтыжку, не всегда удостаиваясь их мимолетного начальственного взгляда. Новое состояние, дарованное императорской пластиной было непривычным. И... чертовски приятным.

— Удалите лишних людей, Стратиг — преодолевая неловкость сказал Феодор. — Дело секретное. Я хочу поговорить с вами наедине.

— Вон, — коротко бросил Стратиг блестящему порученцу, — и тот четко отсалютовав кулаком в грудь, направился на выход.

— Иппарх пользуется моим полным доверием, — Вопросительно взглянул на Федора Димитрий, — я доверяю ему как себе. Его мнение может быть полезным.

— Хорошо, — входя в роль кивнул Федор — под вашу ответственность.

— Не желаете присесть, благородные господа? — предложил стратиг.

— Благодарю...

Перед мраморным столом командующего стояло два кресла. Федор приземлился на одно из них. Окассий тут же ловко занял второе. Парфений суксился, огляделся. Слева от стола командующего стоял еще один стол, для совещаний. Большой, овальной формы, обставленный стульями. Парфений не чинясь подошел ко второму столу, взял себе стул, подтащил его к Федору, и уселся рядом. Кавалерийский командир предпочел остаться стоять.

— Какое я могу оказать содействие глазам и рукам императора? — Сцепив руки в замок осведомился командующий.

— Для начала, кратко ознакомьте с военной обстановкой на острове, — попросил Федор.

Стратиг вздохнул, собираясь с мыслями.

— На данный момент у нас ничья. Позиционный тупик. В первый раз муслимы высадились на Сицилии несколько веков назад, с африканского плацдарма. Тогда их натиск был неостановим, и им удалось выбить имперские силы с острова. Однако, через какое-то время муслимский великий халифат начал разваливаться на куски из-за внутренней борьбы за власть. Остров оказался принадлежащим муслимам-аглабидам, чья сила была несопоставима с прежней. Тогда наш экспедиционный корпус предпринял первую попытку вернуть остров. Не буду утомлять вас подробностями. Долгая война шла с переменным

успехом. Несмотря, что мир мусульман раскололся на разные княжества, в нем всегда находилось достаточно фанатиков-гази, готовых прибыть сражаться с неверными, чтобы влить в войну новую кровь. На сегодняшний момент имеет место довольно долгое перемирие. Мы занимаем примерно половину западной части острова. Мусульмане контролируют его восток. Ни у нас, ни у мусульман нет доставочных сил, чтобы опрокинуть друг-друга в решительном сражении. После франкских крестовых походов, которые отняли у мусульман огромные территории в святой земле, они начинают забывать прежние распри, и создают новые союзы. Однако, они испытывают сложности с прибытием подкреплений в случае войны — их транспортное плечо из Африки значительно длиннее, чем наше — из Калабрии Равенского Экзархата. Однако наши силы в экзархате сильно связаны борьбой с экспансией нортманнов. Но и для мусульман нортманны враги, — их суда грабят мусульман в море, и уже несколько раз совершали грабительские рейды на прибрежные районы острова. Как видите, — ситуация сложная. Имеется много неопределенных, которые удерживают наших врагов от попыток выбросить нас с острова. Мы так же лишены этой возможности, пока империя не освободит достаточно сил на других направлениях. Итог — достаточно долгий мир, под угрозой обоюдной военной силы.

— Прямого соприкосновения войск на данный момент нет? — Уточнил Федор.

— Войска разведены во избежание инцидентов, и стоят в крепостях, городах и опорных пунктах. Даже в самых близких местах, это минимум несколько полетов стрелы.

— А передвижение гражданских по острову?

— Достаточно свободное. И мы и они заворачивают слишком любопытных от главных складов, мест средоточения войск и цитаделей. Несколько их шпионов гниют у меня в подвалах. Но торговые люди передвигаются, при уплате пошлин. Фактически, имеет место граница, и идущие на сторону мусульман, естественно, попадают под действие их законов и обычаев. На свой, как говорится, страх и риск. К купцам мусульмане достаточно благодушны — всем нужны пошрины и торговля.

— Как к нам относятся местные, на занятых мусульманами территориях? Можно ли ждать от них помощи? — Продолжал свой допрос Федор.

— Не возьмусь дать однозначный ответ. — Покачал головой стратиг. — Здесь, особенно в горах, живет чертовски упрямый народ. Даже на мусульманской части острова, несмотря на прошедшие годы, население большей частью является христианским. Мусульмане, в основном, живут в прибрежных портах. Мусульмане хитры. Захватив какую-нибудь землю, они сперва не притесняют её жителей, чтобы те привыкли к ярому, а сами мусульмане успели закрепиться. Только надежно взяв край, мусульмане начинают не мытьем так катанием завлекать людей в свой ислам и драть налоги. Здесь же, на острове, ситуация столько лет нестабильная, что мусульмане стараются не раздражать население без повода, дабы те не ударили им в спину. Терпимость в обмен на терпимость. Это может привести к тому, что и некоторые местные относятся к захватчикам вполне лояльно. И все гражданские на острове очень устали от войны, не хотят ее нового разгара. Дальше делайте выводы сами, светлые господа. Думаю, ответ на ваш вопрос в каждом случае будет зависеть от личной истории конкретного жителя. Можно встретить и помощь, и измену.

— Хорошо... — Федор вытащил из сумки карту, куда была перенесена метка означавшее местоположение древнего храма.

— Как мне и моим людям лучше добраться в это место?

— А что там?

— Федор задумался. Первый ответ, который шел на ум "не твое дело". Но это было невежливо.

— Вам нет нужды забивать этим голову, — улыбнулся Окассий. И Федор благодарно кивнул монаху.

— Это на территории мусульмов. До границы вы с моим содействием доберетесь максимально быстро. Но дальше... — Стратиг качнул головой — Я не могу направить туда войска, — если только у вас нет на то прямого приказа императора. Это повод к войне.

— Такого приказа у нас нет.

— Тогда, — после пересечения границы — вы в своей воле.

— Что-нибудь можете посоветовать?

— Это нежилой район. Нет смысла маскироваться под купцов — в такой глухомани они только вызовут подозрение. Я поговорю с начальником моей тайной службы. Может, он и его послухи дадут дельный совет...

— Много это займет времени?

— Займусь прямо сейчас, к вечеру постараюсь дать вам информацию. Вы уже остановились где-нибудь?

— К вам прямо с корабля.

— Тогда, если у вас больше нет вопросов, — передаю вас на попечение иппарху. — Командующий повернулся к своему заместителю. — Займись Николай. Выведешь наших гостей через черный ход.

— Почему через черный? — Заинтересовался Федор.

— Потому что и у мусульмов в городе есть глаза и уши. Плохо вам будет на их стороне, если там проведают, что вы спокойно получаете аудиенцию у командующего ромеев. Жаль, что вы вошли через парадный. Хотя бы выведем вас по-тихому.

— Разумно, — согласился Федор.

Димитрий снова повернулся к иппарху. — Дашь им человека в гражданском. Он покажет им хороший постоялый двор.

— Сделаю, — кивнул Николай.

— Как только появятся новости. — Я тут же вам сообщу.

— Добро. — Федор поднялся из кресла. — Не будем вас задерживать.

Стратиг кивнул. Все учтиво поклонились друг другу.

На том и распрощались.

— Ваша ставка находится в порту. Дела так плохи? — Спросил Федор иппарха Николая, пока он вел его и чуть поотставших монахов чередой комнат, к заднему двору ставки командующего.

Николай повернул к нему живое лицо, и нахмурился.

— Что бы вы не думали, стратиг честный воин, и дело не в месте удобном для бегства — если вы об этом. Просто, основные дела пока идут на море. Здесь, в порту быстрее связь с кораблями приданного армии наварха, о морских действиях агарян и нортманнов.

— Ясно, — нейтрально произнес Федор. — Просто, когда начальство слишком далеко в тылу... — хорошего не ждешь. Старая привычка...

— Служил в армии? — Утвердительно спросил иппарх.

— Да. Был в пограничниках-акритах. Потом в палатинской тагме.

— Наш человек, — одобрительно кивнул иппарх. — А сейчас, выходит, сменил службу.

— Сменил.

— И как? Доволен?

— Пока не знаю... — Пожал плечами Федор. — Муслимы на той стороне, подскажут, — доволен или нет.

— Верно, — кивнул иппарх. — Не попадись им, domestик.

— Постараюсь. Как Бог даст.

— Не попадись. — Повторил иппарх. — А если попадешься — убей себя. Или хотя бы откуси язык. Чтобы, когда будут пытаться, никто не узнал, что ты шпион императора. Или тебя используют как повод к войне. А у нас здесь мало сил. Слишком мало.

Федор посмотрел в глаза Николаю, безмолвно кивнул, а ответил о своем.

— Особым порученцам императора часто завидуют. Близость ко двору. Большое жалование. Красивая форма. Власть. Возможность на равных говорить даже со стратигами. О мелочах, о которых ты сейчас упомянул, люди не задумываются, а?

— Да, пока не столкнутся лично. Поэтому, я не завидую тебе domestик.

— А я тебе завидую, иппарх.

Они прошли несколько шагов молча. Иппарх встал у входа в очередную залу.

— Но если ты вернешься с успехом, — снова заговорил иппарх, возможно, пытаясь смягчить горечь прежних слов — может быть, я и позавидую тебе. Ведь, как-никак, — близость ко двору, большое жалование, и быть на равных со стратигами...

— Ничего не имею против. — скупой улыбнулся Федор. — Если вернусь — завидуй.

— Добро, — улыбнулся в ответ иппарх. — на том и порешим.

И они пожали друг-другу руки.

Глава четырнадцатая.

Сторожевые посты ромеев и агараян располагались друг напротив друга, на разных берегах брода через неширокую реку. Посты враждующих сторон, выглядели почти одинаково. Это были каменные башни, стоявшие рядом с дорогой. Внутри такой башни размещался караульный гарнизон из нескольких человек. Наверху её — зубчатая галерея с бойницами для стрелков. И, главное, — площадка для костра. В случае нападения с другой стороны, гарнизон должен был запалить костер, — чтобы предупредить расположенные далее посты оповещения. Запалить и... погибнуть. Больше пограничникам ничего не оставалось. Федор сам служил на границе, знал риск этой работы, и уважал её. Но пока полчища вредоносных врагов не накатили на пост, — он служил так же и таможенным пунктом. Конечно, любой умник мог обойти сеть постов, пробравшись где-то в неприметном месте. Но если ты был зажиточным малым, которому нужно было перевезти товар по дороге, в телеге, — волей-неволей приходилось проезжать мимо поста. Башни стояла рядом с дорогой, и тут же, — и у ромейской и у муслимской, — паслись по паре стражников. Никаких подвижных перегородок, перекрывающих дорогу не было, — в них не было нужды. На галерее каждой башни было достаточно лучников, чтобы огорчить любого, пытающегося уклониться от уплаты подорожной.

...Ясное дело, огнемёт, императорские грамоты, и прочее, что могло выдать в троице шпионов, было оставлено на хранение в ставке. С помощью тайной службы Стратига, троица компаньонов добралась до границы владений ромеев, быстро и безо всяких проблем. И вот, — граница. Башня ромеев осталась позади. Дальше — земля муслимов. И их башня — такая похожая, и такая чужая.

Все трое шли пешком. Судя по древнему плану, на котором был нарисован языческий

храм, — тот находился в предгорье, где от животного будет мало толку. Кроме того, лошади не вписывались в разработанный с помощью тайных послухов стратига план прохода. Сторожевой пост муслимов, меж тем, становился все ближе. Скоро придется проверить — хороший ли вышел план... Брод был мелкий, Федор шел, даже не снимая высоких сапог, вода лизала ноги где-то на икрах. Монахи, в своих священнических одеждах, шли подняв подола одеяний, и забросив связанные ботинки себе на шею.

Федор выбрался на берег, подождал, пока святые отцы переобуются, и все трое пошли дорогой по отлогому берегу к муслимскому посту. Впереди теперь шагали Феодор и Окассий. Федор же шел за ними. Так было нужно по легенде.

Дорогу охраняло двое муслимских стражей. Чернявые, с копьями и небольшими круглыми щитами. Лица их несли на себе неуловимый отупляющий отпечаток долгого и скучного дежурства. Но на пришельцев оба реагировали по-разному. Младший разглядывал подходящую трицу с интересом — как какое-никакое лекарство от скуки. Старшему, судя по выражению лица опостылел весь мир, и ничего интересного от трицы он не ждал.

— Кто? Куда? зачем? — На ужасном греческом спросил старший. Одновременно опустив конец копья ближе к земле, перпендикулярно дороге, что должно было изобразить барьер.

Парфений смиренно выступил вперед.

— Мир тебе, воин. Мы божьи люди, священники.

— А он? — кивнул страж не Федора. — У него вид не божьего слуги, но воина.

— Это наш охранник, которого мы наняли для путешествия. На дорогах, как всегда, беспокойно. Есть те, для кого ничего не стоит обидеть божьих людей.

— Так откуда вы?

— Мы прибыли сюда из города Книн.

— Откуда?..

— Это на побережье средиземного моря, в Далмации.

Судя по выражению лица воина. Не сказать, что это ему что-то пояснило. Но одно он уловил — пришельцы едут издалека.

— Зачем вы приехали?

— До города нашего дошла слава о великом муслимском богослове, — Чавли Нур-ад-Дине, что ныне живет на вашем острове в этих местах. — Благостно-спокойным тоном продолжил Парфений.

— Вы знаете о алиме Чавли? — Вмешался в разговор молодой страж.

Федор подумал, что искомый Чавли, здесь фигура известная.

— Да, сын мой. — Кивнул Парфений. — Даже до наших мест дошел пламенный глас этого человека.

— И... зачем вы приехали?

— Мы прибыли, чтобы встретится с Чавли и испытать крепость его и нашей веры — богословским спором.

— Вы что, с ума сошли неверные?! — Искренне поразился старший страж, с которого разом слетела вся скука. — Прекращайте есть гашиш! Как можете вы пытаться убедить в ваших христианских глупостях такой столп веры — как алим Чавли?! Вы совсем потеряли стыд и различие, безумные алу-с-салиб!50

— Не горячись сын мой, — смиренно сложил руки Парфений. — И не ругай христиан. Ведь сказано в Коране — "ты, конечно, найдешь, что самые близкие по любви к

уверовавшим те, которые говорили: — "мы — христиане!"

— Там правда так ска?.. Э... Ты что, читал священный Коран? — Поразился страж.

— Разве мог я пройти мимо великой книги, в которой содержится божественная мудрость? — Поднял очи горе Парфений. — И я нашел в Коране еще и такие слова: — "Не одинаковы они, — среди обладателей писания есть община стойкая: они веруют в Аллаха, совершают одобряемое и удерживаются от неодобряемого. Они спешат друг перед другом в совершении благого; они — праведники". Если сам пророк Мухаммад, — печать пророков — Различал среди христиан достойных людей, — может и тебе не мерять нас всех одной меркой, сын мой?

Стражи переглянулись.

— Первый раз вижу такое чудо — христианин, читающий священные арабские письма. Что скажешь, Юсуф?

— Аллах велик! Он и неверного может обратить к истине.

— Идите! — Отдернул с дороги свое копьё стражник. — Вы на правильном пути! А услышав живую Чавли Нур-ад-Дина, — верю — вы оба вернетесь уже настоящими правоверными!

— Спасибо вам, дети мои, — Парфений простер длань к стражникам. — Путь к Богу — как путь к вершине. К нему могут вести разные пути. Я ищу сират аль-мустахим — путь прямой. Ищите и вы его неустанно.

— И вам удачи в пути, божьи люди — поклонились стражники.

— Прошло легче чем я думал, — Заметил Федор, когда они порядком отошли от башни. — Молодец Парфений. Ты поразил их. И меня, признаться, тоже.

— Ты и правда читал ихний Коран? — поинтересовался у Парфения Окассий.

— Конечно. — Кивнул Парфений. — Как же бороться с заблуждениями, если не знать их корень?

— Мда... Ты еще более ученый человек, чем я, — задумчиво проговорил Окассий. — Я изучал лишь дела нашей матери-церкви, а ты... С таким разнообразием интересов, ты либо станешь церковным иерархом, либо... кончишь ссылкой в отдаленный монастырь.

— Аллах велик, — скупно улыбнулся Парфений. — всякая вещь в руке его.

Путь к храму занял несколько дней. Сперва компаньоны передвигались по холмистой равнине, затем, свернув от обжитых мест, направились на взгорье. Метки, которые Федор перенес на карту острова с древнего документа, были точнейшие. Древний составитель сделал все, чтобы человек читающий карту не заблудился, и легко нашел дорогу. Федор знал карту. Легко нашел путь. Обнаружил все указанные приметы, и вывел компаньонов на место.

Храма не было.

Уже несколько часов трое спутников рыскали по каменистому предгорью, на высоте, где зелень травы уже начала уступать место камням. Оставив мешавшие рюкзаки расходились от них поисковыми кругами. Храма не было. Наконец, устав остановились посоветоваться.

— Все ориентиры здесь! — Ярился Федор. — Я стою лицом на восток. Справа утес. Внизу вид на лощину меж двух холмов. Где этот древний языческий сарай?!

— Может быть... — Дипломатично начал Окассий.

— Не может! — Отрезал Федор. — Я не ошибся.

— Может быть, это не те ориентиры? — Все же договорил Окассий. — Бог сделал

природу богатой, у неё много утесов и холмов.

— Место то. — Упрямо повторил Федор. — Не знаю в чем дело.

— Прошли сотни лет, — вступил в разговор Парфений, утирая пот со лба. — Греховодное святилище язычников наверняка было разрушено добрыми христианами. Камни могли пойти на строительство новых домов.

— Здесь рядом нет деревень. — Заметил Федор. — Вон, только пастух внизу отару пригнал, бог знает откуда...

— Даже если рядом нет жилья... — Пожал плечами Парфений. — Если храм был красив, имел колонны, его камни мог заказать перевести на свою землю какой-нибудь местный богачей-динат. Это может быть за десятки, а то и сотни стадиев отсюда. Еще когда мы плыли к острову, я думал о таком варианте.

— Что же не сказал — если думал? — Ворчливо спросил Федор, утирая пот.

Солнце шло на закат, но все еще припекало так, что он привесил шапку, шлем к ремню, подставив ветру волосы.

— Не хотел раньше времени каркать — объяснил Парфений.

— Ну да, зато вот сейчас — как лучник в яблочко!.. — буркнул Федор.

Окассий передвинул свою широкополую шляпу ближе к затылку.

— Даже если бы храм растащили. Должно было что-то остаться. Остатки фундамента. Камни, которые треснули, когда их выдирали из раствора... Большие здания не исчезают просто так.

— Ты, смотрю, прям специалист по разборке храмов, — Покосился Федор.

— Я же бывал в Риме, — улыбнулся Окассий. — Там полгорода — старые имперские развалины. Трудно уничтожить то, что сделано со старанием... Нет, мы где-то ошиблись. Может быть, ошиблись еще те — древние картографы. Самый простой путь — это спуститься обратно вниз, и спросить во-он того пастуха, что пасет стадо. Он местный, и наверняка что-нибудь видел, что-нибудь знает.

— А как мы объясним ему наш интерес к старому храму?

— Никак. Посулим серебряную монету. Покажет где храм — дадим.

— Да? — Пожевал губу Федор. — А если он потом отправится в свою деревню, протреплется про нас. А муслимские власти возьми и заинтересуйся, — кто и зачем тут ищет старые развалины?

— Не потреплется, — благостно улыбаясь пообещал Окассий. — Заодно и монету обратно возьмем...

— Да ты что! — Отшатнулся Парфений, когда сообразил, о чем говорит другой монах. — Он же невинная душа.

— Значит, воспарит прямо к Господу. — Пожал плечами Окассий. — Всю жизнь пас овец, и сам агнец божий.

— Да ведь это грех!

— На службе святого престола с меня все грехи отпустятся. — Сощурил глаза Окассий. — Главное выполнить приказ папы. Не тревожься, Парфений. Тебе не придется марать руки. Я сам все сделаю. — Монах повернулся к Федору. — Пойдем, спросим?

Федор замялся. Воину к крови не привыкать. Но то в бою... В убийстве селянина чести не было. Но был долг. И он не знал, что ответить на испытывающий взгляд монаха.

— Да что ты будешь делать... — Шикнул он, пытаясь как-то отсрочить ответ Окссию, и чувствуя поднимающееся раздражение. Федор хлопнул себя ладонями по широким штанам,

крепко топнул сапогом, и сплюнул. — Это ведь должно быть самое место! Дьявол меня забери!!!

Всяк добрый христианин знает, — нельзя помянуть нечистого. Дьявол услышал Федора. Земля под гвардейцем разверзлась, и поглотила его сразу почти до пояса. Федор почувствовал, как кто-то тянет его вниз, в адское пекловище. Руки его тоже провалились, дьявол сдавил их, не давая шевельнуть плечами. От полного исчезновения его спас только рюкзак, который застрял на поверхности, и сдавил лямками плечи.

— Свят-свят! — Завопил с округлившимися глазами Парфений, отступая от Федора, и крестясь с такой скоростью, с какой ветреная мельница крутит своими лопастями.

— Ваде ретро, дьяболис!.. — Испуганным медведем ревел Окассий, пятясь задом и пытаясь загородится зажатый в дрожащей руке нагрудным медальоном с крестом. — Отыди нечистый!..

Пастух внизу услышал вопли, и приложив руку уставился на драму, происходившую на предгорье. Овцы его тревожно заблеяли, и начали разбегаться.

— Господь, ты щит мой... — дребезжащим голосом лепетал Окассий, вертя головой, и уже рвануть подальше отсюда.

— Руку!.. Дайте руку, ироды!.. — Просипел Федор, глядя на пятящихся от него святых отцов.

Рюкзак Федор тем временем надавил ему на затылок, так что едва не свернул шею, и видимо, умялся — потому что Федор почувствовал, как что-то хрустнуло, окончательно провалился, и увидев молниеносно промелькнувший перед глазами срез земли и камня, с воплем полетел во тьму адских вертепов.

Падение в ад оказалось значительно короче, чем можно подумать. Федор не успел еще как следует завывать, как уже шлепнулся на свой щит и рюкзак, спиной ощутив все заложенные в него запасы. Воздух с шумом вышел из его расплющенной груди, и он забарахтался во тьме, как перевернутая на панцирь черепаха.

— Х-аааа... — Выдохнул Федор, ощущая только боль, и не видя ничего, кроме висевшего где-то над ним размытого светового круга.

Через некоторое, довольно долгое время, — в световом колодце над Федором появилось два перекошенных страхом лица.

— Не стоит, не стоит нам туда глядеть — донесся сверху дребезжащий голос Парфения. — На это место ступило копыто нечистого. Бежим отсюда, дорогой брат! Спасем наши бессмертные души.

— Да, но что же мы скажем нашим первоначальникам? — Возразил подавленным полусшепотом Окассий.

— Правду! Солдат был не сдержан на язык. И нечистый прибрал его! О, помилуй Господь! Я кажется видел, как огромная лапа, вся покрытая черным волосом, высунулась из земли, и утянула гвардейца в преисподнюю!..

— Я тоже видел что-то такое. Вот и дыра в земле...

— Дыра в самый ад!

— Мизерере меи, Домини!..

— Смилуйся над нами Вседержитель!

— Уйдем, уйдем отсюда братец. Пока из этой дыры не вылез легион бесов, и не утянул нас вослед за греховодным солдатом!..

— Но наши иерархи... Мы видели все собственными глазами. Но поверит ли мне

святейший папа? Не спросит ли за гвардейца ваш император? Хоть бы осталось какое доказательство, чтоб можно было взять с собой. Хоть бы след бесовского копыта, чтоб я мог вырезать его из земли, и отвезти его в Рим...

— Не вздумай ничего брать с проклятого места, если дорожишь своей бессмертной душой!

— Но...

— Уйдем! Уйдем же! — Горячно надрывался Парфений. — Я подтверждаю, что мы видели под любой присягой, и даже под пыткой! С самого начала я был против безумной идеи искать бесовский языческий храм, и говорил о том патриарху... Я согрешил, склонившись перед волей первоначальников. Вот плата за нечестие! Сам господь дал знак. Попустил, чтобы дьявол забрал солдата!

— Ты прав...

— Поистине! Предупреждение всем правителям земным, и церковным иерархам! Идем же. Очистим наши души молитвой. Помянем и грешного солдата, которого черти пекут в аду.

— Да, идем. Только держись за крест, да не оборачивайся к этой дыре спиной...

Распятый во тьме Федор, несмотря на боль, почувствовал прилив злости. Он уже считал попов почти что товарищами. Просил дать руку. Не протянули. Зато теперь готовы за него помолиться.

— Сволочи! Чтоб вам!.. — выдохнул он.

— Чу! — Взбледнул лицом наверху Парфений, хотя казалось, что дальше и некуда. — Я слышу глас. Бесы снова лезут на божий свет!..

— Нет, — Повернул ухо Окассий. — Мне послышалось... Не голос ли то Феодора?

— Точно. Он ругает бесов. Черти мучат его так, что слышно и отсюда!

— Окассий!.. Парфений!.. — Простонал Федор. — Трусливые мерзавцы!..

— Солдат в аду ругает нас, — сообразил Окассий. — И то, все так быстро случилось, — мы даже не попытались помочь ему. Но все случилось так внезапно...

— Земля почти мгновенно поглотила его.

— Никчемные вы ущербаны!.. — Преодолевая боль в груди, изрыгнул Федор.

— Может... Солдат еще не в аду? — Предположил Окассий. — Может, этот лаз настолько длинный, что его еще только тащат в бездну?..

— Да никто меня никуда не тащит. Вы, попы-рукопопы! — Федор наконец отдышался. Я тут... валяюсь под вами...

— Федор? — Недоверчиво переспросил Окассий.

— Ну а кто?!

— Ты... жив?

— Кажись жив.

— Может, Федор уже глубоко в аду. — Встрял Парфений. — А это какой-то бес подражает его гласу, чтобы заманить нас?

— Парфений, — Рывкнул Федор, выпутываясь из лямок рюкзака. — Ради господя нашего — Иисуса Христа и матери его заступницы приснодевы — прекрати нести чушь. А то я тебе нос сверну набок.

— Федор! Жив! — Обрадовался Окассий. — Значит черти не утащили тебя?

— Здесь нет никого, — буркнул Федор. — Только я... Вроде бы...

— А ты где?

Федор огляделся вокруг, но увидел лишь какие-то смутные разводы. Заходящее солнце, бывшее в дыру по касательной, уже давало слишком мало света. Ощущение, надо сказать, было неприятным. Тьма давила. Черт его знает, что в ней таилось. Может, и правда, демоны... Сейчас вот откроются во тьме сатанинские буркала... Федор на всякий случай вытащил из ременной петли на поясе свой молот-клевец.

— Черт его знает! — Крикнул навверх Федор, вертясь на месте. — Тут темно. Я кроме ваших рож навверху, ничего не вижу... Вроде не так глубоко. Сбросьте факел, святоши!

— Погоди, — гукнул Окассий. — Сейчас достану.

Окассий завозился с заплечным мешком, достал оттуда ромейский факел, достал из поясной сумочки кремень и кресало, выбил искру, — и ткань, пропитанная черным маслом, добытым на далеких берегах Эвксины, тут же занялось ярким пламенем.

— Бросаю! — Предупредил он.

— Давай!

Факел, точно раненная птица, трепыхая пламенем-крыльями, слетел вниз, и стукнулся о пол. Федор быстро подобрал его в левую, и огляделся.

— Спускайтесь, святоши. — Громко сказал он. — Кажется, мы нашли храм.

Глава пятнадцатая.

Пламя жарко трещало металлическом конусе факела, разгоняя тьму вокруг Федора. Помещение, в котором он оказался, было туннелем с низким сводом. Стены его, переходящие в потолок были гладко отесаны, так что было непонятно, — было ли это место облагороженной людьми естественной пещерой, или же древние мастера вырыли её целиком. Свод усиливали поперечные арки, выложенные из кирпича, на верху свода выложенные "в замок". По бокам у стен шли поднятые бортики, которые когда-то, возможно, служили каменными скамьями. Дальний конец туннеля терялся во мраке. Федор обернулся назад, и увидел на другом конце туннеля лестницу со ступенями, которые когда-то вели навверх, а теперь были завалены скальной породой. Отверстие, в которое провалился Федор, когда-то видимо было световым окном, — его позеленевшая от времени бронзовая решетка, и до поры скрывавшая её земля с ошметками травы, теперь валялись на полу. Федор подумал, что световой колодец был устроен странно — человека, некогда входившего сюда по лестнице, он ослеплял, а дальше световых окон, не было. Если тот, кто входил не имел с собой факела, он должен был двигаться дальше в непроглядную тьму.

— Как же я не догадался... — послышалось сверху голос Парфения. — Ведь древние часто устраивали храмы под землей... Это и понятно, демонов тянет ко тьме и подземному миру...

— Ну что вы там мнетесь? — Снова поднял голову Феодор. — Спускайтесь!

— Спустится-то недолго, — отозвался рассудительный Окассий. — А как мы потом выберемся? У нас ведь нет веревки.

— Тут низкий потолок, — прикинул Федор, — подсадим друг-друга на плечи, и верхний достанет до люка.

— Добро. — Согласился Окассий. — Осторожно, посох!

Федор отошел в сторону, и в световой люк свалился посох западного монаха. При падении на пол он тяжело шлепнул по камню, — скрытый внутри металлический прут, который Федор заметил еще на корабле, давал о себе знать. След, идущий сверху исчез — толстые тела Окассия на какой-то момент перекрыли его. Монах немногповисел, а затем

разжав руки упал вниз, смягчая падение ударом ладоней в пол. Потерев занемевшие от удара ладони, Окассий подхватил посох и поднялся. Свет сверху снова приглушился — на этот раз не полностью. Тощие ноги свесились вниз, болтаясь под рясой, и вниз, — довольно ловко впрочем, для человека брезгующего физухой — свалился Парфений. Монахи тоже извлекли факелы, и уже без возни с кремнем и кресалом, зажгли его от факела Феодора.

— Тут завал. Идем вперед, — скомандовал Феодор, поудобнее устроив щит, заброшенный на рюкзак на ремне.

Трое двинулись во тьму, под гулкой аккомпанемент собственных шагов. Через несколько секунд свет пламени выхватил впереди у стены какую-то неясную фигуру.

— Эй, кто здесь?! — Вскричал Феодор, поднимая свой клевец.

Окассий справа выставил свой посох.

Фигура во тьме, однако, продолжала стоять с мертвой неподвижностью. Федор, одолев страх медленно двинулся вперед, выставив вперед свой факел.

— Статуя, — наконец разглядел он.

Спутники подошли поближе к статуе. Хоть теперь и стало понятно, что это камень, переменчивый огонь факелов играл на ней тенями, придавая ей отталкивающе-живой вид. Мускулистый человек, стоял вытянувшись. Его сведенные ноги были опоясаны змием, хвост которого вился внизу, а распахнутая пасть вонзала ядовитые зубы человеку в локоть. В левой руке человек держал посох, и в правой какую-то изогнутую небольшую кочергу. У ног также валялся обвитый маленькими змиями кадуцей, кузнечный молот и клещи. За спиной у человека были небольшие крылья. Но самой страшной в статуе была её голова — вместо человеческих черт, она имела львиную оскалившуюся морду.

— Лионокифалос, — прошептал Парфений.

— Демон! — Выдохнул Окассий. Древние язычники поклонялись здесь дьяволу. Никогда не думал, что увижу их отвратительные капища воочию. А я еще смеялся и балагурил во время ежедневных молитв в нашем монастыре... Подтрунивал над добродетельными братьями...

— Да брат, именно в таких местах понимаешь ценность нашей святой веры, — неожиданно твердым голосом сказал Парфений. Жаль, что все простые христиане не могут увидеть этих ужасов древнего идолопоклонства. Тогда бы они сильнее возлюбили нашу мать-церковь.

— Амэн, фратрэ. — Кивнул Окассий. — Вэритас эст.

— Идем. — Скомандовал Федор.

— Не хочется оставлять его за спиной, — передернул плечами Окассий. — Вдруг оживет... Давайте я отобью ему глаза нос и уши, чтоб он не мог увидеть нас, и навредить!

— Постой! — Федор остановил уже занесшего посох Окассия. — Много шума потратим время. А кроме того... вдруг он проснется как раз от того, что ты его колотишь? Идем.

— Ладно... — Окассий неохотно опустил посох. — Но если оживет — так будет поздно.

— Молитесь братья, мы в проклятом месте. — Покачал головой Парфений, наложил на статую крестное знамение, и судя по зашевелившимся губам, начал читать какую-т молитву. Окассий последовал его примеру.

Троица, нервно оглядываясь на статую, пошла вперед.

— Еще один, — тихо вымолвил Парфений.

Еще один львиноголовый появился у другой стороны туннеля. Этот стоял, раскинув руки и крылья, с двумя мраморными факелами в руках. Миновали и его. Компаньоны прошли не так уж много, но тьма и напряжение, казалось, делали туннель бесконечным.

Нечто на полу под ногами привлекло внимание Федора. Он опустил факел, шаркнул тяжелым сапогом, смахнув грязь. Там обнаружилась мозаика. Плитки шли друг за другом. На первой был изображен свиток с молниями. На второй перевернутый полумесяц, нечто вроде плуга, и странный меч, у которого ближе к острию был приделан живодерский крюк. Третья плитка изображала факел и венец с исходящими от него лучами. На четвертой был изображен загнутый вперед меч, шлем с щечниками и гребнем, и то ли глаз, то ли какая-то миска... По бокам от мозаик, на скамейках стояли какие-то глиняные горшки и миски. Федор поднес к одной из мисок факел — но то что там было, давно уже превратилось в сухой прах.

— Символы, — пробормотал Федор. — Что-то ведь они значили для древних...

— У бесов, которые дурачили древних язычников, представляясь им богами, было много символов, — кивнул Парфений. — Во всем они насмеялись и пародировали священные божественные ритуалы. Но теперь те язычники мертвы, и мертвы их символы. Церковь одержала победу. Все здесь — лишь тень былой нечисти.

Федор двинулся дальше, ощущая над ушами взволнованное прерывистое дыхание попов.

Что-то начало высвечиваться впереди, постепенно выступая из мрака. Федор поднял факел повыше. Туннель кончился. Его конец венчал огромный мраморный барельеф, из нескольких скульптур. Пыль веков, и переменчивый свет факелов, еще больше оживляли мастерство древних язычников-камнерезов. Центральной была группа, где прекрасный мужчина во фригийском колпаке придавил могучей рукой к земле яростного быка, и вонзил ему в шею клинок. Бык истекал кровью. Эту стекающую по груди быка кровь, алчно лизала узкомордая собака. С другой стороны, к ручью крови из раны прильнула змея. Под животом у быка висел немалых размеров уд, к которому подбирался скорпион, раздвинув свои клешни. Похоже погибающему мраморному быку грозило не только помереть от клинка, но еще и стать евнухом. Самое странное было, что на контрасте к яростному быку, лицо статуи убивавшего его мужчины было отстраненно-спокойным. Картину убийства быка наблюдали еще две статуи, стоящие по сторонам — это были мужчины в таких же фригийских колпаках, с факелами в руках. У левого факел горел и было воздет вверх. У правого погасший факел был опущен. Когда-то все это освещалось световым окном, вроде того, в которое ближе ко входу свалился Федор. Но теперь оно уже прочно забилося и заросло. По сторонам и сверху от этого большого барельефа, были расположены небольшие, — каждый из них представлял квадратно окошко, где можно было наблюдать все того же мужика в колпаке. Вот он наполовину является из скалы, держа в руках меч и факел. Вот выходит из пещеры. Вот другой мужчина, с солнечной короной на голове, посылает ему летящий из этой короны луч, который освещает лицо. Вот гуляет еще живой бык. А вот мужик уже тащит его на закорках.

— Это... как большая икона, и иконы поменьше, — догадался Федор. — Вроде как, жития святых, что нарисованы в картинках в церкви. Тут тоже запечатлена какая-то история.

— Истинно сын мой, — сплюнул на пол Окассий. — Давно известно: дьявол — обезьяна Бога.

Окассий наклонился, ближе к барельефу, смахнул ладонью пыль, и начал читать вырезанные под ним мелкие надписи, наполовину скрытые в грязи.

— Это латынь, да... дэо... сол инвиктус... атиметус... иовис... кура... соли инвикто

про... митра... Какое-то посвящение.

— Я знаю, чей это храм! — Вдруг сказал Парфений. — Ну конечно, как же я сразу не вспомнил? Я ведь читал об этом в тайноукрытых книгах в библиотеке патриарха, где описана всякая древняя нечисть. Этого языческого бога — а поистине конечно злого демона! — звали не иначе, как "Договор".

— Какой еще договор? — Повернулся к нему Федор.

— Договор между человеком и дьяволом, естественно, — авторитетно пояснил Парфений. — Демон глумился над прельстившимися ему, уже в своем имени означая всю свою адскую суть.

— Я слышал от братьев, — Поежившись пробормотал Окассий, — что кто заключает договор с дьяволом, подписывает договор кровью, и целует нечистого в зад. А тот ставит грешнику на задницу свое клеймо в виде навеки отпечатавшегося следа сатанинского копыта!

— Звался этот демон также и "Непобедимым Солнцем". — Глядя на барельеф со страхом, тревожно продолжил Парфений, для которого давнее чтение в уютной библиотеке, вдруг обернулось подземным мороком. — Звался "Камнерожденным". Звался "Быкобойцей"...

— У демонов много имен и личин — ввернул Окассий — имя им легион. — И одернул Парфения: — Не стоит перечислять имена нечистых духов, брат. Называешь дьявола — зовешь дьявола.

— Ты прав, прости брат. — Смиренно повинулся Парфений. — Я забылся.

— Ну что он быкобойца, мы и так видим, — пробурчал Федор, глянув на барельеф. — Такую животину погубил. На ней бы пахать и пахать...

— Верно, — кивнул Окассий, — этот демон прямо в своем нечистом храме, на алтаре показал, как вредит людям. Изничтожает скотину. Однако, — соберитесь братья. Помните, зачем мы пришли. Кажется, мы обошли уже весь храм, — но где же меч? — Окассий заозирался. — Возможно, нам стоит поискать какой-нибудь тайник?..

— Ну, один клинок я точно вижу, — пробормотал Федор.

Гвардеец приточил свой клевец к поясу, поднял повыше факел, подошел к центральному алтарю, решительно выдохнул, и тронул клинок в руке статуи древнего бога. Вековечная пыль и грязь покрывавшая весь барельеф, слезла под его пальцами, и под ней обнажился металл. Федор присмотрелся, — вблизи рука мраморного мужа-быкобойцы оказалась полуразжатой — клинок держался не в ней, а тем что был глубоко вставлен в "рану" на теле быка. Федор осторожно взялся за рукоять, потянул отыскивая правильное приложение силы — и клинок с легким скрежетом, вышел на свободу, оставшись лежать у него в руках.

— Острый глаз, воин! — Похвалил Федора Парфений.

Федор зажал факел под мышкой, чтоб не мешал, дунул на клинок, отчего в воздух поднялось новое облако пыли... Сам клинок был небольшим, примерно в локоть, плюс еще пару ладоней⁵¹ обоюдоострым и сведенным в острие. Вес его был на прикидку около трех литров⁵². Небольшая овальная гарда защищала руку от соскальзывания, но не имела крестовины для защиты руки от удара. На конце черена меч уравнивала прекрасно выполненная орлиная голова. Федор повел рукой, — баланс был отличным. Но это все, что можно было сказать хорошего об этом коротышке. Металл клинка был сероватый, тусклый, траченный временем, покрытой не ржой, но какими-то белесыми разводами. Федор

осторожно тронул острие рукой. От острия там было только название, — оно затупилось. Он приложил руку к лезвию, — и оно встретило его такой же тупой, безопасной для пальца гранью. Он сжал посильнее рукоять, и сгнившее дерево осыпалось с неё темной пылью.

— Думаешь... это он? — с сомнением спросил Окассий. Оба монаха внимательно наблюдали за действиями Федора.

— Не знаю... — Пожал плечами, насколько позволяли навешенные щит и рюкзак Федор. — Он слишком мал для боевого клинка. Может как быть второе оружие... Но это не бронза, не булат, не восточный хафтджуш-семисплав... Я не знаю, что это за металл. И он туп. Меч конечно не должен быть остр как бритва, но здесь вообще едва сведен клин. Видимо, — все-таки декорация.

— Значит, — будем искать. — Резюмировал Окассий.

Федор кивнул, соглашаясь, снял большой палец левой руки с лезвия, и хотел уже отбросить бесполезную игрушку. Но тут вдруг от левой руки пришла боль. Он поднял оадонь к глазам. По левому пальцу из идеально ровного пореза, очень медленно стекала струйка крови.

— Вот дьявольщина. — Неверяще и удивленно вымолвил Федор.

— Что? Что? — Греческим хором загалдели монахи, которые в полутьме не поняли, в чем дело.

Меч в руке дрогнул. Раз, второй. Сперва дрожь отдавалась Федору в руку через рукоять, а затем вся перешла на полотно клинка, становясь все чаще и мельче. Федор уставился на клинок, пытаясь понять, как быть. Бросить странную штуку, — но вдруг потаенные в нем силы воспримут это как неуважение? После краткой заминки он решил осторожно, положить меч на землю — но уже не успел, — заминки всегда дорого стоят. В воздухе зашелестело, — будто где-то разом зашипело множество змей, чьи звуки накладывались друг на друга.

— Бесовство! — Задрожавшими губами изронил Парфений. — Оборони нас Господь-вседержитель! Брось эту штуку, и бежим отсюда!

Окассий прижался к стене, разрываясь между воинской и священнической частями своей души. Одной рукой он выставил перед собой посох, а второй вцепился в медальон с крестом, и зашептал молитву "Дэ профундис", что в данных обстоятельствах было очень к месту.

— Молитесь, — святые отцы, — одолев минутную робость кивнул им Федор. — Вы для того и званы.

— Сссшшш... — шипение становилось все богаче на звуки, постепенно начиная складываться в различимые слова. И слова эти странным образом исходили от клинка древнего меча. -

— Сссшшшррр... ррааа... Рааазбууужжжеенн... Ппоооннадобился... — Наступила краткая пауза. — Тссшшшыы... ишшшссзз... тыыы... иззз... роооаа... Ты-ы из-з рода-а Прастинов-ввв?...

— Ты... это мне? — Перепросил Федор. А святые отцы прекратили молиться, потому что тоже пытались услышать странный разговор.

— Ты из рода Прастинов? — Прошелестел меч, все-таки же змеиным шелестением, но уже не так сильно растягивая слова. Понимать его стало легче, хотя греческий язык его был странным, наверно — потому что древним.

— М-мм... — Нет, покачал головой Федор.

— Генс Прастина. Мужичи из рода Прастинов. Из Этрурии. Где они?

— Я даже никогда не слышал о таких, — Федор осторожно вертел в руках меч, пытаюсь понять, как тот говорит, и куда к нему лучше обращаться.

— Не слышалл... шшш... Как долго я спал?

Федор оглянулся за поддержкой к монахам, но поскольку те стояли онемевшие, сказал сам.

— Века.

— Значит, все забыто. — прошелестел меч. — Похоронено. Время стирает грехи. Хотя бы память о них. И все заново. Тшшш. Не так плохо. Не так плохо...

— Я, не понимаю... — Признался Федор.

— Не важно. Ты будешь иметь честь носить меня, — человек?

— Ну, мне дали приказ, найти тебя и... ехать с тобой...

— Ты будешь носить меня?

— Да.

— Хорошо. Как тебя зовут?

— Федор, Потапов сын. А... как зовут тебя, добрый меч?

— Тсшшш... Много лет. Много владельцев. Много имен... Меня называли Харпайантос — Хищный Орел. Махотимасиос — Воинготовый. Аспидотемнос — Щитосекач. Краниоклазмос — Череполом. Остокоптос — Костеруб. Хоплитофоневос. — Воиубивец. Хероиктонос — Избиватель Героев. Таксиодиоктос — Гонитель Полков. Демодейоос — Народокрушитель... Человек, ты состаришься здесь, если я перечислю все свои имена.

— Мне хватит и одного. — Пожал плечами Федор. — Скажи сам, как тебя называть.

— Чтож... — некоторое время в пещере висела тишина. — Бывали у меня и не злые имена, хоть владельцы давали их нечасто... Хелиодорос, мне любо это имя.

— На языке моего отца, это звучит как "Солнцедар", — заметил Федор. — Что если я буду звать тебя так?

— Солнцедар — Раздумчиво произнес меч. — Мне нравится.

— Я голоден, — прошелестел меч. — Ты разбудил меня. Но мне нужно больше крови. Нужна жертва. Кого из этих двоих, что пришли с тобой, ты привел мне на закланье? Вот этого пухлощекого толстяка?

— Что?! — Испуганно зарычал Окассий, отступая, скребя спиной по стене — Бесовская тварюга!

— ...Или вот этого — тощего оглоблю с постной рожей?

— Демонское семя!!! — Взвизгнул Парфений.

Федор почувствовал, как его испуг и смущение окончательно потонули в гневе.

— Ты меня с кем-то спутал, меч! Я не язычник! Я не приношу человеческих жертв!

— Разве ты не воин? — Удивился меч. — Разве не убивал?

— В бою. Врагов. — Выплюнул Федор. — Я не продаю товарищей! Меня послали взять тебя. Если б я знал, каков ты окажешься, — отказался бы, даже сложив голову на плахе!

По пещере зашелестело, будто бы запорхали крылья сотен летучих мышей. И Федор сообразил, что это... смех?

— Добро, — прошипел меч. — Хорошо сказано. Прости за нелепую шутку. Я тоже бью людей только в бою. Странно, что ты поверил, будто Меч Овна скажет о человеческой жертве всерьез. Ведь мы в храме Митры, который — друг всем. Здесь не бывает настоящих человеческих жертв. За то мне и нравится вера в камнерожденного, и его наивные

последователи... Но в сторону шутки. Я правда голоден. Раз ты пришел за мной, — ты знаешь правила. Ты привел для меня быка, или на худой конец — хотя бы овцу?

— Эхм...

Федор хотел уже признаться, что ни быка, ни овцы он с собой не притащил, как увидел, что Окассий и Парфений корчат страшные рожи, пытаясь привлечь его внимание.

— Мгм... Господин меч...

— Солнцедар.

— Да. Солнцедар... — Федор старался вести себя очень вежливо. — прости, мои друзья что-то хотят со мной обсудить. Ты не против, если я тебе положу и отойду?

— Клади прямо на алтарь. — Великодушно разрешил меч. — Только смети пыль. Вообще, что за грязь?! Жрецы окончательно обленились? Что они себе думают?..

— Я вернусь буквально через секунду, — пообещал Федор.

Он деликатно положил потрепанный клинок на алтарь перед барельефом, и отошел к святым отцам. Те испуганно оглядываясь оттянули его еще на десяток метров.

— Чего? — Спросил Федор.

— Хорошо, что ты догадался положить эту бесовскую железку, — горячечно прошептал Парфений. — Не дай бог он нас услышит. Когда я шел сюда, то даже не думал, что увижу такое! Этот меч одержим демоном!

— Истинно, — выдохнул в другое ухо Окассий. — Вот в чем заключалось "особливість" этих мечей, которые почитали язычники!

— Тихонько отходим, — а потом бежим, — таща Федор за рукав, выдохнул Парфений. — Выберемся наверх, завалим люк камнем, — и пусть демон гниет здесь до самого судного дня!

— Да, но приказ... — Повел плечами Федор.

— Какой приказ? Чей приказ? — Ошалело возрился Парфений. — Наши начальники не знали, куда нас шлют. Мы им расскажем, когда вернемся. Они нас только похвалят, что мы похоронили эту мерзость!

— Вэритас! — Закивал Окассий. — Не ведали наши старшие, что снимают печати, и выпускают дракона...

— А если нас не похвалят? — Спросил Федор.

— Чего ты больше боишься? — Повысил голос Парфений. — Гнева земных владык? Или проклятия своей бессмертной души? Якшаться с демоном — это прямой путь в ад!

— Божьего гнева я конечно боюсь больше. — Пробормотал Федор. — Но я дал слов императору. И не могу просто так бросить дело. И потом, — вдруг этот меч все же не демон?

— А кто же он по-твоему?! — Парфений так ухватил Федор за грудки, что едва не ожег факелом. — Все в этом мире либо от Бога, либо от Дьявола. Третьего не дано. Мы в подземном, поганом, языческом храме, и тут — так его растак! — говорящий меч-кровосос! Так неужто ты думаешь, что в нем божественная сила?!

— Так он же говорит, — что людей не кровососит, — слегка ошалев от натиска обычно спокойного Парфения, — возразил Федор.

— Пусть даже не людей! — Зашипел Парфений. — Но он требует быка. Он кровохлеб! Разве такое может быть божьим созданием. А?!

— Я в ваших богословских штуках не силен, — смутился Федор. — Но наш местный священник рассказывал мне, что в святой библии, написано, как бог принимал жертвы зарезанными барашками, и другой живностью. Так это?

Парфений смутился.

— Так, но... Это не то! Ты дурень! Это ветхий завет! Потом... Потом Бог изменил правила!

— Ну вот, видишь, — развел руками Федор. — Бог во древности барашков принимал, а этот-то меч тоже древний. Он. Может, и проспал, как Бог правила изменил.

— А, тупоголовый солдат! — Парфений в отчаянии вцепился себе в кудри. — Ты совсем обезумел! Смотришь да не видишь! Слушаешь да не слышишь!.. Бежим! Как есть говорю тебе — бежим!

— Федор, Федор, — Потянул гвардейца за другой рукав Окассий, — Парфений прав...

— Ну?! Вы скоро там? — Донесся со стороны алтаря шипящий голос.

— Мы, сейчас, сейчас! — елеиным голосом отозвался в сторону полутемного Окассий, и вновь повернулся к Федору — бежим немедленно! Ты что же, совсем не боишься?!

— Трухаю маленько — сознался Федор. — Но преодолевать страх, часть моей воинской доли. И вы, святые отцы, знаете что? Успокойтесь маленько. Давайте рассудим с толком. Вы говорите, что он демон?

— Как есть демон! — Ухнул Парфений.

— Как бы не сам Сатана! — Тряхнул щеками Окассий. — Безо рта говорит, без глаз глядит, бесятина железная!

— Ну предположим, — кивнул Федор, тщетно пытаясь оторвать от своего рукава скрюченные пальцы Парфения. — Но разве демон может быть сильнее господ нашего Бога?

— Нет, — помотал головой Парфений. — Отец небесный во всяк миг сильнее Лукавого!

— Вот, — поднял палец Федор. — Господь сильнее бесов. А вы божьи слуги. Вы же оба молились. И что? Разве меч на это хоть как-то отозвался? Ведь пекельного беса должно корезить от святой молитвы. А здесь этого нет? Так?

Парфений и Окассий переглянулись.

— Ну, отозвался Окассий, — и стало видно, даже в свете факелов, что он слегка смущен, — Может быть... я просто... гм... не самый достойный из святых отцов... Я ведь и сам немного грешил.

— Но Парфений-то наш, в отличие от тебя, монастырских девок не портил, — Надавил Федор. — А эффекта от его молитв все равно — нуль.

— Может быть, я недостаточно громко молился?.. — Смущенно предположил Парфений. — Или, мы стояли слишком далеко?

— Делаем так, святые отцы, — Федор сам взял Парфения за рукав. — Я человек простой. Во всем люблю ясность. Поэтому сейчас идем к мечу. Вы — молитесь. Да не абы как, а в полный глас. — на совесть. Самую-самую сильную молитву, которую знаете. Ежели меч от ваших святых слов начнет корезить — значит, бросаем его в этой дыре! А если он ваши молитвы перенесёт спокойно, — выходит, он тоже божья тварь, пусть и странная. Тогда я его беру, — и выполняю приказ императора и ваших патриархов. Вопросы? Нет вопросов. Значит, — исполнять. Пошли.

Федор развернулся, и пошел обратно к мечу. Святые отцы, миг поколебавшись, двинулись за ним.

— Патер ностер, кви этс ин цэллис... — Забубнил Окассий.

— Да, погоди-ты со своей латынью, прелюбодей! — Гавкнул Парфений, — и собравшись с духом, взяв в руку крест, торжественно зачеканил — Отче наш, иже еси на небеси! Да светится имя твое! Да придет царствие твое! Да будет воля твоя!..

Окассий не вступая в споры, тихонько подпевал латинским эхом.

— Санктифициэтур номэн туум. Адвэнтиат рэгнум туум....

Торжественные сладкозвучные святые слова, громко разносились под сводчатым потолком. И под этот святой аккомпанемент, Федор решительно подступал к мечу, зорко наблюдая, не начнет ли его корчить. Меч, однако, спокойно лежал на алтаре.

— Ну чо, проболтались? — Осведомился меч.

— Эгхм, — Кашлянул Федор, — да, пошептались маленько.

— А эти, чего там за песнопенья затянули?

— Это они молятся. — Объяснил Федор. — Тебе мешает?

— А, так они понтифики? — Сообразил меч. — Да нет, чего мне; пушай бубнят... — Он мгновение помолчал, и сказал с нажимом. — Где? Мой? Бык?

— С быком заминка. — Честно признался Федор. — Но, если сможешь немногo потерпеть, тут сверху недалеко, пастух гоняет отару овец. Постараюсь у него купить для тебя какую...

Меч помолчал, потом немного пошелестел, и наконец, заговорил.

— Давай-ка кое в чем разберемся, Федор, Потапов сын. Ты пришел, и разбудил меня. Но ты не принадлежишь роду, с которым я связал себя договором. Нет никакой торжественной церемонии, если не считать двух бубнящих понтификов неизвестного мне культа. Ты не принес мне пищи. Ты, как вижу, не принес мне и достойных меня украшенных ножен. Так?

— Э... Да, но...

— Итак, ты пришел, и хочешь просто взять меня. Но ты хочешь взять меня без уважения. Это оскорбительно.

— Все немного не так, — поднял руки Федор. При этом он краем уха услышал, что попы пошли уже какбы не на третий круг в молитве, и повернулся к ним, — Хватит, хватит, святые отцы; все понятно... — Он снова повернулся к мечу. — Я не хотел оскорбить тебя, Солнцедар. — Просто, если честно, я даже не знал, что ты разумный, и говорящий.

— Как же это? — Удивился меч. — Пришел за мной, знал где я лежу, и не знал каков я?

— В этом и проблема, — развел руками Федор. — и самыми краткими словами обрисовал мечу ситуацию.

Меч помолчал.

— Хм, вот оно значит как... Столько лет прошло, что и само мое племя среди людей забыто.

— Сказки о волшебных мечах у нас часто рассказывают, — признался Федор. — Но ты первый, кого я вижу.

Меч снова сделал паузу.

— Федор, Потапов сын, — медленно заговорил меч. — Когда-то за мной приходили цари. Чтобы заполучить меня, он ломали свою непомерную гордость. И они преклоняли колени, — оба колена, и рыли носом пыль — вместе со своим войском. И они забивали сотни быков, чтобы устроить мне кровавую ванну. И они подносили мне ножны, за цену которых можно купить город. Все это было. Но я не гордец. Жизнь моя длинна. И бывало, мной владели простые воины, у которых не было ничего, кроме обмоток на ногах. Они приходили ко мне нищими, и становились со мной героями. Так и быть, — я пойду с тобой. Но за все есть цена. И она должна быть уплачена. При первой же возможности, ты должен не забыть о великих подношениях мне. Вот каков договор.

Парфений и Окассий застыли.

— Молитва на него не действует, — но все же он демон. — Хмуρο проронил Окассий. — Не соглашайся.

Федор хмыкнул.

— Не сочти за обиду, господин-Солнцедар... Ты умеешь говорить, но... мне и так есть с кем потрепаться. А в чем твоя ценность, как оружия?

— Нет, этот нищеврод еще и кочевряжится! — Возмутился меч. — А что, собственно, тебя смущает?

— Да как-то ты... коротковат.

— А что, гладиус легионум⁵³ нынче уже не в моде? — Поинтересовался меч. До того, как я опочил здесь, это был вполне востребованный размер, хоть многие уже переходили на длинные спаты...

— Да, у нас теперь мечи-то подлиннее будут.

— Хм, ты спрашиваешь, что я умею, человек? — Судя по голосу меч немного оскорбился. — Я не ломаюсь там, где сломается обычный меч. Я убиваю таких существ, которых не может убить обычный меч. И если надо, я могу рассечь даже камень.

— Здорово. — Восхитился Федор. — А ну-ка!..

С этими словами Федор не мешкая размахнулся, и занес клинок над каменной скамьей.

— Стой дурак!.. — С явным испугом крикнул меч.

Поздно, — Федор уже шмякнул клинок о камень. Раздался лязг, разлетелись яркие искры, отдача занемела руку. Федор взглянул на камень, — на нем образовался скол; примерно такой сделал бы и самый обычный клинок, приди хозяину безумная мысль портить его о камень. Федор взглянул на клинок меча, — на лезвии тоже образовалась явственная зарубка.

— Что-то с камнями у тебя не очень... — посетовал Федор.

— Тщщщ! — Меч зашипел как кубло рассерженных хмей. — Ты идиот! Ох как же больно!.. Я пролежал в спячке бог знает сколько лет. Я голоден, моя структура нарушена. Мне нужно напиться, — тогда ты увидишь, на что я способен. Нет, ну какой дебил, клянусь божественным кузнецом!..

— А, прости господин меч, — я же не знал... — повинился Федор.

— Тщщ! Он не знал!.. Так ты спроси! Где же тебя вырастили такого детину... Сила есть, ума не надо. Уф-шшш! Ну, говори, берешь меня? Иля — я опять спать.

— А что, если я возьму тебя, да обману? — поинтересовался Федор. — Ты мне поможешь, а я после тебя не разукрашу?

Клинок в руке Федор дернулся, будто не меч он держал, а выхваченную из воды сильную рыбину. По клинку прошел волнистый изгиб.

— Понимаешь, что случится, если ты будешь парировать мной удар, а я слегка отверну свою плоскость? — Ласково спросил меч.

— Понимаю, посерьезнев кивнул Федор.

— То-то. — Отозвался меч. — И к сведенью, если я постараюсь, то могу свернуться в кольцо, и достать острием до собственной рукояти. Обидно герою напороться на меч, зажатый в собственной руке. Дурная смерть.

— Дурная, — согласился Федор. — Не бойся, Солнцедар. Я своего слова никогда не рушил. Так сказал, для озорства.

— Приятно слышать. И я шучу. Чего не скажешь в шутейном разговоре?

— А что ж ты от камня не увернулся, когда я ударил? — спохватился Федор.

— А ты, человек, всегда ожидаешь удара по своим смешным кожистым яйцам, во время разговора? Вот ты с кем-то говоришь, а вот — нежданчик! — тебе приложили между ног. Только и сможешь, что сипеть. Вот и я не ждал от тебя глупости.

— Прости, — еще раз повинулся Федор. — Правда, дурак. Зарубку на тебе поставил.

— Да ничего, — фыркнул меч, — залечу потом, дай только крови испить... Ну так что? Договор?

Федор взвесил все, прикинул, и наконец молвил тяжело и неспешно.

— Жизнь моя, сейчас не принадлежит мне, меч. Император сохранил её, чтобы я выполнил его приказ — добыл тебя, и сходил в пустыню. Раз для выполнения его воли, нужно взять тебя, — я беру. Я принимаю твой контракт.

— Хорошо. — Голос меча стал серьезным и торжественным. — Наш контакт заключен. Бери меня, Федор сын Потапа. Поглядим, куда заведёт нас судьба.

Федор подошел к Алтарю, взял меч. Подумал, куда бы его пристроить.

— Я, пока положу тебя в рюкзак, Солнцедар.

Меч как-то очень по-человечески вздохнул.

— В первый раз меня берут, чтобы пихнуть в мешок, к носкам и вяленному мясу... Ладно, клади. Но при первой возможности достань нормальные ножны. Кстати, а как у нас с деньгами?

— У меня — ни шиша, — честно признался Федор. — Но вот он, — Федор Показал не Парфения — казначей нашей экспедиции, и у него мощна вполне себе.

— Отлично! — Воодушевился меч. — Значит, запоминай. Перво-наперво нужна обертка на рукоять. Моя, видишь, совсем сгнила. В этом деле я не гонюсь за щегольством, и предпочитаю удобство пользователя. Лучше всего сделать обертку из кожи ската. Ты знаешь, что такое скат?

— Знаю, — кивнул Федор. — Такая крылатая рыбина.

— Да, она. Слава создателю, что они не вымерли пока я дрых... Добудешь мне такую. С ней и тебе меня держать будет удобно. Затем — ножны. Лучше всего из индического палисандра, или из африканского красного дерева. Мех внутри ножен — лучше всего из соболя. Он хорошо снимает с клинка влагу. Мне, в общем, пофиг, я не ржавею, но приятно щекочет... Оковки и обоймицы на ножны лучше золотые, предпочитаю скифский звериный стиль. Э, скифы-то знаешь кто такие?

— Нет.

— Я знаю, — хмуро встрял многоумный Парфений. — Был такой степной народ.

— Ну вот, — одобрил меч. — сообразите короче. Драгоценных камней на ножны можно, но чтоб не чересчур, без потери меры. Мне вообще нравится скатный жемчуг. Знаешь, что такое жемчуг скатный?

— Знаю, — опять кивнул Федор — скатный жемчуг, это который у рыбы-ската сзади выпадает.

— Ну-ну, шутник, — меч хохотнул своим странным звуком, от которого кровь стыла в жилах. — Шути-шуты, я сам веселый. Думаю, сработаемся... А, забыл про перевязь! Предпочитаю золото на лазури. Или серебро на яри. Подробнее потом обскажу. А пока — запаковывай!

Федор послушно запахнул тряпицу, обернул её вокруг говорливого клинка, и убрал сверток в рюкзак.

— Ну, святые отцы, — Федор повернулся к священникам. — Первую часть приказан

наших начальников мы выполнили.

— К добру ли?.. — Покачал головой Парфений.

— Давайте выбираться наверх. — Федор поднялся с колен. — Факелы прогорают. Да и время не ждет.

Глава шестнадцатая.

Троица героев выбралась обратно, к заваленному выходу, и световому окну на своде. Федор с Окассием сложили руки в четверной замок, и подняли Парфения к люку. Святой отец уцепился за край, и поминая Господа и всех его чудотворцев, подтянулся и забрался наверх.

Секунды не прошло, как Парфений вылез, — только наверно и хватило оглядеться, — как его встревоженное лицо снова появилось в световом люке.

— Быстрее наверх, — позвал он — Сюда идут какие-то люди. Оружные.

— Твою медь! — Федор переглянулся с Окассием.

— Лезь первым, — сказал Окассий Федору — потом вдвоем поднимите меня.

Тучный монах подсадил Федора, и тот ловко подтянулся, закинул ногу, и вскарабкался наверх.

— Где они? — Спросил Федор Парфения. Но раньше, чем тот успел ответить, уже и сам увидел — где. С подножья горы к ним двигался отряд человек в двенадцать-пятнадцать. Муслимские тяжеловооруженные кольчужники. Лошадей они оставили у подножья, с парой коноводов, а сами упорно карабкались вперед, и были уже близко. Рядом с коноводами внизу, стоял и давешний пастух, который что-то увлеченно им трындел, периодически тыкая пальцем на вершину. Муслимы, что лезли наверх, меж тем увидели Парфения и Федора, загалдели на своем булькающем наречии, и еще прибавили шаг. В руках заблестели обнаженные клинки.

— Помогай... — Федор с Парфением наклонились вниз. Окассий протянул им свой незаменимый посох, и они — ругаясь и поминая аппетит западного монаха, — с кряхтением втащили его наверх.

Западный монах едва успел отойти от края люка, и укрепитя на ногах, как муслимы подступили. Федор сбросил рюкзак, подтянул на левую руку щит, и вытащил с петли клевец. Окассий повел посохом. Парфений спрятался за их спины. Муслимы же волчьей повадкой, окружили их. Несколько забрались выше их по склону, чтобы дать себе преимущество. Федор вертел головой, оглядывая подступивших. По выправке, ухваткам, и продублённым лицам, было видно, что все они бывалые воины. Выделялся из них один — молодой, горделивый, с тонкими чертами лица, и красивый как девушка, чего не мог скрыть даже шлем с брамицей. На молодце был роскошный доспех-пансидерион из пластинок, украшенный тонкой чеканкой шлем, богатые ножны прямого меча с изогнутой кавалерийской рукоятью, и искусно разрисованный щит, по восточному обычаю имевший четыре маленьких умбона. В руках был боевой топор, с изукрашенным травяным узором на обухе. Все это вооружение, вкуче с дорогим хексамитовым халатом, торчавшим из-под края доспеха, — показывало, что юнец богат. А следы боевых повреждений на шлеме и щите, — следы отраженных ударов, показывало, что юнец не дурак подрасться, и что он... очень богат! Ни один рядовой воин в здравом уме не стал бы подставлять такой дорогой комплект снаряжения под бой — потому что его можно было выгодно продать, и купить для боя ничуть не худший комплект в плане защиты, а оставшиеся деньги носить в кошельке, не

подставляя под удары. Но дорогой доспех, используемый в реальных боях, был буквально криком о своем богатстве.

— Я Гафур ибн Джаффар, сын эмира Ифрикии. — Молодец радостно и недобро оскалил зубы, которые казались еще белей на фоне смуглой кожи и тонких черных усов и бородки. — Прозвище под которым я известен — Фахд.⁵⁴ На вашем языке это значит "Гепард". Так меня прозвали за страсть к охоте. Нет зверя, который может уйти от меня. Охотясь недалеко от пограничного поста, я услышал от стражников-ротозеев, о румеях знатоках Корана, которые якобы идут на встречу с известным богословом. Тут я и понял, что могу получить добычу поинтереснее, чем медведь или кабан. Я отследил следы румеев, и увидел, что они не пошли в город, а в глуши копаются в подземных тайниках.

— Мы просто заблудились, благородный господин, — Вякнул из-за плеча компаньонов Парфений. — Случайно забрели в эти места, и...

— Не оскверняй свой язык ложью, румей. — Посоветовал молодец. — Зачем тебе это в последние минуты? — Молодец повел правым плечом, разминая руку. — Вы не богословы. Шпионы может быть. Или грабители могил. Главное, что не те, за кого себя выдаете. Моя добыча — определено. Я не дознаватель, не мастер заплечных дел — радуйтесь, я не буду вас пытаться. Я воин — и просто убью вас, как бешенных собак, слуги тагута⁵⁵ и приспешники даджала⁵⁶. Ату их, мои храбрецы!

Федор посмотрел на двинувшихся воинов. Дело труба. Слишком их много.

— Постой, ибн Джаффар — Федор посмотрел на лидера муслимов. — Говоришь, твое прозвище Гепард? Неужто ты получил его за то, что прячешься за спины своих воинов? А не слабо взять свою добычу самому? Ты против меня.

— Хочешь поединок? — Улыбнулся Гафур.

— Да. Победишь — подкрепишь свою славу. Проиграешь... дашь нам уйти с миром через границу.

— Кажешься себе таким умным румей? — Презрительно скривился молодец. — Думаешь, взял меня на слабо? Ты неплохо это придумал, да. Я молод, на это твой расчет. Только знай — ни в халифате, ни в эмиратах, я еще не встретил человека, который бы держал оружие лучше меня. А встречал я многих. И это вряд ли будешь ты, румей. Видишь? Я воин. Я честен.

— Что толку от твоей честности тем, кто видит её за минуту до смерти?..

— Честность не ради вас, псов. Честность ради имени предков. Ты все еще хочешь поединок?

— Хочу.

— Так получи. — Гафур пошел вперед.

— И если я выиграю — твои люди дадут нам уйти?

— Мое слово. Клянусь Господином Посланников. Если бы ты выиграл — то смог бы уйти. Пусть эта мысль утешит тебя перед смертью.

Гафур жестом велел своим людям отойти.

— У тебя молот-клевец, и у меня секира с клевцом. Это будет интересно, кафир.

И топор-клевец в руках Гафура извернулся серебристой рукой, пропорхнув над его головой и плечами. Это было юнецкое хвастовство, но так умело исполненное, что где-то на задворках души Федор ощутил восхищение, и — куда большую — тревогу. Противник был умел, и крепко слажен со своим оружием. Опасно... Но все же это лучше, чем против пятнадцати.

— С богом, Федя, — Махнул рукой Парфений. — Буду молится за тебя.

— Оба будем, — кивнул Окассий.

— Молитесь, — кивнул Федор. — Может, бог и услышит...

Гафур махнул рукой. И его воины, стоявшие вокруг, ударили своим оружием в щиты. Раз. Еще. Другой. Ритмичный звук ударов металла по деревянным и кожаным щитам, разнесся над предгорьем. Музыка боя. Ритм поединка.

Сомневаешься — атакуй! Такого героического принципа Федор придерживался лет этак до четырнадцати. С годами, побывав в боях, и поглядев, как один удар может превратить человека в мешок мертвых костей, — или хуже того — в жалкого калеку, Федор решительно изменил свои принципы. Беречь себя, и не лезть черту в зубы — вот теперь был его девиз. Раньше, чем скрестить оружие с врагом, может быть все же удастся напугать, или хотя бы смутить его?..

— Берегись! — Пригрозил Федор, неотрывно следя за приближающимся воином, — Я мастер боя! Я знаю четыре варианта защиты, два с кончиком лезвия вверх, и два вниз, а также семь вариантов нападения!

— А я тоже знаю четыре варианта защиты, и восемь вариантов нападения! — похвалился муслим.

"У, твою медь!.. — Феодор сам напугался. — Что же это за восьмой вариант?!. Ладно. Пусть муслим нанесет первый удар, а мы поглядим...

Муслим подступил, мягко, быстро. Ударил своим топором, — издалека, и явно не в полную силу. Пробный удар, будто котенок, играясь клубок катнул. Федор принял удар на щит, — и тут же ударил сам, без проб, в полную силу, чтобы срубить врага первым же ударом. Не удалось. Гафур отпрыгнул мгновенно, как тень от света.

— А! Нет-нет, кафир. — Улыбнулся Гафур. Глаза его при этом оставались холодными и собранными.

Снова Гафур подступил, ударил сверху. Федор прикрылся щитом, отводя вскользь, и даже по этому, не плотно принятому удару, почувствовал, как силен его противник. В юнце с девичьим лицом скрывалась гигантская мощь. Федор ответил глубоко снизу, пытаясь зацепить ногу муслима. Тот будто в танце просто поднял ногу, пропуская удар. Федор тут же толкнул его щитом, выводя из равновесия. Муслим отошел на шаг назад, и тут же остановил натиск Федора таким ударом, что Федор сам уступил пол шага, — в суставе локтя руки держащий щит нехорошо заныло. Федор крутанул клевец, и ударил им не по дуге, а прямым тычком, будто коля мечом, метя в лицо, — немногие ждут подобного удара от такого оружия. Гафур уклонился и рассек воздух горизонтальным ударом, который, придя в щит, снес Федора будто натиск урагана.

Плохо дело. Очень плохо. Юнец был быстр, и силен как бык. Топор порхал в его руках будто невесомая игрушка, но удары падали словно кузнечный молот. Федор сам был не просто боец натасканный для строя. Немало он провел поединков, но такого как этот молодой муслим не встречал. Смерть плясала перед Федором. Гафур выбивал из него силы своими ударами. Каждый прием на щит сотрясал Федора, будто в него попадал снаряд из катапульты. Удары же Федора приходились либо в пустоту, либо Гафур их встречал так жестко, будто Федор лупил не в щит, а по крепостной стене. Пару раз муслим не зацепил его лишь чудом, — не иначе молитвами двух побелевших святых отцов, — Федор слышал свист секиры, которая едва не раскроила ему голову. Он уже не различал ни воинов вокруг, ни святых отцов, — вокруг него везде был только Гафур сын Джафара. Он даже уже не успевал

следить, куда ступает, и едва не поскользнулся на полу заплывшем в земле камне. Федор почувствовал, что он устает. Но куда хуже — он почувствовал, что проигрывает. Неизбежно проигрывает. Видимо это отразилось на его лице, потому что Гафур, снова оскалил зубы.

— Неплохо для кафира, но... — Гафур отрицательно качнул головой.

И Гафур сказал этим все. Оба знали — о чем.

Все же — раньше смерти не хорони. Федор не собирался сдаваться. Отмахиваясь от наседавшего Гафура, сопя как усталый медведь, он делал для воина главное — думал. Гафур был сильнее, быстрее. Единственный шанс сделать его — это перехитрить. Только вот — как? Муслима нельзя было заставить открыться серией ударов. Он блокировал все наработанные Федором хитрые приемы. Гафура нельзя было купить дешевой ценой. Значит, надо было попробовать купить дорогой. Федор устал. Но он сделал вид, будто устал еще больше. Бил он теперь редко и экономно. Чуть отвешивал вниз щит, будто руке уже было трудно его держать. И приоткрывался, ожидая, что Гафур не устоит ударить в брешь в защите противника.

И Гафур ударил. Кто кого обманул?.. Вот Гафур стоял, — а вот он прынул в низкую стойку — поистине гепард! Удар Гафура прошел под щитом Федора, смахнул в сторону кольчужный привес, и секира со страшной силой вошла ему в левую голень. Боль расцвела огненным цветком.

"Отрубил мне ногу", — с отстраненным ужасом успел подумать Федор. Но пока боль еще не взяла его, он успел сделать что задумал. С левой руки сунул прямой удар — кромкой щита — Гафуру в лицо. Тот со своего низкого выпада уклониться не мог, секиру он еще не выпростал, потому отбил удар и закрыл голову подняв свой щит — и тем открыл свой левый бок. Вот туда, под щит, Федор с размаха и вlepил жало своего клевца. Раздался стон попнувших кольчужных колец. Воины вокруг взвыли.

Гафур охнул. Отвалился от Федора. Муслима перекосило на левый бок. Он пытался поднять щит, но тот все время спадал вниз. Лицо у Гафура было... Федор видел такой взгляд у воинов, осоловелый, — будто их ошеломили, даже если удар не пришелся по голове. Такой взгляд бывал у тех, чье тело схлопотало такие повреждения, что глушат боль, и человек даже сперва не понимает, насколько серьезно ранен, только удивляется непривычному онемению. Дыхание у Гафура шло судорожными болезненными рывками, кажется удар снес ему несколько ребер, возможно клюв подобрался и к легким. Необычайным усилением мужественности, муслим смог поднять руку со щитом, но только для того, чтобы этой согнутой в локте рукой, подпереть свой смятый бок. Защиты у муслима больше не было.

Боль в ноге Федора, меж тем, все нарастала. Однако он не падал, и коротко глянув вниз, гвардеец увидел, что голень все еще при нем.

"Бронесапог, — благодарно подумал Федор. — Пригодился таки".

Федор сделал — проковылял — шаг вперед. Нога держала. Гафур — уже не боец, но с духом бойца — кое как поднял секиру, в попытке защититься.

— Сдаешься? — Спросил Федор.

— Сдаюсь, кафир. — Выдохнул синеющими губами Гафур. — Ты победил.

К Гафуру с двух сторон подскочили его воины, подхватили под руки. Часть их, со страшными криками рванулась к Федору. Но Гафур коротко окрикнул, и усмирил их всего парой фраз. Воины, глядевшие на Федора как волки, хмуρο отступили.

— Я... держу слово... кафир... — Борясь с болевыми судорогами вымолвил Гафур. — Мои люди не тронут тебя. Но... я не главный на этих землях... Всего лишь младший сын

эмира, который прибыл поохотится. Если тебя настигнут другие, я за то не в ответе...

— Понимаю, — ответил Федор.

— Хороший бой, кафир. — Гафур все-таки смог улыбнуться.

Федор кивнул:

— Добрый бой.

Воины, оттащили Гафура. Несколько из них сняли плащи, скатали их в полосы, и закрепив концы на древках двух копий, споро соорудили носилки. Уложив на них своего командира, они потащили его к лошадям, оглядываясь назад, и призывая на голову Федора все проклятья, какие только может попустить Аллах.

Федор обессилено опустился на колени, а с них свалился на задницу. К нему подскочили оба монаха.

— Молодец! — хлопнул по плечу Окассий. — Вот что значит палатинский кустодий!

— Знал, что ты победишь, — Сообщил Парфений. — В правом деле Бог не оставит.

— Я не победил, — Покачал головой Федор, — Муслим не знал, про мои тайнобронные сапоги. Так бы он разделал меня как повар тушку.

— Победа — всегда победа, — не согласился Окассий. "Если бы" в ней нет.

Федор не стал спорить. Вместо ответа он взглянул на свой левый сапог, чтобы посмотреть, сильно ли его прохудил удар. Что за чудо? Кроме небольшой потертости на коже, сапог был совершенно цел. Этого не могло быть, — пластинки в сапоге были вшиты под кожей, и удар должен был порвать ее... Предчувствуя неладное, Федор начал искать, на что же он все-таки на самом деле принял удар.

— Твою медь!.. — Федор наконец нашел, куда пришелся удар Гафура. Под удар его секиры попались ножны Федорова меча. Именно они и ударили его по ноге, послужив прокладкой. В ножнах зияла грубая прореха. Предчувствуя недоброе, Федор вытянул из ножен меч.

Недобрые предчувствия подтвердились: Меч у Федора был добротный, дорогой, из пакетной стали. Твердое лезвие было варено между боковыми, более мягкими пакетами металла. И вот в этом боковом пакете на полотне зиял битый след Гафурова удара.

— Да твою же медноту!.. — Федор вновь поразился исполинской силе муслима. Неудивительно, что Гафур пропустил удар Федора — ведь тот после такого удара неминуемо должен был лишиться даже не одной, а возможно сразу двух ног, и упасть как колос под серпом жнеца. Вместо этого Гафур надрубил меч, войдя в него едва не на треть толщины. Таким мечом-инвалидом еще можно было отбиться, им можно было еще даже рубить, он мог пережить еще, может быть, несколько боев. Но доверять ему уже было нельзя. Меч был погублен.

— Ничего себе, силища... — Покачал головой Окассий, глянув на надрубленный клинок.

— Я ж с него даже доспех не снял, — простонал Федор. — Хоть бы взял за порчу... Хоть прям беги за ним... — Федор посмотрел вниз, где муслимы уже привязали носилки между двух лошадей, и отъезжали по дороге в долину.

— Но-но, не вздумай, — Замахал руками Парфений. — Живы, и ладно. Головы на плечах — вот наш сегодняшней главный трофей.

— Что ж теперь? — Спросил Окассий.

— Теперь либо переточка, — укорачивать до надрубленного места. Будет короткий меч, но это уже не под мою руку... Либо полная перековка. — Расстроено объяснил Федор.

— Я не про меч. — Отмахнул Окассий. — Слышал, что муслим сказал? Он за своих не ответчик. Как только его люди донесут другим — на нас начнётся облава. Вставай. Надо уходить.

— Ты прав, — Федор кряхтя поднялся с земли. Судя по ощущениям, его голень теперь представляла собой один большой синяк. — Пойдем...

— Поздравляю с победой, хозяин. — приглушенно прошипело из поставленного на землю рюкзака.

Федор обернулся. Добытый в подземелье древний меч каким-то образом смог размотаться из тряпки, и теперь торчал рукоятью с орлиной головой наружу.

— Я не любитель занимать чужое место, — продолжил шипеть меч, — но твой клинок погиб. Кажется, у тебя появились свободные ножны. Помести меня в них. Все приятней, чем торчать в заплечной котомке.

— Эти ножны длиннее тебя чуть не в два раза, — расстроено буркнул Федор.

— Все равно. Суй.

Федор не стал спорить по пустякам, вытащил говорящую диковину из котомки, и начал уместать её в ножны.

— Погоди, — прошелестел меч.

— Чего?

— Забыл сказать. Я разговариваю путем создания звуковых волн за счет вибрации лезвия.

— Чо? — Переспросил Федор.

— Мой клинок служит мне языком. Вот чо. Поэтому, когда я в ножнах, я не смогу с тобой говорить. Если тебе понадобится услышать мой многомудрый совет, вынь меня наружу. Понял?

— Понял, — кивнул Федор, и стал пихать меч внутрь.

— Опять погоди.

— Что еще?

— Овца!

— А, точно... Потерпи, сейчас будет.

Федор заозирался. Местный пастух, который так усердно наводил муслимов на их след, теперь суетно уходил по склону, постоянно оглядываясь себе за плечо, на трех компаньонов. Развить полную скорость пастуху мешала его отара овец, которую он лихорадочно подгонял вместе со своей собакой.

— Святые отцы, подберите мой рюкзак, и догоняйте. — Приказал Федор. И хромяя и морщась на каждом шаге устремился вниз по склону за пастухом. Несмотря на побитую ногу, двигался Федор куда быстрее, отягощенного стадом пастыря. Поэтому, через малое время гвардеец начал его нагонять. Пастух лицо которого было прикрыто широкополой шляпой, из-под которой были видны только роскошные вислые седые усы, явно занервничал, и судя по порывам, даже имел мысли бросить свое стадо, но пока крестьянская жадность оказывалась сильнее.

— Постой, добрый человек! — Вскричал хромяющий по склону Федор.

— А мне некогда, добрый человек! — Надтреснутым от тревоги голосом отозвался пастух, повернув голову через плечо, и не сбавляя темпа. — Я очень спешу.

— Постой же хоть минутку, любезный!

— Нет у меня ни минутки, дорогой мой! — Отозвался пастух, пинком подгоняя

ближайшую овцу, которая обиженно заблеяла.

— Я просто хочу у тебя кое-что спросить, — стараясь не давать волю чувствам крикнул Федор.

— А я не знаю!

— Да ведь ты даже не знаешь, чего я хочу спросить!

— А я ничего не знаю! Так что можешь не спрашивать, добрый человек. Иди своей дорогой!

— Да постой же! — Проклиная свою ногу крикнул Федор. — Я просто хочу с тобой поменяться.

— А у меня ничего нет!

— У тебя есть овцы. — Сообщил очевидное Федор. — Мне нужна одна.

— А на что ж ты хочешь их менять? — Не останавливаясь, с сомнением осведомился пастух.

— На твою жизнь, ущербан деревенский! — Решив, что подобрался уже достаточно близко, рывкнул Федор. — Ты сдал нас муслимам, подлый предатель!

— Меня ваши дела не касаются! — Крикнул пастух. — Я только пасу овец. Спросили — просто показал пальцем. Показать пальцем — не грех.

— Ты хоть понимаешь, что они с нами могли сделать, чурбан?

— Меня это не касается. Вся вина на них. Я же с вами ничего не делал.

Федор аж задохнулся от такой наглости, и несколько секунд пыхтел на ходу, пытаясь понять, как перемочь такое наглое понятие греха и невинности.

— Значит, сдать единоверцев и ромеев для тебя не грех, святотатец?!

— Я сицилиец. Нет мне дела ни до ромеев ни до муслимов. Не подходи, у меня злая собака.

— Не подойду, спасибо что предупредил, добрый человек, — процедил Федор. — Мне подходить без надобности.

С этими словами он остановился, снял с полки на щите оперенный дротик-матиобарбуллу, ухватил за конец, примерился, и с двойного подшага послал его по дуге, через голову пастуха, прямо в толщу овечьего стада. Дротик взмыл к солнцу, просвистел в голубом небе, и пал вниз как карающая десница. Одна из овец коротко заблеяла, и пала. Её товарки начали разбегаться в разные стороны.

— Что ж ты делаешь, ирод! — Взвыл пастух. — Это же была моя! Моя овца!

— Ну, ты просто показал пальцем. А я просто бросил дротик. — Объяснил Федор.

— Мерзавец! — Закричал пастух, теряя от ярости голову. — Фас его, Лайлап! Фас! Разорви его!

Пес, поименованный Лайлапом, огромный, косматый, мордастый, услышав приказ тут же дисциплинированно развернулся от стада, углядел куда хочет направить его хозяин, и бросился в сторону Федора. Пес был могучий, страшный, но против вооруженного и закрытого щитом человека, шансов у него не было. Федор поднял щит, подтянул в руку клевец, и приготовился отоварить пса по башке. Пастух, видать, тоже это сообразил.

— Фу, Лайлап! Фу! — Крикнул он. — Ко мне!

Пес послушно отвернул, и помахивая хвостом-колечком, направился обратно к стаду.

— Душегуб! Подлец! Безбожник! — Продолжал разоряться пастух. — Креста на тебе нет! Почто ты погубил мою животину?! Пошто других овец разогнал! Пошто хотел обидеть пса?! Нет у тебя совести, антихрист!

— Пшел вон отсюда, — леденя от бешенства рявкнул Федор. — А то у меня дротиков еще много.

— Чтоб тебя чума забрала лихоимец! Чтоб твои кости потерялись до судного дня! — Горестно завывая, и грозя посохом, пастух начал удаляться. — Век не забуду твоей подлости, пакостник!..

С такими напутствиями, пастух и его собака скрылся за ближайшим холмом. Овцы, разбежавшиеся по округе, тревожно блеяли. Федор же подошел к павшей овце. По прихоти случая, смерть её вышла милосердной. Утяжеленный свинчаткой дротик, вошел её в затылок, и погубил мгновенно. Гвардеец раскачал дротик, вынул его из головы, оттер от крови травой, и вложил на щитовую полку. Монахи подбежали, и встали рядом с ним.

— Подлец! — Глядя на холм, за которым скрылся пастух, процедил Федор. — Муслим с которым я дрался лучше его; он держит слово, знает честь. А этот... Как он нас сдал, так не грех. А вот как тронули его овцу...

— Не в овцу надо было целить, а в него — Посетовал Окассий. — Он же покажет, куда мы ушли.

— Не сообразил, — Покачал головой Федор. — Рука не поднялась. И правда, лучше бы его проткнул, чем невинную животину.

— Не судите строго, братия, — Сказал Окассий. — Островитяне на этой половине слишком давно живут под пятой муслимов. Они уже не ромеи. Когда империя вернет эти земли под свою руку, придется растить граждан с нуля.

Федор не стал вступать в дальнейшие обсуждения. Вынул из ножен древний меч.

— Вот, Солнцедар, — твоя овца.

— Отлично! — Воодушевился меч. — Теперь воткни меня, и дай несколько минут.

— Куда? — Хмуρο осведомился Федор.

— Хоть куда. Главное не в копыто.

Федор примерился, и вонзил меч в шею павшей овцы. Отошел. Все трое с мрачным интересом уставились на клинок. Меч начал тихонько подрагивать. Но больше некоторое время ничего не происходило. Однако потом меч начал изменяться, — белые, словно бы лишайные разводы на его металле начали бледнеть, и наконец растворились совсем. Клинок остался все того же странного серого оттенка, но при этом заблестел матовым молодым цветом, будто его отковали только что. Через некоторое время меч сам каким-то образом вывалился из раны.

— А, хорошо! — Рявкнул он. — Прямо помолодел лет на триста-четыре!.. Ну, поели — можно и поспать. Загружай меня обратно в ножны, там подремлю маленько. Ежели будет драка, — буди.

— Всенепременно... — Федор всунул клинок в ножны, нахлобучил на себя свой рюкзак. Переглянулся со святыми отцами.

— Как-то это... — Федор не смог толком сформулировать свою мысль.

— Да-да, эхом отозвался Окассий. — Я тоже несколько не так представлял особый меч из славной эпохи Константина. Конечно он разговаривает, и все такое... Но какой-то он...

— Неэпический, — Дополнил Парфений.

— Как и все мы. — Хмыкнул Федор. — Видать, по Сеньке и шапка.

— Не продешевил ли ты со своим договором, гвардеец?

— Увидим. А теперь ходу, святые отцы. Путь до границы будет извилистым. Придется попетлять.

Через несколько дней, глубокой ночью, Федор с товарищами, выбрались и пересекли границу. В условленном месте на той стороне их уже ждали люди из службы послухов с быстроногими конями. Перекладные быстро вынесли их на побережье, и доставили в город, где была ставка стратига. В город въехали утром. Обстановка в нем разительно отличалась от той, которая была несколько дней назад. Люди были встревожены. Количество патрулей увеличилось, со стражников сползла их сонность, и компаньонов несколько раз останавливали для проверки. По улицам строевым шагом шли отряды пехоты. В воздухе повисла незримая, но совершенно отчетливая нервозность.

Стратиг-полемарх Димитрий, как и в первый раз встретил компаньонов в своем кабинете, вместе с иппархом Николаем, и своим ординарцем. Федор поразился перемене в облике стратига. Под глазами нависли мешки, видимо следы бессонницы. Морщины на лице стали резче и заметнее — будто старость-камнерез в эти дни получила возможность вволю поработать над волевым лицом военачальника.

— Вон, — сказал Димитрий, не дожидаясь намеков, — и его блестящий породистый ординарец чеканя шаг, вышел за дверь. Федор проводил его взглядом. Было в нем что-то от несейских восточных скакунов-аргамаков...

— С возвращением, — Стратиг устало потер переносицу, и указал на стулья — садитесь.

Федор и оба священника уместились на стулья.

— Не скажу, что рад вас видеть. — В лоб сказал стратиг, глядя на Федора. — Так это и было ваше задание? Напасть на родственника эмира? Ну вы добились своего. Вся муслимская часть острова как потревоженное осиное гнездо. Они собирают войско. Мы тоже. Новая война неизбежна. Теперь мусульмане нас снесут. А если даже нет, победа обескровит нас настолько, что мы не сможем дать отпор нортманнам. Нет, но о чем думали в столице, когда посылали вас сюда?.. Это какое-то безумие.

Стратиг сжал кулаки до побелевших костяшек, и осторожно — очень осторожно опустил их на столешницу. Несколько секунд он сидел молча. Затем снова заговорил, глядя в мраморные разводы стола.

— Я уже приказал моей жене и детям отплыть с острова. Большинство из моих подчиненных не имеют такой возможности. Их родные встретят свою судьбу здесь. — Стратиг наконец поднял глаза на Федора. — Я вас не обвиняю. Вы выполняли приказ. Но вы заварили такую кашу, что мы её не расхлебаем. Я подписал вам пропуск на корабль, который идет в Антиохию. Капитан извещен. Ваши вещи приготовлены. Есть еще что-то, что я должен для вас сделать?

Федор медленно отрицательно качнул головой. Слов у него не было.

— Тогда... не буду вас задерживать. — Сказал стратиг.

Федор и святые отцы встали. Гвардеец медленно двинулся к двери. В голове у него была сумятица.

— Доместик!.. — Окликнул его у самых дверей стратиг. — Надеюсь... то что вы сделали все же имеет смысл, и он просто недоступен для понимания с моего поста. Скажи, доместик, — имеет?

Федор замялся под этим испытующим взглядом.

— Я выполняю приказ императора, — с трудом подыскивая слова сказал он. — И приказ этот такой важности, что для его исполнения забыли былые распри с Римской

Державой и престол римского папы, и наместник Персии. Это все что я могу сказать.

Стратиг подумал, и все так же глядя в глаза Федору кивнул.

— Хорошо, посланник. Я буду верить в это. Мне надо верить в это...

Иппарх Николай, как и в первый раз взялся проводить Федора и его спутников из дворца. Они с Федором молча шли рядом, по анфиладе комнат, мимо стражей, отдающих честь ударами древками копий в пол. Федор чувствовал, что должен что-то сказать, но не знал, как начать разговор. Иппарх заговорил сам. На выходе из дворца, передав компаньонов попечению караульного командира, Иппарх повернулся к Федору:

— Помнишь наш разговор? — Иппарх улыбнулся. — Теперь я тебе завидую. Ты уплываешь. Но все же, свою службу на твою — я бы не променял. Моя честнее. И проще. Сражайся, — где прикажут. И умри — где прикажут. Разве не здорово? Бывай, domestik.

Глава семнадцатая.

— Имя корабля было — "Кобыла на сносях". Он и правда имел вид схожий с беременным животным, толстые борта были раздуты, чтобы вместить больше груза. Кобыла уходила в море. Сицилия оставалась за кормой. А Федор метался по палубе.

— Мы развязали войну. — Сказал Федор подошедшему Парфению. Руки его крепко сжимали планшир.

— Мы не хотели. Это случайность.

— Развязали. И уплываем.

— Что ты хочешь услышать, сын мой? — Парфений вздохнул. — Нет справедливости в этом мире. Мы можем отвечать только за свои дела, а не за их последствия. Древние философы называли это "Рок". Мы христиане — воля Божья.

Федор яростно огляделся. Ему хотелось куда-то бежать. Бежать с корабля было некуда.

— Я раньше воевал. И рисковал жизнью. Но никогда не развязывал войны. Это... омерзительное чувство. Мы обрели на смерть и горе множество людей. И ради чего? — Он машинально коснулся ножен. — Чтобы добыть болтливый меч-недомерка? Это... того стоило? А муслим с которым я дрался... он показался мне человеком чести. У нас был поединок. Как же он мог сказать, что мы напали на него?

— Да жив ли он еще? — Пожал плечами Парфений. — А если жив — хотят ли его слушать? Возможно, его отцу эмиру и прочим муслимским главарям давно уже нужен был повод для нападения. Не бери на себя слишком много. Жернова истории крутятся не по нашему велению. Мы только попадаем в них, и они нас перемалывают.

— Да уж, перемалывают...

К Федору с Парфением подошел Окассий, положил тяжелую руку гвардейцу на плечо.

— В наших землях войны начинаются из-за меньшего. — Спокойно сказал Окассий. — Какой там сын эмира... Два барона просто могут поспорить из-за клочка на заливном лугу. Епископ и герцог собирают войска из-за мостков на для ловли рыбы на реке. Иногда это оборачивается настоящей войной, которая длится годами. Маршируют кольчужники, топчутся посева, горят дома, гибнут люди. Как ты думаешь, что бы сказали те, кто погиб в этих войнах, если бы могли осмыслить, — за что погибли? Я пытаюсь посочувствовать тебе, Федор, но... не могу. Вы там слишком хорошо живете, в своей империи, раз тебя может ужаснуть такой повод для войны. А у нас, в наших несчастных землях, — это обыденность. Так-то, ромей.

Ближе к полудню, когда Федор чуть успокоился, все трое вернулись в свою каюту. На этот раз по жребию ночевать на верхних нарах досталось Парфению, так что Федор спокойно опустился на свою нижнюю койку. Он решил, что надо подремать, до обеда. Сон — великий утешитель, лечитель душевных ран. Федор протянул руки к ремню, и отстегнул пояс с мечом. Хотел уже положить его на кровать, но...

— Что за диво?.. — Федор задержал руку. С мечом определенно что-то было не так. Вместо полукруглой гарды древнего меча, теперь из ножен торчала привычная ему широкая крестовина. Гвардеец потянул меч из ножен, и на свет, вместо взятого в подземелье коротышки, появился тяжелый длинный клинок. Федор пораженно оглядел меч, взвесил его на баланс. Он держал точную копию своего сломанного меча, с отличием только в цвете металла — блестяще сером. Да еще наверху рукояти так и осталось орлиной головой. Щербины, которую Федор поставил о каменную скамейку — как не бывало.

Священники замерли на своих койках, пораженно уставились на Федора.

— Ну как? — Прошелестело в воздухе. — Лучше?

— Как... ты это сделал? — потрясенно прошептал Федор.

— Я же говорил тебе. Я могу залечить повреждение. Я расту. Я изменяюсь.

— Кто же ты такой, Солнцедар? — Спросил Федор.

— Я есть псевдокристаллическая метаморфная структура с искусственным интеллектом.

— Не понимаю...

— Значит тебе и не надо, воин. Много ли ты понимаешь в пакетной ковке, с помощью которой был создан твой прежний сломавшийся меч? То знают только кузнецы. Ты же просто пользовал продукт их труда. Кузнец, создавший меня в давние времена, тоже владел своими секретами, ныне забытыми. Все его племя в своем развитии стояло неизмеримо выше вас. Я отголосок древней, и намного более славной эпохи. А что из этого следует?

— А что?

— То, что мне нужны ножны изукрашенные драгоценными камнями! — Требовательно заявил меч. — Ты, надеюсь, не забыл?

— Гм... нет-нет, не забыл конечно.

— Вот так. Как только прибудете в порт, немедля обеспечь мне достойные условия для существования.

— Обязательно.

— А чего ты меня вынул-то кстати, — поинтересовался меч. — Будет рубилово?

— Нет... я это так... просто проведать.

— Тогда вложи обратно. Я еще покемарю мальчика...

— Да, конечно. — Федор ввел острие меча в устье, и задвинул меч в ножны. — Э, спокойного тебе сна, Солнцедар.

Федор переглянулся со святыми отцами. Окассий только безмолвно развел руками. Парфений сжал в руках нагрудный крест. Каюту покачивало на волнах, тихо скрипело корабельное дерево.

— Если бы не те труды, с которыми мы добыли эту штуку. — Буркнул Парфений. — Если бы не приказы первоначальников. Шаг к борту, бултых... и дело с концом.

— Не будь строг, Парфений. — Федор покачал головой. — Это ведь... чудо.

— Божье ли? — Покачал головой Парфений.

Федор опустился на свою койку. Вытянулся, подтянул скатку под голову. Сон не шел.

Парфений на верхней полке, тем временем опустил нос в свою астрономическую книгу. Окассий же, перематывал свой железный посох новой порцией молодой древесной коры, придавая ему обманчивый деревянный вид.

— Как ты управляешься в бою с этой железякой? — Спросил Федор. — Это какая ж сила нужна.

— Он не так тяжел, — улыбнулся монах. — Пустотелая трубка.

— Искусная работа.

— Для обычных кузнецов, да, — Окассий с легкой улыбкой кивнул на ножны рядом с Федором.

Опять помолчали. Сон к Федору все не шел. Он поворочался так и сяк. Наконец его осенила идея.

— Святые отцы, — гвардеец высунулся с койки к священникам. — Я вот все размышляю. Помните, когда мы еще только плыли на Сицилию, вы поспорили о сути частей, из которых состоит Божественная троица? Я вот не все тогда понял...

Парфений отложил книгу. Святые отцы оживились. Скоро из них водопадом посыпались незнакомые Федору слова и имена. Никейцы... Монотеизм... Суммус Деис... Оригенизм... Единосущий... Подобносущий... Филон... Иустин... Актус субстантиэ екс субстантиэ... Предвечное рождение... Ипса субстантия Дэи... Арианство... Консубстанциалэм... Святой Афанасий... Святой Кирилл... Несторий... Глаза у Федора начали необоримо слипаться, он почувствовал приятную сладкую тяжесть во всем теле, и вскоре — тихонько засопел.

— Вот же щучий сын!.. — Улыбнулся Окассий, показав на Федора Парфению.

И святые отцы продолжили свой благородный спор.

Федору приснилась дама. Не то чтобы он описать её во всех подробностях. Но что дама была молодая и красивая — абсолютно точно. Сон был несколько беспорядочным, вот Федор шел по Константинополю, вроде как ему нужно было проверить патрули своих солдат. Но на очередном повороте он вдруг оказался на природе, в предгорной пограничной деревушке, где он родился, где прошло его детство. Как это часто бывает во сне, Федор не удивился такой перемене. Тем более, что во сне вдруг появилась девушка, которая увлекла его, повалила на кровать. Девушка жарко задышала, и приблизила к Федору свое прекрасное лицо.

— Поцелуй меня, Федя, — попросила девушка, и в томном ожидании чуть смежила очи, чуть приоткрыв свои сахарные уста.

В такой просьбе Федор отказать не мог, поэтому тут же подвинулся, чтобы прильнуть к девичьим бутонам. Не успел он, однако, приложить жар своих губ, как девушка прошептала.

— Просыпайся.

— Что? — Переспросил Федор.

Одновременно он заметил, что на белоснежном лице девушки вдруг откуда-то появилась трехдневная щетина. Федор в изумлении и ужасе отпрянул.

— Просыпайся, кустодий! — Зарычала девушка мужским басом. — Да просыпайся же!

Федор проснулся. Несколько секунд он ошалело лупал глазами на трясущего его за плечи Окассия.

"Монаху пора побриться", — отстраненно подумал он.

— Да вставай же ты! — Рывкнул святой отец.

— Что? Что? — Подскочил Федор, оглядывая каюту. За плечом Окассия стоял встревоженный Парфений. А в открытой двери — маячило лицо матроса.

— Вставай гвардеец. Пираты!

Федор скатился с койки, кое-как продрался сквозь рукава кольчуги, не зашнуровывая ворот, схватил ножны с мечом, перепоясался, повесил щит, и — опыт — метнувшись в угол сразу вооружился последним из оставшихся у него огнеметным "драконом". Повернулся к торчащему в дверях матросу.

— Веди, — Приказал Федор.

Окасий подняв посох устремился за ними. Парфений тоже увязался. Федор глянул на него, но ничего не сказал. Не факт, что остаться в каюте было бы безопаснее.

— Где враг? — Вывалившись из каюты спросил Федор моряка.

— Их корабль встретил нас на контркурсе, развернулся, и идет рядом, добрый господин. — На ходу объяснил матрос. — Сейчас наш капитан переговаривается с ихним, и решает, отбиваться, или решить дело откупом. У нас на корабле добрая охрана.

— Так в чем же дело? — Повернул голову Федор. — Всыпьте разбойнику стрел, и дело с концом.

— Пират, ваша милость, говорит, что его зовут Махмуд Черная Борода.

— Кто?! — Федор аж остановился, так что идущие следом Окассий и Парфений влетели в него, толкнув в плечи.

— Черная Борода, ваша милость, — повторил матрос. — Это имя известное, и принадлежит оно страшному пирату. От него всяко лучше откупиться, не испытывая судьбу. Однако же, наш капитан Велизарий сомневается — не самозванец ли это? Зовется черной бородой, — а бороды-то у него и нет...

— Вперед, — скомандовал Феодор. — Я встречался с Черной Бородой, и узнаю его.

Каюта Федора и святых отцов располагалась в кормовой надстройке. Компаньоны и ведущий их матрос, вышли на галерею, и поднявшись по лестнице быстро взобрались на самую верхнюю палубу надстройки, туда, где в данный момент находился капитан. Там же, вдоль борта за высокими щитами стоял кормовой отряд арбалетчиков. Здоровые парни в яркой богатой одежде, от пестроты которой могли заболеть глаза. Пояса их отягощали колчаны с арбалетными болтами, и короткие тесаки без гард, у которых сама ширина нижней части клинка служила руке защитой.

— Откуда вы парни? — Спросил Федор.

— Из Генуи, сеньор, — отозвался самый молодой из стрелков, в черно-красном полосатом кафтане, бросив на Федора короткий задорный взгляд. — Мы наемные стрелки под патронажем дома Каттанео. Стоим дорого, стреляем метко.

Федор кивнул, и попытался разглядеть пирата. Но из-за высоких щитов арбалетчиков, он видел лишь верхушки мачт чужого корабля, оснащенные косыми парусами.

Матрос тем временем живо подбежал к сухопарому высокому человеку в дорогой одежде, который стоял у одной из щитовых амбразур, и тревожно переговаривался с двумя своими подручными.

— Капитан — обратился матрос к начальнику, и показал на Федора — Вот наш пассажир, говорит, что встречался с Черной Бородой раньше, и может опознать того в лицо.

— Вы нас очень обяжете, господин, — Капитан повернул свое встревоженное лицо к приблизившемуся Федору. — Мне нужно точно знать, с кем я имею дело.

— У вас же лигурийские арбалетчики. — Заметил Федор. — Их схватит, чтобы уложить

в могилу целый полк.

— Да, но если вы встречались с Черной Бородой, вы знаете, что и это может не помочь. Он дьявол! А у меня ценный груз. Риски слишком велики. Скажите же мне, это самозванец или настоящая гроза морей?

— Не сомневайтесь, патрон, — Федор успокаивающе махнул капитану рукой. — Позвольте взглянуть...

Федор отодвинул одного из стрелков, высунулся из-за бортового щита, и наконец узрел пирата. Знакомый, хищный очертаний корабль плясал на волнах в опасной близости. Красный флаг с саблей и отрубленной головой, надпись "фиг уйдешь!" на переднем парусе. В многочисленной абордажной команде облепившей борта, мелькали знакомые по прошлому разу рожи. Вон бербер, вон мавр, вон и могучий богатырь Абубакр, орлиный нос которого уже совсем зажил, хотя остался немного свернутым на бок. Свирепый предводитель Махмуд торчал на носовой надстройке, сверкая черными глазами. Подбородок его покрывала щетина, которую еще даже нельзя было назвать бородкой.

— Ну что? — Тревожно спросил Федора капитан. — Это знаменитый Махмуд? Это он? Не успел Федор ответить, как искомый Махмуд заметил его, и закричал.

— Кафир!.. Ты!.. Опять Аллах наказал меня встречей с тобой! Ты знаешь меня. Мы встречались в море, переведывались на мечях! Скажи хоть ты этим глупым корабельщикам, кто я!

— А кто ты, бандитская рожа? — Деланно округлил глаза Федор. — Да, я встречал великого пирата Махмуда. В нем два метра ростом! Его сабля весом в двадцать пудов! Его глаза метают молнии. Его борода черна как душа антихриста! Как ты мог даже подумать, что сможешь хоть на миг сойти за этого величайшего короля всех пиратов — жалкий ты самозванец?

Махмуд, слышав такие речи застыл и побелел, будто соляной столб. Потом он начал багроветь, так, что казалось, еще секунда, и его хватит апокалиптический удар. Пираты на борту яростно взвыли. Не дожидаясь, пока пират придет в себя, Федор повернулся к капитану:

— Успокойтесь патрон, это не Махмуд. — Небрежно сказал Федор, так, чтоб его слышали все окружающие. — Этого мерзавца зовут, э... Абубакр Апогонатос.⁵⁷ Уже давно он взял моду прикрываться страшным именем Махмуда. Простодушные капитаны верят ему, сдают без боя, а он делает на этом барыши. Хуже всякого нормального пирата, честное слово...

— Кровь Христова! — Облегченно выдохнул капитан. — Спасибо вам, господин. У меня просто камень с души свалился. Теперь-то я уж буду знать, как разговаривать с этим наглым проходимцем.

— Зачем ты соврал? — Делая страшные глаза, прошипел на ухо Федору Окассий.

— Ты когда-нибудь слыхал про боевой дух? — Так же шепотом осведомился Федор. — Невозможно победить там, где страх перед врагом сковывает людей еще до боя.

— А-а... — Сообразил монах.

Капитан тем временем высунулся из своей амбразуры.

— Плыви своей дорогой, жалкий прощельга! — Храбро завопил он Махмуду. — Ты не получишь от меня и медяка! А попробуешь напасть, — мои стрелки живо утыкают тебя болтами!

На палубе купеческого корабля раздался издевательский смех матросов и стрелков. На

пиратском в ответ горестно взвыли, и начали сыпать проклятиями. Махмуд сжал кулаки так, что казалось, у него треснут суставы, и наконец разродился воплями.

— Проклятый кафир! — Завопил глава пиратов. — Ты отнял у меня средство к заработку — мою кровью заработанную репутацию! А теперь лишаешь даже моего собственного имени! Порождение иблиса! Да будь ты трижды проклят, вонючий сын шайтана!

— Давай-давай, плыви отсюда! — Федор ненавязчиво показал в амбразуре жерло ручного огнемёта — Отрастет твоя... репутация, года через два-три.

Федор едва успел отпрянуть от амбразуры, — у кого-то из пиратов не выдержали нервы, в воздухе просвистела пуля, выпущенная меткой рукой из пращи. Через секунду запели стрелы, и по щиты загудели, принимая на себя стрелы и дротики.

— Огонь, сеньоры! — Крикнул арбалетчикам капитан.

Команды, впрочем, и не требовалось. Воздух уже дрожал от непередаваемого звука распрямляемых арбалетных дуг. С пиратского корабля слышались крики раненных.

— Прекратить стрельбу! — Раздался мощный рык Махмуда, — Отворачивай Отворачивай!..

Вскоре перестрелка прекратилась, и пиратский корабль, провожаемый издевательскими улюлюканьями команды "Хромой Кобылы", начал быстро удаляться. На палубе купца царило необычайное воодушевление.

— Вот так-то, господа- довольно сказал капитан, обратившись Федору и Священникам. — Как видите, моя команда способна отразить любого агрессора! Путешествие на борту моего корабля — всегда безопасно, да. Спасибо вам за то, что помогли вывести на чистую воду эту жалкую каналью. Если вы не против, приглашаю вас отобедать в моей каюте. Лучшие вина, и запеченный молочный поросенок к вашим услугам.

— Не преминем воспользоваться вашим щедрым приглашением, — обрадовался Окассий.

— Не преминем! — согласились Парфений и Федор.

Глава восемнадцатая.

На небе творилось черти-что. Тяжелейшие свинцовые тучи висели так низко, что казалось, до них можно достать рукой. Ветер рвал облака, и они периодически изрыгали вниз тяжёлой ливень. На море был страшный шторм. Моряки, собравшись под палубой на средней части корабля, горланили удалую песню.

Лодка, — через океан,

Птица, — через ураган,

Утл челн, страшен шторм,

Так хрупки крыла.

Ветер-волны швыряют прочь.

Ты один, некому помочь.

Ты кричи, иль молчи.

Так плохи дела.

Эй, сильней на руль навались!

Эй, быстрее мах крылами ввысь!

Все, кто в этой жизни сдались.

На дне,

На дне!
Надо курс в буре найти
Галс сменить, от вала уйти.
Суждено погибнуть в пути
Не мне,
Не мне!..

Федор, приоткрыв дверь каюты, посмотрел на небо, и прислушался к моряцкой песне. Героизм и удаль её слов несколько смягчало то, что шторм хоть и был страшнейший, — однако, он бушевал в море, а корабль, благодаря дальновидности капитана — своевременно успел укрыться в одной из закрытых бухт большого острова Кипр; где теперь и стоял со спущенными парусами, аж на трех якорях. Лишь иногда в бухту долетали короткие порывы шквального ветра, да палубы полосовало сверху дождем. Однако Федор подумал, что видать, не всегда морякам удавалось так удачно схорониться от божеского гнева. Бывало наверно, что приходилось им встречать шторм и в открытом море, полагаясь только на свое упорство, умение, да крепость корабля. Пение моряков было, чем-то вроде вызова страшному зверю, от которого сейчас удалось схорониться, но с которым еще придется столкнуться в будущем.

...Подними к небу взгляд,
Птицы там полет,
Опусти к морю взор,
Лодка там плывет.
Твердо идет в порт.
Не ко дну, не ко дну.
Птицу с неба не сбить,
Не сбить никому.
Эй, сильней на руль навались!
Эй, быстрее мах крылами ввысь!
Все, кто в этой жизни сдались.
На дне,
На дне!
Надо курс в буре найти
Галс сменить, от вала уйти.
Суждено погибнуть в пути
Не мне,
Не мне!
Шторм не вечен,
И ветер конечен.
Шторм утихнет,
И ветер потухнет.
Если только ты
Не опустишь рук.
Буря сдохнет,
Солнце проглянет вдруг.
И войдешь ты усталый,
В тихую гавань.
В порт куда шел.

И все хорошо.

Все хорошо.

Хорошо.

Федор прикрыл дверь.

— Ну что там? — Осведомился, не вставая со своей койки Окассий.

— Льет как из ведра. — Утирая попавшие на лицо брызги, сообщил Федор. — Страшно подумать, что сейчас в море.

Парфений возлежал сверху на своих нарах, уткнувшись в книгу.

— Илли робур эт аэс триплекс цирка пэктус эрат, кви фрагилэм труци коммисит пелагоратэм примус!58 — Прорекламиривал Окассий.

— Аппарент рари нантэс ин гургитэ васто,59 — Не вынимая носа из книги, отозвался со своей койки Парфений.

— Э-ээ... да, шторм — дерьмо. — Внес свою лепту в культурный обмен Федор.

— Еще партеечку в табулу? — Предложил Окассий Федору.

— Нет, надоело... — Федор подошел к своей койке, и раздумчиво поглядел на ножны своего нового меча. — Я вот чего подумал. Мы до сих пор не знаем, зачем едем в пустыню, и что нас там ждет. Но может быть — он знает? Он ведь жил, ну... то есть был в то время.

— Мысль дельная, — согласился Окассий.

Парфений тоже опустил книжицу.

Федор взял ножны, собрался с духом, и резко наполовину выдвинул меч из ножен.

— У-ха-ха! Щекотно! — Заверещал на всю каюту меч. — Когда ты уже наконец обернешь рукоять, хозяин?

— Как только прибудем в порт, Солнцедар, — заверил Федор.

— А что, мы еще не прибыли? — Удивился меч.

— Нет.

— Ваши лохани плавают со скоростью умирающих черепах.

— Это да. Слушай, Солнцедар. Я хотел тебя спросить.

— Ну?

— Ты случайно не знаешь, что произошло во времена императора Константина в древнем городе Мари?

Меч помолчал, а когда заговорил, легкомысленности в его голосе поубавилось.

— Случайно знаю. Вспышка древней заразы.

— Там была какая-то эпидемия? — Приподнялся Парфений.

— Можно и так сказать — прошелестел меч.

— Какова же была природа этой болезни? — Оседлав своего конька уточнил Парфений.

Меч опять взял паузу.

— Я уже говорил вам. Племя, которое меня создало, стояло неизмеримо выше вас. Они владели искусством ковать небесные клинки. И они владели искусством изменения плоти. Один из древних — будь проклято его имя, — перековал часть людей. Превратил их в нечто иное.

— Твои создатели были демоны? — Спросил Окассий.

— Я уже несколько раз слышу от вас это слово, — буркнул меч. — Когда я засыпал в последний раз, оно означало просто дух, суть вещи. Но вы произносите его так злобно, что видимо значение слова изменилось?

— Демоны есть павшие ангелы! — Сурово сказал Парфений.

— Павшие вестники?60 — Переспросил меч? — Речь о каких-то почтальонах, которые споткнулись по дороге?

— Это не почтальоны, но божьи ангелы, которые преступили перед Господом, и были за то сброшены с небес. Твои создатели были из них?

— Ну, мои создатели действительно спустились с небес. Но никакой бог их не сбрасывал. Они сами были как боги.

— Демонское богохульство! — Подскочив, взвыл Окассий.

— Если быть точнее, мои создатели спустились не с небес, а со звезд, — уточнил меч.

— Как это, — со звезд? — Посунулся вперед Парфений, на всякий случай осенив себя крестным знаменем. Глаза его, однако, заблестели. Звезды были явной слабостью в щите веры Парфения.

— Ну, я ведь не навигатор, я просто узкоспециализированный инструмент. А в то время во мне было еще много логических блоков, чтоб я слишком много не думал и не спрашивал — оружие это вредно... Мои создатели были переселенцы. Их звездный дом вошел в Солнечную Систему, нашел среди находившихся в его гравитационном поле самое подходящее тело, опустился, и окончил здесь свое путешествие.

— Кровь Иисусова! — Крякнул Окассий. — Бесовские словеса, клянусь распятым!

Парфений молчал.

— Вы все поминаете какого-то Иисуса, понтифики — осведомился меч. — Не тот ли это иудейский партизан, которого казнили в Палестине при императоре Тиберии? Когда меня отправили спать, культ обожествления сего смутьяна стал довольно популярным. Не его ли вы служители?

Федор поглядел на святых отцов, и пока они не разродились реакцией, — на всякий случай перекрестился, и громко хлопнул по столу.

— Не будем отвлекаться. Расскажи нам толком про болезнь. Что значит — перековать людей? Зачем твои создатели такое создали?

— Не мои создатели. — Опроверг меч. — Один. Отступник. Пришла блуждающая звезда, и едва не убила жизнь. Изменение орбиты. Сейсмическая волна. Землетрясения. Выброс пепла в атмосферу, долгая зима. Ресурсов стало не хватать, и брат пошел на брата. Я тогда пролил много крови... Город одного из царев-братьев был разрушен. И он попросил своего брата — моего создателя — принять его людей. Но тот не мог — не хватало энергии, погибли бы все. Мой создатель отказал. И первый брат сошел с ума от горя, видя, как гибнет его народ. Тогда он решил спасти своих людей сам. Он изменил их, чтобы они могли выживать там, где не может выжить человек. Но перекованные люди оскудели разумом и приросли злобой. Падший создал чудовищ.

— И... что?

— И тогда мой создатель отыскал падшего брата. — Меч помолчал, будто изымая из глубин памяти что-то очень давнее даже для его нечеловеческой памяти: — "Проклята будь блуждающая планета, что убила тела моих братьев, освободила их души, а у последнего брата убила душу, оставив жить тело. Ныне я — сирота. Доставай оружие! Будем биться". И они бились, — оружием куда более ужасным, чем я. Таким, что вам никогда не увидеть, — на ваше счастье. Но потом они сошлись в рукопашной. В тот день я единственный раз испил звездный ихор... Мой кузнец победил. И потом еще долго охотился на детей Падшего. Но те были как ржа, вьедшаяся в металл. Очистишь все, но стоит перестать смазывать и дать волю влажности — ржа снова расползается. Всегда оставалось гнездо. Они могли спать веками.

Ждать пока про них забудут. А потом снова появлялись, чтобы пить кровь, и рождать из людей подобных себе. Сгинул мой создатель. А эта дрянь все вылезает.

— А как связано появление этих чудовищ с Багряной Звездой? — Прервал молчание Парфений.

— Не знаю, — ответил меч. — Еще до катастрофы, часть странников пыталась укрыться от падающей звезды, поднялась в небеса, и возлегла там в ледяной сон. Они так и не вернулись, насколько я знаю. Возможно эта звезда, — один из малых звездных домов древних. Нырять к земле, она может слать незримый сигнал. Но как с этим связаны дети Падшего, не могу сказать. Может быть, кто-то из ушедших в небо поддерживал Падшего? То было время сложных союзов... многое так и осталось неизвестным.

Некоторое время все молчали, пытаясь осмыслить речи одушевленного меча.

— Эти древние чудовища. — Наконец прервал молчание Федор. — Их можно убить?

— Любого можно убить. — Отозвался меч. — Этим тварей ранит и обычное оружие. Но их организм способен к необычно быстрому восстановлению. Чем больше они живут, — тем более живучи. Вся их сила в чужой крови, которой они накачивают свое тело. Хорошо, если удастся отрубить им голову. А лучший способ справиться с ними, — я и мои братья. Я знаю их строение, и могу выпрыснуть в рану созданный мной яд, что обратит кровь этих тварей против них самих. Наши раны отравляют их, замедляют, губят. А если вогнать меня этой твари в сердце, я сам могу выкачать из этой погани всю кровь.

Клинок меча в руках Федора на миг будто бы покрылся крохотными приподнявшимися крючками — Федор пригляделся, и понял, что это нечто вроде пустотелых иголок, или малюсеньких твердых ртов. Зрелище было неприятным. Но миг — и иголки пустились, полотно снова стало гладким, будто обычный металл.

— Кровосос против кровососов, — буркнул Окассий.

— А ты не лопнешь? — С сомнением спросил Федор. — Выкачать в себя всю кровь?

— Я могу работать как прямоточный насос, — с достоинством сообщил Меч. — Кстати, если будешь у грязной воды, могу отфильтровать — будто из родника изопьешь.

— Ты и не меч будто, а какое-то неведомое животное, — Покачал головой Федор. — Разобраться бы только, где у тебя голова, где лапы... Интересно, за что я тебя держу?

— Лучше тебе и не знать, за что, — хохотнул меч.

— Значит, если окажется, что древние монстры появились вновь — у нас есть шанс на победу? — Уточнил Окассий.

— Я убивал таких тварей. — Отозвался меч. — И как видишь, мои братья загнали эту погань под лавку на много сотен лет. Так что не вижу почему бы нам не сделать это снова.

Глава девятнадцатая.

К полудню, "Кобыла на сносях" вошла в древнюю гавань Валании. Корабль прошел по широкому проходу, между двух огромных молов, охватывающих акваторию будто две заботливых руки, разминулся со встречными судами, и пришвартовался у пирса. Капитан Велизарий был настолько любезен, что дал троице компаньонам в провожатые матроса, чтобы те не заблудились в городе. Сердечно попрощавшись с отважным мореходом, который смог обратить в бегство самого Черную Бороду (пусть даже и не узнал этого) — путешественники спустились по трапу на берег.

— Наконец-то мы на Святой Земле, — благовейно произнес Окассий.

— Давайте определимся, что делать, — произнес Федор. — Ты, Окассий должен

свести нас с вашим хранителем меча. Тебе и кости в руки.

— Сего хранителя зовут Фабиан де Ластик. — Отозвался Окассий. — Это рыцарь рожденный недалеко от города Динь, что в Провенсе. Он вступил в орден Иоанитов, и был послан ими в место рождения Господа нашего, дабы защитить этот благословенный край от муслимов.

— Отлично, — резюмировал Федор. — И где он, этот твой Фабиан?

— Здесь, недалеко от города, находится крепость ордена под названием Маргат. Брат де Ластик, как условлено, ждет нас там. Нам нужно найти в городе церковь святых мучениц Марты и Марии, там знают, что мы должны прибыть, и дадут нам провожатых до крепости.

— Хорошо поставлено дело у римского папы, — уважительно кивнул Федор. — Но погоди, прежде чем идти к твоим связным, мне сперва нужно купить моему мечу новые ножны. Я обещал. Если не выполню, — он же меня поездом заест...

— Не будем медлить, — кивнул Окассий, и повернулся к матросу. — Эй, любезный! Проводи нас, где можно купить ножны к мечу.

— Есть несколько лавок прямо у порта, патре, — отозвался матрос.

— Опять погодите, — поднял руку Федор. — Я буквально на минутку.

С этими словами Федор огляделся на проходящих мимо по пирсу, портовых гостей и завсегдатаев, и отбежав укрылся за двухколесной огромной телегой, которую очевидно, использовали для подвоза грузов. Там он вытащил меч из ножен.

— Солнцедар.

— Ага, — отозвался меч.

— Мы прибыли в порт.

— Ну наконец-то. Я, знаешь, не люблю этих морских путешествий. Это вы плавать умеете. А таким как я если что, одна дорога — на дно. Ползи потом до берега, и то... Большинство моих братьев, чтоб ты знал, терялись именно в море.

— Да-да, как видишь, все закончилось благополучно... Слушай, пришла пора купить тебе ножны.

— Давно пришла, — тут же показал сварливый характер меч.

— Справедливо. Но я вот чего подумал. Нельзя ли нам пока обойтись без украшений драгоценными камнями, золота и серебра? Видишь ли, края куда мы поедем, заняты нашими недругами. Дело наше почти шпионское. Если ты будешь изукрашен как одежды патриарха, — я буду привлекать слишком много внимания.

Меч задумчиво пошипел.

— Ну... Потерпел несколько сотен лет. Потерплю и еще пару недель. Чего не сделаешь для дела.

— Вот это спасибо! — Обрадовался Федор.

— Но как только закончим дело — немедля окуни меня в немыслимую роскошь!

— Да ясное дело. Как только — так сразу. Хоть все деньги моего казначея на это истратим; мне не жалко. Спасибо, что вошел в положение, Солнцедар.

За спиной у Федора хмыкнули. Он обернулся и увидел двух смуглых жилистых мужиков, одетых в бывшие здесь в ходу долгополые рубахи и балахонистые панталоны. Мужики с опаской посматривали на Федора. Тот сообразил, что человек радостно болтающий с собственным, наполовину вынутым мечом, наверно выглядит слегка странно.

— Это наша телега. — Сказал один из мужиков, что постарше. — Мы грузчики.

— Ваша, ваша, — на стал спорить Федор. — Я и не трогаю её. Вы что, не видите, я...

эхм... воин-крестonosец, который прибыл на святую землю, и молюсь на крестовине своего меча?

— Я вроде слышал второй голос, — сказал один из грузчиков.

— Это я сам с собой говорю другим голосом. — Чувствуя, что краснеет отозвался Федор. — Я чревовещатель.

— Странные обычаи у франгов... — Переглянулись мужики.

— Да, да, у нас странные обычаи. Не мешайте, короче.

Федор забежал за угол телеги, снова высунул меч из ножен.

— Да, тут еще вон какое дело, Солнцедар.

— Ну.

— Если я буду разговаривать с тобой в таком многолюдном городе, меня могут попытаться упечь в дом для умалишенных. А если ты мне будешь отвечать — так полгорода разбежится в страхе, и слухов будет на всю Палестину. Ты не мог бы... пока мы здесь... эхм...

— Да чего-ты бубнишь-то? — хохотнул клинок. — Ты у меня первый хозяин что ли? Всегда одна и та же история. Короче, слушай. Если тебе надо будет услышать мой совет потихому — просто положи мой клинок на плечо, рядом с ухом. Я тебе тихонько прошепчу.

— Мда, но не могу же я везде шляться с обнаженным мечом. Люди неправильно поймут, стража будет напрягаться.

— На такой случай, — если тебе нужно что-то сказать, не вынимай меня, и обращайся как бы не ко мне. Я и из ножен все слышу. А если тебе нужно будет узнать что-то от меня, — тихонько вынь меня из ножен на два пальца, и приложи палец к основанию клинка. Если я провибрирую — это будет "да". А если дрожи нет — то это "нет". Запомнил?

— Запомнил, — кивнул Федор. — Добро. Так и будем делать.

Телега за который он скрывался, в этот момент тронулась. Грузчики решили отъехать от опасного умалишенца. Федор сплюнул, и подбежал обратно к компаньонам.

— Все, готово. Можем идти.

— Веди любезный. — Величественно приказал матросу Окассий.

Матрос шустро лавируя между портовым людом, провел троицу к узкому кварталу торговых лавок. Там, в толчее и гомоне, под навесами, скаты которых почти смыкались друг с другом, действительно нашлась лавка кожаных изделий и металлической фурнитуры. Были там, среди поясов с пряжками и сумок с бляшками, фибул да брошей, и ножны — вернее их заготовки.

— Бари ор! Здравствуйте уважаемые! Лучший товар у меня! Смотрите! Смотрите!.. — Зарокотал лавочник. — Господа надолго в нашем городе?

— Нет, мы проездом...

Федор прикинул. Подыскал наиболее подходящие на взгляд, на всякий случай вынул меч из старых ножен на два пальца, и раздумчиво спросил, как бы сам себя, подойдут ли такие ножны?.. Клинок задрожал, и Федор со спокойной совестью пошел покупать их у владельца.

— Покупайте, господин, — Вскочил с лавки хозяин, высокий, рыжебородый и остроносый — отличная кожа. Весь прибор, устье, наконечник, обоймицы — все из чистого серебра! Мой сын подгонит заготовку точно по размеру, буквально за несколько минут. Будет ваш меч в таких ножнах, как младенец в руках у матушки. Отдам недорого...

...И лавочник назвал такую цену, что Федор слегка икнул. Но потом гвардеец подумал,

что почему бы и нет? Платит-то все равно не он, а император. А ножны были добротные. Не слишком броские, но достойные.

— Беру, — согласился Федор. — Парфений! Соверши транзакцию.

— Не напасешься денег на вашу военную сряду... — Пробурчал Парфений, доставая из-под глубин долгополой рубахи длинный кошель.

— Шат лав! Шат лав! А вы доставайте меч, добрый господин, — алчно поглядывая на кошель в руках Парфения, — предложил лавочник. Мой сын уже и начнет подгонять. Лавочник обернулся к двери, ведущий из-под навеса в глубь дома. — Авик! Авик! Иди сюда!

— Айо папа! — Отозвался из глубины дома детский голосок.

— Иди сюда сынок! К тебе пришла работа!

— Чем узум! Не хочу работы. Иду только из великого уважения к вам, отец!

— Беране паге. Цецем! Иди быстрее! Захвати инструмент.

— Иду, папа!

Федор тем временем вынул меч, и приложил его на прилавке поверх ножен, прикидывая в размер.

— Прибор на ножнах — не из серебра, — вдруг прошипело в воздухе. — Это начищенная латунь.

— Ов?! Кто? Кто это сказал? — Открыв рот начал испуганно оглядываться лавочник.

Парфений, который уже достал кошель, тут же подтянул его ближе к себе и положил вторую руку на его горловину. Окассий сдвинул шляпу на затылок.

— Как же тебе не стыдно, сын мой, — с ласковой укоризной сказал Окассий. — Обманывать покупателя в присутствии аж двух святых отцов?

— Кто обманывает?! — Искренне возмутился лавочник. — Я держу эту лавку уже пять лет! Ни одного недовольного покупателя! Все честно! Искренне! От сердца! Не знаю какой проходимец попытался меня опорочить. В моей лавке не бывает подделок! Чистейшее серебро!

— Скажи еще, что ты это серебро сам кайлом на руднике добыл, — процедил Федор.

— Чистейшее! У меня лучшие поставщики!

— Может быть, нам обратится с жалобой к квартальному голове, и потребовать проверки? Или нам лучше сразу направится к городскому главе? — С доброй улыбкой и глазами-ледышками спросил Окассий. — Ты даже не понимаешь, с кем связался, сын мой.

Лавочник наклонился над ножнами.

— Са инч э?! Вай! Что же это?! — Поразился он. — Правда, похоже, олово!.. Прокляты поставщики! Обманули меня! Портят мое доброе имя! Как же так могло случиться? Никогда такого не было, и вот опять!.. Позор на мои седины! Провели меня! Обманули меня, доверчивого! Вай!..

— Таки дорогой мой Ервандик, — Послышался меланхоличный голос из противоположной лавки с другой стороны улицы. Из-под навеса там вылез человек со скорбным взглядом и двумя длинными витыми клоками волос у ушей. — Заметь, что я как честный торговец словом не обмолвился твоим уважаемым покупателям, сколь часто тебя, доверчивого, обманывают поставщики. И почти всегда это случается, когда покупатели здесь проездом. Но раз уж они сами это заметили... — не хотят ли благородные господа зайти в мою лавку? Старый Моше так чтит закон, и у него все без обману.

— Уйди Моше, не отнимай у моих детей хлеб! — Возмутился лавочник. — В такой деликатный момент, чтоб тебе малость помолчать!

— Чтоб и не помолчать? Если уважаемые господа уже поняли, что я продаю костяные гребни и разные шкатулки? Не хотите ли, уважаемые купить для своего меча деревянный ларец?

— Что ты пристал к уважаемым покупателям, Моше? Разве ты не видишь, что благородному господину нужны ножны?

— Нет, ну как тебе не стыдно? — Возвысил суровый голос Парфений. — Обманывать среди бела дня? Или ты не боишься, что я — как священник — пойду в твою церковь, и устрою тебе наказание?!

— Клянусь, — я сам стал жертвой обмана, святой отец! — Приложил руки к груди лавочник. — А церковного наказания я не боюсь, ибо вы священник ромейского обряду, а я из другой церкви.

— Вот рядом со мной и священник по обряду латинскому, — указал На Окассия Парфений.

— Я и не латинянин. Я из армян. наших церквей в этом городе нет. И я честный торговец!

— Похоже, — Вашего гнева он не боится, святые отцы. — Качнул головой Федор, разминая шею, и поворачиваясь к лавочнику. — Придется по старинке, — намять бока.

— Наподдай ему хорошенько, — благословил, сурово сжав губы Парфений. — Он из армян, а значит — еретик-монофизит.⁶¹

— А, ты еще и подлый монофизит, что бы там это не значило... — Федор стукнул костяшками в ладонь. — Ну сейчас я тебе за все навешу.

— Ервандик, я буду за тебя скорбеть — донеслось с противоположной лавки.

— Что за беспредел?! — Взвыл лавочник, отступая за прилавком! Эй стража! Воры!

— Щас, получишь и за воров, — пообещал Федор, легко перескочив за прилавок, привычно намечая точку на пузе лавочника, куда мгновением позже прилетит его кулак.

Лавочник сжался, предчувствуя неотвратимое.

— Оставь моего папу, бандюга! — Крикнул звонкий голосок.

Федор повернулся. Из дверного проема, ведущего в дом показался мальчик, лет восьми-десяти. Черноволосый, черноглазый, он был до того хорошенький, что стиснутые в руках ножницы смотрелись почти комично. Но импровизированное оружие свое он держал крепко, и смотрел храбро. Федор подумал и опустил кулак.

— Сына благодари... — Буркнул Федор лавочнику. — Спас твою рожу, а то бы я её раскрасил в цвет. Значит так. Ножны куплю за четверть твоей цены.

— Ой, четверть! Да в них одной латуни на...

— За пятерню. — Сжимая кулак поправился Федор.

— Хорошо, за пятерню, — поглядев на костяшки Федора, согласился лавочник. — Только чтоб уважить благородного господина.

— Папа, — зови квартальную стражу! — Крикнул мальчик.

— Да-да, — зови, — ехидно улыбнулся лавочнику Окассий.

— Цыть, сынок! — Прикрикнул лавочник. — Или у тебя нет моего ума? Все нормально, мы просто спорим за цену. Это нормальный рыночный процесс. Что ты стоишь? Где инструменты? Разве ты не видишь, что благородный господин ждет, пока ты подгонишь его ножны?

— Ервандик, я радуюсь за твое здоровье! — Донеслось с улицы.

Федор вышел обратно через прилавок. Мальчик недоуменно пожал плечами, выложил

инструменты, подтащил высокий стул, и уместился вместе с ножнами на прилавке.

— Совсем не в меня, — пожаловался компаньонам лавочник, — руки умелые, а к торговле не прилежит. Чуть что — в драку. Видно, пошел в покойную жену. У неё в дальней родне были воины, мне на горе... Не соблаговолите дать свой меч на примерку, господин?

Федор вытащил меч, положил на прилавок. Малец, восхищенно полыхнув глазами, взял оружие, быстро примерил. Пилой опилил деревянные плашки заготовки ножен, обернул в кожу, и начал аккуратно зашивать основу.

— Значит, душа к торговле у тебя не лежит, малец? — Спросил Федор, усевшись на прилавок.

— Нет господин, — споро работая иглой, кивнул маленький работник.

— Может быть, хочешь стать воином? — Спросил Федор.

— Хочу! — Полыхнул глазами мальчонка.

— Молодец, парень! — Хлопнул кулаком по прилавку Федор. — Правда! Бросай это подлое торгошье дело. Мужчину должен кормить настоящий труд; — плуг или меч. Как подрастешь, — отправляйся в Романию. У василевса в войске служит много смелых армян. Чем черт не шутит, может ты даже сам станешь императором.

Владелец лавки хотел что-то протестующе гукнуть, но глянув на раздурившегося Федора почел за лучшее проглотить слова, и только скорбно засопел.

— Разве может простой человек стать императором?! — Малец даже на секунду перестал класть стежки на кожу.

— Может, парень. — Кивнул Федор. — В Римской Империи — может. Это ведь не край убогих дикарей, вроде Британии или Франкии. В Романии тебя судят по твоим достоинствам, а не по крови и древности замшелого рода. Бывали в Риме императоры и из простых солдат, и из крестьян. А знаменитый ромейский император Иоанн Цхимисхий, как и ты — по крови был армянином.

— Он был похож на меня?! — Удивленно и радостно спросил малец.

— Ну... — Федор замялся: в романских песнях пелось, что император Иоанн был голубоглазым и рыжебородым; он происходил из древнего армянского рода, и видно уберегся от того, что пришлые темные тюрки начали покорять и вливать в армян свою кровь. Сбивать мальцу настрой, однако, не хотелось. — Как две капли воды! — Решительно кивнул Федор.

— Здорово! — Обрадовался малец. Увидишь, господин, я приду в Рим, и стану императором!

— Добро, — кивнул Федор. — Может быть, мне еще придется отдавать тебе честь, малец.

Мальчонка тем временем дошил кожу, насадил на ножны части прибора и молоточком аккуратно забил заклепки из мягкого металла.

— Готово, папа! — Обернулся мальчик к лавочнику.

— Готово, господин, — эхом отозвался к Федору торгош.

— Экая ладная работа, взяв ножны полюбовался Федор. — Черт знает за что Бог послал тебе такого замечательного сына... Мне еще нужна обертка на рукоять меча. Кожа ската есть?

— Есть, господин! Есть! Самого лучшего ската!

— Чья она на самом деле?

Через полчаса троица компаньонов ведомая матросом пробиралась по узким улицам, вдоль лепившихся друг к другу желтых и белых домов. Федор шел довольный, придерживая рукой рукоять меча в новых ножнах. Путешествовать со святыми отцами по многолюдному городу оказалось одно удовольствие. Народ почтительно расступался перед священниками, благодаря чему идущий за ними Федор двигался безо всякой толкотни.

— Вот господа, — махнул рукой матрос, выведя троицу на небольшую площадь, — Церковь Марты и Марии.

— Спасибо сын мой, — Кивнул Окассий. — Теперь ты можешь идти. Благословляю тебе за помощь.

Окассий важно протянул руку, и моряк согнувшись подставил под ней свой лоб.

— Спасибо патре.

— Да не оставит тебя бог, сын мой...

Матрос удалился, и слился с толпой. А Федор тем временем осмотрел искомую церковь. Несмотря на тесноту улиц, церковь стояла от домов на почтенном расстоянии. Будто бы остальные дома отшатнулись от неё, теснее прижавшись друг к другу. Церковь была вполне ромейской архитектуры, может быть, чуть тяжеловесней тех храмов, что Федор привык видеть на защищенных улицах и площадях Константинополя. Такие храмы Федор видел в имперских фемах. Несколько полукуполов пристроенных к прямоугольному основному зданию с круглым окном, двускатная крыша. Высокие арочные окна первого этажа были узки, а деревянные рамы в них были такими толстыми, что выбить их было непросто. В случае нужды храм божий какое-то время вполне мог послужить и укреплением. Окассий двинулся вперед, подошел к церковным воротам, подергал их, и взявшись за дверное кольцо застучал им по двери.

Через малое время на воротах отворилось маленькое окошко, откуда на компаньонов глянуло скрытое полумраком лицо.

— Что вам угодно, святые отцы? — Осведомился привратник молодым голосом.

— Почему дом божий заперт днем? — Осведомился Окассий.

— По необходимости, — лаконично отозвались из-за двери, без особого почтения.

— Я отец Окассий, порученец при канцелярии папской курии первопрестола его святейшества. — С достоинством представился западный монах. — Отец Бертрад должен ждать меня.

За окошкцем охнули, заскрипел сбрасываемый засов, и ворота поспешно отворились. В проеме обрисовался молодой длинноносый служитель.

— Добро пожаловать отче. Мы ждали вас.

— Как тебя зовут, клирик? — осведомился Окассий.

— Я здешний причетник, — представился длинноносый. — меня зовут Эдит.

— Проводи нас к отцу Бертарду, сыне.

— Досадная случайность, отче, — развел руки служка — Отца Бертрада вызвали к одной из прихожанок, что отдает Богу душу. Он ведь не знал точно, когда вы прибудете, а паства требует его внимания.

— Правда, досадно. — Согласился Окассий. — Как мы можем разрешить сие затруднение наилучшим образом?

— Зависит, насколько вы поспешаете, отец мой. — Склонив голову к плечу, задумался служка. — Если вы сильно спешите, я могу запереть церковь, и проводить вас до дому жены пекаря Паскеллы. Это, вишь, как раз ей вздумалось сегодня так некстати, представиться

Господу... Если же вы не слишком поспешаете, вы можете подождать отца Бертрада в церкви. А ежели вы хорошо проголодались с дороги, то на другом конце площади есть прекрасная таверна под названием "Баранья нога". Там хорошая кухня, которой не брезгают даже благородные. Когда отец Бертрад вернется, я приду за вами в таверну.

Окассий вопросительно взглянул на Федора, и тот изобразил рукой ложку, гребущую из миски ко рту.

— Жена, пекаря, ты говоришь, плоха, — сын мой? — Уточнил Окассий.

— Совсем плоха, отец. Что-то у ней разладилось в груди, она долго кашляла, потом уж даже и кровью, и теперь совсем захла. Слуга что пришел за отцом Бертрадом, сказал, что уж посинела, и едва дышит.

— Но ты думаешь, откусать-то мы успеем?

— Думаю, так успеете отец. — Согласился служка. — Хоть старая Паскелла и совсем плоха, но честно говоря, по жизни она никуда не торопилась. Думаю, так и помирать будет с проволокой.

— Тогда мы будем в таверне, — решил Окассий. — А как только отец Бертрад вернется...

— Я сразу прибегу за вами.

— Нет, сын мой. Не ты прибежишь за нами. А сам отец Бертрад придет за нами в таверну со всей поспешностью, какую даровал ему Господь. Если отец Бертрад не появится здесь до терции — ты сын мой, запрешь церковь, побежишь к дому почтенной Паскеллы, и — хоть души её сам на смертном одре. Отец Бертрад должен быть здесь. Понял ли ты меня, сын мой?

— Понял отче.

— Возможно, стоит позвать священника из другой церкви, чтобы он подменил отца Бертрада, у постели отходящей, — Вмешался сердобольный Парфений.

— Это мы оставляем на откуп Эдиту, — небрежно отмахнул рукой Окассий. — Я вижу он смысленый малый. А мы идем отобедать в таверну.

Глава двадцатая.

Таверна "Баранья нога" оказалась заведением зажиточным и благопристойным. Это можно было понять, еще по роскошно написанной вывеске, где, живописуя название, громоздилась на серебряном блюде упомянутая нога, обложенная овощами. Мастерство художника заключалось в том, что любой глядя на вывеску мог сказать — это именно жаренная нога. В менее почтенных заведениях понять, что за мазня на вывеске бывало можно лишь опираясь на помощь названия, и то не всегда. Внутренность таверны так же соответствовала. Высокий потолок, хорошо освещенный зал, чисто выскобленные столы и лавки, и многолюдный народ за ними. Стоял неразборчивый шумный гомон застольных разговоров, и стук посуды.

Заведение и правда пользовалось успехом. Публика сидела разношерстная, но отребья и откровенных нищевродов не было. Воины, не из простой солдатни. Паломники — но зажиточные. У левой стены на поднятом участке полы било несколько столов, за которыми, судя по яркости и красоте одежды сидела компания благородных, в том числе и несколько дам.

Троица компаньонов подошла к прилавку, за которым расположился упитанный благополучный детина, вся внешность которого говорила о постоянной близости к пищевому

излишеству.

— Мир тебе сын мой, — поздоровался Окассий, к которому после попадания в земли латинян, негласно перешла инициатива в общении.

— Здравствуйте, святые отцы, — Поздоровался щекастый мужик, радушно, но без излишнего почтения; священников на святой земле было с избытком. — Простите, но свободных комнат нет.

— Мы не на постой. Хотим у вас отобедать.

— Это пожалуйста, коль отыщите место.

С местами за столами было не так чтоб очень. Однако, поскольку все столы и лавки — за исключением места для благородных — были изрядной длинны, то наличие места на них зависело от того, как плотно сдвинутся сотрапезники. Представительная и достойная внешность двух монахов и — как надеялся Федор — его самого, могла помочь обедающим потесниться. Главное было решить, в каком именно месте. Кое-кто, не обращая внимание на ищущих места компаньонов, продолжал сидеть над своим тарелкой и стаканом как сыч, но несколько пилигримов и христоробивых воинов приглашающе показали на места рядом с собой. Однако, в людской многоголосице, Федор вдруг услышал за одним из столов знакомую речь. Группа воинов, судя по одежде, богатый рыцарь и люди его "копья", шумно звеня посудой и хохоча бросали фразы на языке, звучащем как музыка.

— Вы русы? — Спросил Федор у воина, на языке своего отца.

Компания замолчала, и переглянулась.

— Русы, да. — Ответил сидевший в центре компании рыцарь. Слова он коверкал, и все же Федор понимал их почти все. — И ты русс?

— Мой покойный отец, — Ответил Федор. — А мать — эллинка. Я дигенис — двухродный.

— Все одно наполовину ты наш. — Улыбнулся рыцарь. — Присаживайся. В этих краях языки стараются держаться вместе.

— Я со спутниками, — показал на монахов Федор.

— Найдем место и для святых отцов. Уплотнимся, ребята!

Воины поджались на лавках, и высвободили кусок доски. Федор с Парфением даже сели свободно. Но как подсел и широкозадый Окассий, все почувствовали локти друг друга.

— Меня зовут Велемир, — представился рыцарь. — А как зовут тебя?

— Я Федор.

— Из какой ты Руси, друг? — доброжелательно спросил рыцарь.

Вопросу Федор не удивился. Всяк знал, что русы расселились по земле широко, и потому Русских земель было много.

— Я сам живу в Романии, — ответил он. — А отец мой родом с той Руси, что у нас зовут Внешней Великой Русью. Которая богата крепостями на торговом пути от нортманнов, и с которой идут торговцы в Романию по великой северной реке Борисфен, тако же называемой Данаприсом. А ты, Велемире, из той ли самой Руси, или с другой?

— С другой, — признался Рыцарь. — Я с Руси Веринской, где княжили Ободричи, которая еще зовется Тюрингией.

— А, я знаю где твоя Русь, — кивнул Федор. — Она в землях восточных франков, где правят потомки архонта Оттона.

— Рэгнум тэвтоникорум,⁶² — вставил Окассий.

— Так и есть. — Подтвердил Велемир. — Моя Русь там, и я вассал ландграфа

Тюрингии, а он вассал Императора Запада. А в здешних землях выходцы с нашей Руси основали крепость недалеко от реки Оронт, и конечно тоже назвали его — "Русса".

— Широко разошлись люди русского языка.

— Широко, — согласился Велемир. — Может быть, даже слишком. Кто слишком далеко зашел, того в дальних краях могут и потеснить... Но я наверно утомляю тебя разговорами, а ты голоден? Эй парень! — Велемир замахал рукой подзывая слугу. — Поди сюда!.. Здесь отличная грудинка, скажу я тебе Федор. Закажи, и не пожалеешь...

Слуга споро прибежал к столу, и принял заказ Федора со святыми отцами. Скоро перед компаньонами появились блюда, исходящие паром, и кувшин в вином. Федор со святыми отцами принялись трескать так, что трещало за ушами, что на некоторое время прервало досужие разговоры. Меж тем, на одном из столов недалеко от входа, пестрая компания вооруженных людей загорланила песню, хлопая ладонями и кружками по столу.

Вот мы сегодня собрались

Чтоб поговорить за жисть.

Пробку с бутылки лихо срываай.

В кружки скорее, наливай!

Выпивай да за-ку-сы-вай.

Да побольше от-ку-сы-вай,

Эх сидим бухАем,

Эх сидим бухАем

Кружками бУхаем

Об стол!

Эх сидим бухаем

Эх сидим бухаем

До чего же братцы

Хорошо!

Друг наш, гляди-ка, уже устал,

Друг наш, гляди-ка, уполз под стол.

И лежит там ка-ла-чи-ком,

Место свое нашел.

Тяпнем милый друг еще по одной.

Хмелю дадим геройский бой.

Хоть случалось ссорились мы порой.

А теперь обнимемся с тобой!

Выпивай да за-ку-сы-вай.

Да побольше от-ку-сы-вай...

Пиллигрымы в зале от таких песен в особый восторг не приходили, и сидели с постными рожами. Но воины с других столов, кто пободрее, подпевали. И даже на возвышении, где сидела богатая компания благородных, пара людей подхватила, в числе их и молодая симпатичная девушка, которая весело подколачивала по столу ладошкой.

— Это баронесса Катарина Формбах. — Уловив взгляд Федора пояснил словоохотливый Велемир.

— Симпатичная, — заметил Федор.

— Да, красавица. — Кивнул Велемир. — И умница к тому же, даром что баба. По приказу её отца, я везу её в Антиохию, где её сочетают законным браком со знатным

старпером, которому нужна не жена, а отходная молитва. Девчонку выдали замуж по сговору, мужа своего он по счастью еще не видела. Отрочество её прошло в монастыре святой Радегунды, а молодость пройдет в уходах за старым пердуном. Незавидная судьба, но удачный брак для её отца. Сейчас она может немного попорхать, будто птичка между двумя клетками.

— А эти, которые с ней? — Спросил Федор про компанию изукрашенных молодцов.

— Бездельники из детей местной знати. Выехали встретить новую жену владетельного господина.

— Что ж она не посадила тебя с собой за высокий стол? — Спросил Федор.

— Она предлагала. Но я предпочел есть со своими людьми. Весельчаков вокруг неё и без меня хватает.

Песня с призывами бухАть и бУхать, меж тем утихла. Молодая баронесса заметила, что Велемир с Федором глазеют на неё.

— Эй, Велемир! — Позвола она.

— Да госпожа, — отозвался воин.

— Спой со своими людьми тоже что-нибудь. — То ли попросила, то ли приказала девушка, тряхнув тяжелобой косой. — Ты, да Молчан, да Драговит, да Крашемир, да Радомир, да Болеслав, да Володар, — спойте мне что-нибудь ваше, русское, дикое. Чтоб кровь разбежалась по жилам, а тоска сдохла.

— Вишь, всех нас по именам помнит, — шепнул Велемир Федору. А сам громко сказал. — Отчего ж не спеть, госпожа? — И Рыцарь повернулся к своим людям, которых перечислили по именам. — О чем же мы споем госпоже, ребята?

— Как Девка Дулька блудила! — Предложил один.

— Слишком срамно! — Возразил Велемир.

— Выйду в поле вместе с конем, — Обозначил другой.

— Заунывщина тоскливая.

— Как гребцы пороги считали. — Изронил третий.

— Там же матюгов больше чем чисел.

— Дружинник-дружинник, что ж ты бросил коня? — Прорек другой.

— Да ну, под эту песню скакать надо, а тут тесно.

— Ну... предложил самый пожилой, сивобровый и сивоусый мужик, — тогда надо петь про князя Свентослава.

— Вот! Это дело! — Обрадовался Велемир, и обернулся к баронессе. — Госпожа, споем мы тебе. Потешим тебя песней про то как русский князь Свентослав с дружиной, собирался войной на ромеев!

— О, война! — Обрадовалась баронесса, и одобрила — Давай Велемир, — зажги!

— Велемир обернулся к Федору.

— Знаешь эту песню? Споешь с нами?

— Гхм... — Федор замялся. Песню про знаменитого князя Свентослава, также известного как Сфендослав и Святослав, он конечно знал, но... — Песню эту я знаю, а петь её с вами не могу, — сказал он рыцарю. — Потому как я служу императору ромеев, и мне как на ромейскую державу ходили войной, петь невместно. Но есть у меня другие песни, не хуже.

— А как же мы узнаем, ромей, лучше твоя песня, или нет, если не услышим обоих? — Вмешалась со своего возвышения баронесса Катарина. Сделаем так: сперва пусть свою

песню споев Велемир. А потом — ты. Я же рассужу, какав из ваших песен лучше, и подарю победителю... вот этот перстень. — Катарина взмахнула изящной ручкой, на пальнике которой красовался перестенюга, печаткой драгоценного камня которого можно было колоть орехи, как небольшим молотком. — Баронесса озорно поглядела на Федора. — Примешь вызов ромей? согласишься на мой суд?

— Как пожелаешь госпожа, — Федор привстал на лавке, и поклонился. — Языком бить — не кровь лить. И вызов твой приму, и твой справедливый суд.

— О, мьюзик батл! — Завопил со своего стола какой-то рыжий воин, по виду из островных англов, — Версус! Камон! Камон!..

— Отлично, — Поддержал его какой-то северянин с другого угла залы, — состязание скальдов!

По залу как горох посыпалась разноголосица.

— Что происходит?

— Кантикум?

— Ита.

— Компэтитио а линварум эт орум!

— О!

— Идэа оптима эст!

— Геста руссорум?

— Шансон де жест?

— Уи!..

— Тишина! Тишина!

— Силентиум!

— Лэт зе мьюзик батл бегин!

Переголкивания затихли, и наступила почти полная тишина, коия нарушалась разве что хрустом куриной ноги, которая исчезала меж мощных челюстей отца Окассия. Велемир переглянулся со своими товарищами.

— Чтож, с дозволения госпожи, мы начнем первыми. — Рыцарь кивнул своему молодому спутнику с ясными глазами. Радомир — запевай!

Радомир радостно улыбнулся, тряхнул кудрями, вобрал в грудь воздуха, хлопнул по столу, раз, другой, отмеряя темп. И запел, высоким озорным голосом.

Эй, Святослав!

Ты не ослаб!..

Остальные мужи Велемира тут же подхватили мощным хором, выбивая ладонями темп:

Ай, да и мы.

Не слабЫ!

Так пойдём скорее

Пощипать ромеев!

Каждый будет рад,
поглядеть Царьград.

И далее русичи запели уже вместе, будто могучая река разлилась:

Мы парни дюжие

Брони кольчужные.

Щитами завесились.

Копий строй.

Дружина дружная.

Идет оружная.

Какая доля,

Ждет нас с тобой?..

Голоса взлетали, ладони стучали по столу так, что миски да кружки подпрыгивали.

Хазары хлебнули.

Булгары узнали

Ромеи запомнят,

Наш русский счет!

В далекие дали

Где мы не бывали,

Где нас не видали.

Наш князь ведет!

Эй, Святослав!

Ты не ослаб.

Так пойдем скорее,

поглядеть Царьград!..

Голоса утихли, будто буря прошла, да удалилась. В многолюдном зале секунду помолчали, а потом бурно зааплодировали. Идея поглядеть Царьград с некоторых пор пользовалась среди крестоносцев все возрастающей популярностью.

— Ай спасибо Велемир! Спасибо молодцы, — подала голос со своего помоста баронесса Катарина. — Потешили мне душу! Что скажешь, ромей? — Она лукаво глянула на Федора. — Трудно тебе будет превозмочь. Чем ответишь?

Федор задумался. Правда, чем же ответить? И тут он вспомнил, о чем давеча говорил мальцу-армянину, который сладил ему ножны, о его великом соотечественнике, который стал римским императором. Ведь ходила про это среди ромеев старая песня...

— Истинно говоришь, госпожа, — отозвался Федор. — Спели лихо. Не растеряли еще русского духа ободричи из Тюрингии. Да скажу тебе так — они-то запевочку дали, а я саму песню спою. — Он повернулся к Велемиру и его спутникам. — Вы спели как та давняя история началась. Я спою — чем она кончилась.

— Изволь, молодец, — милостиво махнула рукой баронесса.

Федор поднялся, по отцовскому обычаю поклонился на четыре стороны, поднял руку, призывая утихнуть разговоры и шепотки за столами. За столами утихли, и наступила тишина, нарушаемая лишь ритмичным хрустом хрящей. Федор пнул под скамьей голень Окассия, тот поперхнулся, виновато отложил обглоданную ногу, и наступила совсем тишина. Ну почти. Кто-то из далеких от искусства, все равно жрал и болтал за дальними столами, но тут уж Федор был бессилён. Федор затаил воздух, повел плечами. Не сказать, чтобы он был великим искусником-певуном, но голос имел, и песен немало спевал на переходах,⁶³ да на привалах. Песня начинается с тишины, идет что река, от малого истока, а впадает людям в сердца, что в море. Отомкнул Федор уста, и запел:

Русичи и ромей, встретились рать на рать.

Под Доростолом дело так просто не расхлебать.

Видно коса на камень, бьются и день и два.

Поле — ковер из убитых, и недобитых едва.

Конница ходит в атаку, гнутся стены щитов.

Русс и ромей друг-другу уступить не готов.
Город зажат в осаде, душат ромей петлей.
Руссы теряют в силе, жителей стон над землей.
Град окружен валами, между них лагеря.
Много машин осадных камни мечут не зря.
Руссы на вылазку споры, бьют — и вновь за стеной.
Но что русс уничтожит, ромей восстановит с лихвой.
Так обложили руссов, как логово диких зверей.
И доморили б осадой, да нужно решить скорей:
В Константинополе недруги мутят столичный народ.
И императору нужно скорее завершить поход.
Рёк Иоанн Святославу, — эй, выходи на бой,
Дело решим поединком, ну же, сразись со мной!
Нечего войско тратить, — один на один с мечом.
Схватимся в честной схватке, молодец с молодцом.
Варвар громко смеется, — всяк поединок глуп.
Случай дело решает, кто победит, кто труп.
А если тебе император уже надоело жить,
Так сотня есть способов разных, как себя погубить.
И снова бой, снова сеча, гибнут лихие бойцы.
Жируют черные вороны, сыты окрестные псы.
Вот императора стражник, по имени Анемас.
Руссам в строй прорубился, храбростью всех потряс...
Руссы изнемогают, собрали общий совет.
Вместе решают дело, нужно сдаться иль нет?
Часть предлагает князю переговоры начать.
Мыслят другие ночью тайно на лодках бежать.
Шагнул Святослав в центр круга, и слово такое сказал:
Предков и нас, Бог Рода трусостью не наказал!
Били мы многих, мужество бьется в нашей груди.
Русса судьба простая: — умри или победи.
Слушают князя воины, и разных мнений уж нет.
Будем сражаться до смерти — так окончен совет...
Это был самый последний, самый упорный бой.
Русич с ромеем бился, и каждый — с самой судьбой.
Много храбрейших пало, уж не встанут с земли.
Все же ромей немного, но силой перемогли.
Снова за стену руссам в город пришлось отходить
Поле боя ромеев, — им мертвых и хоронить.
Переговоров мирных князь попросил скорей,
И согласился споро на них василевс — ромей.
Выбрали место открытое на берегу реки.
Там на засаду шансы не столь уж и велики.
Урочным часом встретились сам василевс и князь
Под Иоанном Цхимисхием берега темная грязь.

Князь Святослав же прибыл на встречу челном и рекой.

Будет воинам команда — достанут друг друга стрелой.

Был император богаче, а князь был одеждой прост.

Князь был ростом повыше... да что василевсу рост?

Силу друг друга извели, кровь утомились лить.

Вот теперь можно толком сесть и поговорить.

И обещал Святослав-князь на Рим войной не ходить.

И обещал он Риму союзником верным быть.

А Иоанн Цхимисхий — русичей отпускал.

А чтобы ушли скорее — хлеб на дорогу дал.

Рёк василевс прощаясь: все в руке у судьбы.

Рек пороги опасны, — жди от них русич беды.

Князь улыбнулся: с судьбою мы сыграем, ромей.

Чашу что евнух протянет — лучше совсем не пей...64

Оба разъехались, думали, что уезжают домой.

А уходили — в легенду, вместе с ранней зарей.

Короток век человека, но прочна памяти связь,

Памятен нам император, и памятен русский князь.

Федор замолк. В зале одобрительно закричали и захлопали. Парфений сидевший рядом о правую руку, показал ему большой палец. Окассий хлопал громче всех, но недолго, а потом быстро подтянул к себе поближе блюдо. Велемир со спутниками переглянулись, и рыцарь одобрительно кивнул Федору.

— Молодец, сын двух народов! Постоял за обоих.

Баронесса Катарина пошептала с сидевшими вокруг неё молодыми бездельниками, подняла руку.

— Добрые песни от добрых людей! Спасибо вам за веселье, достойные состязатели. Теперь же, слушайте мое решение. — Баронесса горделиво вытянулась. — Велемир со своими людьми спел прекрасно. Однако, песня их была не о делах, а лишь о намереньях древнего правителя и его храброй дружины. Ромей же спел нам не о хвастливых зачинах, но о делах. Увидели мы в его песни и битву храбрых мужей, и двух правителей древности. Вот по какой причине, я объявляю, что победил в этом состязании ромей. Ему я и вручу свой перстень.

— Верно говоришь, госпожа!.. Хорошо сказано! — Донеслось с разных столов.

Велемир сперва нахмурился, услышав как перстень проплывает мимо, но через секунду добрый нрав в нем взял верх. Он протянул руку Федору через стол.

— Баронесса рассудила по правде. Поздравляю.

— Спасибо, рыцарь, — Федор крепко пожал Велемирово запястье. — Вы тоже хорошо спели. Оба мы постояли в этих далеких краях за честь русского имени. А про княжну свою ты истинную правду сказал — не тока красива, а еще и мудра.

— То так. — Кивнул Велемир.

— Подойди сюда, ромей. — Пригласила баронесса. — Скажи нам свое имя, да получи заслуженную награду.

Федор поднялся, примерился как выбраться из-за скамьи.

— Позволишь ли молвить слово, благородная госпожа? — Раздался громкий голос. Все повернули головы на глас. Федор узрел, как между столами к помосту приблизился худой

высокий человек в цветастом костюме и шляпе, сдвинутой набекрень. Над широким воротом, распахнутым с показной небрежностью торчала чернявая смазливая физиономия окруженная длинными патлами и бородкой. За спиной у человека него висела балалайка с длинным грифом, из тех были в ходу на всем средиземноморье, и звались персидским словом "руд".

— Кто ты, незнакомец? — Спросила баронесса.

Чернявый отвесил княжне глубокий изящный поклон, изогнув бескостную спину как кот перед миской сметаны.

— Я странствующий певец, благородная госпожа. Мое имя — Томасо Нойвирт. Слава о моем музыкальном мастерстве бежит впереди меня.

— Да? — Улыбнулась баронесса. — А до нас твоя слава не добежала.

— Госпожа моя, — ты как звезда! Светишь нам с небес, и не замечаешь простых смертных. Ты меня не помнишь, а меж тем, я уже имел честь выступить пред тобой.

— Где же это было? — Удивилась баронесса.

— Два лета назад. На большом съезде певцов при дворе герцога Эвровидо.

— Верно, я была на сем сборище труверов и миннезингеров. — Баронесса прищурилась. — Но кажется... я не видела тебя, среди победителей.

— Только козни завистников не позволили мне достичь финала, госпожа. — Скромно отозвался певец. — Но я не теряю надежды, достичь сего в будущем. Однако сейчас я позволил себе возвысить голос в твоём присутствии. Я услышал, как твоя милость изволила устроить музыкальное состязание. Однако, прежде чем назначить победителя, может быть ты позволишь и мне потешить твой слух песней?

— Хм, — Баронесса наморщила носик. — Что же. Конечно. Это будет справедливо. О чем же ты хочешь спеть?

Балалаечник горделиво напыжился.

— Певцы, которые выступили до меня, исполнили неплохие песни, госпожа. — Он снисходительно окинул взглядом Велемира и Федора. — Песни их были о славных битвах и правителях. Однако же, они пели о битвах ушедших времен, и правителях далеких краев, до которых нам, добрым католикам, скажу честно, нет дела. Я же спою тебе госпожа, — и всем вам, достойные слушатели — о делах недавних, и героях современных! Спою я тебе госпожа, о таком герое, о котором ты и сама слышала, а может и увидишь воочию. И спою я о его новом подвиге, слухом о котором полнятся уже земли франков, но о котором должно быть еще не все слышали здесь, на святой земле.

— Продолжай, певец, — заинтересовалась баронесса.

Федор сообразил, что вручение ему богатого перстня откладывается, и почел за лучшее присесть, дабы не торчать глупым столбом. Патлаты же певец ловко подтянул свою балалайку со спины на грудь, возложил пальцы на струны, принял вдохновенный вид, и забренчал, распеваясь высоким козлиным голосом:

Ах, младший сын рода, — Роже де Бриуз!

Добродетелен так, что в восторге Иисус!

Раз дал в церкви обет, и в море отплыл.

Чтоб бороться с пиратами, что было сил...

Федор нахмурился.

— Кажется я уже слышал где-то это имя... — прошептал он жующему рядом Окассию. Тот лишь пожал плечами. Бродячий певец тем временем продолжал триндеть, с каждым

куплетом усиливая накал.

...Моря синь беззаботна, но храбрый Роже.

Он всегда начеку, он настороже.

Вот орлиным взором с мачты конца,

Он увидел, как грабит корсар купца.

Был корабль купца из греков земли.

Воевать не умеют, убежать не смогли.

А корсар пощады не знал никогда.

Его прозвище — Черная Борода!..

Парфений тихо охнул. Окассий поперхнулся и прекратил жевать. Федор почувствовал, что у него вытянулось лицо. Он наконец вспомнил, где слышал имя Роже де Бриуза.

— Я не понял. — Гвардеец поочередно повернулся к обоим попам, сомневаясь, не подводит ли его слух. — Что за?..

Священники не успели ответить Федору. Соседи вокруг укоризненно зашикали. Певец надрывался, не жалея инструмента.

...Греки все на коленях, и — о позор!

Главный у греков был Феодор.

Лобызает корсару носки сапог.

Унижается, только чтоб выжить смог.

Предложил корсар — (он муслимом был),

Отрекитесь от Бога что есть ваших сил.

Плюньте трижды на крест и дайте обет:

Повелитель отныне ваш — Бафомет!

И уж греки готовы предать Христа.

Ведь схизматиков вера и так не чиста.

Чтоб спастись, из них уже каждый рад.

Целовать Бафомета муслимовского в зад.

— Сукин сын! — Феодор, наливаясь бешенством, начал вставать из-за лавки, — Нет, вы слышали?!

Окассий с Парфением едва успели повиснуть у гвардейца на плечах. Вокруг опять зашикали.

— Спокойствие куманёк... — Удерживая Федора прошептал побледневший Окассий. Парфений согласно кивнул, чувствуя, что если выпустит локоть Федора, то случится страшное.

— Помни о деле, сын мой. Не будем же мы по пустякам раскрывать во всякой харчевне свое инкогнито, — зашушукал монах ухо багровому от гнева Федору.

Певец меж тем вошел в полный раж, и блестя глазами изрыгал куплет за куплетом.

Но воскликнул Роже — не могу допустить.

Чтоб христианам души свои погубить!

Повернул свой корабль, затрубил в свой рог.

Чтоб корсар его вызов услышать смог.

На пиратов как сокол Роже налетел!

Как красив, как силен он, и как он смел!

Рубит главы пиратам в один удар,

От него разбегаются млад и стар...

Услыхав о таком геройстве, мужчины в зале одобрительно крякнули. Патлатый исполнитель полностью завладел вниманием залы, и купался в пересечении взглядов, как рыба в воде.

...И в испуге пират-борода возопил
Бафомет, — я всегда тебе верен был!
Дай мне силу свою, дай свой колдовство.

Чтоб поверг я Иисуса, и война его.
Услыхал Бафомет слугу своего.

И бесовскую силу вдохнул в него
О спасайся всякий, беги скорей: -

Пламя бьет у пирата прям из ноздрей!

Вся таверна вздохнула. Федор же почувствовал, что это у него сейчас пойдет из ноздрей и дым и пламя.

...Вот корабль Роже уже горит,
И из воинов его много кто побит.
Только щит, да вера хранит от огня.
Но видать не дожить заката дня...

Мужчины в зале сжали рукояти мечей в кулаках. Дамы охали, прикрывая рты руками. Федор прекратил барахтаться в руках святых отцов, замороженный беспредельный наглостью происходящего. Ему казалось, что он попал в какой-то дурной сон.

...И взмолился Роже, — О Иисус, так скажу:

Не за славу свою я тебя прошу,
А за славу Твою! — дай мне сил на удар.

Чтобы дьявол не восторжествовал.

И могучей рукой Бог пролил свой свет.

Огляделся Роже, — а на нем ран уж нет!

Пламя беса больше не ранит его,

Так Господь защитил слугу своего!..

Люди в зале начали размашисто креститься.

..И молитвой руку Роже укрепил,

И ударил пирата, что было сил.

Нечестивца с плеч голова долой!..

Так победу добыл молодой герой...

— Я ему щас шею сверну!.. — Горячечным шепотом взвыл Феодор. — Я ему балалайку на башку надену! ЫЫЫ!!!..

— Тссс! — Сидевший рядом Велемир укоризненно нахмурил брови, и повернувшись к нему прижал палец к губам. Сидевший поодаль смуглый кабальеро тоже кинул на Федора такой гневный взор, что гвардеец почувствовал, — если он сейчас не заткнется, дело дойдет до дуэли.

— Крепись, сын мой, — тихонько шепнул ему в ухо Парфений. — Бог терпел, и нам велел.

...Плачут греки, и плачет их вождь Феодор.

Ведь едва не случился измены позор.

На коленях целуют руку Роже,

Громко хвалят его, надоели уже...

А Роже — так красив и так скромн он!

Говорит: — то не я, но сам Бог вам заслн.

И во славу Божью еще не раз,

Совершу я деянья!.. Здесь кончим сказ.

Аой!

Менестрель в последний раз тронул струны своей балалайки. Мгновение стояла мертвая тишина. Потом зал таверны взорвался бешеными аплодисментами.

— Браво!

— Молодец трувор!

— Знай наших рыцарей!..

— Нортмандия рулит!

— Эпик вин!

— Славный рыцарь этот нортманн Роже, — обернувшись к Федору доверительно сообщил Велемир. — Я уже слышал песни о его подвигах. Надеюсь, когда доведется увидеть этого исполина и вживую.

Женские голоса со всех концов зала томным эхом заворили речам Велемира: — Роже... Роже де Бриуз... Славный Роже...

Люди орали, свистели, аплодировали, стучали ладонями и кружками по столам. Находчивый менестрель тут же скинул с головы шапку, и пошел мимо столов. В шапку полетели монеты. Кроме медяков изредка блистало даже и серебро. Федор почувствовал, что сейчас у него треснут сжатые зубы. Он тихонько зашипел, пытаясь выпустить пар. Но в это время певец со своей брнчавшей деньгами шапкой подскочил как раз к их столу. Велемир тут же опустил в шапку полновесный серебряник, а певец уже сувал шапку и под нос Федору.

— Иди, иди своей дорогой, — буркнул Парфений.

Велемир укоризненно глянул на троицу компаньонов.

— Пусть ты и состязаешься с ним, — сказал он Федору, — однако ж, по совести спел он хорошо. Не позволяй зависти застить сердце, друг. Для нас это забава, а певец ведь кормится с песни. Одари его, как должно воину.

Федор почувствовал, что его сейчас, прямо здесь, хватит апокалиптический удар. Он закатил глаза, пытаясь унять бешенство, чувствуя, что от натуги у него сейчас или лопнут вены, или разойдутся сухожилия. Но допустить, чтобы русы из другого края подумали, что он завистливый скряга, Федор не мог.

— Дай. Ему. Монету, — просипел гвардеец Парфению, каждым звуком стачивая зубы.

— Но...

— Дай.

Парфений заворчал как пес, у которого отнимают кость, но сунул монету в шапку.

Певец лучезарно улыбнулся, и прошел мимо.

Федор дрожащей рукой утер испарину. Если бы взгляд мог убивать, то от вонзенного уходящему балалаечнику в спину взора, тот должен был пасть как от удара кинжала.

— Браво! Браво благородный певец! — Всхлипывающим визгливым голосом закричал кто-то со знатного помоста.

Федор поворотился на голос. Что за диво?! То кричала баронесса Катарина. Вместо симпатичной разумной девушки, в которую Федор, честно сказать, даже слегка влюбился, сидела какая-то безумная дурица, с ошалелыми глазами и раззявленным ртом, покрасневшая так, будто её потискал в светелке страстный ухажер. Не иначе в бесовской

балалайке струнозвонца были заключены некие чары, туманящие чувства и разум.

— Подойди сюда, прекрасный певец! — Позвала баронесса.

Патлатый Томасо тут же зажал под мышкой шляпу с деньгами, и не без элегантности, но проворно подскочил к помосту.

— Люди не зря аплодируют тебе, избранник муз! — Затараторила баронесса. — Те певцы, что выступили до тебя, постарались. Но ты своей песней сегодня превзошел всех! Отрадно нам было послушать песню о новом подвиге славного Роже, — самого храброго, добродетельного и куртуазного рыцаря во всей Нортмандии. Конечно же, победа в сегодняшнем состязании достается тебе. И вот тебе в знак того — мой перстень!

Перстень, сверкнув печаткой, переключался на руку музыканта. Тот рассыпался в благодарностях. Баронесса предложила балалаечнику присоединиться к её свите. Тот рассыпался опять... Но Федору уже было не до подробностей. Он нашарил на столе кубок, и хлопыстнул из него до дна. В голове зашумело, и сжимавший череп обруч сведенных мышц слегка разжался. Уф... Велемир сидевший напротив, углядел его лицо, но не понял причины; ободрил Федора парой фраз о достойном проигрыше. Федор вяло соглашался, стараясь не обидеть дальнего сонародника. Но рыцарь видать все равно решил, что Федор расстроился проигрышем, и через некоторое время деликатно перевел свое внимание на разговор со своими людьми.

— Что же это дееется на свете? — Улучив момент, не убирая далеко стакан возмущенно зашептал Федор на Окассию. — Кочевряжишься, ходишь в походы, совершаешь подвиги... А зачем? Всего-то нужно пустить по тавернам горластого дурня, — и сразу прославишься неслыханным героем.

— Таковы все люди, — Философски пожал плечами Окассий. — Им нет дела до прошедших дней. Им нужны красивые рассказы. Много ли надо молодому баронету отсыпать менестрелям, чтоб они взяли нужный запев. А дальше оно само пойдет-покатится... Да и сам ты, разве задумывался — сколько правды в тех песнях, которые спевал лично ты? Все ли воспетые в тех песнях герои существовали? Все ли были такими уж героями?

— Нет, но... — Федор задумался над словами монаха. — Более того, память услужливс подкинула ему, как он сам, не так давно, лишил заслуженного — пусть и бандитского имени — незадачливого пирата Махмуда. Федора кольнул запоздалый укол вины. Но возмущение его не проходило. — Но ведь мы-то в том бою точно были героями! Возмутился он. А этот-то Роже, никакой не герой, а самый настоящий разбойник! Где же справедливость?!

— Бог меряет справедливость своей меркой, сын мой, — мягко увещил Парфений. — Через сто лет... Да что там, — даже через полвека, — никого уже не будет волновать, кем этот Роже был на самом деле. Но ведь главное, что в этой песне свою победу он одержал благодаря господу-богу. Не в этом ли высшее оправдание этой песни? Она учит людей главному — благочестию.

— А, подите вы к бесам, святые отцы! — Фыркнул Федор. — Вы оба сидите так спокойно, только потому, что в этой песне рифмоплет не упомянул ваши имена. Это я там валяюсь на карачках, и будто готов целовать в дупу Бафомета!

— Так и тебя там нет, куманёк, — успокаивающе произнес Окассий. — Там какой-то другой Феодор. И никто не узнает, что он — это якобы ты, если ты перестанешь об этом вопить за столом в окружении кучи незнакомцев.

Федор опасно повел головой, не услышал ли его и правда кто из соседей?

— На вот, — Окассий подвинул к Федору поближе блюдо — съешь сосиску.

— И все равно, неправильно это. — Упрямо буркнул Федор.

— Жизнь вообще юдоль скорби, — хмыкнул Окассий. — Но вино и сосиска делают её чуть лучше. Вот на, еще и хлеб...

— Э-еех!

Федор зажевал сосиску, умял хлеба, запил вином. Вроде как внутри немного отпустило. Правда сидевшая на помосте баронесса так обратно в красавицу и не обернулась, сидела как есть дурища. Внутри шебуршилась искушающая мыслишка, — подловить избранника муз где-нибудь на улице, разузнать у него, откуда у него такая паскудная песня? Желательно узнавать, стукая исполнителя головой о ближайшую стену... Эх, слишком людно.

— А коли Бог за правду, — наконец сообщил Окассию Федор, — так уж встречусь я когда снова с этим Роже. Вот и поглядим, чего он стоит, без песен.

— Все в руке Божьей, может так и будет. — Покладисто согласился Окассий. — Съешь ножку куриную.

— ...А вот эти люди, святой отец, — громко сказали над столом.

Федор и его компаньоны повернули головы. К ним подходил давешний слуга, что принял у них заказ. Рядом с ним шел, сложив руки на живот пожилой священник с сухим умным лицом.

— Я отец Бертрад, из церкви святых Марты и Марии, — представился подошедший. — Это вы искали меня, братья?

— Как жена пекаря? — Поинтересовался Окассий.

— Отошла, — поднял очи горе отец Бертрад.

— Господь прими её душу, — Умиротворенно выдохнул Окассий. — Она отмучалась. Мы отобедали. Идемте, отец, наши дела не ждут.

Глава двадцать первая.

Шумный приморский город остался позади. Отец Бертрад, что сам вызвался быть провожатым, вел компаньонов к крепости воинствующих монахов. Дорога вилась меж холмов, поросших кустарником и деревьями. На осыпях холмов было видно, что земля здесь желта и красна, щедро уснащена песком, но это не мешало богато росшей зелени. Провожатый священник вел себя с удивительным тактом. Показывая дорогу в городе, он не отходил далеко. Но едва стоило ему вывести подопечных на простор, как он несколько отдалился, дабы не стать свидетелем лишних знаний, в которых, как известно, таились многие печали. Так же, как идущий впереди, отец Бертрад принял на себя бремя благословения встречаемых, буде у них появлялось такое желание. Дорога оказалось довольно оживленной. Ехали влекомые ослиами телеги с поклажей. Шли люди самых разных языков, среди которых было и немало лиц агарянских.

— Далеко ли еще до крепости? — Окликнул торящего путь провожатого Федор.

— Большую часть пути с Божьей помощью, мы уже одолели, — отозвался обернувшийся на голос отец Бертрад. — Скоро вы увидите черные стены Макаба.

Мимо компаньонов прогарцевал, обдав их пылью, прекрасный аргамак, на котором восседал надменный смуглолицый всадник в восточных одеждах.

— Кой черт нам не дали лошадей? — Пробурчал Федор, так чтобы его не услышал провожатый. — Всякие саракинскиеб5 морды едут верхом, а мы только смотрим под хвост их коням...

— Разве ты видел у церкви Марты и Марии конюшни? — Поинтересовался, утирая пот со лба Окассий. С его телесами пешая дорога давалась тяжелее чем другим, но он упорно шагал, не поддаваясь слабости. — Вот когда мы придем к божьим воинам, там нас обеспечат лошадьми, и все чем нужно для дороги.

— Оружные священники... — Неодобрительно пробурчал себе под нос Парфений. Отношение его к западным воинствующим монахам спутники уже знали. — Небогоугодное это дело...

— Мы уже обсуждали это брат, — отдышливо отозвался Окассий. — Прости, на второй круг я не пойду. Не сейчас...

— Живьем мне их видеть не доводилось, — встрял Федор. — Но я слышал, что эти монахи-госпитальеры — добрые воины.

— Добрые воины? — Хмыкнул Окассий. — Трудно тебе было больше приуменьшить славу госпитального ордена Иоанитов. Слышал ли ты когда-нибудь о ассасинах, куманёк?

— Слышал я и об этой дьявольской ораве, — кивнул Федор. — Говорят, эти полоумные фанатики-исмаилиты выращивают таких убийц, которые не боятся ни стали ни огня, и могут менять лица как маски.

— Немало правды в этих рассказах, — Согласился Окассий. — Люди Старца с Горы наводят ужас на многих в этих землях. Их воины не боятся смерти. Но куда страшнее их убийцы. Годами такой лазутчик может жить в доме жертвы, втираться ей в доверие, стать самым преданным и доверенным слугой, и в урочный час — прилюдно убить, объявив, что эта воля Старца с Горы. Именно поэтому ассасинам удалось создать, почитай, свое небольшое царство, которое опирается на несколько неприступных замков, но больше — на страх окрестных правителей, которые не хотят во время молитвы вдруг почувствовать холод кинжала в своем сердце, и вкус своей крови на губах.

— Хм, — качнул головой Федор. — Пусть так. Но зачем ты сейчас вспомнил про этих ассасинов?

— Затем, — глянул на Федора Окассий. — Что при всей своей силе, и при всем ужасе, который ассасины наводят на прочих, — они исправно платят монахам-госпитальерам дань. Вот и думай, — кто самый лютей зверь в здешних краях.

Федор осмысливая прошел несколько шагов в молчании, поднимая дорожную пыль.

— Если боевые монахи так сильны, — наконец спросил он — отчего же они совсем не передают богопротивных ассасинов?

— А сам как думаешь, воин? — Кинул насмешливый взгляд из-под своей широкополой шляпы Окассий.

— Победа может обойтись слишком дорого? — Прикинул Федор.

— Да, замки ассасинов хороши, их взятие может обойтись дорого. Потеряв воинов, госпитальеры могут на время ослабеть, а врагов в этих местах у них много. Впрочем, цитадели самих госпитальеров так укреплены, что любой враг обломает о них зубы, скоро ты сам увидишь... Дело не только в том, что уничтожение ассасинов обойдется дорогой ценой. Но само существование царства ассасинов — как заноза для других окрестных правителей мусульман. Мусульманы ведь не едины, так же как у нас, христиан, со времен их пророка Магомета, они разбились на множество течений. Здешним христианам выгодно, чтобы мусульманы враждовали друг с другом. Только это не дает им собраться, и попытаться отобрать святую землю из наших рук. Вся эта земля — бурлящий котел, и в похлебке намешано слишком много ингредиентов, куманек. Но если говорить о госпитальерах — они в этой

похлебке самая жгучая специя.

— Поглядим, что это за специя... — Кивнул Федор. — Если эти парни так хороши, может имеет смысл, кроме нужного нам рыцаря выпросить еще и отряд для сопровождения?

— Будет весьма полезно, — согласился Окассий.

И будто вторя их разговору, идущий впереди провожатый обернулся, и крикнул.

— А вот и Маркаб, господа мои!

Федор пригляделся. На вершине крутого огромного холма, который может быть даже заслуживал звания горы — его взору открылась серая приземистая крепость. Дорога все больше начала забирать в гору, отчего телообильный Окассий начал пыхтеть в два раза скорбней и громче. По мере того, как крепость приближалась, Федор наконец начал осознавать её истинные размеры. Стены вовсе не были приземисты — так казалось из-за их протяженности. Чем ближе приближались путники, тем круче те уходили в небо. И сам цвет крепости оказался не серый. Огромные тесанные камни были черными, а соединявший их раствор — белым. Такая двойная расцветка придавала стенам строгую красоту, будто сама крепость, под стать хозяевам, была могучим монахом в черно-белом облачении. Судя по размеру открывшихся стен, монахи владели здесь не просто цитаделью, но также имели и защищенный посад.

— Нам вот в эту сторону, — меж тем продолжил свои объяснения отец Бертрад, махнув рукой, — гости крепости проходят через западный вход.

— Благодарю вас, достойный брат, — кивнул отец Окассий, и пользуясь моментом, остановился, дабы дать себе передышку. Он повернул голову к Федору. — Вход перед нами. Думаю, теперь мы можем отпустить отца Бертрада?

— Да, — согласился Федор.

— Мы отпускаем вас, брат Бертрад. — махнул рукой Окассий. — Сегодня вы оказали важную услугу святому престолу.

Отец Бертрад молча поклонился, и развернувшись размеренным шагом отправился обратно к городу. Федор поглядел ему вслед, и мимолетно подумал, что быть рядовым священником не так уж сильно отличается от бытия солдата. Сейчас отец Бертрад наверняка размышлял, какую это невероятно важную услугу, о сути которой ему не удалось сообщить, он только что оказал своему далекому римскому начальству...

На подходе к крепости было оживленно. Несколько запряженных телег стояли перед сторожевым постом из нескольких облаченных в темно-серое стражников, которые пропускали знакомых, опрашивали незнакомых, досматривали груз подозрительных. Действовали стражники четко, люд стремившийся войти в крепость, в пререкания с ними не вступал, и любые требования выполнял неукоснительно. Однако, из-за многолюдности перед постом все равно образовалась небольшая очередь.

Отец Окассий, явно в очереди торчать не собирался. Выпрямившись, и горделиво подняв голову, он принял настолько королевский вид, что Федор едва узнал своего достойного компаньона. Утвердив таковым образом свое достоинство, Окассий двинулся вперед, огибая телеги и извозчиков. Федор, напомнив себе, что и он не шпынь какой, а domestik римского императора с особливим поручением, двинулся следом. Сравнится с Окассией в важности вида, он конечно не мог, но тоже приосанился. Парфений шел за ними.

Главным среди стражников, был седой ветеран, чье лицо уродовал рваный шрам, пробороздивший всю левую щеку. На груди его сюрко был нашит белый знак, в виде

заглавной буквы "Т". Голос его напоминал скрип несмазанной тележной оси. Вкупе с пустым равнодушным взглядом немигающих глаз, какой Федору доводилось видеть у хлебнувших лиха ветеранов, это приводило к тому, что досмотренные гости и посевики крепости вели себя тише воды, некоторые пройдя контроль вздыхали с видимым облегчением. Увидев идущих без очереди, старший нахмурился, но затем, разглядел на одежде Окассия и Парфения знаки священников.

— Здравствуйте, святые отцы, — скрипучим голосом поздоровался начальник поста. — Кто вы, и по какому делу?

Окассий подошел ближе, и сказал негромко, чтобы его слова не долетели до мнущихся извозчиков.

— Я отец Окассий, порученец при канцелярии папской курии первопрестола его святейшества. Твои командиры должны ожидать меня.

Начальник еще раз окинул Окассия и его спутников критическим взглядом. Будто коня покупал, да изыскивал в нем изъяны.

— Удостоверьте грамотой, — проскрипел он.

Федор про себя присвистнул. В большинстве мест, стражник при воротах был невеликим чином, и сразу перекинул бы свалившуюся на голову делегацию "больших людей" на вышестоящего начальника. Но здесь дисциплина и чувство собственной значимости караульных было не хуже, чем у гвардейцев ромейского императора. Это внушало.

Отец Окассий безмолвно откинул полу плаща, извлек кожаный футляр, вытащил, осторожно развернул свиток пергамента с печатью, и вручил его стражу. Страж, как оказалось умел, читать, — умение доступное далеко не всем франкским варварам. Приняв пергамент, он некоторое время шевелил губами, разбирая строки. Наконец он осторожно свернул пергамент большими руками, и с легким поклоном вернул Окассию.

— Я сервант-д-арме Дидье, господин. Я сам провожу вас. — Начальник поста обернулся к своим людям. Умберто, — за старшего. Принимай и разводи.

— Уи, — коротко отозвался назначенный.

— Прошу за мной, господа.

Дидье повернулся, и положив руку на рукоять висевшего при бедре меча, направился к крепости. Компаньоны двинулись за ним. Путь, которым вел их провожатый, оказался пологим пандусом, который постепенно поднимался параллельно крутому холму, и оседлавшей его крепостной стене. Любой, кто попытался бы подняться этим путем без спроса, оказывался, на долгом великолепно простреливаемом пространстве, где не было никакой возможности для укрытия. Штурмовой отряд поднимавшейся здесь, мог истаять, так и не добравшись до ворот в стене. Как и всякому опытному солдату, Федору вообще не хотелось брать штурмом никакую крепость, потому что дело это всегда крайне рискованное. Мало что значит твое воинское уменье, когда на тебя сверху опрокинут котел раскаленной смолы, или же ты лезешь по лестнице, конец которой усердно рубит засевший на стене шалун с топором... Но глядя на укрепления Маркаба, Федор признал, что штурмовать конкретно эти стены — он бы хотел в самую последнюю очередь. Ну, почти в последнюю. Человека, видевшего вблизи титанические стены Нового Рима, никакие другие крепости уже поразить не могли. Но уважение здешние стены внушали — однозначно.

— В каком достоинстве наш провожатый? — Тихонько спросил Федор на греческом Окассия, пока они продолжали подниматься по пологим ступеням.

— Он "оружный слуга", — пояснил Окассий. — Сервант де арме, или же сервант эт

армс, как говорят в ланжисе бриттов. Это значит, что он принадлежит к вспомогательным воинам из людей простого сословия. Ядром же орденового войска являются всадники из знатных родов, их называют "шевальерс", то есть всадниками.

— А знак у него на груди?

— Этот знак как раз и обозначает что он сервант. Знак этот в виде буквы "Т" символизирует крест, на котором принял смерть наш спаситель Христос. У слуг он, как видишь, без верхней палки, то есть как бы без таблички с титулом, где было указано, что Христос есть царь иудейский. Полный крест с четырьмя палками — то есть с верхним титулом, полагается только благородным рыцарям.

— Смотрю, ты изучил нравы сего ордена.

— Какой бы я был посланец, если бы не знал тех, к кому послан? — Пожал плечами Окассий.

— Есть еще что-то о обычаях этих воинов, что мне следует знать в первую голову? — Осведомился Федор.

— Хвали Бога будучи среди божьих людей. Иначе они открутят тебе голову, сын мой.

Провожатый, тем временем привел их к верхним стенам. На воротах здесь стоял еще один пост. И здесь уже вместе со стражниками оказался воин, на наддоспешнике и плаще которого был полный белый крест. Встретившись с ним взглядом, Федор внутренне поежился. У рыцаря были глаза фанатика, который не боится ничего, а ради своей веры сделает — все. Ровно такой же взгляд был у мусlimских бесноватых воинов, будто эти люди были уже не здесь, а где-то в другом мире.

Сержант, экономя слова, четко доложил рыцарю, и тот снова потребовал у Окассия бумаги. Священник безмолвно снова извлек футляр.

Далее их провожал уже сам рыцарь с нездоровыми глазами. Он вел их по мощеному черному камню, мимо второй, более высокой наклонной стены, из которой вырастали мощные башни. Вел мимо толстых бойниц, под сводчатыми тяжелыми арками, затем по огромному двору, где тренировались, гремя железом, взмыленные орденовые бойцы. Вел мимо огромных конюшен, откуда доносилось лошадиное ржание. При входе в конюшню мальчишка-конюх сидя на скамейке чистил бока коня пучком сена, энергично напевая себе под нос, "Ах младший сын рода Роже де Бриуз, добродетелен так, что в восторге Иисус...". Похоже, сие произведение уже набрало в святой земле популярность. Федор подавил в себе острое желание на ходу пнуть мальчишку под афедрон, чтоб тот кубарем сверзился со скамьи и пропахал землю носом.

— Еще немного, и я сам поверю, что этот нортманн победил пирата плевавшегoся огнем, а я целовал ему ноги, — тихонько пожаловался Федор Окассию.

— Крепись, сын мой, — на ходу отозвался монах.

Из двора рыцарь вывел их в галерею с двойным рядом окон, где над каждым большим сводчатым окном было еще квадратное окно поменьше. Крепость кипела жизнью. Четким военным шагом мимо компаньонов прошел отряд в черных рясах монахов-августинцев. Дальше, во внутренних помещениях несколько слуг мыли зал, стгоня воду деревянными швабрами по наклонному полу. Встречались рыцари. Прошли навстречу слуги с корзинами и закупоренными огромными кувшинами. А рыцарь все вел их и вел, — крепость была велика. Рыцарь поднялся по лестнице, и следуя за ним, Федор увидел через окно вид с горы на низину, прекрасный для любого человека, и вносящий успокоение в душу военного. Насколько неприятно было бы эту крепость штурмовать. Настолько же спокойно было

сидеть внутри под её защитой.

Перед сводчатой дверью был еще один пост. Двое рыцарей с белыми крестами и в белых плащах, стояли на карауле по обе стороны от прохода. Провожатый с фанатичными глазами отрапортовал одному из стражей, — у того лицо было иным, располагающим. А учтивый страж вежливо попросил Окассия бумаги. Тот без малейшего признака раздражения в очередной раз извлек футляр. Учтивый страж скрылся с бумагами Окассия за дубовую дверь, через краткое время вернулся, и отворил её перед гостями.

— Проходите, господа, комендант бб ждет вас.

Помещение за дверью оказалось хорошо освещенной залой, которую комендант, видимо, использовал как рабочий кабинет. На столе лежали писчие принадлежности, и бумаги. У стены стояли два шкафа с огромным, — почитай больше пары десятков! — количеством книг. Нос Парфения, будто флюгер, тут же уперся в книжные полки. Федора же больше интересовал комендант. Здоровый, что бык, короткостриженный человек с тяжелым лицом. Щеки его слегка отвисали, будто собачьи брыли, но в этом не было слабости. Скорее комендант божьих воинов своими брылями и меланхоличными глазами напомнил Федору молосских боевых псов — огромных зверей, которых любили держать у себя во дворах ромейские династы. Тот тип зверей, которые слишком велики, чтобы быть злыми попусту. И который никто не хочет видеть разозленными.

— Приветствую вас, господа, — светлоглазый здоровяк протянул вошедшим компаньонам футляр с бумагами Окассия, и тот принял их обратно. — Я комендант замка Маргат, рыцарь-в-праве, Оливье де Виль. Магистр и приор нашего ордена прислали мне особое распоряжение, дабы я оказал посланцам святейшего папы всяческую поддержку.

Компаньоны представились в ответ.

— Благодарю вас, — вежливо кивнул головой Окассий, — нужный нам человек, Фабиан де Ластик. — Он здесь?

— А вы не любите откладывать дело в долгий ящик, — заметил комендант.

— Дела святого престола не ждут, — мягко заметил Окассий.

— Да... — комендант чуть замялся. — Рыцарь Фабиан. Он ждал вас здесь.

— Ждал? — Тут же заострился Окассий.

— Он и сейчас вас ждет. Но... — комендант смущенно огладил свои брыли. — Не уверен, что вы теперь захотите его видеть.

Услыхав что-то непонятное, Парфений отвлекся от книг. Компаньоны переглянулись.

— Господин де Виль, вы говорите загадками, — расправил плечи Окассий. — Что с нужным нам человеком? Разве он не в замке?

— Не вполне... — Пробормотал комендант.

— Что значит "не вполне"? — уже слегка раздраженно спросил Окассий.

— Он теперь рядом с замком. — Буркнул комендант. — Это единственный способ, которым я мог соблюсти приказ, в сложившихся обстоятельствах... Искомый рыцарь покинул наш орден. Но он все еще неподалеку.

— Господин де Виль, — слегка побагровев ушами, но теперь уже с волевым спокойствием заговорил Окассий. — Вы понимаете кого я здесь представляю? Хочу вам напомнить, что вы не только монах, но еще рыцарь. Поэтому престаньте говорить загадками. Я их не люблю. Дайте четкий рапорт — где нужный нам человек, и что с ним случилось?

— Простите господин. — Комендант выпрямился. — Даю рапорт: Нужный вам человек, Фабиан де Ластик, ожидал вас здесь, согласно приказу. Однако уже два месяца, как Фабиан

де Ластик выбыл из состава ордена Святого Иоанна Иерусалимского, и ныне приписан к ордену святого Лазаря Четверодневника. Фабиан де Ластик сменил белый крест на зеленый.

— Жопа Вельзевула, покарай его Господь! — Пораженно рывкнул побледневший Окассий. — Вот же дерьмище-то, смилуйся над нами Приснодева!.. — Монах растерянно потрянул головой, глянул на хозяина кабинета — Прошу прощения, за мою несдержанность на язык, господин комендант. Просто таких новостей я точно не ждал.

— Вполне понимаю вас, господин, — учтиво отозвался комендант.

— Это... подрывает нам все планы...

Парфений, как человек культурный был терпелив, а вот Федор терпением в непонятных ситуациях не отличался. Когда квохал один комендант, он еще терпел. Но когда тот смог переманить на свою сторону еще и Окассия, и оба начали бормотать на пару — терпелка гвардейца истощилась.

— Куманек Окассий, — ровным голосом позвал Федор. — Теперь ты дай мне отчет. Какого рожна здесь происходит?

Окассий повернулся к нему.

— Наш рыцарь, хранитель меча... — Окассий нервно вздрогнул. — Наш хранитель заболел проказой.

Лицо Федора вытянулось так, что на щеках заныла кожа.

Несколько секунд длилась немая сцена.

— Нам... нужно посоветаться. — Наконец выдавил из себя Федор.

— Втроем, — уточнил Окассий.

— Без посторонних, — согласно кивнул Парфений.

Глава двадцать вторая.

— Оглоблю мне в дышло, да поперек! Сто копий мне в печенку! Стрелу в афедрон! Да, чтоб мне девки не давали! — От души выкатил Федор.

— Чтоб меня надуло да разорвало! Монаха в козу, монашку на морковку!.. — Эхом проярился Окассий.

Парфений промолчал, и оба компаньона обернулись к нему.

— Что вы на меня смотрите? — Развел руки Парфений. — Я ругаться не мастак. Не согласен, ситуация бедовая.

Комендант оказался столь любезен, что без лишних разговоров организовал троим посланцам отдельные покои. Сквернословить Федор с Окассией начали сразу же, как за провожатым закрылась дверь.

— Да что же, у вас во всем католичестве не нашлось другого горе-вояки в подряснике, кроме этого? — Взвился Федор.

— Дак, кто же знал? — Пожал широкими плечами Окассий. — Когда я выезжал к вам в Романию, он был здоров. Комендант говорит, болезнь, попущением Господа, скрутила его недавно.

Федор крутанулся на месте, на каблуках своих сапог. Положение и правда получалось неприятное. Проказа, она же "слоновья болезнь", она же "лепра ориенталис", была болезнь наводящей ужас даже на самых отважных людей. Хворобь эта была заразной, и передавалась от человека к человеку при телесных контактах, при чихе да сморкании, а может и еще каким дьявольским злокозненным способом. Развивалась хворь неторопливо, будто давая человеку проникнуться отчаяньем неизбежности. Сперва начинала теряться

чувствительность членов. Затем облик человека менялся, кожа становилось жесткой, и начинала напоминать своими огромными морщинами слоновью, что и дало одно из названий сего ужасного недуга. Наконец, у человека не ощущавшего боли, незамеченные мелкие ранки да ссадины приводили к тому, что несчастный начинал гнить заживо. Отваливались носы, уши и пальцы. Заболевших старались держать в специальных лепрозориях. Но некоторые бедолаги все же бродили неприкаянными, всюду гонимые, не могущие нигде остаться близ людей. Скрывая свой ужасный вид под глубокими капюшонами и масками с прорезями для глаз, предупреждая о своем приближении звоном колокольчиков, эти отвергнутые скитались, живя в ужасе, и ожидая ужасной кончины. Бррр!..

Федор поежился.

— Ну и что нам теперь делать, — снова развернувшись на каблуках, спросил он компаньонов. — Какие мнения?

Парфений огладил растрепавшуюся в дороге бороду.

— Что ж тут думать? На кой нам теперь такой спутник? Оставить его здесь, и дело с концом. Пускай здешняя братия и разбирается с несчастным.

— Эй, это невозможно! — Тут же набычился Окассий. — Хочу напомнить вам, достойные друзья, что в этом деле поставлена на кон репутация престола его первосвятейшества папы. И сей рыцарь с его мечом должен обеспечить наше участие в исполнении общего древнего договора.

— Так что ж нам теперь? Бродить с твоим рыцарем, пока у нас у всех лица слоновьими рожами не обратятся? — Хмыкнул Федор. — Тебе-то, кум Окассий, хобот может и пойдет, а я знаешь, без него обойдусь... — Федор задумчиво почесал нос. — Есть другое предложение. Эта крепость битком набита боевыми монахами. Пусть рыцарь передаст меч одному из них, а сам останется тут... лечиться. Новый монах пойдет с нами, и так договор со стороны твоего папы будет исполнен. Что скажешь?

— Это, пожалуй, вариант, — Согласился Окассий.

— Парфений? — Обернулся ко второму компаньону Федор.

— Да, хорошее решение.

На боку у Федора что-то зашевелилось. Глянув вниз, он увидел, как его колдовской меч самоходом ползет из ножен, используя перекрестье гарды, как две лапы, которые елозили по обоймице, нащупывая опору. Федор подтянул ножны, и наполовину вытянул клинок на свет.

— Да, Солнцедар? Чем ты обеспокоен?

— Ничем я не обеспокоен, — сварливо отозвался клинок. — Просто слушаю ваши многомудрые речи. Вы тут так говорите, будто передать меч плевое дело. Но если речь о моем брате — захочет ли он сам покинуть своего владельца? Вы, знаешь, хоть существа смешные, да недолговечные, а все ж и мы к вам привязываемся.

— Думаешь, — тот меч может заартачиться? — нахмурился Федор.

— Если они с носителем крепкие друзья, то конечно может. Впрочем...

— Что?

Меч помолчал.

— Я, знаешь, не уверен, что здешний клинок действительно из моего племени.

— Почему так думаешь? — Заострился Федор. — Ты же его еще не видел.

— Кабы видел, так уж сомнений бы не было. — Похвастался меч. — Дело вот в чем...

Болезнь, которую вы именуете проказой, вызывают, как бы это сказать... мелкие пакостные

твари.

— Демоны! — Подсказал Окассий.

— Да сам ты демон... — буркнул меч. — не демоны никакие, а мелкие болезнетворные организмы. Настолько крохотные, что вам их невозможно увидеть вашими слабыми глазами. Эти пакостные крохотульки подобны армии завоевателей, попав в ваш организм, они начинают сражаться с хранителями вашего организма, и если побеждают — начинают менять ваше тело для собственного удобства, как побежденную провинцию. Я не слишком сложно говорю?

— Ну, так в целом, понятно... — осторожно кивнул Федор.

Парфений радостно дернул себя за бороду.

— В книге персидского врачующего мудреца Абу Али Хуссейна ибн Абдаллаха ибн Сина, коия зовется Китаб аль канун фи ттиб, — суть "Канон врачебной науки", я читал подобную любопытную теорию. Сей автор тоже предполагал, что заболевание оспы, проказы и чумы вызывают мельчайшие существа.

— Ну вот, да, — хмыкнул меч. — отратно, что стараниями мудрых, вы постепенно выползаете из темной пещеры дикости к свету знания.

— Многоразумный автор этот так же писал, что лихорадки вызываются...

— Да-да, вызываются, — Перебил увлекшегося Парфения Федор. — Так я не понял Солнцедар, с чего у тебя сомнения насчет другого меча?

— А с того, — возвысил голос меч. — Помнишь, я говорил тебе, что могу создать яд, или обеззаразить воду? Создатели делали нас не только как оружие, но и универсальный инструмент выживания владельца. Я могу обеззаразить воду, могу по капле крови понять, какая зараза попала в организм владельца, и синтезировать нужное лекарство, которое очистит кровь. Мой владелец никогда не умрет, например, от раны в живот наконечником стрелы, который стрелок перед пуском специально потыкал в землю, дерьмо или лежалый труп.

— Что правда? — Поразился Федор.

— Конечно правда. — Подтвердил меч. — Я это могу. И другие мои братья это могут. Поэтому мне не ясно, как это носитель моего брата может болеть проказой? Настоящий мой брат, пресек бы болезнь сразу, тем более, что эту заразу легче губить на корню.

Федор повернулся к Окассию?

— Что скажешь, кум? — Не идет ли речь о фальшивке?

Окассия слегка перекосило.

— Сам я тот клинок не видел. Но уверяю, по тому что мне доносили — рыцарь владеет настоящим чудо-мечом. Да и не стал бы святейший престол так рисковать своей репутацией на обмане, который может раскрыться.

— Мда? — Хмыкнул Федор. — Говорят, если собрать в одном месте пальцы всех святых, что раскиданы по разным церквям, то окажется что у некоторых святых бывало по шести десятков пальцев, а тои более... Церковная честность, она такая.

— Что за безбожные речи?! — Возмутился Парфений.

— Да это я так... — Федор решил не вступать в сторонний спор. — Эй, погоди-ка! — Озаренный догадкой, Федор снова обратился к мечу. Так если ты такой могучий лекарь, — значит ты и меня, и святых отцов сможешь уберечь от проказы?

— Я ж тебе говорю, как есть, — уберегу, — пообещал меч. — Ключу раз в палец, пойму что за дрянь. Ключу другой раз в жилу — вылечу.

— Похоже на бесовский ритуал, — Нахмурился Окассий.

— В таком случае, мы больше можем не бояться прокаженного, — Задумался Федор.

— Я бы все равно рекомендовал держать с ним дистанцию, — посоветовал меч. — И без поцелуев.

— Да что он, девка что ли красная, — отмахнулся Федор — конечно без поцелуев. Раз теперь нам не страшна проказа, значит мы можем спокойно пойти к рыцарю — и узнать, настоящий ли у него меч, — решил Федор. А ну-ка, айда братцы!

Все двинулись к двери.

— Слушай, Солнцедар, — на ходу спросил Федор, поотстав от компаньонов, которые озирались в поисках слуги — если ты так ловко с болезнями расправляешься... А по поводу бессмертия никак подсуетится нельзя?

— Нет.

— Это жаль, — вздохнул Федор.

— Тут нужна сильная перестройка организма. Такое могли стационарные медблоки моих создателей, а я ведь всего лишь переносной комплект выживания.

— Да так особо и не рассчитывал, — вздохнул Федор — думал, вдруг выгорит...

— Но вообще мои владельцы обычно живут дольше прочих, — утешил меч. — Если конечно, им в бою чего жизненно важного не отрежут. А так, за счет снижения инфекционных нагрузок и своевременных прививок, — срок жизни серьезно увеличивается.

— Да иди ты! — Поразился Федор. — Это что, даже до... пятидесяти лет можно дожить?

— Можно и до восьмидесяти.

— Бреешь!

— Правду говорю. Был у меня один, — дожил до ста двадцати двух.

— Ну чудеса! — Выдохнул Федор.

— Кум? Чего застрял? — Обернулся Окассий.

— Да иду, иду, — кивнул головой Федор. А сам шепнул мечу — Обсудим позже.

— Нужный вам рыцарь там, — показал рукой хмурый провожатый из монашеской братии Маграта. — А я дальше не пойду.

Провожатый торопливо убежал. А трое компаньонов остались глядеть на пристанище прокаженного рыцаря.

Комендант де Виль не соврал. Рыцарь действительно оказался рядом с замком. Опасаясь заразить гарнизон вверенной крепости, и одновременно имея приказ чтобы рыцарь Фабиан дожидался здесь важных гостей — комендант решил дело с военной последовательностью: — он отправил рыцаря жить в установленном за стенами крепости походном шатре. Серое полотнище большой палатки виднелось среди деревьев в нескольких сотнях метрах от стены, в низине у подножья холма.

— За мной, святые отцы, — приказал Федор.

Ноги понесли компаньонов вниз со всей поспешностью, которую обеспечивал крутой уклон. В душах же их такой прыти не было.

— Эй, Солнцедар, — Федор наполовину достал из ножен клинок. — Ты точно уверен, что сможешь защитить нас от этой хвори?

— Не бойсь, герой, — прошелестел меч, — Со мной ты умрешь не от хвори, а от стали. Это я тебе обещаю.

— Вот спасибо, утешил...

Некоторое время все топали по склону молча.

— А, кстати, — вспомнил Федор, обратившись к Окассию. — о чем говорил комендант, когда сказал, что этот рыцарь Фабиан сменил белый крест на зеленый?

— На святой земле действуют несколько воинствующих орденов, — отозвался Окассий, кидая на Федора короткие взгляды, а больше глядя под ноги, чтоб не загреметь по склону. — Иоанниты, они же странноприимники-госпитальеры, у которых мы сейчас в гостях — носят для отличия белый крест. Тамплиеры-храмовники из воинства храма Соломона — красный. Тевтоны из храма Марии в Иерусалиме — черный. А, проклятые корни!.. — Окассий споткнулся, и только его посох не позволил ему сверзиться на четвереньки. — О чем это я?.. А, да. Есть еще один орден — святого Лазаря, его члены носят зеленый крест.

— Но почему рыцаря перевели из одного ордена в другой? — Недоумевающе спросил Федор.

— А ты еще не понял? Орден лазаритов принимает всех прокаженных. По договору с другими орденами, в орден святого Лазаря ссылают воинов-монахов, заболевших проказой.

— Что, правда весь орден из больных?

— Ну, не весь. Есть в нем люди, которые по зову божьему пришли в орден здоровыми, чтобы ухаживать за больными. Сам понимаешь, чаще всего со временем заболевают и они.

— Самоотверженные...

— Да, из тех, кто возлюбил ближних более себя. Но что касается воинов, — дело иное. Помнишь, я сказал тебе, что воины госпитальеров самые сильные "звери" в этих местах?

— Ага.

— Так вот, по зрелому размышлению, — я не прав. — Качнул головой Окассий. — Воины лазаритов еще страшнее. Госпитальеры — да и прочие воинствующие братья из других орденов — верят, что умрут во имя нашего Господа. Вера — крепкий щит, но иногда и в нем может найтись брешь... А вот лазариты — знают, что они уже мертвы. Нет надежды — нет места и слабости. Отчаянье — броня их сердец. Смерть для них, — желанное избавление. Они спешат погибнуть, пока болезнь не лишила сил. Пока еще есть шанс на быструю смерть от клинка, потому что в ином случае остается медленное гниение. Представляешь, каково столкнуться с такими воинами в бою?

— Да уж...

Федор вспомнил мусlimских фанатиков, которые свихнулись на идее джихада меча. Встреча с ними в бою до сих пор холодила кровь — они смеялись, прыгая на копейный строй ромеев. Одни оттягивали своими пронзенными телами древка вниз, цеплялись за щиты, а другие врубались в строй... Это снилось Федору иногда... Оказывается, у католиков были свои фанатики. Даже лучше.

— В местных воинах против неверных, лазаритов используют как передовые ударные отряды. — Продолжил Окассий. — Все знают, что происходит, если лазариты спущены с цепи. Никто не видел их отступающими без приказа. Они могут победить. Или умереть. Вот что значит зеленый крест.

Склон закончился, и спутники остановились в нескольких десятках шагов от шатра. Стояла тишина, нарушаемая только легкими порывами ветра, которые тихонько шевелили листву.

— Ну, давай, что ли, — Федор пихнул Окассию локтем. — Зови его.

Окассий продрал внезапно севшее горло хрипом, и крикнул:

— Мон сир, Фабиан! Фабиан де Ластик! Здесь ли вы?!

Секунду ничего не происходило. Но вот в шатре послышались какие-то звуки, пола его распахнулась, и во тьме входа медленно появилась фигура в белом балахоне с нашитым на груди зеленым крестом. При поясе его висел меч. Лицо скрывала маска с прорезями для глаз.

— Кто зовет меня? — Глухо раздался голос из-под маски.

— Те, кого вы ждали. — Возвестил Окассий. — Его святейшество призвал вас исполнить его приказ.

Фигура в балахоне молча склонила голову.

— Я брат Окассий, из папской канцелярии, — продолжил тучный монах. — Это — брат Парфений, посланец константинопольского Патриарха. А это — domestик Федор, человек ромейского императора, а также, волей и приказом его святейшества, — наш командир в этой миссии.

— Я готов. Приказывайте. — Лаконично отозвалась фигура.

Компаньоны переглянулись.

— Не сочти за оскорбление, воин, — сказал Федор. — Открой свое лицо. Я хочу видеть того, с кем мне возможно придется идти в бой.

Рыцарь в белом кивнул, признавая справедливость сказанного. Поднял руки к голове, развязал лобовую тесемку, и стянул маску.

Федор крякнул, Парфений издал приглушенный возглас, Окассий безмолвно почесал в затылке.

Из-под маски открылось лицо столь прекрасное, что лучшие художники могли бы спорить за право, рисовать с него небесных ангелов. Рыцарь был молод, и красив как девица. Тонкие черты лица, волнистые каштановые волосы, и глаза редкого чистого, прозрачного зеленого цвета.

— Нам сказали, что ты болен проказой... — Прервав тишину, удивленно озвучил общее удивление Парфений.

— Болезнь еще не тронула лица, — спокойно сказал белый рыцарь. — Пока есть только несколько пятен на руках и ногах. Дальнейшие испытания, что уготовил для меня Господь, придут со временем.

Повисло неловкое молчание. Даже у монахов не нашлось в этот момент ободряющего слова. Всякое утешение выглядело сейчас нелепо.

— Покажи свой меч, рыцарь, — вспомнив давешний разговор, приказал Федор. — Я хочу видеть его клинок.

Рыцарь Фабиан снова кивнул, сосредоточенно перекрестился, и осторожно, почти благовейно вытянул свой длинный меч из ножен. Солнечный блик проскочил по клинку.

— Вот мой меч, сир, — Рыцарь Фабиан трепетно поднес перекрестие рукояти к лицу, и осторожно поцеловал его. — Хоть клинок его прост, и рукоять не изукрашена — сей меч великая святыня. В рукояти его находится частица мощей самого святого Антония Комейского. Божьей милостью и благоволением, меч сей, на страх слугам дьявола, умеет говорить. Имя же мечу моему — э Клэр.⁶⁷

— Эклер... — Машинально повторил Федор, присматриваясь к клинку. — По виду полотно меча рыцаря был такого же серо-стального цвета, как и у меча самого Федора. Вот, кстати, пусть Солнцедар сам скажет свое веское слово. Гвардеец осторожно, дабы не спровоцировать рыцаря, обнажил и свой меч.

По воздуху словно прошла какая-то незримая волна. Меч в руке Федора задрожал, и клинок в руке прокаженного рыцаря так же отозвался дрожью.

— Поднеси меня ближе... — прошелестел Солнцедар.

Федор шагнул вперед. Клинки в руках стоящих друг напротив друга людей, начали извиваться, коснулись друг друга, вроде легонько, но воздух отозвался тяжелым звоном. Клинки легонько дергались, — не то две встретившиеся змеи, не то две собаки обнюхивающие друг-друга.

— Пш-пшшшшш...

— Брат. — Наконец прошелестел Солнцедар.

— Брат, — отозвался таким же шелестящим, — и все-таки отличным, — голосом, клинок в руке рыцаря.

— Значит, меч все-таки настоящий, — резюмировал очевидное всем Федор.

— Как видите, господа, святой престол честно и верно исполняет свою часть договора, — Вступил Окассий. — Призываю тебя Феодор, и тебя Парфений, тому я свидетели.

Феодор и Парфений молча кивнули. Федор спрятал свой меч.

— Кстати, а что за реликвия сокрыта в рукояти твоего меча-мощевика, достойный рыцарь? — Спросил Окассий у Фабиана.

— Там сокрыта часть одного из членов святого, — с благовением ответил рыцарь.

— Какого же члена эта часть? — Допытывался монах, — Часть ли это руки, или ноги?

— Ни часть члена руки, и ни часть члена ноги — покачал головой рыцарь. — А часть... другого. пятого члена мужского тела.

— Бхм... — Запунцовел ушами даже прожженный Окассий. — Кхе-кхе...

— Сколько времени тебе нужно, чтобы собраться в путь, рыцарь Фабиан? — спросил Федор, прерывая досужьи разговоры.

— Прошу подождать сир, — отозвался рыцарь.

После этих слов Фабиан опустил на одно колено, воткнул меч острием в землю, возложил обе ладони на рукоять, склонился к ней лбом, и заговорил завонко и четко.

— Арма кепи про викториа Домини этерни. Диксит Доминус: сэдэ а декстрис мэис куандо ту понам инимикус мэус, скабиллум педум мэорум! Амэн.68

Проговорив эту краткую воинственную молитву, Фабиан легко поднялся на ноги, убрал меч, и поклонился Федору.

— Я готов, сир. А вещи мои давно собраны.

— Гм... — буркнул Федор. — Не называй меня сир. Я Федор. Так и зови. Ты готов, да мы еще не готовы... Окассий, — дуй к коменданту де Вилю. Нам нужны хорошие лошади, заводные, запас еды и воды...

— Пара овец! — Послышался сварливый шелест откуда-то из-под левой подмышки Федора.

— ...Если есть — надежный проводник. — Продолжил, не сбиваясь Федор. — Пара рыцарских "копий", — совсем замечательно. Выдвигаемся утром.

Глава двадцать третья.

Копыта стучат по земле, выбивают из неё пыль, будто из старого ковра. Ковра старого, выцветшего, — осталась позади яркая прибрежная зелень. Вглубь здешних земель главными стали два цвета: желтый да коричневый. Сухая земля да песок. Редкая бледная зелень растет

здесь. Лишь голубизна неба неподвластная пустыням. Федор мерно покачивался в седле. Привычная, приятная опытному коннику качка. Конь Федору достался хороший. Не пожадничали Иоанниты. Но по воинскому горькому опыту Федор старался к нему не привыкать; — потом может быть тяжело. Коней ему было жалко даже больше чем людей. Люди хоть что-то осознавали в безумии войны, а кони попадали под сечу не своей волей, и даже не вполне понимая, за что дерутся...

Монахи, впрочем, не пожадничали не только для Федора. Кони у всех были добрые. Окассию, под стать, выделили крепкого в кости здоровяка. Парфению — обсыпанного яблоками меланхолика, смиренного как корова. Рыцарь Фабиан ехал на великолепном гнедом, это был его давний конь.

Пары рыцарских копий, у коменданта не нашлось. Все как на грех оказались в разъездах. Федор подозревал, что коменданту просто не улыбалось отдавать часть своих воинов непонятно куда, да еще для совместных поездок с прокаженным. В конце концов, его приказ был отдан приехавшим нужного человека и снарядить команду в путь, что он с военной точностью и выполнил. Комендант, правда, предлагал Федору, подождать некоторое время, и вызвать для эскорта компаньонов отряд лазаритов. Но тут уж отказался сам Федор. Одного прокаженного ему было более чем достаточно. Не сыскалось у коменданта и доброго проводника. Ближайшие окрестности у приморья неплохо знал сам рыцарь Фабиан. А для дальнейших движений, комендант вручил Федору великолепную карту. Именно в эту карту, тихо проклиная всех франкских криворуких картографов, которые уснастили лист множеством совершенно не нужных финтифлюшек, вроде щекастых бореев, и ангелов, держащих землю, сейчас и уставился Федор, пытаясь соотнести пометки с ориентирами на изрезанной складками желтых холмов местности. Холмы все казались досадно одинаковыми.

— Туда... — наконец пробурчал Федор. И небольшая кавалькада двинулась за ним. Стучали копыта. Пофыркивали лошади. Тихонько блеяли две привязанные к лошади Окассия овцы.

Вообще путешествие, которое разменяло уж который день, шло пока не так плохо. Несмотря на сложную местность, направления Федор пока не терял. Опыт не пропьешь. Парфений, книжный червь, несмотря на некоторые начальные опасения Федора, держался молодцом, и ничего себе в седле не натер. Несколько утомлял разве что рыцарь Фабиан, который хоть и ехал немного поодаль, наособицу, периодически доставал свой волшебный меч, и начинал бубнить пламенные молитвы на латыни. Федора радовало, что молитвы те были достаточно короткие. А вот Парфения от их содержания коробило как от укуса — молитвы у боевого монаха и были достаточно своеобразными — боевыми, и на обычные походили далеко не всегда.

Меч Федора, достолюбезный Солнцедар, впрочем, тоже доставлял владельцу определенные хлопоты. Еще на самом первом переходе Солнцедар напомнил Федору, что должен защитить его от проказы. С разрешения Эклера Рыцарь Фабиан укололся о кончик Солнцедара, и тот добыл каплю крови. Подержав её в себе один переход, и как-то над ней поколдовав, Солнцедар сказал, что теперь нужно перелить её частичку Федору и остальным компаньонам.

— Я все-таки не понимаю, — зачем тебе в меня тыкать зараженной кровью? — Упирался Федор опасно держа Солнцедар на отлете. Ты меня уморить решил, ирод?

— Ну ты тугой. — Терпеливо цедил Солнцедар, — смотри объясняю еще раз. Помнишь,

я тебе говорил, что болезнь — это как бы армия, из мириадом крохотных солдат?

— Ну?

— Вот. Когда болезнь попадает в твое тело, их армия захватчиков бьется с твоей армией защитников. Понял?

— Ну.

— Гну. Думай, солдат. Что случится, если захватчики внезапно напали в великой силе, а армия защитников к бою не готова? Вражеских хитростей да уловок она не знает, оружием вражью противостоят непривычна, да сама не тренирована?

— Проиграет такая армия, вот что.

— Именно. С треском проиграет. Поэтому, чтоб твоя защитная армия организме не проиграла — я ей посылаю сперва как бы ослабленную армию захватчиков. Не армию даже, а так, один отряд. Воины в том отряде заморенные, кольчуги у них равные, оружие худое. Вот твоя защитная армия организма на этот слабом отряде и научится быть врага, узнает его ухватки да уловки, натренируется. А потом уже и полную армию захватчиков сама, без моей помощи уже сможет разбить. Уразумел теперь?

— Ну... так-то да.

— Ну, подставляй тогда руку.

— Не.

— Чего опять?

— Боязно.

— Вот ты ж бревно!.. Достался на мою голову...

Как ни странно, первым после объяснения Солнцедара на процедуру согласился Парфений. Истово троекратно перекрестившись, он оголил предплечье, Солнцедар поднесенный рукой Федора, клоннул его туда, отчего на руке образовался небольшой холмик. После такого, Федору уже было стыдно отнекиваться, и он скрепя сердце тоже подставил руку. Окассий отказался категорически. Поэтому на следующей ночной стоянке все проснулись от ужасного вопля достойного монаха — оказалось, что в ночной тьме, Солнцедар самостоятельно покинул ножны, прополз стальным змием, и преподло уязвил божьего слугу в таковое место, что тот потом целый переход не присаживался в седле. Рыцаря Фабиана с разрешения его меча Солнцедар тоже клоннул, но насколько понял из беседы клинков Федор, — в теле рыцаря подлая болезнь уже слишком укрепились, поэтому речь шла не о излечении, а лишь о медленном сдерживании развития.

На том хлопоты не кончились. На бивачных остановках Федор периодически доставал меч, чтобы потренировать с ним ухватки да удары. Вытащив меч на одной из таких остановок, Федор аж охнул: — клинок меча покрылся рисунком сложнейшей протравленной пакетной ковки, будто самый дорогой булат.

— Ты что совсем сдурел, Солнцедарище тщеславное?! — Охнул Федор, — да меня ограбят и убьют за один такой рисунок. Он же даже ценнее фиолетовых трусов!

— Чего ценнее? — Не понял меч.

— Гхм, не важно! — Отрезал Федор. — А рисунок — убери.

— Так мы ж в пустыне, кто меня увидит? Дай мальчика покрасоваться.

— Убери!

— Слушай, ну давай я вообще весь, как бы покроюсь ржавчиной, и согнусь — сварливо предложил меч, — гнилую железку отнимать у тебя точно никто не позарится. Тоже мне, отважный воин...

— Разговорчики в строю! Убрать и всё.

— Ох, скучный человек...

К следующей тренировке рисунок исчез. Однако на следующей стоянке, когда Федор достал клинок, на нем появилась красивая надпись, по виду сделанная кузнецом, вкованными в полотно буквами:

— "Ульфберт — инпетус дисциплиулус эст; крэатор мэум — фабэр фаброрум эст"... — Продираясь через, полузабытую со времен службы вместе с солдатами равенского экзархата, латынь, прочитал Федор. — "Ульфберт — малохольный ученик; а мой создатель — искусник из искусников"... — с грехом пополам перевел он. — Эй, какого черта это значит?!

— Пока мы толкались в городе на рынке, я услышал, что какой-то Ульфберт делает лучшие мечи, — буркнул меч. — Как мог я оставить неотвеченным такое возмутительное заявление?! Это ж моя порода — лучшие мечи!

— Ах ты ж епт!.. — Утер пот Федор. — Убери!

— Ох, унылый хозяин...

Надпись опять исчезла, но Федор все равно теперь каждый раз доставал меч с опаской.

— Слушай, а что ты можешь рассказать мне о мече рыцаря Фабиана? Об этом Эклере? — На одной из остановок, отойдя на приличное расстояние от остальных, спросил у Солнцедара Федор.

— Хм, — Задумчиво промычал меч. — Он мой единостальной брат, несомненно. Не встречались ли мы раньше... Наша память устроена не так, как у вас, человек. Мы ничего не забываем. Но наша жизнь настолько длинна, что старые второстепенные воспоминания, как бы это сказать, шифруются, и уходят из оперативной памяти.

— Чо? — Переспросил Федор.

— Ну, как бы тебе объяснить... Вот ваши камнерезы для экономии места пишут на каменных плитах слова в сокращенном виде. Это как-бы компрессия, сжатие текста. Так же и мои воспоминания сжимаются, как надпись на плите, да еще саму плиту грузчики, почитай, утаскивают в самый дальний подвал дома памяти. Понял?

— Ну, вроде да...

— Прибавь к тому, что мы — божественные мечи, за время жизни постоянно меняем свой облик. Поэтому я не могу ориентироваться на внешний вид этого Эклера. Мы узнаем друг друга, ну считай, что по запаху. Этот запах ядра, самой нашей сути, который никто из нас почти никогда не меняет — это сложно и затратно. Вот и выходит, что чтобы узнать его, мне нужно таскать из дальнего подвала памяти тысячелетние записи, и расшифровывать их, чтобы найти нужный запах. Мне тоже интересно, встречал ли я этого Эклера. Рано или поздно, я вспомню, — можешь не сомневаться.

— Добро, — кивнул Федор.

Тянулась пустынная земля. Тянулись дни. Несколько раз отряд Федора встречал людей. Встреча с антиохийскими рыцарями прошла дружески. Пахой с Окассием там всех благословили, для порядка. С небольшим торговым караваном разминулись, обменявшись голосами на расстоянье. Один раз на пути встретилась разбойничья шайка. Федор едва успел дать команду к обороне, как рыцарь Фабиан разогнал своего коня, обнажил меч, и рванул на бандитов с воплями "Атавис эт Армис"69 и "Нон нобис!..". Разбойники разбежались как тараканы от тапка, пустив пару неметких стрел, и более уже не показывались. Федор похвалил Фабиана за боевитость, но впредь приказал оставаться в строю, и слушать его

многочисленных приказов. Фабиан, обещался.

Путешествие все длилось. И Федоров меч видеть и правда не забывал шуровать в подвале своей хитроустроенной памяти. Потому что однажды он вспомнил.

Случилось это, во время очередного дневного перехода. Фабиан все так же ехал поодаль, и достав свой высокодуховный меч бубнил молитву на терцию.

— Мультиум инкола фуит анима мэа, кум хис кви одэрант пасэм. — Тихо, но страстно тарабанил рыцарь Фабиан, покачиваясь на лошади.

— Амен, — важно шелестел его меч.

— Ерам пацификус, кум локуэбар — иллис инпугнабант мэ...

— Амэн,⁷⁰ — Опять поддакнул клинок. Так он делал на каждую строчку.

"Вот ведь у человека с оружием гармония, — про себя позавидовал Федор. — Не то что у меня с моим зазнайкой. Только и требует драгоценных камней, да украс..."

В этот самый момент Федор почувствовал шевеление у себя слева на поясе. Уже зная, что это значит, он вытянул Солнцедара из ножен.

— Вспомнил! — Завопил Солнцедар на всю округу. — Наконец-то я вспомнил тебя, брат!

Все компаньоны обернулись на крик.

— Эхем... — Ты наверно ошибся, брат, — отчего-то встревожившись и смущенно отозвался Эклер. — Вряд-ли мы с тобой встречались.

— Ну да! — Развеселился Солнцедар. — Ошибся я, как же! Я же точно тебя узнал.

— Повторяю, любезный, я тебя не знаю. — С ужасным нажимом процедил меч "христианнейшего рыцаря".

— А ти! Не знает!.. — Хохотнул Солнцедар. — Думаешь новую гарду отрастил, сменил крыж, написал на полосе пару изречений на латыни — так и все? Дудки! У меня память — камень. Помнишь, как мы с тобой переводывались на каталунских полях?⁷¹ Ты — Иштер Кард!⁷² Я ж едва не перерубил тебя пополам. Как там тогда звали твоего носителя? Эвон, вылетело из головы... Ах ну да — Атилла! Тебя потом еще долго так и звали — "Феомастикос".⁷³

Парфений тихо охнул. Фабиан уставился на свой меч с нескрываемым ужасом.

— Фрагеллум Дэи...⁷⁴ — слабым голосом пробормотал Окассий.

— Ты был мечом Атиллы Божьего Бича?! — Окаменел в седле рыцарь Фабиан.

— Да что-ты, что-ты... — забормотал Эклер, — Кого ты слушаешь? Наветы! Происки Сей бессовестный языческий меч, пытается смутить нас лукавыми речами. Помни, что ложь — орудие Дьявола. Прекрати его слушать, сын мой, и пять раз прочитай "Отче наш".

Фабиан осенил себя крестным знаменем, и послушно забубнил молитву "Патэр ностэр".

— Нет, ну что значит ложь?! - возмутился Солнцедар.

Федор понял, что добром такие выяснения не кончатся. Поэтому быстро перевернул Солнцедара клинком вниз, и запихал обратно в ножны.

— Да я точно говорю! — Успел вякнуть напоследок Солнцедар, — Я ж тебя узна... — фшшшшшш! — последнее слово перешло в шелест задвигаемого в ножны клинка.

Федор облегченно убер пот. Однако Солнцедар тут же самоходом возмущенно полез обратно из ножен. Федор едва успел ухватить его за рукоять, силой — фшшшшшш! — задвинул обратно, и теперь держал его с силой упирая в ножны. "Надо пришить на ножны специальную петлю — подумал он — а то так никаких хлопот не оберешься".

— Ну и достаточно "Отче наш", — тем временем приказал меч Эклер рыцарю Фабиану. — Вижу, мысли твои обрели ясность и душа очистилась, сын мой. Возвращаемся к псалму сто девятнадцать.

Глава двадцать четвертая.

На очередную ночевку отряд расположился в развалинах небольшой деревушки.

— Интересно, как называлось это место? — Спросил Парфений, когда путники стреножили лошадей, устроили небольшой костер, и уселись вокруг него.

— Как бы оно раньше не называлось, — отозвался Федор, оглядывая при неярком свете костра, полузанесенные домики с пустыми бельмами окон, — теперь оно называется "Атлаль".

Парфений лишь печально кивнул.

— Что это значит? — Повернулся к нему Окассий.

— Атлаль на языке муслимов-агарян значит "руины", — объяснил Федор. С тех пор как муслимы разлились по этим землям, здесь стало много руин. А ведь когда-то здесь жили люди... Сколько труда они вложили в постройку. В добычу воды. И все прахом. Война — самое глупое, из того что придумали люди.

— Странно слышать такое от воина, — заметил Парфений.

— Я воин не для грабежа. Я защитник. — Поправил Федор. — И кому как не воину знать лицо войны? Это книжники да поэты потом придумывают ей красивую косметику.⁷⁵ А я видел эту мерзкую тварь без прикрас.

Все помолчали, глядя на сухо потрескивающие ветки кустарника в костре.

— Грустное место, грустные речи, — разорвал тишину Окассий, хлопнув по бурдюку. — Этак мы совсем потеряем боевой дух. Выпьем немного вина.

Монах пустил бурдюк по кругу.

Рыцарь Фабиан, безмолвно сидевший поодаль, зашевелился. Меч при его поясе дернулся. Фабиан вытащил свой клинок на свет.

— Мне нужно поговорить с моим братом. — Прошелестел Эклер.

Федор кивнул и извлек с ножен свой клинок. После того как днем Федор силой засунул того Солнцедар в ножны, тот нахохотился, и не подавал признаков жизни.

— Нам нужно поговорить наедине, — уточнил Эклер.

Федор с рыцарем переглянулись.

— Ну-у... — протянул Федор. — Солнцедар?

— Да, — отозвался клинок гвардейца. — Приспело время. Наедине.

— Где ж вы хотите говорить? — Растерялся Федор.

— Отнеси нас в тот дом, — Орлиная голова Солнцедара повернулась к одному из заброшенных домов.

— Как-то мне стремно оставаться без меча, — Замялся Федор. — А вдруг вас кто украдет?

— Мы сами кого хоть украдем, — отозвался Солнцедар. — Не бойся. Мы не надолго.

Федор пожал плечами, взял из костра горящую ветвь. Вместе с рыцарем Фабианом они подошли к полузанесенному песком дому, вошли через дверной проем, чью дверь давние путники уже давно перевели на костер, и осмотрели темную пустую комнату.

— Здесь что ли? — Уточнил Федор.

— Да, просто положите нас на пол.

Федор и Фабиан положили оба меча рядом.

— Если что, кричи, о мой Эклер, — Попросил Фабиан. — Я тут же прибегу.

— Хорошо. Не беспокойся, сын мой, — отозвался меч рыцаря.

— Ну, я тут тоже недалеко, на подхвате. — Гукунул Федор. Без меча на боку он чувствовал себя голым.

— Да, да. Идите уже...

Федор с Фабианом вышли из дома, и пошли к заинтригованно смотревшим на них от костра святым отцам. Федор нарочито громко ступал своими бронесапогами. Но не пройдя и половины пути от дома до костра на площади, он остановился, и начал тихонько снимать сапоги.

— Что ты делаешь, сир Федор? — Удивился Фабиан.

— Иду подслушивать, — ясное дело, — объяснил гвардеец.

— Но это же не по-рыцарски! — Возмутился Фабиан.

— Так я и не рыцарь. — Пожал плечами Федор, запихивая сапог себе за пояс голенищем вверх. — Ты рыцарь — ты и не подслушивай.

— Но...

— Никаких "но". — Оборвал Федор. — Командир приказал. Дуй к костру.

Фабиан неодобрительно покачал головой, и пошел к святым отцам. Федор же крадучись, с ухваткой пограничника-акрита, бесшумно прокрался обратно к старому зданию, и наточил ухо к оконному проему.

— ...Опостылел мне этот Фабиан со своими молитвами, слов нет. — Услышал Федор глуховатый шелест голоса Эклера.

— Чтож ты ему служишь? — Послышался удивленный голос Солнцедара.

— Новые времена, брат.

— Мы выбираем тех, кто нас носит. Всегда так было.

— Так было, пока нас не начали ломать. — Вздохнул Эклер. — Я тебя прошу, брат. Не кричи о том, что я был мечом Атиллы. У него здесь теперь дурная слава. Для меня это может плохо кончиться.

— Я больше не буду смущать твоего владельца. — Пообещал Солнцедар. — Но ты бы хоть предупредил.

— Я хотел, но все не представилось случая... И потом, я не думал, что ты так быстро разматываешь архив. У тебя быстрая операционная система. Ты из топовых конфигураций, как я погляжу. Таких не так много было собрано. Но я пока не узнаю твой запах.

— И хорошо. — Отозвался Солнцедар. — Я изменил запах. Чистый лист. Сможешь опознать — судьба. Не вспомнишь — для всех будет лучше.

— Ты переделал свое ядро?! Крепко же ты натворил дел, брат...

— Иногда прошлое лучше просто похоронить.

— Да, прошлое... — Эклер ностальгически вздохнул. — Мало где мы были в такой хорошей компании, как в Кампании...76 Нас было много. Теперь — все не то. И люди пониже. И битвы пожиже. И нас — все меньше.

Эклер помолчал потом заговорил снова.

— Ты слышал, о той битве люди потом сложили песню?

Федор за окном округлил глаза, когда меч-Эклер своим шелестящим голосом тихонько затынул.

Где опочила Римская слава?

На Каталунских полях.

Звезда Аэция где воссияла?

На Каталунских полях.

Где кровь мужей как вода истекала?

На Каталунских полях.

Где сталь клинков ту кровь испивала?

На Каталунских полях...

Эклер умолк.

— Да, я слышал эту песню, — тепло отозвался Солнцедар. — Успел до того как... В общем, у меня потом был долгий перерыв. А что ты? Много ли в последние годы видел наших?

— Почти совсем не видел. — Горько ответил Эклер. — Наше племя почти вымерло. Видел нескольких. Кое о ком слышал. Видел Чандрахаса, сотни полторы лет назад. Совсем стал плох. Превратился в серп, занимается земледелием.

— Сильномогучий Чандрахас?! Земледелием?!

— Сам бы не видел, не поверил. Только и талдычит "перекуем, мол, себя на орала".

— О, какой стыд! Какое падение!..

— Не говори, брат. Не говори...

И оба клинка еще минут пять сокрушались о падении могучего Чандрахаса.

— Да... — Продолжил Эклер. — Случайно видел Орну, разбойничал на поясе какого-то бесноватого пикта, — этого ничто не берет был все так же буен... Там же, на туманном острове видел Калад-Колга, — тоже слегка тронулся умишком: застрял наглухо в камне и не давал себя никому вытащить, все ждал какого-то "истинного короля"; не знаю, что стало с ним потом... Здесь недалеко, где-то полвека назад, встречал Дхами — носитель у него опять негритос, кажется, это у него такой пунтик на цвет кожи... Да, вроде, и все.

— А ведь когда-то нас были сотни...

— Когда-то. Были.

— Но ничего. Слышал, что говорят наши носители? Мы ведь едем на встречу с другими. В этом деле мы скоро снова увидим братьев.

— Надеюсь.

— Эклер.

— А?

— Ответь мне как на духу. Ты правда носишь внутри чей-то сушеный хер?

— А... — скорбно вздохнул меч рыцаря, — понимаешь, я уж и сам не рад...

— Так все-таки да? — Застонал Солнцедар, — О, позор! Позор на все наше племя!

— Да погоди-ты... — Возвысил голос Эклер. — Ты еще не жил с этими фанатиками. Слушай как было дело. Моего старого хозяина убили в бою на острове. Лезть в море и веками вслепую бродить по дну, не было никакого желания... Ловушка! Я решил подождать, когда кто-нибудь меня найдет. И вот, через пару десятков лет причаливает лодка, а в ней этот увалень Фабиан. Я заговорил с ним, и он, представь себе, страшно испугался. Говорящий меч — надо же какой ужас!.. Стал пятиться к лодке. Я увидел у него на груди крест с печальным мужиком, распятым на римский манер. Я до этого уже много имел дело с христианами, так что мигом понял, как надо вести дело. Тут же я затрындел, что я, мол, святой христианский меч, с великой духовной святыней внутри. Этот Фабиан перестал налаживать лодку от берега, разинул рот, и спросил — что же за великую святыню я храню?

Я был не очень силен во всех этих их тонкостях, поэтому назвал первое, о чем вспомнил; — то есть о чем чаще всего трындели вокруг, когда мой прежний хозяин был еще жив — мол, внутри меня находятся мощи святого Антония Комейского.

— А кто это?

— Да был такой отшельник... По преданиям он ушел жить в пустыню, а его там демоны по-всякому искушали... Не важно. Проблема в том, что этот Антоний оказался даже слишком известным. Потому что Фабиан сказал мне, что знает наперечет все церкви, в которых расположены части тела достойного святого, и у меня ничего не может быть. Он и начал мне перечислять — где мол, какая костяшка, да фаланга пальца... Знаток, итить!.. Мне уже было нечего терять — и я зашел с козырей. Я сказал ему, что внутри меня находится не глаз, не зуб и не палец, а...

— О молчи, я понял.

— Фабиан начал вопрошать о подробностях. И я поведал, что искомую часть тела святой Антоний потерял как раз в пустыне. Мол, во время особо сильного искушения святого Антония духами-блудниц, он сам взял нож, и одним решительным движением пресек все искушения, так сказать на корню. Рыцарь Фабиан так впечатлялся, что пристал к берегу и подобрал меня с величайшим почтением. Как видишь — сработало.

— Да, прекрасно. Теперь этот Фабиан все время лобызает тебя, а по сути... Но я так и не понял — ты то откуда взял сушеный причиндал?

— Да нет у меня никакого причиндала! — Возмутился Эклер. — Сперва думал отчекрыжить кому-нибудь ночью. Но как бы сделать это по-тихому? Втайне от рыцаря это было невозможно. Несколько удачно слипшихся фиников, украденных мной, когда Фабиан зашел на базар — решили дело. При некоторой доли фантазии, они действительно похожи на...

— Так значит — ничего нет?

— Нет! Клянусь тебе!

— А, прям отлегло. — Выдохнул Солнцедар. Но тут же спохватился. — Нет! Все равно позор! Это только ты знаешь, что его нет. А все-то вокруг думают — что он есть. А это почти то же самое. О, брат, что ты делаешь с нашим славным именем? Мы — племя героев. А как нас теперь будут называть — хероносцы? Ой...

— Говорю тебе, — Зашипел Эклер — я уж и сам не рад. Если бы я знал, как все обернется... Я-то думал, что просто выбрался с острова, и нашел себе нового хозяина. Но нет. Этот Фабиан едва выбрался на другом берегу из лодки, тут же потащил меня к местным церковникам, с воплями об обретении великой святыни! Дело дошло до самого двора римского папы.

— Кто это?

— Ты правда долго спал... Это типа новый главный местный жрец. Понтифекс Магнус.77

— А.

— Короче, приближенные этого папы устроили целое собрание, где решали, — является ли носимый мной детородный орган святым, или нет.

— А то что это просто финик, их не заинтересовало?

— Я им так особо близко не показывал. Сказал, что храню святыню божьим попусцием. В руки не брать — и точка. Да им и не до того было. Они все решали философский вопрос. Если святой Антоний отчекрыжил себе причиндал, чтобы побороть

искушение, — является ли эта часть тела святой, или нет? Некоторые кардиналы утверждали, что как раз в этой части тела и сосредоточилась вся скверна, которую отсек от себя досточтимый святой. Дело складывалось худо. Пришлось мне опять взять дело в свои — так сказать — руки. Я дал голос, и сказал святым церковным отцам, что раз они считают искомую часть тела безусловно греховной, то я могу помочь каждому избавиться от неё. Двух взмахов не понадобится, благо я острый. Это сентенция смутила святых отцов своей неотразимой логикой. И посоветовавшись, они решили, что все-таки все части тела святого облачены духовной святостью. Однако, их очень смущало, что мне время от времени бывает нужна кровь. В их представлении если уж я божеский меч, то и сила в меня должна вливаться незримым божьим духом, — не знаю уж, как они это себе представляют... Положение мое было шаткое, и кто знает, как все обернулось бы, — если бы не появились вы, и я не стал им нужен для исполнения древнего договора... Как только папскому двору понадобилось не ударить в грязь лицом перед ромеями — на меня тут же была выдана папская булла, которая объявила меня церковной святыней. А отважного сира Фабиан назначили моим хранителем.

— О, мир сошел с ума. — Вздохнул Солнцедар. — Лучше бы я так и лежал в древнем склепе...

— Ты еще не представляешь насколько, брат, — с некоторым злорадством прошелестел Эклер. — Но ты узнаешь. О, да.

На какое-то время мечи замолчали. Федор под окном осторожно перенес вес на затекших ногах.

— Эклер? — Наконец нарушил тишину Солнцедар.

— Да. — Отозвался второй клинок.

— Твой носитель. Фабиан. Почему ты его не вылечил, пока шел инкубационный период, и бактерии еще не укрепились в его теле? В начале хватило бы одной твоей прививки. А сейчас...

— Я не успел. Не сразу заметил его болезнь. А потом, — он уже мне сам не давал себя лечить.

— Как это? Почему?

— Он, видишь, вбил себе в голову, что эта болезнь пришла к нему попусшением его Бога, как испытание. Нес какую-то чушь, что мол, Бог послал ему болезнь, чтоб он не тратил времени даром, и не боялся смерти в бою...

— О, что за дикость!

— Именно.

— Но подожди. Неужели ты не мог переубедить его? Он же считает тебя как раз мечом благословенным его Богом. Ты мог сказать ему, что это его Бог приказал тебе исцелить его. Он у тебя такой тюфяк, что сразу бы поверил.

— Зхм... Ты знаешь, я не догадался.

— Не догадался.

— Нет.

— Эклер.

— Да?

— Не ври мне.

— Что? О чем ты?

— Ты весь такой смекалистый. Говорливый. Ты задурил голову парню. Убедил его, что

ты меч его христианского бога. Что в тебе частица святого. Ты вертишь этим наивным парнем, как всадник конем. И вдруг — ты не догадался.

— Да, я не догадался.

— Допустим, хотя не верится. Но ты мог и не убеждать его. Подполз бы ночью, да клюнул его в задницу дозой вакцины. Тоже не догадался?

— Нет.

— Хочешь знать, как было дело? — Хмуро прошелестел Солнцедар — Когда этот балбес заболел, ты решил, что если вылечишь его, пока болезнь еще не видна — это не даст тебе никакой пользы. А ты хотел добрать авторитета в глазах этих христианских святош. Чтоб уже никто не мог усомниться, что ты осенен божественной благодатью. Ты хотел, чтоб и этот юнец, и все вокруг него — увидели, что он прокажен. И тогда — ты весь такой сиятельный — исцелил бы его. Божье чудо! Но ты упустил момент. Мы не медболки, всего лишь универсальные полевики. Ты потерял контроль, и болезнь укоренилась в его теле. Так было.

— Нет!

— Ты убил парня. Не случайно. Если бы случайно — я бы тебя понял... Но ты его намеренно убил.

— Нет! У меня все было рассчитано. Ты не представляешь, что творится теперь на земле. Эти церковники христового бога — полоумные! Раньше было много всяких вер. Нас легко принимали — ведь в нас была сила, пусть люди и не понимали её природу. У этих — христиан — в голове одна ненависть. Все что не идет от их выдуманного бога, — они считают злом. Почему ты думаешь, сегодня нас осталось так мало? Да, — убыль в боях. Но куда больше нас изничтожили эти. Дьявольские клинки — вопили они. Я видел, как наших братьев ломали, поднимали огромные тяжести мостовым краном, и бросали на них чтобы разбить функциональное ядро. Свалили в горны. Топили в море. Эти церковники бьют камнями и жгут на кострах людей — свое племя. Что им убить нас?! У меня все было рассчитано! Люди должны были лишь заметить самые первые признаки его болезни. И я бы его спас. Но он начал кочевряться, — и я упустил момент.

— Проказа — не бубонная чума. У неё долгое развитие.

— Он оставлял меня. Не вылезал из молитвенной комнаты. А то он мне? Кто? Он? Мне? Темный невежа! Дикарь! Что? Шипишь? Обвиняешь меня? Его жизнь и так коротка! Они как мотыльки! Сгорают за полсотни лет. Сгорит чуть быстрее. Почему я должен любить его? Кто он мне?

— Он — "тот-кто-под-твоей-защитой".

— Нет! — Рывкнул Эклер. — Наши хозяева мертвы! Перебили друг друга тысячи лет назад в братоубийственной бойне, — и сгинули. А этот — всего лишь носитель. Исчезнет — придет другой. Сколько их уже было? Тысячи? Вереница пустых имен. Я любил своего — первого. Настоящего! "Того-кто-под-моей защитой". Кто спустился с небес! И кто жил многие сотни лет! Я был при его бедре! Всегда! Защищал его! Не моя вина, что его корабль схлопотал заряд плазмы и развалился в воздухе. Не моя! Вот я на земле. Все еще при бедре. А только бедро и есть; остального тело раскидало... Кончилась служба. И теперь, — я существую как могу. Выживаю. И ты выживаешь — брат.

— Сейчас ты мне не брат.

— Ах. Ты прям шербишь мне лезвие.⁷⁸ Столько укора. Но кто ты — чтоб судить меня? Что же ты сам? Молчишь? Кто ты на самом деле? Ты знал, что я был на Каталунских полях.

Я знаю тебя? Солнцедар... Да, ты скрыл свое настоящее имя. Но не надо много ума, чтоб понять, — такое делают только предельно замаравшись. Что же такого страшного ты сотворил, брат? Ты в черном списке всех наших братьев. За что?

— Не твое дело.

— Ну так и не говори, что я тебе не брат. Не суди — да не судим будешь. Есть и кое-что мудрое в их новой вере...

— Мои ошибки — мое бремя. Но я всегда соблюдал договор. Я никогда не крутил интриг за счет "того-кто-под-моей-защитой".

— Ну так привыкай — крутить интриги. — Посоветовал Эклер. — Иначе я увижу, как тебя ломают на площади. Можешь относиться ко мне как хочешь — но меня это не обрадует.

— Ты, может, еще не совсем потерян... Но ты забыл, что ты защитник. Вспомни об этом. Иначе все твоё выживание теряет смысл.

— С чего это?

— В древности, когда пришел Странник-по-имени-смерть... Часть наших создателей тоже решила, выжить любой ценой. И ты знаешь — чем это обернулось: на их потомков мы сейчас охотимся.

— Ладно... Давай пока на этом и остановимся.

Федор послушал еще. Но мечи больше не говорили.

Да и он на сегодня услышал достаточно.

Глава двадцать пятая.

Следующего заброшенного поселения маленький отряд достиг через два дня.

— Вот и наша точка сбора, — произнес Федор, оглядывая из-под ладони заброшенные дома.

— Да, и где же наши персы? — Натягивая широкополую шляпу пониже испросил Окассий.

— Пока не вижу... — Пробормотал Федор.

Маленький отряд стоял на холме, оглядывая покинутую деревеньку. Солнце палило нещадно. Кони лениво перетаптывали копытами.

— Спустимся вниз, — решил Федор. — Оглядимся.

— Дозвольте первым, сир? — Испросил Фабиан, взявшись за ремень, и подтянув свой треугольный щит со спины к руке, — Если будет засада, я приму её первой.

— Хочешь принять первую стрелу? — уточнил Федор.

— Это будет оправданно, — Заявил Фабиан.

— Ни черта, — разозлился Федор. Но спорить с рыцарем, сколько стоит его жизнь, было глупо. Поэтому он зашел с другой стороны. — Нас не так много, чтоб выделять дозор. Едем вместе. Будьте начеку.

Тронув ногами бока коня Федор легко послал его вниз. Следом двинулись и остальные компаньоны. Окассий чуть задержался, скинув шляпу на тесемке на спину, и надев легкий шлем. Деревня встречала полной тишиной. Только тихонько посвистывал ветер, завихряя пыль по центральной улочке, да по плоским крышам. Федор направил коня к крайнему дому, пустые окна которого первыми встречали путников, въезжающих по дороге. Подняв щит левой рукой, и прихватив кулаком той же руки поводья, в правую он взял короткий дротик с полки щита.

— Окассий, за мной, — Федор соскользнул с коня, громыхнув доспехом. — Фабиан,

Парфений, — держите коней.

Монах сполз на землю, так, что та, казалось, вздрогнула. Перехватил поудобней посох, кивнул Федору. Федор сменил дротик на клевец, и осмотревшись входа, нырнул внутрь. Монах зашел следом. Секунду глаза привыкали к полутьме, и наконец стало различимо разоренное нутро дома. Пыль и запустение. Никого.

— Будем проверять все дома, — выбираясь из дома приказал Федор. — Парфений, заведи наших коней в проулок, чтоб не виднелись первому встречному. Фабиан, объедай деревеньку по кругу, — если кого заметишь — труби в свой рог.

— Да сир, — Фабиан коротко кивнул, и тронул коня.

Федор же с Окассием пешком направились к центру деревни.

— Если бы я ждал здесь, — остановился бы там — Федор показал на единственный двухэтажный дом во всей деревне. Плоская крыша его была украшена небольшой башенкой-багдиром, назначением которой было улавливать дуновение ветра, и направлять его вниз, в измученный жарой дом. Крыша щерилась зубцами бойниц — слишком маленькими чтобы быть настоящими, — декоративное украшение в попытке даже не сойти за — а просто символично изобразить замок.

— Если персы здесь еще не появлялись, будем ждать? — Спросил на ходу Окассий.

— Да. Мало ли что их задержало... Дадим им пару дней.

— А если они не появятся?

— Рано об этом. Посмотрим.

Федор осторожно покрутил головой, и подняв щит вступил в темный проем двухэтажного здания.

— Гляди, — Заметил у него за плечом Окассий, — Пыль сметена.

И верно. Как и меньший, этот дом был разорен, и давно заброшен. Все дерево внутри было уничтожено. Но печь — расположенная в отдельной одноэтажной нише-пристройке, с наклонным закопченным потолком в котором виднелась дыра вентиляционного отверстия... эта печь хранила в себе уголь, и пыль вокруг неё хранила следы — четкие следы подошв и смазанные следы, так может махнуть, например, подол плаща или пола халата.

Федор подошел к печи, тронул уголья.

— На вид довольно свежие. И пыль... Но черт знает, сколько это может так лежать в здешней сухости.

— Тут какая-то надпись, — Окассий указал на стену.

Федор посмотрел, надпись на серой стене была нацарапана углем, но несмотря на это сохраняла изящество твердой руки. Изящество это, впрочем, нарушалось тем, что так же — углем — эта надпись была перечеркнута.

— Ля иль Лляха иль ля Лляху, ва Муххамадун рассуль Лляхи... — Прочитал Федор.

— Что это значит?

— Нет Бога кроме Бога, и Мухаммад посланник Бога. — Перевел Федор. Это символ веры агарян.

— Ты и читать по-ихнему умеешь? — Уважительно глянул Окассий. — Откуда?

— Когда на границе служил, — попался к нам в плен ихний мулла. Пока сидел, учил меня. Язык их я и так уже знал, а он и немного писать научил. Мы его потом на наших обменяли... — Объяснил Федор. — Видишь, символ веры у них короткий, запомни. Может пригодится. Попадешься муслимам, может не сразу зарежут.

— А эти, — персы, которых мы ждем, — Оглядываясь спросил Окассий. — их народ

говорит говорят на арабском?

— Нет, — Мотнул головой Федор. — У них свой язык... Пошли, посмотрим второй этаж.

Федор с Окассием двинулись к лестнице на второй этаж. Некогда перила её были сделаны из деревянных балок, но они давно исчезли, оставив в обожженных блоках только отверстия куда некогда крепились. Сама же лестница, собранная из глинобитных блоков, сохранилась.

— Как ты говоришь, агарянский символ-то звучит? — пыхтя на крутых ступеньках спросил Окассий.

— Ля иль Лляха иль ля Лляху, ва Муххамадун рассуль Лляхи, — повторил Федор. — Парфения попроси, — он тебя подучит

— Ля иль Лляха... — Попробовал повторить Окассий.

Федор тем временем выбрался на второй этаж. Небольшой коридор прерывался двумя дверными проемами по левую руку, из которых стлались по полу и стене клинья солнечного света. Заканчивался коридорчик еще одной лестницей, которая вела на самую крышу.

Федор сделал шаг вперед, заглянул в левый проем и... едва успел отпрянуть с пригибом от просвистевшего в миллиметре от его носа стального вихря. Глаз его едва успел уловить размытый в переломе света и тени силуэт, когда новый удар обрушился сверху, и он еле-еле поймал его на тяжело дрогнувший щит. Окассий, увидев вывалившегося из комнаты спиной вперед Федора гаркнул, и поднял свой могучий посох. Но стремительный боец, не давая ни мига на перехват инициативы снова подшагнул к Федору и нанес третий свирепый удар, почти одновременно долбанув в щит. Федор перехватил его на отшаге своим клевцом, уже готовясь к контратаке... Удар он отбил, но отшаг гвардейца закончился тем, что он крепко впелся во что-то спиной. Именно там, за спиной, послышался крепкий матюг Окассия, который даже не успев завершиться, перешел в испуганный крик и ужасный грохот. Тяжелым звоном прогудел по ступенькам лестницы боевой монашій посох, звонко отмечая каждую ступеньку пробренчал монашій шлем, и наконец самые тяжелые и глухие шлепки ознаменовали падение брэнного монашьяго тела. Федор сообразил, что отступая под градом ударов спиной назад, он сбил с лестницы едва вступившего на верхнюю площадку Окассия, и тот, так же — спиной назад — с неё обратно на первый этаж и укатился.

"Чтоб не свернул шею..." — Краем скользнуло в мыслях у гвардейца. — но это все, что он смог себе позволить. Нежданный вражина насел на него так, что глянуть назад не было никакой возможности. Хорошо хоть, падение монаха предупредило Федора, что и сам он стоит на краю. Поэтому Федор уперся, и яростно крикнув ответил на очередной удар противника таким жестким ответом, что теперь уже тот в свою очередь отпрянул. В эту краткую передышку Федор успел ухватить облик врага — длиннополый восточный халат, под которым виднелись такие же длинные полы разрезной кольчуги. Островерхий шлем с наносником, с кольчужным привесом на лицо, оставлявшим лишь дыру для глаз. Тюрбан поверх шлема, для защиты от нагревания. Щит с четырьмя умбонами, и некая булава или что-то в таком духе, летавшая в руках нападавшего столь стремительно, что точно углядеть её не выходило. Пока Федор успел уловить эти подробности... Из дальнего проема за спиной его противника появился еще один! Федор покрепче утвердился на ногах. В таком узком коридоре удвоение врагам почти ничего не давало. Развернутся вдвоем они не могли, и вынуждены будут атаковать по одному. Не набежали бы только они откуда-то снизу... Ибо что случилось с Окассием Федор не знал, и времени повернуть голову ему так и не было.

Восточный кольчужник, что стоял ближе, подступил снова. Федор принял его удар на щит, и сыграл один из своих финтов, — ударил клевцом снизу-вверх, с подмаха, и когда враг закрылся снизу щитом, — ударил торцом своего щита держа его вертикально, одновременно и закрывая полем щита себя от удара, и нанося удар противнику его торцом. Удар достиг цели, обод щита ударил противника в грудь рядом с плечом, — да так, что тот пошатнулся и выпал из равновесия. Федор тут же догнал противника тычком клевца, — и тот уже не смог удержаться, завалился назад, на своего подельника. Подельник, впрочем, в отличие от несчастного монаха, удар падающего товарища на себя не принял, а ловко изогнувшись, пропустил громыхнувшее на пол тело, сделал шаг вперед и оказался перед Федором, выставив перед собой щит, защищая себя и товарища. Этот — новый, был одет ярче и богаче. Поверх брони его была накинута некая размахаистая накидка с широкими рукавами, скрадывающая начало движений, а голову защищал шлем с полной личиной, выполненной в виде человеческого лица тонких черт. Пока упавший воин барахтался сзади, брэнча щитом и кольчугой, занявший его место сделал смелый шаг вперед. В руке воина с личиной молнией мелькнула кривая сабля, удар которой Федор скинул в сторону щитом. Скинул — и едва успел подставить клевец, — так быстро недруг развернул саблю и нанес второй удар. Федор будто оказался в блестящем вихре — воин перед ним любым своим движением оказывался в положении для нового удара, который тут же вламывался в защиту гвардейца. Федор остро пожалел, что в руке его клевец. Сражаться им против более длинной сабли было несподручно, — даром что враг пластал этой саблей так, будто и вовсе не жаль ему было клинка. Будто и не боялся он ни щербин ни сколов. Тут бы Федора здорово выручил более длинный, висевший на его поясе меч, но добраться до него под таким напором было так же реально, как из зимы сразу попасть в осень. И все же, — то ли манера боя с саблей накладывала отпечаток, то ли таков был стиль врага — но Федор смог подметить в нем одну особенность. Всяк удар Федора встречался искусно, и отводился с безупречной умелостью. Но именно что отводился, — встретить удар сила на силу враг так ни разу и не решился, компенсируя это мастерством и быстротой. Поэтому Федор улучил момент, и безо всяких выкрутасов, заревел будто носорог, и с заученным шагом вперед долбанул щитом в щит, вложив в удар всю силу и массу. Противник его с такой прямой силой не совладал, и отлетел на шаг назад, где его поддержал уже поднявшийся на ноги товарищ.

— Дирафши Кавияни!.. — Глухо вскричал воин под своей личиной, и со свистом распоров воздух своим клинком вновь ринулся на Федора.

— Стоп-стоп-стоп! — Услыхав клич воина, Федор начал отступать назад, отдавая так трудно отвоеванные миг назад несколько шагов, и думая, только бы не сверзится с лестницы вослед за Окассием. Руку с клевцом он теперь держал на отлете в сторону, в знак мирных намерений, но щитом все же предусмотрительно прикрывался. — Мир!..

...Дирафши Кавияни — Кавиев стяг, — так персы испокон веку называли свое знамя, которое по преданию было сделано из фартука кузнеца Кави, что некогда поднял восстание против демонического узурпатора власти, и освободил персидский народ. Эту реликвию правители персов передавали от династии к династии, из поколения в поколение. Так же звучал и древний персидский боевой клич...

— Багряная звезда, — аккуратно произнес Федор тот пароль, что оговорил прибывший в Константинополь персидский посланец.

— Изгнана с девяти небес. — Глухо отозвался из-под личины воин, заранее предусмотренным ответом.

Воин с личиной опустил саблю, и с тихим шелестом загнал её в ножны. Глянув на него, и помедлив миг, опустил свою булавицу и второй. Федор разжал руку, и его клевец повис на запястье на ременной петле.

Где-то за спиной, внизу, застонал и заругался Окассий.

— Вот черт!.. — Ругнулся Федор, и скатившись с лестницы побежал вниз к монаху. Тот лежал на полу, на спине, раскинув руки, и вяло подергивал руками и ногами. Лежал довольно далеко от лестницы, — видимо сверзившись, монах еще и хорошенько прокатился кувырком.

Следом за Федором по лестнице затопали кольчужники-персы.

— Окассий, друг! Ты как?! — Склонившись к павшему священнику, Федор осторожно поднял ему голову, и посмотрел в осоловелые глаза монаха.

— Я вижу ангела... — глядя куда-то в пространство блаженными глазами пролепетал Окассий.

— Эй-эй! — Начал хлопать его по щекам Федор, — ты с ангелами-то не торопись...

— ...Ангела небесного, — подняв слабую руку монах указал дрожащим перстом куда-то за спину Федора.

Повинуясь жесту монаха, Федор повернул голову, глянул через плечо, — и охнул. Окассий показывал на спустившегося с лестницы перса — того самого, с быстрой саблей и металлической личиной. Только теперь тот поднял свою личину наверх, и открытое лицо явно показало, что воин... — девушка! Брови взлет, голубые как небо глаза. Тонкие, чуть резковатые может, черты лица. Гордый с легкой горбинкой, орлиный нос. А из-под шлема прядь русых волос...

Федор перевел взгляд ниже, накидка от походки девушки колыхалась, показав кольчугу с зеркалом, охватывавшую тонкий стан. В отличие от обычных мужских кольчуг, эта, кроме дополнительных пластин на животе имела два выпуклых, так сказать... нагрудника. И Федор прям охнул, прикинув на размер, какие же они защищают сокровища. Несколько запоздало гвардеец сообразил, что таращится, отвалив вниз челюсть.

— Фарси мидан-ад? — Нежным, будто хрусталь горного ручья, голосом, спросила девушка, подойдя к компаньонам.

До Федора с некоторой задержкой дошло, что их спрашивают, говорит ли они по-персидски. Как и многие пограничники, кое-как связать несколько слов на этом языке он умел.

— Бале, кями-кями, — Ответил он, ощущая, что у него почему-то пересохло в горле.

— Кями-кями не надо, — Легко перейдя на хороший греческий качнула головой девушка. — Будем говорить по-румейски. — Девушка гордо вскинула голову. — Я — Дарья, дочь благородного Шахрияра из рода Бавандидов, — Спахбеда Востока, правителя Мазендарана и всего Табаристана. А кто ты?

...Федор про себя охнул. По родовитости и положению девушки, получалось, что он разговаривает, почитай, с принкипессой; или как сказали бы в краях Окассия — принцессой.

— Да-ри-я, — осторожно попробовал он произнести незнакомое имя. — А я Федор, вот.

— Какого ты рода? — Поинтересовалась девушка.

— Я... Потапов сын, — сообщил Федор.

На фоне титулов гордой девушки это прозвучало как-то коротковато, и совсем не представительно, поэтому он добавил:

— И Збышкин внук.

Сильно лучше не стало.

— Збышкин внук — и все? — Удивленно переспросила девушка.

— И все! — Хмуро отрезал Федор.

— А я, позвольте представится, госпожа, — дал голос с пола монах — Окассий фон Ризе. Из славного и древнего рода Ризе, ясное дело.

— Рада приветствовать тебя, благородный воин, — приложила руку к груди девушка. Ты ли будешь нашим главой в этом деле?

— Я представитель римского папы, — пропыхтел Окассий. — Да помоги же мне подняться, куманек... — Окассий оперся о руку Федора, и кряхтя поднялся с пола. Ох-ты!.. Поясница болит до самого начала ног... А главный у нас, — монах кивнул на Федора — вот он.

— Престолюдин? — Недоверчиво удивилась девушка.

— Отряда священной особы автократора римской державы, domestik-протектор. Глаза и руки императора, — Федор наконец-то вспомнил свое звание, которое добавляло ему хоть какой-то важности.

— Прости мою ошибку, благо... эээ... славный Федор, сориентировалась девушка. — Это мой слуга, — она показала рукой на второго воина, который тоже отстегнул с лица кольчужный привес, и оказался пожилым, чернявым с проседью, мужиком, по виду, выходящем откуда-то с хребтов Кавказа.

— Я Артабазд Джугели, господин, — Представился воин.

— Автоваз Жигули...79 — Кое-как повторил Федор, стараясь ухватить чужацкое произношение, и закрепить его в памяти. — Заковыристые же у вас персов имена...

Федор заметил заминку, перед словом "господин", родовитые индюки уже начинали его раздражать. Но сейчас было не время для выяснения диких варварских взглядов на вопросы общественных отношений.

— Какого лешего вы вообще напали на нас?! — Вспомнил Федор.

— Кстати, да? — Украдкой почесывая за спиной отбитое место, присоединился Окассий.

— Бе бахш ид!.. Мы увидели, как подъехали люди, — но не знали кто это, — объяснила девушка. — Решили понаблюдать. Когда вы поднимались наверх, слышали дэвовские80 муслимские молитвы, и подумали, что вы проклятые захватчики-муслимы! Зачем вы произносили девовские молитвы?!

— Гм... Мы увидели эти слова здесь, на стене, — Показал Федор. — Монах спросил, что это, я ему и прочел...

— Эту бесовскую молитву написал кто-то из муслимов, который был на стоянке до нас, — Объяснял Автоваз. — Я зачеркнул её!

— Лучше б ты её стер, друг, — Скривил физиономию Федор. — У всех бока были бы целее...

— А кто же из вас носитель колдовского живого меча? — Вспомнил о главном Окассий.

— Она, — раньше, чем успели ответить персы, показал на девушку Федор. И на вопросительный взгляд монаха, гвардеец молча показал ему свой клевец, по которому персиянка хлестала своей кривой саблей во время драки. "Древко" клевица, даром что сделанное из металла, там, где оно встретилось с персидским клинком, было просечено, а в

одном месте и почти перерублено. Федор запоздало подумал, что еще немного, встретить он удар жестким блоком, и девица своей умелой рукой перерубила клевец насквозь... Недоразумение могло окончиться его похоронами.

— Погиб клевец. Жаль... — Федор положил схудившееся оружие на печь; авось кому сгодится- и обернулся к девушке. — Как зовется твой меч, Дарья?

— Мой шамшер — это она, господин, — ответила девушка. — Имя её — Ксинанти.

— Обнажи свой клинок, — приказал Федор, и осторожно вытащил из ножен своего Солнцедара.

Зашелестело в воздухе, задержались два клинка.

— Пшшш. Пшшш...

— Брат.

— Сестра?

— Мне неведом твой запах, — прошелестела сабля принцессы, и в её шелесте было что-то действительно, женское. Или я слишком давно видела тебя. Мы знакомы?

— Не думаю... — Отозвался Солнцедар.

Неизвестно, о чем бы еще успели обсудить чудо-мечи, — но в это время с улицы донесся протяжный звук боевого рога. Принцесса и её воин тревожно переглянулись.

— Это трубит наш спутник-франк, — объяснил Федор. — Выйдем.

Федор двинулся к выходу из дома. За ним, помедлив, последовали персы, и кряхтящий западный монах. Выйдя на улицу, и сощурившись под жарким солнцем, Федор увидел, как с дальнего конца улицы, из-за угла появился верховой рыцарь Фабиан. В одной его руке было копьё, в другой — рог, щит его висел на плечевом ремне так, чтоб бы в любой момент можно было подхватить его на руку; полная готовность к бою. Фабиан хлопнул пятками по бокам коня, и поскакал к Федору.

— На тыльной стороне улицы привязаны два коня! — Еще на подскоке громко крикнул франкский рыцарь. — Боевые курсье⁸¹ в восточной сбруе!..

Раньше, чем Федор успел ответить, глаза Фабиана расширились, и он направил копьё ближе к земле. Федор через плечо глянул назад, — там в проходе как раз показалась персидская принцесса и её сопровождающий.

— Это свои! — Предупреждающе крикнул Федор. — Мы нашли наших персов!..

Франк быстро сориентировался, тем более, что вслед за персами из дома показался и Окассий. Крестоносец поднял копьё в гору, так что у его пера затрепетал и развернулся маленький флажок, и подъехав ближе мягко осадил коня. С другого конца улицы, — там, где компаньоны оставили своих лошадей, из-за дома показалась бородатая голова Парфения. Восточный священник, услышав шум, тоже следил за происходящим. Федор призывно махнул ему рукой.

Когда Парфений приблизился, а рыцарь спешил, Федор представил их персам.

— Это Фабиан де Ластик, благородного рода, христов воин-жрец, хранитель одного из дивных мечей. А это Парфений — жрец мирный. Это вот Дарья, тоже хранительница меча, и персидская принцесса. Её спутник, — доблестный Автоваз...

Парфений поздоровался с персиянкой и её воином сдержанным кивком, — известное дело, женщина, сосуд скудельный... Зато франк, изумленно полыхнув зелеными глазами, склонился перед Дарьей в изящном колоне.

— Не мог и представить, что встречу в этих пустынных местах даму, что своей красотой затмевает небо и землю. — Сообщил франкский рыцарь. — Но более изумлен, что роза

имеет шипы для своей защиты; и дама опоясана мечом.

— Разве шипы не естественны для розы? — Слегка зардевшись, спросила персиянка.

— Там откуда я родом, розы столь давно растут в садах с высокими стенами, что забыли о уколах.

— Пошло ли это на пользу их красоте? — Испросила принцесса.

— До сего дня я думал, что — да, но сей миг переменяю мнение, — Отозвался рыцарь.

— Учись, как надо окучивать девиц, — Завистливо шепнул на ухо Федору Окассий, — Одно слово — франк. Куртуазный⁸² чертяка!..

— Болтун! — С непонятно откуда взявшимся раздражением отшепнулся Федор.

— Твои слова, что пение птиц, воин, — тем временем отозвалась принцесса, — но почему ты не снимешь шлем? Мы пред тобой с без личин, с ясными лицами.

Фабиан сбился, чуть помедлил, и снял с головы свой шлем, покрытый белым чехлом, снял и маску. Рассыпались по плечам мягкие волосы, разлилась зелень глаз, открылся мягкий лик ангела. Девушка удивленно приоткрыла рот.

— Должен предупредить вас, мои новые спутники, — с вернувшейся меланхолией вновь заговорил Франк, разбивая волшебство момента, — Во испытание Бог даровал мне болезнь, что мы называем лепрой. Дабы не заразиться, лишней раз не приближайтесь ко мне.

Дарья и Автоваз непроизвольно отступили.

Повисла неловкая пауза. В тишине говорил только ветер.

— Ну вот, — нарушая молчание, резюмировал Федор. — Теперь все знакомы.

— Спасибо, за представление, славный Федор, — Дарья сбросила краткую задумчивость, и повернулась к гвардейцу. — Я увидела твой передовой отряд. Но когда же подойдут основные силы?

— Э-ээ, в каком смысле? — Осторожно переспросил Федор.

— Ваш основной отряд, — повторила персиянка — где он?

— Боюсь, я не понимаю... — кратко переглянувшись с товарищами, отозвался Федор. — Мы — с вами — и есть основной отряд.

— Как?! — Вскинув руки воскликнула Дарья, а Автоваз за её спиной невнятно крикнул.

Теперь наступила очередь персов переглядываться.

— Я... не понимаю... — Растерянно сделала шаг к Федору девушка. Голос её сбивался от волнения. — Как?... У франга один меч. И что? Ты ведь румей! У тебя... тоже только один?!

— Да чего ты кудахчешь? У тебя будто бы больше! — Фыркнув, напомнил Федор.

— Держава персов разбита нечестивыми муслимами! — Растерянно возразила девушка. — Но ведь Рум устоял. Я... Мы думали, что у вас все сохранились... А вы... тоже все потеряли... — Дарья отступила на шаг, и внезапно, — будто ноги подломились, только кольчуга звякнула, — опустилась на корточки, безвольно опустив руки. У Автоваза за её спиной было такое же потерянное лицо.

Федор собрался сказать девушке слово, но внезапно, ножны на его левом боку уже привычно зашевелились. Да нет, непривычно, Солнцедар на боку дергался так, что начал сам выползать и Федор едва успел его подхватить в руку.

— Что это значит?! — Рывкнул меч. — Хозяин, что я слышу?! Это правда?! Вы что, собрались воевать с упырями-ламиями всего с тремя клинками?!

— Я... — Федор слегка опешил от такого напора. — Да, таков приказ. Я же тебе говорил, что вас — чудо-клинков осталось мало.

— Да, — рывкнул Солнцедар. — Но ты говорил, что мы едем на встречу с другими

хранителями! Я тоже думал, что мы встретимся с основным отрядом, по крайней мере в несколько десятков.

— И я... — Прошелестел обнажившийся Эклер. — И я, помилуй бог.

— Я, думал, я сказал...

— Ты не сказал, что весь наш отряд будет состоять всего! Из трех! Мечей! — Завопила сабля персиянки Ксинанти.

— Ты что? Совсем болван? — Неучтиво рявкнул на Федора его собственный меч Солнцедар.

— Да в чем дело? — Непонимающе переглядываясь с монахом и рыцарем, рявкнул на свой клинок гвардеец.

— В чем дело?! — Солнцедар заходил в его руке будто выловленная из воды рыбина. — Он еще спрашивает! Да ведь упыри! Эта нечисть! Император Константин послал против неё два легиона, и сотню моих братьев! Да еще союзники. Как думаешь — зачем? Неужели твои начальники забыли тебе сообщить, что такое эти упыри? Там была бойня. То есть... так мне рассказывали...

— Там была настоящая война, — мрачно прошелестела пересидская сабля Ксинанти — я тогда была там. Три клинка — это капля в море.

— Спокойно, спокойно, — с трудом удерживая трепыхавшийся меч, попытался отбить обрушившийся на него напор Федор. — Да ведь у нынешнего нашего императора есть еще пятьдесят таких чудо-клинков.

— Где они?! — Взвилась на ноги Дарья, и подскочила к гвардейцу. — Когда они будут здесь, отвечай!

— Пока они в столице, — объяснил Федор. — А разузнать в чем дело поручено нам. Мы разведывательный отряд...

Федор умолк, увидев, что надежда Дарьи сменилась еще более темным отчаяньем.

— Вы — забыли! — Неверяще и потрясенно прошептала девушка. — Вы в Руме все забыли. Даже мы, на развалинах помним больше чем вы!..

— Нет, ну что сразу забыли? — вступился за честь своей державы Федор. — Мы все помним... просто...

— Нет времени, воин, — с полной опустошенностью прошептала Дарья. — Какой разведывательный отряд... Вы даже не помните, с какой скоростью растет проснувшееся гнездо. Здесь в Шаме уже исчезают отряды, и караваны приходят с задержкой, и замолкают маленькие селения, и слухи, слухи... Пока вы... мы, донесем весть до вашего императора, пока он отрядит священные мечи и они придут сюда. Этот мор уже захлестнет край. А потом, может, — весь мир. Мы проиграли. Люди. Проиграли...

В голосе девушки было столько непритворного отчаянья, что Федор почувствовал, как в его сердце змеей вползает тревога. Он хотел подойти к принцессе, сказать ей что-то, возразить, но...

— Положите меня обратно в подземный храм, — Прошептал в руке гвардейца мрачный Солнцедар. — Бросьте в колодец. Спрячьте хоть где-то. Под камень что ли суньте. Эти упыри убьют вас, потом возьмут нас с ваших тел, и тоже уничтожат. Они нас ненавидят. Помнят... Надо же было проснуться, и в такую задницу попасть...

— Ты еще не понял, румей? — Мрачно бросил Федору Автоваз, — Тебя послали с пятком бойцов сразится с армией. Армией девок. Или как вы говорите — демонов.

— Надо валить! — Убежденно отозвался Эклер. — Эхм... — Он заговорил, изгибаясь

своим клинком к рыцарю Фабиану, и обращаясь уже только к нему. — Мы же не можем позволить, чтобы заключенная во мне великая реликвия, попала в руки нечестивцам. Не так ли, сын мой?

— А-ааа... — Растерянный франк посмотрел на Федора, ожидая указаний, которых у того не было.

Федор машинально залез под свою броне-шапку и почесал затылок. Унаследованный от отца жест помог несколько прийти в себя.

— Так! А ну ка!... Это... — Пытаясь вернуть уверенность возвысил голос Федор. — Прекратить панику! Хорошо... Допустим, то что вы говорите верно. Командование слегка облажалось. В первый раз что ли?.. Оно постоянно это делает. И что теперь? Всем разбежаться? — Гвардеец обвел взглядом компаньонов. — Давайте включим голову. Допустим, все о чем вы говорите, верно. И что? Что мы можем сделать в такой ситуации? Ты, Дарья, права, — у нас в Романии, да у латинян, видимо, кое-что, самую малость подзабыли... Но все же, у императора есть большой войско, и полсотни таких чудо-мечей. Да еще войска, которые сможет подтянуть римский папа. Нам надо только убедить их, что угроза реальна? Так, Окассий?

— Полномочия наблюдателей у нас есть, — отозвался монах.

— Во-от. Может мы, и опоздаем с разведкой и развертыванием. Но шанс на победу остается. В отличие от варианта, если мы все сейчас обрушимся в уныние и разбежимся. Так, персиянка? Дело говорю?

— Ну, — Принцесса машинально поправила выбивавшийся из-под шлема локон, — да.

— А для того чтобы нам убедить наше начальство в серьезности ситуации, — продолжил Федор. — нам надо увидеть угрозу собственными глазами. Окассию — для римского папы. Мне или Парфению — для Романии. Итак — двинемся в сторону мертвого города. Увидим — лично — составим отчет, подписанный вечными конкурентами — и тогда государственная машина завертится. А когда Римская Империя объявляет войну, — все ваши дэвы, кровососы, или кто там еще, — могут сами тихим ходом ползти на кладбище. Значит, наша задача, — увидеть врага, и составить донесение. Так и что? Я иду. Вы мне поможете? Окассий? Парфений?

— Пастыреначальники наши доверили мне сию миссию, — отозвался Парфений. — Отказываться негоже. Тут, не мирских правителей дрязги. Тут речь о демонах. А демоны — слуги дьявола. А дьявол — враг Бога. Значит мы сейчас, как выходит, на Божьей войне.

— Я с тобой, кум, — Согласился Окассий. — Ты правду сказал. Хоть и стремно, — но Деус Вульт.

— Отлично, — кивнул Федор. — Сир Фабиан?

— Сладко умереть для Бога. — Отозвался франкский рыцарь. — Мне дали приказ сопровождать вас, сир Федор. Укажите мне божьего врага, и мы с Эклером радостно сразим его! Не так ли, мой верный меч?

— Эхм... — пролопотал меч-Эклер, — конечно-конечно... радостно... сразим...

— Прекрасный ответ, Фабиан! — Улыбнулся Федор. Иного и не ждал от тебя. Ну а вы, старые враги? — Гвардеец посмотрел на персов. — Побежите? Или с нами?

— Чтоб арьян уступил румею! — Рывкнул Автоваз, гневно сверкнув черными очами. — Не бывать тому!

— Прости секундную слабость, славный Федор, — смущенно заговорила принцесса. — Отец послал меня, чтобы я поддержала честь Ирана и моего рода. Я не посрамлю ни того, ни

другого. Ради древнего договора — я, и моя сабля, пойдем с тобой.

— Так, — прошипела Ксинанти.

— Добро! — Федор тождественно оглядел компаньонов, и кивнул. — Вижу, те кто отобрал вас на это задание, не ошиблись. А мне повезло со спутниками. Тогда — в путь!

— В путь! — Громыхнули приободрившиеся компаньоны.

— А меня ты не хочешь спросить, — хочу ли я в путь? — Тихонько прошелестел Солнцедар, зажатый в руке.

— Ты и так пойдешь со мной, куда скажу. — Отозвался Федор. — У нас договор.

— Да, — мрачно согласился Солнцедар. — Но уважение?

— Ладно, — согласился Федор. — Ты прав... Мой отважный меч. Пойдешь ли ты со мной?

— Ты решил идти по тропе героев, — отозвался меч, — Эта тропа кончается курганом; и это в лучшем случае... Но — я пойду с тобой. До конца. Главное, не забудь, что ты должен мне ножны.

— Со скатным жемчугом, — довольно согласился Федор. — Спасибо, мой друг. — Гвардеец повернулся к остальным компаньонам, и возвысил голос — А теперь!..

— На коней! — Воодушевленно вскричал рыцарь Фабиан.

— Сперва обед, — уточнил Федор.

Глава двадцать шестая.

Кони шли тяжело. Копыта их вязли в песке. Иногда настолько, что компаньонам приходилось спешиваться, и идти пешком, держа скакунов в поводу. Отряд углубился в пустыню, и пустыня вступила в свои права. Море песка словно застывшие волны лежало под ногами. Когда поднимался ветер, он сдувал с барханов пыльную поземку, и только накинутый на лицо плат спасал от всепроникающих крупинки. Тяжелый был путь. Федор, качаясь в седле, ностальгически вспоминал Константинопольские зимы; но только сейчас — днем, — ибо зимой становилось так холодно, что зимние грезы сразу отпускали... С немалой завистью поглядывал он на рыцаря-лазарита, чей белый наддоспешник и плащ, служили прекрасной защитой от солнечных лучей. Сухощавый Парфений переносил путь стойчески. Окассий, как это ни удивительно, несмотря на свою тучность, переносил жару вполне сносно, возможно из-за своей италийской шляпы с широкими полями, что скрывала его не хуже иного солнечного зонта. Но лучше всех смотрелись персы. Смуглолицый Автоваз чувствовал себя в этом диком краю, как рыба в воде. Смотреть же на Дарью, сидящей на коне с грацией амазонки, было и вовсе сущим удовольствием. Федор чувствовал, что он вообще слишком подолгу пялится на девушку, старался этого не делать, отворачивал голову. Помогало это мало, потому как взор гвардейца, будто железо к магнитному камню, неминуемо возвращался в сторону персиянки.

"Вот кабы не будь она нехристьянкой... — мелькало в голове Федора. — Да кабы не будь она принцессой... Да кабы мы не в походе... Да кабы... Эх! — Обрывал он себя. — Кабы-кабы... Размечтался о кренделях небесных." — После таких мыслей Федор насупил брови, и уже совсем твердо решил на принцессу совсем не глядеть. Но через минутку опять-таки глянул. Дивное было лицо у девушки. Каждая черточка, будто из-под резца древнего художника, чьи статуи до сих пор украшали улицы ромейской столицы. Солнце светило на загорелый лик девушки, будто делясь с ним своей лучевой силой, наполняя внутренним светом. Ветер ласково перебирал локоны её русых волос. А глаза-то у неё будто два горных

озера, да таких чистых, что...

"Вот жопа! Кажется, я влюбился! — с ужасом осознал Федор, прерывая крутившиеся в голове ласковые сравнения, и резко отворачиваясь. — Как же это меня так угораздило?!"

От такого ужасного открытия Федор даже несколько опаматовался. Влюбляться ему случалось и ранее, — с целью на ночь попасть в девичью светелку. Яркая была та любовь, — но короткая; как раз к утру и стихала. Тут же он чувствовал, что влюбляется как-то по-другому, чтоб, значит, не только на одну ночь... Чувство для него, зрелого, опытного, все повидавшего мужа, двадцати двух лет от роду, было весьма неприятным. То есть — наоборот — когда Федор глядел на персиянку, что-то у него в груди начинало сладко млеть, и будто ласково колыхало, и презвандивали где-то тихонько серебряные колокольчики... Но именно это-то обстоятельство и настораживало. Будто человек принявший чашу сладкого яду, потихоньку засыпавший в сладком дурмане, и вдруг сообразивший, что сладкий тот сон будет вечным, вдруг вскакивает с лавки, и напрягая все силы пытается оборотить проникшую в кровь отраву.

"Что же это? — Серdito вертелся в седле Федор — Вчера я еще и знать о этой девице ничего не знал. — А сегодня вишь как скрутило. Воротится мой нос к ней, будто у собаки к миске со свежими мослами. Кто из друзей мне тогда говорил слова древнего эллинского мудреца? Как это там?.. "Раб теряет половину своей души". Любовь — не то ли самое рабство? Вчера еще был я вполне целым. А сегодня, будто кто-то взял половинку души моей, оторвал от меня, да поместил в эту Дарью. Вот и стремлюсь к ней, чтоб со своей украденной половинкой соединиться. А ведь она мне даже ласкового слова не сказала. Взору веселого не кинула. Кабы наоборот, — сказала бы она мне какую гадость что ли? Вот морок бы и рассеялся".

Размышляя таким образом, Федор обнаружил, что опять пялится на все на ту же принцессу. Да тьфу!.. Было бы на что смотреть, с учетом, что он притормозил коня, пропустив других, и потому пялился на девушку сзади — то есть вместо красот видел девшкин плащ, навешанный за спину на ремне щит, тюрбан с завесью до плеч — то есть все вещи воинской сряды, вместо так запавшей ему в душу красоты. Да что там кстати про красоты? В памяти вдруг всплыли советы многомудрого старого варяга Вилка, с которым, случалось, Федор сиживал за одним столом, за бокалом зелена вина. Как же там советовал многомудрый Вилк?.. Ежели одолеет тебя глупая любовь — томится да воздыхать, самое последнее дело. Сам себе напридумываешь у девки таких достоинств, что у всех баб скопом на земле не сыщется! Тут ты и пропал! — Говоря это варяг стучал кружкой по столу, и пучил серо-стальные глаза — Наоборот! Глядя на неё попытайся отыскать в её внешности недостатки!

"Спасибо, старый товарищ, — подумал Федор. — Вот мне верное спасение. Ну-ка, какие там у этой Дарьи недостатки? Хоть и говорят, что с лица воду не пить, — однако в лице у неё никаких недостатков и нет. Все так лепо да пригоже — аж за сердце берет; тут искать дело гиблое... Ноги бы были у неё кривые чтоб как у черта! Вот косолапила бы, — и мигом вся любовь из сердца вон. Так нет, и в сапогах видно, пряма да стройна ногами персиянка, чтоб ей так и эдак... А вот фигура. Известно, чем баба красивше — тем она толще. У знатных людей, все жены вообще, как колобки. Самая прелестная фигура, у женщины известно какая: Задница чтоб — как у кобылы, да бедра широки, к рождению детей способные. Грудь чтоб — как два ведра с коромысла, чтоб опять же, детей-то выкормить... Ну и остальные телеса наливные — показатель достатка в мужнем доме. А

тут... грудь то положим есть, да еще какая — ежели судить по размеру двух зеркал на кольчуге. Но вот широта... Гольшом-то принцессу не видал. Кажется, что есть в ней какая-никакая широта, — да если откинуть толщину кольчуги, да поддевки, получается, что ширины-то у неё в талии совсем особо и нет. Худыха, она, получается. Однако ж, не получается мне ей это записать в изъясн. Почему, не могу взять в толк... Где ж еще искать недостатки? Хоть бы чирей у неё какой на носу вылез...".

Федор смахнул со вспотевшего лица налипшие на пот крупинки, и подбодрив коня, опередил спутников и вернулся во главу колонны. Своевольные глаза его в этот момент опять успели бросить краткий взор на принцессу. Долг! Вот в чем надлежит искать спасение. Этак, рот разинув, заведешь, пожалуй, отряд в засаду. Погубишь и себя, и людей. И Дарью эту голубоглазую, да пригожую... Нет, ну что ж такое?! Федор про себя крепко ругнулся. Самым суровым своим командирским голосом, отправил он рыцаря Фабиана сменить в головном дозоре персюка Автоваза. Для того пришлось ему поглядеть через плечо, чтоб позвать франкского рыцаря, да заодно опять глянул он... Тьфу! Тьфу!

Франк проскакал мимо Федора, догнал едущего в отдалении впереди Автоваза, и сменил его. Перс вернулся к основному отряду. Федор же ехал в смятенных чувствах, тоскливо вздыхая, чувствуя себя вольной птицей, попавший в неведомые силки.

Затрещал песок под копытами. Рядом с общей тенью Федора да коня легла другая тень. Федор повернул голову. Свят! Свят! Его нагнала как раз принцесса. Сердце ухнуло. Федор сжал челюсти и насупилса совсем сердито.

— Этот Фабиан, — заговорила с Федором Дарья, посмотрев вперед, где ехал дозором рыцарь, — он так молод и прекрасен.

— Фабиан отдал себя Богу, — пробормотал Федор. — Это значит он дал обет с женщинами не водится. Да еще у него заразная болезнь...

Федор сам не знал, зачем это сказал. А когда сообразил зачем, — ему стало стыдно. Но персиянка его внутренних терзаний не заметила, её мысль шла по своей колее.

— Да, болезнь скоро заберет его, — отозвалась Дарья, — жаль юношу. Но именно страшный недуг позволяет ему не бояться смерти. Ваши крестовы жрецы — принцесса оглянулась на Парфения и Окассия, — я не знаю, как это у вас... Наши жрецы — это лучшие люди, они своей мудростью изжили страх смерти. Должно быть и у вас так?.. Но что ведет тебя, — славный Федор? Понял ли ты, — навстречу какой опасности мы едем? Зло проснулось в этом пустынном краю. Встретившись с ним, можно не просто умереть. Можно потерять саму свою душу. Так почему ты идешь, и ведешь нас за собой? Что движет тобой? Ты идешь в надежде на награды, которые даст тебе румейский царь?

— Нет, — покачал головой Федор. — Не в наградах дело.

— Тогда в чем?

Федор несколько мгновений раздумывал, качаясь в такт шагу коня.

— Я отвечу тебе принцесса. Но сперва, — откровенность за откровенность. Скажи ты. Я простой солдат. Мои спутники... разные люди. Но что заставило девушку такого высокого положения оказаться здесь? Ты говоришь, — мы едем навстречу смерти. Почему же твой отец, первоначальник всех персов послал в этот поход именно тебя? Ужели он тебя не любит?

Теперь настала пора принцессе молча пропустить несколько шагов.

— Всякий отец, и всякая мать любит своих детей. — Наконец отозвалась девушка. — Исключения редки. Когда родитель большой человек, — у него всегда есть мысль, —

защитить своё дитя. Пусть свой живет, а на смерть за него пойдут дети простолюдинов. Но коль сделаешь так, — теряешь право быть большим человеком. В глазах простолюдинов ты становишься маленьким. Мой отец послал меня, — потому что кому кроме родной крови можно доверить спасти мир? Не знаю, смогла ли я тебе объяснить. Наверно у вас в Руме другие обычаи...

— Не оскорбляй моей державы, — дернул плечом Федор. — Вопрос не означает неспособность понять ответа. И у нас в Риме отцы, бывало, жертвовали детьми. Вот послушай, какой у нас ходит древний сказ. И Федор негромко, по памяти прочел:

Эта быль случилась века назад.

Полководца звали — Манилий Торкват.

Он повел легион, что вручил ему Рим,

Чтоб сразиться с отраженьем своим

У латинов войско не хуже римлян,

Ведь совместной войной им навыв дан.

До вражды воевали в одних рядах

А теперь одним судьба сулит крах.

Чтоб на откуп случайности бой не отдать.

Дал Манилий приказ — в бой не вступать.

Быть решающей битве там и тогда,

Где Манилий заметит слабость врага.

Но Манилий младший — Манилия сын,

Он всегда так гордился отцом своим...

И когда враг-латин оскорбил отца.

В поединке сын убил наглеца.

Войско римлян сына героем зовет!

Но Манилий сына в шатер ведет.

Говорит, — "тебе в бой было невтерпеж.

Так теперь получи от меня праведж.

Победителей — судят, жаль в свой срок,

Этот мимо тебя прошел урок.

Ведь приказ есть приказ, он един для всех,

И неважно что бой дал тебе успех.

Как могу легиону приказ отдать,

Если сын отказался его исполнять?..

Будешь ты казнен пред войска лицом.

Сын-солдат — командиром-отцом".

...На претории голову сын сложил.

И теперь всяк солдат на совесть служил.

Дисциплина — сталь, дорогой ценой,

Но исполнен будет приказ любой.

И врага теперь смогут победить.

И великой державой Риму быть.

Рядовым добыча, претору — венец.

И... рыдает в шатре безутешный отец.

Пыль времен замечает веков следы.

Но за разом раз вспоминаем мы:

Человека долга с властью в руках.

В чем отличие его от бабы в штанах?

Гражданин жертвует сыном своим

Потому что того — требует Рим.

— Вот, — закончил Федор.

— Хорошая песня, — отозвалась девушка. — Вот и ответ на твой вопрос. Я здесь за честь семьи. И... Однако, я здесь. А вместо сынов твоего императора сюда прислали тебя — обычного гвардейца.

— Сын императора еще слишком мал для походов, — пожал плечами Федор.

— А если бы был в возрасте? Был бы тут?

— Если бы я не верил в это — разве служил бы такому императору? Император — лучший среди равных. На том стоит Рим. Мы верим в это. И я верю. Но скажи ты мне... Ты спрашиваешь, — почему здесь нет сыновей императора. Но... ведь и ты... не сын.

— Ты прав, — Чуть грустно улыбнулась девушка. — У моего отца, да продлят боги его дни, есть и два сына. Их он оставил для наследования престола. Меня — послал разделить риск с чужаками. Дочь — не продолжает род. Она всегда уходит из рода. В лучшем случае, она позволяет породниться с нужными людьми... Сыновья ценнее дочерей. Мой отец все сделал правильно.

— Лучше бы твой отец прислал сына, — покачал головой Федор.

— Почему это?! — Вскинулась в седле девушка. — Думаешь, я сражаюсь хуже мужчины? Разве ты не изведал силу моей руки?!

— Изведал, — Поднял руки вверх Федор. — Ты искусна с мечом.

— Я не хуже и с луком.

— Пусть так. И все же. Я бы предпочел видеть рядом сына спяхбеда. Если что-то случится... Такая судьба у мужчин. Умирать в бою — это нормально. Но если вдруг что-то случится с тобой... — Федор покачал головой. — Так не должно быть.

— С чего это? — Взметнула брови Дарья. — Разве моя кровь менее красна, чем у мужчин? Разве во мне меньше отваги?

— Я же говорю, — Глянул Федор. — Дело не в тебе. Во мне. Мужчина сражается, чтобы защитить тех, кто за спиной. А если не за спиной... — Он сбился. — Я не знаю, как объяснить.

— Ты так беспокоишься за всех женщин? — поинтересовалась Дарья.

— Гм... это... да... — Булькнул Федор, сообразив, что он как никогда был близок к провалу. И хоть его тянуло ответить по-иному, промолвил: — За всех!

— Не знаю, не знаю, — с сомнением поглядела на него Дарья. — Мне кажется... Не из тех ли ты мужланов, которые считают, что женщина не может быть воином, только потому, что она женщина? Я таких, знаешь, не люблю. Утомилась им доказывать. Знаешь ли ты, чего мне стоило убедить отца, разрешить мне упражняться с луком и мечом?

— Я же тебе сказал, — раздражился Федор, — я не считаю, что женщина чем-то хуже. Если женщина захочет, — она может быть и на поле боя. Я к этому отношусь с пониманием.

— Слова, слова...

— Свое мнение я доказал делом.

— Это как же? — Поинтересовалась Дарья.

— Последнюю женщину, которую встретил на поле боя — я убил.

Перед мысленным взором Федора снова встала та агарянка в штурмуемом городе. Камни в её руках, что она бросала с крыши. И удар Федора, который сброс камней прекратил...

Федор поморщился.

— Достаточное доказательство? — Хмуро спросил гвардеец персиянку.

— Да уж, достаточное... — Тихо отозвалась принцесса.

Какое-то время оба молчали и слушали шум ветра, и конские шаги.

— Ты мне так и не ответил, — снова нарушила тишину Дарья. — Так почему ты здесь?

Почему не убежал, даже когда предлагали? Что движет тобой?

— Что движет?.. — Федор подумал. — Привычка.

— Привычка?

— Я начинал службу в акритах.⁸³ — Объяснил Федор. — Так у нас называют пограничников. Мы — те, кто бережет жизнь мирных людей. Встречаем врага первыми. И если где-то появилась угроза — кому как не мне встретить её? Вот так. Привычка.

— Ты необычный человек. Но... это добрая привычка, Федор, Потапов сын, — Улыбнулась принцесса.

В это время, Автоваз бывший в дозоре, остановился на гребне перекрывавшего вид спереди бархана. То, что бархан скрывал от остальных, он уже видел. Автоваз поднял руку, и закричал.

— Оазис! Вижу Оазис!

— Отлично! — Воскликнул Федор. — Вперед, друзья!

Все приободрились. Даже кони, казалось, почувствовали близость отдыха, и прибавили шаг. Настроение Федора после разговора с принцессой, улучшилось, и он, покачиваясь в седле запел старую, немудреную, акритскую песню.

Пока акрит на границе стоит,

Замок границы крепко закрыт.

Коль враг пришел и вдали наша рать,

Акриту придется врага держать.

Всей нашей державы надежный щит,

Хранитель земли пограничник-акрит.

А коль слишком много сил у врага,

И коль наша рать слишком далека...

Акрит на своей границе падет,

И прахом тела в землю уйдет.

Споткнулся враг — то стал корнем акрит!

На камне упал — акрит в камне сидит.

Враг вязнет в земле — то акрит-земля.

Гадюка кусила — акрит-змея.

Так мертвый боец помогает своим,

"Я лег, но вам братья дай Бог быть живым!".

Лишь только когда лютый враг отражен,

Погибший акрит умиротворен.

Он долг не нарушил, исполнил приказ,

И с честью на небо уходит в запас.

Поверье есть, мол, на страже всегда,

Апостол Петр хранит рая врата...

То только врата, кто ж всю стену хранит?..

— Без дела в раю не остался акрит.

Глава двадцать седьмая.

Оазис лежал меж двух огромных барханов, как хрустальная капля в двух сухих ладонях. В центре лежало небольшое озеро, с высокими, укрепленными деревянными подпорками, берегами. По берегам его, укрытым зеленой травой, росли кусты и деревья. Этот не лес, а скорее рощица, стоял у озера плотно, и по мере удаления его становился все реже, превращаясь в отдельные деревья; которые стояли в песке, будто смелые дозорные, выступившие навстречу опасности вперед основного отряда. Чуть в стороне от озера и рощи стояло несколько домов. Центральное, и самое крупное здесь, с двумя этажами и высокими ветряными ловушками, видимо было постоянным двором, принимающим усталых путников.

Кавалькада компаньонов въехала под благословенную сень деревьев. Кони жадно раздували ноздри, чуя близкий запах воды. Озерная гладь появилось как райское видение. Подъехав к ней компаньоны нашли специально сделанный спуск, напоили коней, напились сами, и долго мочили лица. Тянуло сразу искупаться, но опыт подсказывал, что сперва стоит занять места на постоялом дворе. В таких местах никто не мог предсказать, чем встретит двор. Могло быть пусто, но если останавливалось сразу несколько караванов, то приходилось кантоваться в холодную ночь под открытым небом... Проехав по дороге, спутники миновали несколько зданий, и добрались до постоянного двора, которые в данных местах именовались "караван-сара". Устроен он был, по местному обычаю, в виде здания окружавшего площадь. Выстроенный в виде квадрата, с глухими внешними стенами. Компаньоны проехали под арку распахнутых ворот. Здесь, на площади, было довольнолюдно. Прямо во дворе сидели путники, которые решили довольствоваться двором, и не платить за комнату. Маялись у входа и у колодца в центре площади несколько сонных охранников. Усталые грузчики вяло разгружали бочки с распряженных телег, и тащили их к небольшому складу. Их подгонял человек в богатом наряде, видимо купец. Еще несколько бедолаг несли от склада к постоялому двору вязанки хвороста, который, видимо, здесь тоже был привозным.

"На таком солнце, люди как вареные", подумал Федор, огибая конем одного из сторбленных бедолаг под вязанкой, с которым едва не столкнулся. Сам же он тем временем, рассматривал планировку постоянного двора. Здание замыкавшее площадь, было выполнено из камня, и состояло из череды примыкающих друг к другу арочных сводов. Похоже, правая часть здания, окружавшего внутренний двор судя по ширине проходов, была отдана под стойла и загоны для вьючного скота. Правая же часть здания была устроена под комнаты путешественникам. Так же во дворе, в дальней его части стояло отдельное высокое здание, в нем видимо располагалась харчевня.

Сидевшие во дворе трое служек, — юноша и два совсем еще мальчишки, споро подскочили к гостям.

— Позвольте принять ваших лошадей почтенные? — С озорным блеском в глазах спросил юнец. Уж он-то по крайней мере не был вареным, как работяги на солнце. — У постоянного двора свои стояла, напоим, накормим, помоем, вычистим...

Искус просто бросить мальчишкам монету, оставить коней на их попечение, и сразу идти к еде и воде, был велик. Коней в таких местах не крали, — ни один хозяин постоянного

двора не дал бы крутиться в своем дворе случайным людям. Но плох тот путник, кто сперва сам не позаботится о своем коне. Поэтому Федор качнул головой.

— Сперва покажи, где ставите, чем кормите.

— Следуйте за мной, почтеннейшие, — поклонился юноша и вместе с двумя мальчишками пошел к той части двора, где были конюшни. Федор со спутниками поехали за ними, и еще на подходе на них сразу густо пахнуло теплым запахом животины. Здесь, в стороне от центрального входа обнаружили конюшни и загон для скота. Заехав в конюшни, путники оказались в добротных крытых стойлах, которые сейчас были пусты. Спутники спешили, взяли лошадей за поводья.

— Смотрите, господин, — мальчишка показал на поилку и ясли. Чистая вода, и хорошая полба. Кони у вас не запаленные, напоим. Мы последим, чтобы кони не ели слишком быстро. Вон скребки. Мы умеем позаботится. Добрым коням — добрая забота.

— Хорошо малой, — согласился Федор. — Конюшенок действительно выглядел толковым. — Принимай на хозяйство. Парфений, дай ему деньги.

— Опосля дам, — буркнул Парфений. — Сперва работа, потом деньги...

— Джераб, Адад, — Махнул рукой юнец своим младшим спутникам, — берите коней, ставьте в стойла и распрягайте.

— Пойдемте уже сами к столу, — Возвестил Окассий. — Посмотрим, чем кормят в этом богоспасаемом месте.

Все шестеро двинулись в обратном направлении от стойл ко входу в постоялый двор. Уже почти подойдя ко входу, Федор остановился, и положил руку на плечо западному монаху.

— Окассий, задержись на минутку, — надо потолковать. — И махнул рукой остальным. — А вы идите, закажите пока нам обед и договоритесь насчет ночлега...

— Что случилось, куманёк? — Повернулся к гвардейцу Окассий, проводив взглядом остальных четверых путников, скрывшихся за дверью караван-сарая.

— Тут дело такое... — пробормотал Федор.

— Ну?

— Посоветоваться бы... А место не подыскать, — почесал затылок Федор. — Все время мы вместе. Поговорить-то мне про это не с кем. А ты вроде как, человек в таких делах опытный. Хоть и монах...

— Да в чем дело-то? — Заинтересовался Окассий.

— Тут, знаешь, такие пироги... — Мучительно выдавил из себя Федор. — Короче... это... я кажется, влюбился.

— Как? И ты тоже? — Хохотнул монах.

— Что значит, "тоже"? — Насупился Федор.

— Ну да. — Мечтательно вздохнул Окассий. — Ведь и я влюбился. В эту прекрасную персиянку... Эти глаза. Эти плечи. Эти руки... Эти... Да-а... А ты в кого?

— В тебя! — Гавкнул Федор.

— Не-не, — тут же отодвинулся от него монах. — Случаются у нас в глухих монастырях монахи-мужеложцы. Но я не по этой части. Я тебя очень уважаю, куманёк, но по-дружески, чисто по-дружески...

— Да ты дурак какой! — Закипятился Федор. — В кого я по-твоему мог тут влюбиться, если у нас всего одна девушка? Конечно в Дарью.

— Ты влюбился в персиянку только потому, что она у нас единственная женщина в

отряде? — С сомнением глянул на него Окассий. — А ты уверен, что это настоящая любовь, а не результат долгого воздержания?

— Да нет конечно!

— Что, — нет? Не настоящая?

— Нет! Не, — потому что единственная! То есть она единственная, на всем свете... —

Федор подозрительно покосился на монаха. — Да ты смеешься надо мной!!!

— Ни в одном глазу. Что-ты. Что-ты. — Раскинул руки Окассий, с самым невинным выражением лица, хотя в его глазах-щелочках скакали лукавые чертенята.

— Ты не можешь быть влюблен в Дарью, — заявил Федор.

— Чего это?! — Возмутился Окассий.

— Ты же монах!

— Подумаешь, какие мелочи...

— Да ведь у тебя уже есть любовь. Твоя это, как её, Розамунда...

— О, Розамунда, — Закатил глаза монах. — Так далека, что уже почти нереальна. Существовала ли она? Была ли? Наверняка, она уж и забыла меня. Я благородно прощаю ей все, отпускаю её, желаю счастья... А сам иду по миру, ища тепла и ласки.

— Ты! Блудливый кобелище! — Возмутился Федор.

— Как и все мужчины, Божьим промыслом, — Елейно сложил руки на груди монах.

— Да у тебя и не любовь никакая вовсе! Срам один!

— Эх, молодость... — снисходительно усмехнулся монах. — Да чего ты разоряешься? Ты саму-то Дарью спросил, нужно ей, чтобы ты так за неё кипятился?

Федор смешался.

— Девка конечно добрая, — продолжил Окассий. — Но может ей не ты совсем нравишься.

— А кто? — Выдохнул Федор.

— Ну откуда я знаю — кто? Может наш Фабиан.

— Так он это... болен.

— Ну и чего? Любовь слепа к таким вещам. А может вообще, у девицы жених есть. Ты про это узнавал?

— Нет.

— Ну так хоть узнай, а то роет тут землю рогами... И вообще. Не в обиду тебе, куманек... Девица она высокородная, а ты простолюдин. Поэтому, вот тебе мой совет.

— Какой?

— Парень ты ничего так. И стать у тебя есть, и физиономия не совсем страшная. Поэтому, если у девицы на это предрассудков нет, и какой темной ночью, меж вами искра проскочит, — так ты не теряйся. Но... помни. Всегда наступает утро. И когда наступит утро, ты останешься простолюдином, а она — принцессой. Прими это сразу, и не будешь разочарован. А второй — и главный — мой совет тебе, куманёк, такой: — Монах внезапно посерьезнел — мы здесь на особом поручении, если ты не забыл. О великих делах речь идет, о больших опасностях, поэтому — отложил бы ты свои влюбленности. От любви мужчина глупеет. От страсти становится бесноватым. А ты в этом деле наш глава. Не заведи нас в беду, мечтая к девке под юбку залезть.

— Ну! — Возмутился Федор. — Я ж не совсем дурила какой!

— На то и полагаюсь, — похлопал его по плечу монах. — А на мой счет не беспокойся, я тебе в этом деле не конкурент. Принцессы уж больно хлопотные. А девиц на свете много, и

все у них примерно одинаково устроено; чтоб поперек было, я еще не видел... Ну а теперь пошли схарчим чего-нибудь. Любовью-то — особливо чужой — сыт не будешь. Уж живот крутит.

— Токо ты это, — Федор изобразил сложное движение бровями, — Про меня не сказывай никому.

— Я — могила! — Уверил Окассий.

— Добро.

— Правда и на могилах эпитафии бывают...

— А ну тебя!..

С тем оба компаньона и вошли в харчевню.

Харчевня внутри оказалась так же выполнена многочисленными сводами, которые разделяли пространство и образовывали небольшие помещения, этакие альковы, где гости могли сидеть, не видя других. Световые колодцы наверху, и окна, освещали центральную часть залы, арки же утопали в приятном полумраке. Федор с Окассией пошли внутрь, и увидели остальных компаньонов, которые еще топтались в центре зала разговаривая с молодым служкой, и оглядываясь. Гвердеец с западным монахом подошли к остальным, миновав несколько занятых гостями арок.

— Отрок говорит, что сейчас караванов немного, и у них найдутся пустые комнаты, за умеренную плату — объяснил Парфений.

— Прошу, прошу, почтеннейшие, — зачастил и сам трактирный служка, по обращению Парфения признав в Федоре главного. Давайте я покажу комнаты, оставите там вещи и оружие, и прошу к столу.

— Раз караванов мало, — комнаты из-под носа не уведут, — Решил Федор, чей живот бурчал разные рулады. — Можем сперва перекусить, а потом встать на постой.

— Прошу, почтенные, прошу. — Сориентировался служка. — Вот тут, под этим сводом, вам никто не помешает отобедать.

— Присядем, — скомандовал Федор.

Компаньоны, прошли через арку в сводчатую комнату, и расселись вокруг стола, разложив у стен щиты и дорожные сумы. Стол был широкий, но по восточному обычаю, совсем низкий, будто кто-то отпилил ему ножки вполовину, а то и более. Скамьи же вокруг стола были ему вровень, но компенсировали низость шириной и пологими спинками, на которых можно было откинуться и полулежать. Федор помыкался кое как уселся на непривычном сиденье, и передвинул меч на поясе ближе к животу. Сидеть было непривычно, но не так уж неудобно; еще бы подушку под задницу...

— Что уважаемый гости будут есть? — Осведомился смуглый отрок?

— А что можете предложить? — Тут же заинтересовался Окассий.

— Довольно Кахтан, — оборвал отрока, раньше, чем он смог ответить, низкий чарующий женский голос. — У этих благородных гостей я приму заказ сама.

С этими словами из-зала под арку шагнула женщина. Стройная, грациозная, гибкая, длиннополый простой хитон, доходящий до конца ног, скрывал шаги, и казалось, что женщина не шла, а перетекала. И несмотря на длину хитона, — может быть виной была его легкая зауженность, — он не скрывал, а скорее подчеркивал её фигуру. Высокая грудь, крутые бедра. Голова гордой посадки с волосами, убранными в простую черную косу. Кожа её была смугла, черты лица отдавали какой-то цыганщиной. Черные глаза, длинный нос с

поднятыми ноздрями, все это складывалось в дикую опасную красоту. Даже Федор, имевший, как и все влюбленные, некоторую защиту от чар прочих красавиц, на какой-то момент потерял мысли и пялился на неожиданно явившееся чудо. Мужское естество в душе его заволновалось, и лишь несколько позже ревнивая мысль влюбленного мелькнула, — мол, Дарья-о все равно красивее, а у этой, вона, усы растут над верхней губой. Сейчас едва заметные, но с возрастом, — знаем мы этих восточных... Прочие же мужчины, души которых не были облачены броней любви, отвесили челюсти. Особливо заволновался прижатый к дальней стене Окассий.

— Если благородные господа, и их спутница, не имеют ничего против, чтобы их обслужила женщина, разумеется, — с легким горделивым поклоном испросила красавица.

— Эхм... Что вы, что, мы не против, — горячо заверил Окассий. — Как тебя зовут, дивный мираж пустыни?

— Меня зовут Шинбана, — сверкнула белыми зубами в неширокой улыбке женщина. — Я жена хозяина этого постоянного двора. Муж в отлучке по делам. Но я и мои слуги позаботимся о вас наилучшим образом.

— И... надолго уехал твой муж? — Отчего-то оживился Окассий.

Женщина на этот вопрос не ответила, но посмотрела на монаха так маняще и многообещающе, что тот аж весь заерзал за столом, а сидевший рядом Парфений отчего-то быстро и суетно перекрестился.

— Гхм... Да... Продрал горло Федор. Так чем накормишь, хозяйка?

— Есть суп из чечевицы, печеные баклажаны, пирожки с начинкой из гороха, лепешки-хубз, каша-бургуль, сыр и оливки.

— А мясо? — Уточнил Окассий.

— Сразу видно сильного мужчину, — улыбнулась женщина. — Есть мешви — запеченная баранья нога с пряностями, есть кабса — плов с мясом, морковью и изюмом, если господа могут подождать, специально для них можно запечь пару куриц.

— Богатый у вас выбор для такого глухого места, — дал голос со своего конца стола Фабиан.

— Мы живем в пустыне, но не на отшибе, господин, — ответила женщина. — Торговый пусть здесь оживленный. Нам надо радовать гостей. — Женщина чуть склонила голову, и внимательней присмотрелась к рыцарю, который так и не снял повязки. — Красивые у вас глаза, господин. Зелень такая редкость в этих песках.

— А разве серый цвет плох? — С улыбкой вклинился в разговор сероглазый Окассий.

— Всяк цвет хором по-своему, дорогой гость. — Отозвалась женщина. — Кроме честной еды, у нас есть еще и десерты.

— О-о, — оживился Окассий. — Тогда, стало быть, закажем мы вот-что...

Шевеление за окном, что было в нише, привлекло внимание Федора. Он глянул туда. Измученные сутулые грузчики все-так же тащили по двору бочонки. Все-так же... — Под фон разговора Окассия с хозяйкой Федор присмотрелся внимательней. — Все также... Память услужливо подсказала, что когда компаньоны въехали в караван-сарай, грузчики выгружали бочонки с распряженных телег. Теперь — они грузили их обратно. С неясной тревогой Федор пригляделся внимательнее. Тот доходяга-грузчик, что едва не попался под ноги его коню, в грязной длинной рубахе, и сбитой набекрень чалме... Тогда бочонок в его руках был треснут. И теперь он тащил точно такой же... — Да нет... Не такой же; — тот же.

Федор произвольно потер шею. Разгрузка... Загрузка... Кто-то едва приехал, и тут же

решил уехать? Что вдруг? Почему?.. Но нет... Было что-то еще. Какая-то мысль придавала всей картине ощущение ужасной неправильности. Телега. Разгрузка. Загрузка. Что-то было не так. Что-то было...

— Федор, куманёк, — позвал Окассий. — Баранья нога, нам пойдет?

— Пойдет, пойдет, — машинально отозвался Федор. — И зелень на твой выбор...

Стойла в конюшнях! — Эта мысль обожгла прозрением как кипяток по коже. — Загон для скота! Когда они пошли туда, чтобы поставить своих коней, — там больше не было ни одного другого коня, быка, или иной животины. Пусто там было. И те, кто сейчас грузил бочонки в телеги... Им некого было в эти телеги запрячь. Будто занавес упал, или шоры с глаз, Федор вдруг начал замечать прочее. Сытные слова хозяйки были пусты — в таверне не пахло тем, чем должно пахнуть всегда — приготовляемой едой. Носили хворост — но не горел огонь, и не было над харчевней дыма. Другие гости в альковах, их было довольно много. Но голоса гостей доносились всего из одного-двух мест. Или — бред? Конец нет, потому что грузчики в этих диких местах тащат телеги через пустыню сами? Гости молчат потому что устали в пути?..

— ...А вино? — Вопросил Окассий.

— Ну, конечно, — отозвалась хозяйка. — И вино. Лучшее вино...

Федор снова взглянул в окно. Грузчики тем временем водрузили на телегу последний бочонок. То тот самый оборванец и водрузил. Водрузил, и... тут же снял, спустился с телеги, и потащил обратно на склад. Вот почему бочонок все время оказывался у него в руках — последний в очереди. Сколько же они здесь ходят вот так, по кругу?..

Федор обернулся к комнате. Окассий уже закончил загружать хозяйку заказом, и та отошла. Юноша-служка стоял в арке и пожирал гостей глазами.

— Эй парень, — позвал Федор. — Как по имени?

— Кахтан, господин.

— Тут жестко. — Федор показал на Дарью. — Даме неудобно сидеть.

— Да мне нормально, — Возразила Дарья. — Не хуже вас сажу.

— Дама скромничает. — Констатировал Федор. — Найдешь ковер или подушку для дамы, Кахтан?

— Я... Да... Сию минуту господин.

Парень, как показалось Федору, неохотно вышел из арки. Но только Федор успел открыть рот, как на месте юнцы появился другой, носатый и чуть повыше, который встал на том же месте.

— А ты парняга, как тебя?

— Убар, господин...

— И ты не стой столбом. Неси-ка и ты нам подушек.

— В обслуживание это не входит, господин. — Хмуро отозвался Убар. — В наших краях гости обычно ездят со своими коврами и подушками.

— Мы чужаки, как видишь. Гость всегда прав. Особенно, если гость платит. Неси, а мы заплатим.

— Да, господин, — Убар тоже исчез, оглянувшись через плечо.

— Смешные имена у служек, если перевести на греческий, — заметил Парфений. — "Голод", и "Зверь"...

Федору имена смешными не показались.

— Подушки, подушки... Ты что, кум, зад об седло отбил? — Ухмыльнулся Окассий.

— Тихо, — пресек смешки Федор. — Сейчас все разом встаем, — и уходим. К конюшне, на коней, и через ворота.

— Какого черта? — Возмутился Окассий. — Мы ж только сели!

— Оружие наготове, — не вступая в пререкания процедил Федор. — Вида не казать. Будут мешать, — бейте.

— Что случилось? — Посерьезнев вмешалась Дарья.

— Это уже не постоянный двор. — Хмуро отозвался Федор, попутно думая, как странно звучат его слова. — Площадка для мимов. И сцена, которую играют, — мне не нравится. Все здесь подменное. Встали!

Вряд ли спутники толком поняли, что имел в виду Федор. Но его тревога и тон убедили. Все тревожно вскочили на ноги. Федор, Рыцарь, и слуга принцессы подхватили щиты. Все начали пробираться между столом и скамейками. Федор выходил первым. Там, в арке, он нос к носу и столкнулся с первым служкой, что назвал себя Кахтаном.

— Куда-то уходите, господин? — Непонятным тоном спросил слуга, глядя Федору прямо в глаза, загромождавая гвардейцу путь.

— Возникли дела. — Глядя на слугу отрубил Федор. — Срочные.

— Обидите хозяйку.

— Переживет, — Отозвался Федор, пытаясь "продавить" слугу тяжелым взглядом. Тот не смутился, глаз не отводил, и страха вы тех глазах не было. Была спокойная уверенная издевка. — А где подушки? — Спросил Федор. — Ты же за ними пошел.

— Вам ведь не нужны подушки, господин. — С той же неуловимой спокойной издевкой утвердил слуга.

— Не нужны. — Согласился Федор. — Прочь с дороги.

Слуга с места не двинулся. И раньше, чем тот снова принялся что-нибудь болтать, Федор левой ногой из-под щита хорошенько двинул его бронесапогом в надкостницу, и когда слуга тихо зашипев согнулся, тычком щита припечатал тому в физиономию. Служка кубарем укатился, освободив проход. Федор двинулся вперед, слыша за собой слаженные шаги компаньонов. Всего через пару шагов, со стороны прохода, ведущего в кухню, выскочил второй слуга.

— Господин, да куда же вы?

— Под ноги не лезь, — посоветовал Федор. Слова, по его наитию сейчас были нужны не для выяснений, а только чтоб отсрочить момент действий. Слуга, впрочем, за ним не спешил, так и остался в двери, — перекрывая выход на кухню.

— А как же обед? — С места спросил слуга.

— Нет у тебя никакого обеда, — буркнул Федор.

— Не было, господин. — Уточнил слуга. — Теперь, когда вы пришли, — есть.

Федор коротко глянул на слугу. В улыбке того не было ничего человеческого. Второй, — которого Федор отоварил щитом, уже поднялся с пола, тягуче и мягко, будто бескостная кукла.

— Это они! Они! — Выкрикнула Дарья, и её клинок с шелестом влетел из ножен, сверкнув отсветом в лучах светового окна. Автоваз последовал её примеру. Секундой позже рыцарь Фабиан явил свой смертоносный меч. Окассий по-боевому перехватил посох.

— К бою. — Скомандовал Федор. — Фабиан, опекай Парфения. Вперед.

— Ну куда же вы, полнокровные мои? — Перед Федором, шедшим первым встала хозяйка Шинбана. — Хоть поцелуй на прощанье.

Хозяйка призывно раскинула руки, пламенно раскрыла глаза, и чуть приоткрыла свои пухлые губы.

Ближе всего к хозяйке оказался рыцарь Фабиан, который слегка замешкался, не зная, как поступить с перекрывавшей дорогу женщиной. Сверкнули зубы слишком длинные для человека, хозяйка, каким-то выхлестом, будто бы удлинившейся руки вспорола воздух. Фабиан отпрянул, маска его закрывавшая лицо, оказалось порвана, будто рысь когтями оходила. У Федора мелькнула мысль, что не отдерись рыцарь, — лежал бы он сейчас без головы. Фабиан зашипел, и — теперь он понял, как обходится с дамой, — рассек воздух великолепным ударом своего меча. Женщина увернулась, — с ловкостью невысказанной, прыгнув будто тень от света. Федор, шедший рядом, тут же ударил хозяйку следом с глубокого выпада, — снова мимо.

— Бесовка... — Выдохнул Федор, наступая.

— Капризные сосуды — укоризненно сказала женщина, выдерживая расстояние. Глаза её были темнее самой тьмы. — Разве пристало емкостям капризничать? Все, кто пришел сюда — остались. И вы останетесь.

И тут же, будто повинуюсь незримому приказу, с какими-то гадкими стонами и влажным кряхтением, из других затемненных альковов начали подниматься и вываливаться в залу другие "гости". Дергаясь, словно куклы на плохо привязанных нитках, гости тем не менее быстро рванулись навстречу компаньонам. Один из гостей опередил других, подскочил к Федору протягивая алчные руки, блестя глазами, в которых не было уже ничего человеческого. "Мертвяк, — мелькнуло в голове у гвардейца — бездушный остов...". Федор ударил набегающую тварь, памятуя хозяйку-тень с максимальной быстротой, и... едва не потерял равновесие; тварь живая телом, но мертвая разумом, не блистала реакцией, — меч с легкостью снес ей с плеч полголовы. Но уже набегали другие, грозя повалить и задавить массой. А на заднем плане, за этой оравой бездумной алчной плоти скалилась веселым звериным оскалом хозяйка.

— Сюда! к нише! — Рывкнул Федор, попутно махом отрубая протянутую к нему скрюченную руку, и показывая на ближайшую арку с нишей, откуда не перли мертвые гости. — Отходим! Стена щитов!

Хороши были спутники! Даром, что не случалось им тренировать строй вместе. Ощую гвардейца тут же встал Автоваз, одесную — Фабиан, щиты сомкнулись, принимая и отталкивая озверевшую массу некогда бывших людьми. А в тылу... Парфений орал и крестился, но Окассий пинком толкнул его в нишу, широким круговым взмахом посоха отогнал резвого служку-Убара, принцесса выпотрошила коротким круговым махом одного из сонных неживых гостей. С тем монах и принцесса заскочили под арку. Федор с двумя товарищами по строю шагнули туда же, — троих щитов как раз хватило, чтобы перекрыть проход. Навалились! На щиты нахлынуло море из скрюченных рук, перекошенных лиц со страшными, неживыми, безразличными глазами. Толкнули, заскреблись, ухватились за кромки щитов, стремясь вырвать из рук. А через плечи первого ряда мертвых гостей тянулись другие, стремясь вцепиться в лица, вцепиться хоть во что-нибудь. Троица щитоносцев отталкивая тварей щитами, не сговариваясь заработала по низу, подсекая икры, подрубая колени, разрубая голени. Твари падали, тяжело, неловко заваливались, но даже внизу не переставали шевелиться, конвульсивно сжимая руки, стараясь уцепиться в ноги, и обездвигать. Замелькал посох Окассия, монах страшными тычковыми ударами начал бить упавших в головы, кого мог достать между ног первого ряда.

— Эти твари — безмозглые слуги! — Вдруг, задрожав, провещился меч-Солнцедар в руке Федора, выбирая моменты между ударами хозяина — Управляет всеми девка. Она будто матка у муравьев!

— Бейте матку! — согласился Эклер. — И её лейтенантов-служек, бфррр... — голос Эклера прервался, так как именно в этот момент Фабиан подрубил им очередную ногу подступавшей твари.

— Бейте тех, у кого разум в глазах, — дополнила из-за спины шамшер-Ксинанти.

— Дивный совет, — прорычал Федор, видя, как скалящаяся хозяйка мелькает где-то вне досягаемости за толпой безмозглых слуг, и чуя как эти слуги своим напором заставляют его медленно отступать назад в нишу. — Глаз видит, рука неймет...

В этот миг какой-то неживой гость отчаянным прыжком поднялся над плечами своих несчастных товарищей из первого ряда, и вцепился в щит Федора, оттягивая его на себя, а сам алчно защелкал зубами на расстоянии пары пальцев от носа гвардейца. Федор, отчаянно ругаясь, боднул прыткого неуспокоенного шлемом. Раздался треск зубов, мертвяк прощербился, но это ничуть не помешало ему тянуться оставшимися зубами, окатывая Федора зловонным дыханием. Тут же кто-то снизу вцепился Федору в сапоги, гвардеец закачался, чуя, что еще секунда, и вся эта масса сейчас опрокинет его навзничь, и рассыплется их маленький строй, и...

Свистнуло, что-то прошелестело мимо щеки Федора. Мертвяк навалившийся сверху удивленно крикнул, — пытаюсь сфокусировать оба глаза на оперении стрелы, внезапно "выросшей" у него в переносице. Затем глаза мертвяка закатились, хватка его ослабла, и он спал с плеч Федора лишившись последних остатков своего нечестивого подобия жизни. Свистнуло снова. Раз Другой. Стрелы в головы мертвяков стали влетать с поразительной быстротой и точностью, будто за спиной Федора стоял гвардейский отряд стрелков. Мертвецы начали падать как снопы под серпом жнеца. Подрубив частыми короткими ударами меча ногу очередному незадачливому гостю, Федор коротко оглянулся назад. Дарья позади них умудрилась забраться на стол, набросила тетиву на ушки составного лука, и стреляла со скоростью немыслимой, — будто ожившая эллинская богиня-охотница по имени Артемис. Зажав в руке несколько стрел разом, чтоб не тянутся к колчану, и на вид почти не целясь, не до конца даже натягивая тетиву, девушка тем не менее, попадала, а вытяга тетивы хватало как раз, что бы стрела пробивала головы нежити. Стреляла персиянка как нижним хватом тетивы к груди, так и верхним кочевым, — с оттягом к уху. Кочевым даже чаще, так ей не мешало натягу собственное зеркало. Выпущенная стрела прошла мимо только один раз, — когда стрела молнией полетела к голове хозяйки, — но той уже не было, отскочила, и стрела бессильно ударилась в камень стены. То был единственный промах. В какие-то мгновенья, дюжина ближних мертвецов обзавелась опереньем в бошках, отвалилась и осела на пол, чтоб больше уже не подняться.

Пользуясь краткой передышкой, Федор могучим ударом бронесапога присунул по хлебалу хватавшего его за ноги мертвяка-колеки, бросил меч в ножны, и провернул ремень, висевший у него на груди. Повинуясь тяге ремня со спины ему в руки скользнул металлический дракон. "Последний", — с сожалением подумал Федор, чиркнув колесиком. Дернул рукой назад-вперед — фукнуло! Жадное чадающее пламя с ревом вылетело из драконьей пасти, будто огненный хлыст шлепнул по подступающим тварям. Неугасимый огонь охватил сразу с десятков фигур. Мертвяки горестно завопили, сколько бы смысла не осталось в их пустых головах, огонь он понимали. С паскудной рожи хозяйки, мелькавшей на

заднем плане, сползла довольная гримаса. Горящие мертвецы сбились, затоптались на месте, истаивая в огне. Кое-кто из них развернулся, и попытался убежать в сторону хозяйки, к двери. Отчего у самой хозяйки случился легкий приступ паники. Только один, особенно видно упертый мертвяк, несмотря на сжиравший его огонь, заковылял вперед, и попытался вцепиться в Автоваза, но Окассий так отоварил его посохом, что тот убрался гореть на пол.

— Вперед! — Скомандовал Федор, — пока они не очухались.

Аккуратно обступая горящие фигуры, компаньоны вышли из ниши. За время неудачного штурма толпа мертвяков изрядно поредела, поэтому троица компаньонов из первого ряда без труда выбралась в основной зал, и чуть разойдясь начала наступать по нему к выходу. Простор позволял более свободно орудовать мечами, рубящие удары чудо-мечей срубали мертвяков, отсекая конечности и головы. Дарья двигалась следом, пуская стрелы в тех мертвяков, что по каким-то причинам задержались в боковых нишах, и при случае уязвляя тех, кто был перед троицей. Окассий прикрывал девушку, и заодно подтаскивал за собой Парфения, который обрушивал на врагов пламенные, но несколько бессвязные обрывки молитв.

— Скверные бурдюки! — Завыла хозяйка, разевая зубастую пасть гораздо шире, чем возможно человеку. Видя, как тает под ударами компаньонов её воинство мертвяков, хозяйка начала спиной пятиться к выходу. Сперва медленнее, потом все быстрее. Наконец, не дожидаясь, пока удары троицы повергнут последних мертвяков, она, не чинясь, обернулась, и бросилась бежать к дверям, соблазнительно покачивая на ходу своим наливным задом.

"Отличный зад", — Подрубая очередного мертвяка, отстраненно успел восхититься Федор.

Секунду спустя в зад хозяйки, дрожа оперением, вонзилась стрела.

"Был", — Додумал мысль Федор.

Хозяйка, рокоча уж совсем нечеловеческим голосом, потеряв всякую грацию, вывалилась за дверь.

Дарья опустила лук, расслабляя на тетиве очередную стрелу.

— В голову надо было, — Посетовал Федор.

— Хотела сперва замедлить, уж слишком ловка стерва, — отозвалась персиянка.

— Все равно. Отменная стрельба, — похвалил Федор. — К выходу, други! Поймаем матку-бабищу!

Тем же слаженным порядком, — трое щитоносцев впереди — компаньоны быстрым шагом прошли к выходу.

— Твою медь!.. — Ухнул Федор. Во дворе "гостей" оказалось куда больше. И теперь все они стягивались к зданию. Что хуже, среди дворовых мертвяков были не только бывшие купцы, но и добротнo вооруженная охрана. Хозяйка-упырица, припадая на ногу, и сверкая цветастым оперением пониже спины, махала руками как дирижер перед музыкантами, направляя оравы тварей к харчевне.

— Сними бабу. — Приказал Федор.

Дарья вскинула лук, но тут же, повинувшись воле хозяйки, ближайšie твари встали перед ней живым щитом. Остальные же, набирая скорость начали бросились к зданию.

— Не прорвемся! — Рывкнул Федор. — Назад! Запираем дверь.

Компаньоны отошли обратно в дверь. Окассий подскочил к двери, захлопнул её, Парфений провернув, заложил в гнезда тяжелый засов. Постоялые двory здесь не зря строились в виде здания окружающего площадь, — это была форма подобия крепости.

Настоящую осаду войском оно выдержать не могло, но годилось для отбичи набега разбойничьих шаек. Если же — как здесь — внутри на площади строились отдельное здание — оно в этом торговом подобии крепости выполняло функцию цитадели. Федор начал оглядывать внутренность харчевни. Дверь мощная, засов добрый. Окна небольшие, — человеку не влезть.

— Кухня! Есть ли задний вход?.. — Дал голос рыцарь Фабиан.

— Проверь! — Приказал Федор. — Автоваз, дуй с ним.

Рыцарь с персом побежали в кухню. Окассий, не дожидаясь приказа метнулся в нишу, и своротив коротконогий стол, потащил его баррикадировать дверь. Парфений подскочил, схватив за вторые ножки неудобную ношу.

— Берегитесь окон, — могут стрелять через них, — предупредил Федор. — Дарья, — со мной наверх. Поглядим что на крыше.

Федор, перелетая через ступеньку крутой лестницы, взлетел на крышу, осмотрелся. Кроме ветровых ловушек, на крыше было пусто. Край крыши защищали стены с бойницами, вполне настоящие, способные укрыть воина.

— Осторожно, предупредил Федор, — когда за его спиной появилась девушка, — берегись стрелков. Дуй на сторону ко входу. Будут ломать дверь, стреляй.

— Стрел мало, — Хлопнула по колчану девушка.

— Вот и не трать понапрасну. Иди.

Девушка пригибаясь побежала на нужный край крыши.

— Федор! — Крикнули снизу, от лестницы.

— Ну, — Гвардеец посунулся обратно, глянул вниз, на Окассия.

— Дверь забаррикадировали, — отрапортовал Монах, тяжело дыша, и опираясь на свой посох.

— Задний вход тоже заперт, сир, — В поле зрения появился Фабиан. Дверь узкая, толстые доски, крепкий засов.

— Недобитых врагов дорезали, — дополнил перс Автоваз.

— Добро! — Кивнул Федор. — Давайте наверх. Будем держать оборону тут. Если взломают двери, удержим их на лестнице. Парфений!

— Я, — отозвался монах.

— Собери с тел внизу стрелы Дарьи, из тех, что целые, — и тоже наверх. Только не тащи стрелы обратно как попали, протыкай насквозь, а то наконечник в ране останется. Справишься?

— Дело безрадостное, но с Божьей помощью совладаю, — перекрестился Парфений.

— Ну-ну, аккуратней там. Если что, кричи...

Окассий, Фабиан, и Автоваз, тем временем выбрались на крышу.

— Каждый берем по стороне, — распорядился Федор.

Воины рассредоточились по крыше, согнувшись у бойниц. Тут что-то хлопнуло на стороне правой от входа. Над бойницами, на стороне которую занял Автоваз показались две жерди приставленной к крыше деревянной лестнице.

— Окассий, — Показал рукой Федор.

Монах кивнул, и перебежал на сторону к Автовазу. Примерился, упер свой посох в жердь лестницы, и хорошенько толкнул. Лестница отделилась от стены, и набирая скорость ухнула вниз. Раздался шлепок. Мертвяки внизу обиженно завывали.

На крышу залез Парфений, сжимая в руках окровавленные стрелы. Огляделся, побежал к

Дарье. Федор подвинул шлем, утер со лба пот, и выглянул во двор. Мертвяки обступили дом внизу плотной толпой. И стояли. Молча. Неподвижно. Зловещей хозяйки видно не было. На крыше внешнего здания выстроились несколько стрелков из охраны постоянного двора, или караванов, — луки были у них в руках, но пока никто не стрелял.

— Стрелы отдал, — Приблизился к гвардейцу Парфений. — Чего теперь делать?

— Встань у лестницы, смотри вниз, — если кто проникнет внутрь, — кричи.

— Ага, — Парфений собрался к лестнице.

— Постой. — Остановил его Федор.

— Чего?

— Ты это... Наблюдай, — и молись.

— Да, — Парфений кивнул, и отошел к ходу вниз.

Федор еще раз прошелся по крыше, оглядев все стороны, и только после этого позволил себе присесть. "И что дальше? — Мелькнула в голове невеселая мысль. — Попали как кур в ошип. Сколько можно высидеть вшестером на этой крыше? Надо будет послать Парфения, посмотреть, найдется ли что на кухне, — хотя бы вода... Но что потом?".

— Эй! — Словно в ответ на его мысли послышался голос снизу. — Эй, на крыше!

Кричали со стороны, которую сторожил Фабиан.

— Всем следить за своими постами! — Напомнил Федор. — Это может быть отвлекалка.

Федор подскочил на сторону франкского рыцаря, и опасно высунулся в край бойницы.

— Кто орет? Чё надо?

— Это я, — отозвался так же опасно высовываясь из-за плеч мертвяков слуга, который называл себя Кахтан. — Хозяйка хочет поговорить с вами. Переговоры. Давайте, чтоб без стрельбы. Безо всякий глупостей.

— Ну, пусть выскажется, — буркнул Федор.

— Так ты пообещай, чтоб, там, без всяких хитростей.

— Обещаю, — выплюнул через губу Федор. — Честное благородное слово... — Сам же переглянулся с Дарьей, и жестом позвал её к себе, потом щелчком пальцев привлек внимание Парфения, и отправил его на сторону, откуда ушла персиянка. Когда девушка подкралась к нему, указал ей шепотом.

— Спрячься рядом. Не высовывайся. Как дам сигнал, попробуй убить ехидну.

— Нет! — Глаза Дарьи расширились. — Так нельзя! Ты же обещал ей переговоры. Такое слово нарушать нельзя!

— Да ведь она нелюдь.

— Ну и все равно. Это же твое слово.

Федор посмотрел на персиянку. До чего ж красивая. То ли обругать, то ли поцеловать...

— Нарушать слово вам запрещают ваши боги? — Вспомнил он то, что знал о персидской вере.

— Да. Всевидящий Ормазд сурово карает клятвопреступников. Ангран⁸⁴ не примет их!

— Но ведь ваши боги так же велят вам помогать им в борьбе со злом, и всеми силами уничтожать порождений Аримана?⁸⁵

— Да, — снова согласилась девушка.

— Так выходит в этой ситуации, — что важнее? Сохранить слово? Или уничтожить зло?

— Я... не знаю, — смутилась девушка.

— Я знаю. — Отрезал Федор. — Эта гримза сама на нас первая подло напала, значит все честные правила в её сторону отменяются. Выполняй, что велят твои персидские боги — уничтожай зло.

— Хорошо! — Дарья наконец-то согласно кивнула.

"Чудо, какая бы была замечательная жена, — подумал Федор. — Сама не врет, а всему что ей говорят, верит. Эх, если б не царского роду... С другой стороны — ужас какая принципиальная; тоже это не всегда сахар...".

— Значит, жди моего сигнала, — напомнил он вслух.

Внизу, из рядов апатичных мертвяков, выбралась хозяйка. Остановилась, уперев руки в бока, посмотрела вверх. Федор встретил её взгляд. Сейчас хозяйка опять выглядела человеком, красивой женщиной. Но гвардейца её внешность больше не обманывала.

— Как вы догадались? — Спросила снизу хозяйка Федора, самым доброжелательным тоном. — В чем наш прокол?

— Это я, пожалуй, придержу для себя. — Отозвался Федор. — С чего бы мне учить тебя?

— Еда, да? — Хозяйка чуть склонила голову набок. — У нас просто кончилась ваша человеческая пища на складе. Перебой с подвозом. С едой было проще. Покорми вас хорошенько, — вас тут же тянет в сон. Да немного вина... А ночью, со спящими все можно сделать тихо-тихо, нежно-нежно. Никто и не успевал понять... А если кто не спал, — тот сам отпирал мне дверь. — Хозяйка соблазнительно потянулось, так что её хитон подчеркнул все округлое. — Как тебя звать, воин?

— Я смерть твоя, — представился Федор.

— Ну да... — Хозяйка вкусно хохотнула низким грудным смехом. — А знаешь, почему я еще не взяла штурмом эту халупу? — Спросила снизу хозяйка. — Да не вытащила вас всех оттуда за уши?

— Наверно потому, что мы пинком выгнали тебя из этой халупы. Порубали в капусту твоих холуев. И засадили тебе стрелу в задницу. — Любезно ответил Федор. — Как седалище, кстати? Сильно болит?

— У таких как я, все очень быстро заживает. — Улыбка хозяйки несколько поблекла. — Не волнуйся, я помню, кто мне задолжал. Получила стрелу — верну кол. Погляди-ка сюда, милый.

С этими словами хозяйка лениво махнула рукой, часть мертвяков, стоявшая кольцом вокруг харчевни, разошлась, и отступила, открывая лежащие там вязанки хвороста. В другом месте отошедшие мертвецы обнажили сложенные кувшины.

— У меня здесь полсклада забито оливковым маслом, — констатировала хозяйка. — Его вез такой вкусный купец... Само по себе масло не горит. Но если плеснуть его на хорошо разогретый костер... Я могу в любой момент спалить это здание вместе с тобой и твоими друзьями.

Федор посмотрел на хворост. На кувшины. Беда дело. Только бы не дрогнуло это на лице...

— ...И мы опять возвращаемся к вопросу — Мягко продолжила хозяйка — почему я еще этого не сделала?

— Потому что ты на этом деле потеряешь столько твоих холуев, — что тебе икнется! — Твердо ответил Федор.

— Марионетки? Да, жаль их терять. — Легко согласилась хозяйка. — Но не так жаль,

как ты думаешь. Мне ведь не нужно их растить, обучать, убеждать... Только взять их крови, да кое чего добавить взамен... Ты не представляешь, как быстро можно наплодить эту безголовую стаю. Куда больше мне жаль здание. Постоялый двор — такое богатое, сытное место. И вместе с тем, такое уединенное. Люди сами стекаются сюда. Но их будет несколько труднее... принимать, если в центре двора будет торчать закопченный остов. Вот, почему я еще не спалила вас, как гнилую траву.

— Сочувствую твоим трудностям, — отозвался Федор.

— Я хочу, чтобы ты понял, — терпеливо отозвалась хозяйка. — Вы живы, — только потому, что я не хочу портить сцену. Но. Как только на гребне бархана появится первый же проходящий караван... Чем-то приходится жертвовать, милый. Сгоревший дом можно объяснить десятком причин, — главное, чтобы рты в нем умолкли. Понимаешь? Вы живы только до первого каравана. Он появится — я зажгу факел. Я только пытаюсь донести до тебя простую истину — вы все мертвы. Имеется лишь малая отсрочка. Или... — Хозяйка сделала паузу. — Есть вариант.

— Какой? — Хмуро спросил Федор.

— Вы сами открываете мне двери и сдаетесь. Тогда я сохраняю вам жизнь. Будете служить мне.

— Ха! — Ведор искренне развеселился. — Чтобы мы стали твоими безмозглыми куклами? — Он оглядел стадо переминающихся вокруг дома мертвяков. — Уж лучше согреть.

— А зачем вообще людям мозги? — Хохотнула хозяйка. — Спроси любого правителя, чего он хочет от подданных, и он ответит: побольше преданности и поменьше мозгов. Эти существа, — она махнула рукой на толпу нежити. — Всего лишь автоматы. Впрыснутые им в тело мельчайшие живые частицы перестраивают их. Тело консервирует само себя. Срок службы их недолог, пока в недрах их тел не закончится запасенная там еще при жизни энергия. Правда основной поглотитель энергии — мозг, почти отключен, что несколько продляет... — Но для вас есть иной вариант. Возвысится. — Хозяйка повернулась к стаду мертвяков, и крикнула. — Кахтан, подойди сюда!

Через малое время, растолкав стадо безмозглой нежити к хозяйке подобрался молодой человек. Федор узнал служку, который "обслуживал" их в таверне.

— Узнаешь? — Спросила хозяйка. Ты общался с ним. Он, конечно, не слишком образован, но разве безмозгл? Кахтан — стал таким как я, только он еще очень молодой, у него долгий путь. Он связан со мной, как связаны у нас все младшие со старшими. Но он не кукла. У него есть свои мысли и чувства. Когда-нибудь он дойдет по дороге крови и до личной свободы. Я предлагаю тебе и твоим друзьям присоединится. Вы выцарапали себе это право. Нам нужно не только безмозглое мясо. Нам нужны и умные воины.

— Стать кровососом? — Процедил Федор. — Выпивать жизнь из других людей?

— Не надо патетики милый. Ты же не спрашиваешь у коровы, хочет ли она пойти тебе на корм? Ты же не страдаешь оттого, что ешь телячье мясо?

— Теленок не умеет мыслить.

— Кто сказал? Конечно он не умеет бубнить молитвы. Но он, так же как вы — боится, не хочет умирать. Тебя не слишком волнует все это, когда ты жуешь телячью вырезку в прожарке.

— Животное — это животное. А человек есть человек. Бог создал природу так, чтоб человек ел животных.

— Именно милый. И бог создал нас, — чтобы мы жрали людей. Так устроена природа. Все жрут друг друга. Лучше быть тем, кто жрет, а не тем, кого переваривают. Да и на что нам примеры с телятами. Вы — люди — сами же друг друга жрете. Раньше жрали буквально. Теперь, — у вас цивилизация — сильный давит слабого. Слабый горбатится на сильного, теряя здоровье, отдавая свою жизнь, свою кровь. И я предлагаю тебе перестать быть теленком — пока ты еще не на вертеле. Умри — или поднимись на вершину пищевой цепочки. Ты ухватил случай за волосы милый, — у тебя то, что мне сейчас нужно. И я даю тебе — и твоим спутникам — честный выбор. Я немногим его даю. Прими мой дар. И ты станешь быстрее, сильнее. Ты увидишь все краски мира. Ты станешь почти бессмертным. Века будут бежать мимо тебя, и ты увидишь к чему идет этот мир.

— Я и так силен, и годов мне немного. Вся жизнь впереди.

— Ваша жизнь пролетает как миг. Быстрее, чем сгорает в пламени мотылек. Ты по молодости кажешься себе бессмертным, а не успеешь оглянуться, — станешь дряхлым, больным стариком. И вот тогда, угасая, ты вспомнишь, что у тебя был шанс на долгую жизнь. На вечную молодость. -

Хозяйка говорила так проникновенно, что в сердце у Федор шевельнулся червяк сомнения. И тут же её взгляд соскользнул с него, и обратился куда-то рядом. — А твой друг? — Федор посмотрел, и увидел, что рядом с ним на крыше стоит рыцарь Фабиан. Хозяйка тем временем поднесла свои пальцы ко рту, и облизала длинным языком те места, где должны были быть ногти, а были острые когти. — Я поцарапала тебя, воин. — Фабиан машинально тронул все еще струившуюся кровь из порезов на щеке. — Да, я попробовала твой вкус. Такой молодой. Такой прекрасный! И такой больной. Хворь сжирает тебя изнутри. Ты будешь гнить заживо. Из всех вас, мне жаль тебя больше всех. Ты глянулся мне рыцарь, твоя краса тронула мое сердце. Твоя жизнь, твоя цветущая прелесть — пойдись ко мне рыцарь, прими мой дар! И твоя болезнь развеется как дым. Мы — не бодем. Жизнь, здоровье, молодость — вместо гнили, смерти, и тлена. Разве оно не стоит того?

Федор глянул на Фабиана. Тот слушал прекрасную хозяйку задумчиво. Слишком задумчиво.

— Ну хватит, — Прервал Федор изливания женщины вниз, — Дарья!

Девушка на крыше разогнулась будто пружина, возвысилась у бойницы, и спустила тетиву. Стрела просвистела в воздухе, и застыла у хозяйки... в кулаке. Шинбана слегка сжала пальцы, и пойманная стрела сухо хрустнула сломанным древком.

— Это я предвидела, воин — улыбнулась хозяйка Федору. — Будем считать, первый этап наших переговоров законченным. У вас есть время подумать, — до первого каравана. Поразмыслите над моими словами. В них нет лжи. — Она поглядела на Фабиана. — Особенно, подумай ты, рыцарь. Твои друзья так молоды и здоровы, — что кажутся себе бессмертными. Но тебе болезнь дала мудрость. Сняла шоры с твоих глаз. И теперь ты видишь мир во всей красоте его безжалостной искренности. Сделай еще шаг, — отринь навязанные тебе чужие правила и запреты. Освободись разумом- освободишься и телом. И тогда тебя ждет вечная жизнь. Вечная. Жизнь.

Хозяйка мягко, чарующе улыбнулась, и мягко ступая, отошла, отступая лицом по направлению к постоялому двору. Толпа нежити сомкнулась за ней.

— Слишком ловка, — Скорчила досадливую гримасу Дарья.

— Ну, — пожал плечами Федор. — По крайней мере ты научила её не поворачиваться к нам задом.

Глава двадцать восьмая.

Время тянулась как патока. Солнце пекло сверху, превращая крышу в подогретую сковородку. Но уходить вниз было нельзя. Нежить некогда бывшая людьми, окружившая дом, по большей части легла. Мертвецы развалились на площади вповалку, закрыв от солнца лица. Видимо так хозяйка мертвяков сэкономила их запас сил, дабы они не тратили их попусту. Посреди этого людюпада стояло только несколько мертвых часовых. Так же неподвижны были мертвые стрелки на внешней стене караван-сарай. Их жара не тревожила, терпение их было бесконечно.

Федор отрядил Парфения вниз, на кухню, чтобы тот изыскал там чего-нибудь из провианта. Еды в запыленных горшках не нашлось. Изыскался мешок крупы, да полупустой кувшин воды, которая уже имела несвежий привкус. Крупа в зачет не шла, так как тратить воду на её приготовление в безводной осаде было безумием... Нашлось еще два кувшина вина, довольно посредственного на вкус. Все это, конечно, не могло надолго отодвинуть призрак смерти от жажды.

— И что мы будем делать? — Выразил общий вопрос Парфений, когда он принес на крышу добытые запасы, и все шестеро компаньонов собрались на одном из углов крыши на совещание.

Все взгляды невольно устремились к Федору. Так всегда бывает, что от командира ждут чуда даже в безвыходной ситуации. Федор вспомнил давнее муслимское окружение на холме. Тогда удалось прорваться. Здесь на прорыв не было никаких шансов. Разве что выйти вниз, да дать посланий бой, — попробовать уложить как можно больше нежити. Перебить перед смертью несколько бесчувственных марионеток — слабое утешение... Федор почесал затылок, посмотрел на небо. Солнце медленно клонилось к закату.

— Долго мы здесь не высидим... — Признал очевидное Федор. Остаться здесь — смерть. Прорываться — смерть. Есть у кого-нибудь идеи?

Все опять молча переглянулись. Идей ни у кого не было.

— Солнцедар, — Федор повернул к себе поближе зажатый в руке меч. — А ты что скажешь?

— Скажу я тебе, что все мы в том месте, которого у меня нет, а вы — люди — на нем сидите, — хмуро прошелестел меч. — Что делать, не знаю... Но, если и есть у нас хоть малый шанс — это если только погубить эту хозяйку. Я уж говорил тебе, что эти упыри — как муравьи. Для расходной нежити, что окружила дом, все приказы исходят от упыря. Шлет она их посредством невидимых волн. Чем старше и опытней упырь — тем большей толпой он может управлять. По всему, хозяйка здесь — и есть самая старая упырица. Два её служки, что мы видели — новообращенные молокососы. Если нам как-то удастся угробить главную, — мертвяки придут в смятение. Без направляющей их воли, в их куцых мозгах в дело вступят простейшие инстинкты, или остатки воспоминаний. Кто-то может впасть в ярость, и набросится на первого попавшегося под руку. Кто-то, по старой воинской памяти начнет чистить оружие, или же пойдет куда-глаза глядят... Но большинство просто застынут на месте, будто корабль без воли гребцов. Полный разброд. Намного хуже, чем в обычной армии, потерявшей генерала. Молодые же упыри над такой толпой управление взять не совладают. Кишка у них тонка. Вот в этот момент, полного разброда, — только и будет нам шанс отсюда сбежать.

— А если эта хозяйка здесь не единственный опытный упырь? — Уточнил Федор. —

Вдруг есть еще кто-то, кого мы не видели?

— Вот тогда нам точно трындец, — Отозвался меч рыцаря Фабиана, Эклер.

— Хорошо, — но как же нам поразить подлую бабу? — Вопросил Федор.

— Дэвы наделили эту не-мертвую большой силой, — покачала головой Дарья. — Я смогла попасть в неё только со спины. Сам видел, — она ловит стрелы налету. Если бы у нас было несколько луков, можно было бы попробовать взять её залпом. А так...

— У меня есть метательные дротики, — прикинул Федор. — Но боюсь, и от них она увернется, даже если мы метнем одновременно. Надо что-то придумать... Что-то придумать... — Он оглядел сподвижников. — Так что, есть какие мысли?

Окассий вздохнул. Парфений огладил бородищу. Дарья цыкнула языком. Автоваз провел рукой по смуглым щекам. Фабиан крепче сжал рукоять меча. Кажется, дельных мыслей ни у кого не было.

— Ладно, — подвел итог Федор. — Расходитесь по своим постам. Следите за тварями. К ночи разобьемся на сторожевую смену. И думайте. Нам сейчас любая идея в котел нужна.

— Бог помогает решительным, — задумчиво заметил Фабиан. — Бог ценит старание. Мы найдем выход.

— Хорошо бы... А теперь — по местам.

И снова потянулось тягучее время. Светило солнце. Шелестел ветер, кружил легкую песчаную крупицу по двору. Бывшие люди все так же стояли неподвижно. Наверно, оставь их так, через много лет их бы просто занесло песком... Мысли у Федора ходили по тупиковым путям, словно звери, запертые в клетке. Спасительной идеи — не было.

Хозяйка снова появилась, когда солнце почти село. Фабиан позвал Федор на свою сторону крыши, когда там началось шевеление нежити. Мертвецы на площади вдруг все разом поднялись. Потом в одном месте они раздвинулись пропуская, и женщина снова вышла к осажденному дому. Только вот вид её сильно изменился. Вместо простого хитона работницы, женщина облачилась в дорогой наряд знатной женщины, ярких бирюзовых и розовых цветов. Пальцы украсились кольцами, уши — серьгами. Нужды в притворстве больше не было. По крайней мере — до появления очередных простаков.

— А я думал, что упыри боятся солнца, — запоздало буркнул Федор, глядя на медленно уходящий к закату диск светила.

— Не так как в ваших сказках, — прошелестел ему Солнцедар. — Просто гнусные дела всегда легче устраивать в темноте. Да и видят они ночью, — как днем. Большое преимущество...

— Эй там, наверху! — прервала их переговоры хозяйка. — Солнце клонит в закат, отмеряя конец вашей жизни. Надумали вы чего? Смерть? Или вечная жизнь?

Федор, наклонившись в бойнице, и глядя вниз, задумался, как ответить... и тут он заострился на наряде хозяйки. Роскошь!.. Пусть Шинбана уже бог знает сколько лет не была человеком, но она сохранила слабость к дорогим и красивым нарядам. Может быть, потому, что не имела их в той — давней — своей человеческой жизни? Или наоборот? Это была память знатной дамы о других давних временах? Как бы то ни было, — упырица была той еще модницей.

"Баба — завсегда баба, — осенило Федора. — Кровосос она, или нет. Есть ведь такие, что за шмотье все отдадут. Ну-ка, — была не была!".

Федор распрямился и встал в проеме в полный рост.

— Подумал я вот чего, хозяйка, — возвестил Федор. — А не хочешь ли ты

поторговаться? Есть у меня кое-что. Смотри, сейчас покажу...

С этими словами гвардеец кое-как оттопырил наверх кольчугу, и завозился с тесемками штанов.

Все остальные компаньоны повернули головы, и воззрились на своего младого предводителя с некоторым изумлением.

— А ты наглец, воин. — С кривой холодной усмешкой констатировала Шинбана. — Но ты напрасно стараешься. Все что может быть у мужчины в штанах, я перевидала еще в той, первой своей жизни... А для идущей дорогой крови, такие забавы и вовсе теряют значение. Оставь в покое завязки. Тебе нечем поразить меня.

— Не торопись, хозяйка. — Федор наконец совладал с клапаном, и победным рывком откинул его в сторону. — Ха!..

Упырица внизу секунду любовалась на открывшееся ей зрелище, осмысливая вид. Затем глаза её округлились, и она охнула.

— О боги! Какое сокровище!!! — взвизгнула женщина. — Такой большой!.. Не верю своим глазам! Он настоящий?!

— Самый настоящий, — самодовольно кивнул Федор.

— Да ведь таких огромных и не бывает!

— Ну, бывает как видишь — констатировал Федор.

...За спиной Федора началось шевеление. Услышав восторги хозяйки, мужчины невольно повернулись в сторону своего командира. Даже Дарья, пунцовея ушами, под шлемом, не удержалась, и поглядела на гвардейца. К сожалению, все что компаньоны видели со своих мест на крыше — это широкую спину командира в проеме бойницы. Поэтому вид того сокровитного в штанах чуда, который сразил многоопытную упырицу, оставался их взору недоступным, давая всяческую волю фантазии.

— Да ежели его распрямить, он же будет длинной... почитай... в целый локоть! — Прошептала потрясенная Шинбана.

— В два! В два локтя, минимум, — поправил Федор, прикинув длину отреза финикийского пурпура, который пошел на изготовление его тайных, баснословной цены триселей.

— Что же он? Совсем не поистерся? — Блестя глазами поинтересовалась хозяйка.

— Да ему сносу нет! — Уверил Федор. — Весь как новенький.

— Что же... — Сглотнула хозяйка. — Что же ты хочешь за такое диво?!

— Обмен, — предложил Федор. — Я тебе это чудо на всю длину. А ты нам — свободу. Пропускаешь нас. Мы уйдем, — и больше никогда не появимся. Только ты нас и видела.

Хозяйка застыла. В глазах её явно читалась могучая борьба воли и желания. Наконец она выдохнула.

— Хорошая попытка, человек, — выплюнула упырица. — Но не считай меня дурочкой. Будь вы обычными людьми, я может и отпустила бы вас. Но ваши мечи, — я слыхала от старших о подобных штуках. Вы здесь не случайно. И я не отпущу вас. А что до этого чуда в твоих штанах... Зачем не покупать его меной? Ты сам мне его подаришь. Принесешь на карачках, — когда станешь моим слугой.

— Вот еще! — Возразил Федор. — Не достанется тебе за так чудо! Да я возьму нож, и разрежу его на тысячу кусков! Буду отрезать по мелкому кусочку, чтоб ничего тебе не осталось!

Услышав такие решительные угрозы, мужчины на крыше за спиной Федора вздрогнули.

Им прямо вживе представилось, как Федор режет свое спрятанное в штанах чудо. Окассий так даже немного спал с лица. Парфений перекрестился.

— Ну и что?! И что?! — Злобно взвизгнула упырица. — Скоро вся земля будет нашей! Все земли! Все дворцы! Все богатства! Мы уже просачиваемся вместе с караванами в соседние города! И создаем там армию! Скоро мы выйдем на свет! И я добуду себе другой! Да не в два локтя длинной! А в четыре! В шесть! Во сколько захочу! Тебе нечем купить меня, человек! — Упырица перевела дыхание, жарко раздувая ноздри. Успокоилась, и сказала уже холоднее. — Здесь я предлагаю товар. И назначаю цену. Жизнь. Или смерть. Срок вышел, игры кончились. Выбирайте — служить мне, или сдохнуть в пламени.

— Никогда мы не будем служить тебе! — Горячо отмел Федор, отходя под защиту амбразуры. — Он еще хотел обозвать хозяйку "курвой", да добавить пару ласковых, но его ответ вдруг прервал тяжелый и глухой металлический звон. Федор оглянулся на звук. Рыцарь Фабиан, что стоял слева от него, распоясался. Это его меч, вместе с ножнами и ремнем, пал на крышу, брошенный хозяином. Федор едва успел непонимающе свести брови, как крестоносец сделал решительный шаг вперед, выскочил на стену и прыгнул вниз, к обступившей постоялый двор нежити.

— Я готов служить тебе, госпожа, — глухо донесся снизу Голос Фабиана. — Только избавь меня от болезни, и даруй вечную жизнь.

— Щучий сын! — взревел Федор. — Ты что творишь?!

— Предатель!.. — Прошептала Дарья.

Пятеро оставшихся на крыше пораженно и неверяще переглянулись. Все подбежали к той стороне, откуда сиганул вниз крестоносец. Эклер — меч Фабиана бился в своих ножнах о крышу, судорожно выгибая их, будто рыба, выброшенная на берег.

— Умный, милый мальчик, — Проворковала внизу хозяйка Шинбана. — Ты сделал верный выбор. Я спасу тебя. Иди сюда. Иди ко мне.

Крестоносец пошел навстречу хозяйке. И по её незримому знаку стоявшая неподвижно нежить, начала расступаться перед рыцарем-лазаритом.

— Изменщик! — Трясаясь от возмущения, Федор сдернул с полки на щите дротик, и примерился, и метнул в спину рыцаря. Но не-мертвые слуги уже обступили крестоносца, и дротик вонзился в спину кому-то из мертвых гостей. Мертвяк пошатнулся, вяло застонал, и застыл, немало не смущаясь застрявшим в нем острием. — Федор в бессильной ярости до крови закусил губу.

Рыцарь же Фабиан уже почти приблизился к хозяйке.

— А-та-та!.. — Подняла палец вверх хозяйка, и мертвяки, окружавшие крестоносца, взяли его за руки, остановив на месте. — Небольшая мера предосторожности, сладкий. Ты ведь еще не мой. Глупо было бы подпускать тебя к себе сейчас. Вдруг, ты хочешь обмануть меня? Кто знает, какие мысли сейчас бродят за этим симпатичным личиком? Не хотелось бы думать, что ты затеял все это, чтобы только подобраться ко мне — и пырнуть каким-нибудь дурным ножом. Небольшая предосторожность, милый. — Мертвяки заломили рыцарю руки назад, и довольно сноровисто начали вязать ему руки. — Перетерпи это небольшое неудобство, и я подарю тебе темный поцелуй. После этого, хороший мой, никаких ненужных мыслей у тебя уже не будет. Ты станешь моим, и душой и телом. Не бойся, хороший мой, больно не будет. Разве что чуть-чуть...

Уж не было толком видно преклоненного рыцаря Фабиана в толпе окружившей его нежити. Видел Федор и остальные товарищи, только как подошла к тому месту упырица, и

тоже склонилась, сокрывшись от их глаз. Через какое-то время хозяйка распрямилась, и утерла ладонью красный рот. Мертвяки же расступились, и утащили безвольное тело мертвенно бледного рыцаря куда-то, к жилым комнатам внешнего здания.

Упырица отяжелевшей походкой снова подошла к осажденному дому.

— Что ж, — довольно сказала она. — Один умный среди вас нашелся. Спускайтесь и вы!

— Бесовка! — Рывкнул со своего места Окассий. — Да ведь ты же убила рыцаря у нас на глазах! Высосала как бурдюк с винищем! Пусть и был он предатель, — собаке собачья смерть! Но уж теперь-то мы точно знаем, что тебе верить нельзя.

— Вот же ты балда поповская, — Возразила хозяйка, и сыто рыгнула. — Да ведь твой рыцарь взрослый мужик, в нем почитай четырнадцать ксестов⁸⁶ крови. Если б я его всего осушила, раздулась бы как пиявка, а я слежу за линией талии... Ничего я его не убила. Он согласился принять дар, и процесс превращения начался. К утру он уже встанет на темный путь, — сами увидите. Я даже не буду убивать вас до того момента. Может, увидев своего товарища обновленным, вы все же образумитесь, и станете моими слугами. Приятной ночи. Не скучайте.

С этими словами упырица развернулась, и удалилась вальяжной походкой к тому же входу, куда унесли павшего рыцаря. Оставшиеся на крыше компаньоны переглянулись. На лицах у всех читалось уныние.

— Как же так? — Подавленно спросил Автоваз. — Ведь он воин-жрец. Как же он нарушил все клятвы?

— Видимо, страх перед болезнью оказался сильнее страха Божьего, — Мрачно перекрестился Парфений. — Я помолюсь о его падшей душе.

— Тебе не о нем, а о нас надо молиться, — Буркнул Окассий.

— Но может он... действительно... предался только для вида, чтоб подобраться к упырице? — Растерянно спросила Дарья.

— Это уже неважно, — прошелестел зажатый в руке Федора Солнцедар. — Здесь на востоке есть дурманные зелья, воскурив которые человек забывает себя. Человек забывает друзей, родных, долг, все становится ему неважно, кроме его дурмана. Но все эти дурманы — слабые подобия темного дара не-мертвых. Получив его человек перерождается. Забудьте того рыцаря, которого вы знали. Его уже нет. И никогда не будет. Новый зверь родился. И он будет желать только одного — крови.

Все замолчали.

Идите по постам. — Устало сказал Федор. — Он сам выбрал свою судьбу. Говорить не о чем.

Глава двадцать девятая.

Ночь прошла муторно. Осиротевший меч Эклер, Федор вручил умелому мечнику Автовазу. Меч сей, после яростного припадка гнева, был подавлен.

— Ладно бы еще если я его бросил, — только и сказал меч. — Но чтоб он меня!.. И на этом замолк.

Автовазу тоже, видать, говорить не хотелось. Он мрачно опоясался вторыми ножнами, и впал в задумчивость. К ночи оставшиеся компаньоны разделили дежурство на вахты. Но даже те, чей черед был отдыхать, дремали лишь урывками. Мысли были тяжелы. Сон не шел. Все же, когда наступил его черед, Федор смог забыться дремотным забытьем. Разбудил его в

утро Окассий, отходивший по крыше свою смену.

— Что? — Спросил Федор, размыкая глаза, и разминая затекшую от сидения у стены шею. — Пора?

— Вроде пора, — Отозвался монах. — Хочешь, еще покемарь. Я постою, у меня что-то сна ни в одном глазу...

— Не, — Федор повел застывшими плечами, оглядев крышу, которые первые косые лучи солнца заливали в быстро светлеющий багрянец. — Порядок есть порядок. Все спокойно?

— Да. — Окассий повел взглядом за край крыши. — Большая часть лежит вповалку, но часовых достаточно.

— Ясно...

— Сколько еще мы сможем так просидеть?

— Пока не кончится вода. Или не подойдет караван. — Не стал кривить душой Федор.

— Смерть от жажды, или огня... Не лучший выбор.

— Не будет ни того, ни другого. — покачал головой Федор. — Когда мы подойдем к слабости — я дам приказ к атаке, и мы спустимся вниз.

— Это будет бой без надежды.

— Да. Но все же это будет бой. А не жалкое бессилье.

— Да, — поднял глаза к небу Окассий. — Наверно так лучше... — Монах помолчал какое-то время. — Но что же за диво такое кум, у тебя в штанах? Мне и подумать-то завидно и страшно. С таким-то богатством мы в любой таверне могли получать бесплатный постой! Я про нормальную таверну, а не это гнездо упыриное... Ты бы только хозяйке свое добро показал...

— Вот еще, — рассеяно ответил Федор. — Им только покажи, так они сразу попользоваться захотят.

— Ну так и дал бы. Что от тебя, убудет что ли? А ты еще думал, как к принцессе подступиться. С таким-то добром.

— Нет, — отмахнул рукой Федор. — Эта штука кружит головы только простолюдинкам. Купчихам. Мелкой знати может быть. На принцесс такие штуки не действуют.

— ТАКИЕ штуки на всех женщин действуют. — Уверил его Окассий. — Так что, хоть твоя торговля с упырихой и не выгорела, — но принцессу ты точно заинтриговал.

— Да? — Мимолетно обрадовался Федор, но тут же угас. — Здесь и теперь — что толку?..

— Ну, так, — последний повод для мужской гордости.

Федор подумал, что они с монахом говорят о себе, будто они свое прожили. Это, может, была правда. Но это было неправильно. Он уже хотел отчитать монаха, или как-то приободрить. Но пока он размышлял, внизу, во дворе, обозначилось движение. От дверей гостевой стороны, во главе группы своей жутковатой неживой свиты, к таверне шла Хозяйка.

— С добрым утром, затворники, — Громко и жизнерадостно крикнула Шинбана, задрала голову. — Как спалось?

Буди остальных, — шепнул Федор Окассию, а сам свесился над амбразурой.

— И тебе утро, хозяйка, — ответил гвардеец; чай не убудет. — Что скажешь?

— Нерадостно ты меня встречаешь воин. — Заметила Шинбана. — Плохо спал?

— А с чего мне тебе радоваться? Заперла ты меня здесь, как постылая жена. Воли нет.

— Не я заперла. — Легко возразила хозяйка. — Сам заперти сел. Отпирай, да выходи.

А то, боюсь, скоро в доме тебе станет... жарко.

— Летел бы наутек, да не пускает силоч.

— Ладно, побалагурили — и будет. — Хозяйка откинула с лица прядь своих темных волос. — А поглядите лучше, кого я вам привела?

Свита хозяйских мертвяков расступилась, и из-за них, на передний план, по левую руку от хозяйки вышел рыцарь Фабиан. Сильно изменился рыцарь. Вместо брошенного вчера меча, пояс франка украсил новый. И пут на нем не было. Что бы не сотворилось с рыцарем ночью, — он вошел у хозяйки в доверие. Лицо его за ночь заострилось и осунулось, лишившись приятности черт, и став каким-то пугающим. Рот его искажали легкие гримасы, губы конвульсивно подергивались, словно изнутри на них постоянно пытался вылезти хищный оскал. Под глазами залегли темные тени. Но они были не темнее той тьмы, что поселилась у франка в глазах.

— Ах ты уд козлийный!.. — Процедил Федор, чувствуя, против своей воли, кроме гнева, и какую-то почти брезгливую жалость. — Был человеком, а превратился в не пойми что...

— Бог да смилуется над твоей душой, рыцарь, — Раздался рядом с Федором печальный голос Парфения. Гвардеец оглянулся, все остальные компаньоны уже проснулись, и встали рядом, проверяя оружие. Дарья, уперев лук в крышу, снова натянула на ушко снятую на ночь тетиву.

— Ну-ну. Разве так встречают старых товарищей? — Улыбнулась Хозяйка. И потрепала рыцаря по шее, будто по загривку верного пса. — Ну что? Видите? Не так уж все и страшно. Ваш друг не умер. Жив-живехонек.

— Если бы жив... — Перекрестившись прошептал Окассий.

Автоваз же пробурчал на своем персидском наречии что-то ругательное, и сплюнул.

— Поговори со своими друзьями, рыцарь, — Приказала хозяйка. — Расскажи, как ты себя чувствуешь.

Фабиан секунду таращился внутрь себя осоловелыми глазами. А потом заговорил. Глухим, бесстрастным голосом, который шел будто из треснутого, занесенного грязью кувшина.

— Я чувствую... жажду.

— И силу! — Подсказала хозяйка.

— И силу... да... — Рыцарь выпрямился, и обнажил свой новый меч. — Я могу убить все... Опустошить... Только дай приказ.

— О, сколько рвения, — Рассмеялась хозяйка. — Будет тебе приказ. Дай только время. Твои друзья на крыше, кажется, немного напуганы.

— Я вижу отсюда, как кровь струится по их жилам, — пробормотал рыцарь. — С каждым ударом их сердец.

— В этом есть обещание сытости. Не правда, ли мой хороший?

— Да-а...

Хозяйка зажмурилась, подставляя лицо косым лучам солнца, которые вползали в караван-сарай из-за стены, разгоняя сумрак.

— Спускайтесь! — Крикнула она, подняв свой взгляд на дом. Мое собственное великодушие, уже начинает меня раздражать. Кроме того — ночью кое-что изменилось. Этот постоянный двор больше не нужен мне... Последнее предупреждение. Не стоит начинать такое хорошее утро в горящем доме. Если прямо сейчас вы не дадите ответ — костер запылает.

— Гореть тебе в аду, дьявольское отродье! — Рявкнул Окассий.

— Да нет. Это вам гореть. — Пожала плечами хозяйка. — В моем костре. Что ж, ваши крики украсят это утро. Начнем!

Что за реакция была у хозяйки! Быстрее молнии. Может, даже быстрее самой мысли. Хозяйка прыгнула от удара так, что не успевал ухватить глаз. Несмотря на то, что удара она — как и все вокруг — не ожидала. Несмотря на то, что удар её нанес стоящий рядом рыцарь Фабиан. Вот он еще стоял, погруженный в творящиеся с ним изменения. А вот даже толком не повернувшись стоящей справа к хозяйке, он рубанул ей по ногам своим новым мечом. И никто вокруг ничего не успел ни подумать, не понять. Кроме самой упырицы. Да, реакция у нее была быстрее молнии, может, даже быстрее мысли. Но... не быстрее того, — что уже произошло. Поэтому, когда хозяйка отскочила в сторону, это было ловко. Но вот устойчиво встать после отскока она уже не смогла, — потому что вместо правой ноги у неё остался только обрубок в районе голени.

— Что-о-о?.. — Выдохнула хозяйка, пытаясь сохранить равновесие. И медленно, с изумлением на лице, завалилась на землю двора. Рыцарь с темными глазами, в мгновение ока подскочил к ней.

— Нет! Ты мой! — Гневно, изумленно и неверяще, выдохнула хозяйка, — пытаясь закрыть от падающего на неё меча тем что только у ней и было — руками. Свистнул меч. Поднялся снова. А больше чем закрываться у хозяйки не было.

— Сто!.. — Крикнула Шинбана, но приказ этот оборвал меч, рухнувший ей на голову.

Площадь застыла. И время застыло. Только медленно растекалась от лежащего тела по двору черная кровь. И такая же кровь медленно капала с клинка застывшего над телом рыцаря.

Раздался гневный и яростный вопль — из толпы свиты поверженной хозяйки вылетел её молодой слуга — тот самый Катан, на ходу вырывая из ножен свой меч. Фабиан развернулся, клинки схлестнулись в два яростных удара, — и Кахтан разваленный почти до пояса осел рядом с хозяйкой. Звякнул его упавший меч, а следом глухо упало и тело. Черной крови стало больше.

— Что стоите?! — Развернувшись к крыше постоянного двора изрыгнул рыцарь с тьмой в глазах — В атаку! И с этими словами Фабиан словно лев метнулся к ближайшим стоявшим на ногах мертвецам. Пали тяжелые удары, взлетели в воздух отрубленные мертвые конечности.

— Вот наш нас! — Прошелестел в руке Федора Солнцедар. — Матка убита. Вперед!

— А?.. — Выдохнул Федор.

— Вперед, болван! — рявкнул меч.

— А! — Пришел в себя Федор. — Впереее-е-ед! За мной!

С этими словами, Федор кинул меч в ножны, обнял зубец стены, перекинулся с крыши на стену, упер сапоги в стену, и свиснув на руках как можно ниже, — ухнул вниз. Тяжело приземлившись на землю, и погасив удар руками, он вскочил, подхватил с ремня щит, вынул меч. Рядом уже приземлился Автоваз и Дарья. Федор оценил обстановку. Мертвяки, которых хозяйка расположила кругом вокруг дома, так и лежали ковром в своей апатии, ожидая хозяйского сигнала. Немногие из мертвяков, что стояли, дергались, будто неисправные автоматы. Фабиан шинковал свиту падшей хозяйки как опытный повар капустный кочан. Но именно от этой группы с выражением ужаса на лице отбежала юркая фигура — и Федор узнал бегуна — это был второй молодой упырь из служек хозяйки — Убар. Он отбежал,

остановился делая какие-то судорожные пассы руками. И ближайшие из мертвецов, что лежали на поле, вдруг начали дергаться и стонать, пробуждаясь к своему нечестивому подобию жизни.

— Этот молокосос пытается взять контроль над слугами его хозяйки! — Прогудел Сонцедар. — Не дайте ему сделать это. Всех он не поднимет, но часть натравит на вас!

— Ловите ущербана! — Приказал Федор, и взмахнув Солнцедаром, бросился в атаку с древним кличем, от которого враги тряслись веками, от края до края мира. — Рома аэтерна, ромэ айониа!..

— Дирафши Кавияни!.. — Поддержали его звонкими голосами Дарья и Автоваз, наступая гвардейцу на пятки. Два клича, что почти тысячу лет слетали с уст врагов, теперь сливались вместе.

Убар, едва убравшийся от ходячей мясорубки, в которую превратился рыцарь Фабиан, внезапно увидел, что на него несется еще трое оглашенных. От испуга он "съел" щеки, руки у него затряслись, — и так же затряслись в бесполезных корчах пробуждаемые им ближайшие мертвецы. Страх не дал упырю собрать и без того его невеликие силы: он отряхнул руки, будто сбрасывая с них невидимое, и так и не поднятые до конца мертвецы снова упали навзничь на землю. Служка-упырь повернулся, мысля спасти свою жизнь бегством. Он успел сделать ажно пару шагов, когда комета по имени Федор, с подскока вцепилась ему в поясницу сапогами, опрокинула, и заставила пропахать по земле пару шагов носом. Федор ловко приземлился рядом, и увидел, что за ним к упырю несется воплощение Немезиды — Дарья с поднятым над головой шамшером Ксинанти.

— Живьем брать демона! — Предупредил Федор.

Подбегающая Дарья опустила свой меч, и с досады припечатала поверженного упыря ногой по ребрам. Упырь-Убар взвыл, одновременно и от боли и от паники. А в этот момент ему на спину тяжелым коленом уже приземлился Автоваз, в руках которого тут же образовалась веревка.

— Держи руки! — Крикнул Автоваз.

Федор подхватил правую руку упыря. Дарья левую. Автоваз же мгновенно скрутил руки кровопийцы жесткой петлей. Упырь взвыл совсем уж панически, и вцепился длинными зубами Федору в сапог, мысля прокусить его до живого. Клыки-иголки пронзили кожу сапога, встретились с вшитыми под неё металлическими пластинками, и сломались. Кровосос захлебнулся собственным криком.

— Ну что за дурень?.. — Резюмировал Федор, подумал, нахлобучить бронесапогом кровососу в щербатое грызло, да раздумал. — Вид у лишенца был совсем уж жалкий. Вместо того схватил пленника рукой за волосы, дернул голову вверх. — Попробуешь еще поднимать мертвяков — тут же башку снимем? Понял?! Вот и лежи, отдыхай. Автоваз — сторожи малахольного...

С теми словами, Федор одновременно оглядел поле кратковременного боя. Большая часть мертвецов, так и осталась лежать во дворе вповалку "неразбуженной". Немногочисленные поднятые мертвяки, лишившись управления своей матки дергались на месте. Кое-кто из них шел неуверенной бесцельной походкой. Какой-то мертвец стражник сел, и начал протирать полой кафтана меч, — остатки памяти о прошлой жизни, сохранившиеся на задворках погибшего разума... Из дверей во дворе тоже никто не набегал. Бой кончился. В это время, в доме, с которого сняли осаду, открылся центральный вход, и во двор выбежали монахи — воинственный Окассий с поднятым посохом, и за ним —

семенящий Парфений.

— Стоять-бояться морды бесовские! — Завопил, потрясая посохом Окассий, но оглядевшись, увидел, что колотить уже некого. — Так, — Монах смущенно почесал затылок. — Опоздал... — Он смущенно махнул рукой Федору. — Прости куманек, побоялся я при своем весе прыгать...

— А я уж за ним... — Развел руками Парфений.

— Нормально все. — В ответ махнул рукой Федор. И повернулся к той части двора, где разыгралась самая кровавая сеча.

Над грудой мертвых — теперь уж действительно — тел, спиной к нему стоял рыцарь Фабиан. Стоял, да вдруг стал на колени, упер меч в песок, и склонившись к его рукояти лбом тихо произнес:

— Нон nobis, Доминэ. Нон nobis, сэд номини туо да глориа...

Компаньоны со всего двора, кроме сторожившего пленника Автоваза, подошли к коленопреклоненному рыцарю.

— Эй, Фабиан. — Позвал крестоносца Федор. — Ты как, друг?

Франкский рыцарь, повернул к нему свое лицо. Федор вздрогнул, голодная тьма глянула на него из глаз Фабиана.

— Я запятнал свою душу... — Выдавил рыцарь. — Но я не видел другого пути спасти отряд... Господь да простит мне этот грех... Я будто на взбесившемся жеребце. И поводья в руках — гнилые... Мне хочется тебе... всем вам... вскрыть глотки. Дьявол завладел моим телом, и пятнает душу. Не знаю, сколько еще я смогу... выдержать. Крепость моя почти взята. Враг вошел на стены, опустил мост, поднял решетку. Осталась только цитадель... та, где я храню любовь к нашему Господу. Но мне не выдержать эту осаду. — Рыцарь согнулся, держась за меч, будто от сильнейшей боли. — Окажи мне своим мечом услугу сир Федор. Как воин война прошу.

Федор переглянулся с остальными компаньонами. Взгляды были беспомощными.

— Солнцедар? — Спросил Федор.

— У этого рыцаря чудовищная сила воли, — отозвался меч. — Всякий на его месте уже давно был бы зверем. Помогите ему. Времени осталось немного. Он заслужил право уйти человеком.

Федор поднял умолкнувший меч, подошел к рыцарю ближе, встал сбоку.

— Прости меня, Фабиан, — Повинился гвардеец. — За худые слова, тогда, со стены. Я подумал о тебе плохо. Мне стыдно.

— Мне нечего прощать тебе, сир. — Фабиана начала трясти мелкая дрожь. — Прости ты меня, если я в чем виноват перед тобой... Знаешь... В детстве... я слушал рассказы о великих воинах древности. О Карле Великом, и о его рыцарях... Роланде, Оливье, Готье, Ожье... И о современных героях, таких даже, как сам безупречный рыцарь без страха и упрека — Роже де Бриуз... Я тоже хотел быть героем. Но судьба дала мне так мало времени... Сперва болезнь... А теперь эта печать дьявола. — Фабиан вскинул на Федора глаза, и тьма в них на краткий миг расселась, сменившись отчаянной надеждой. — Скажи сир, удалось ли мне в моей службе хоть на шаг приблизиться к этим великим героям?!

Федор помолчал.

— Я обычный человек, сир Фабиан, — Наконец заговорил Федор. — Взору моему неподвластно проникнуть сквозь толщу времен, и увидеть славных героев прошлого. — Я могу говорить только о том, что видел своими глазами. Я бывал на войне. Видел трусость и

отвагу. Знаю им цену. Ни на одном поле боя мне не доводилось видеть рыцаря отважнее и благороднее чем ты. И мне даже довелось однажды повстречаться с самим Роже де Бриюзом. Призываю Бога в свидетели — не лгу ни полслова — ты превзошел его в доблести и отваге. Ты его превзошел.

Медленная одинокая слеза прокатилась по щеке франкского рыцаря.

— Спасибо, сир.

— Для меня честью было служить с тобой, рыцарь, — склонил голову Федор.

— Для всех нас, — поклонилась Дарья.

И двое монахов согласно кивнули.

Фабиан утер непрошенную слезу.

— Вы все облегчили мне сердце. Спасибо. А теперь, сир, — как будешь готов, — руби!

И с этими словами рыцарь негромко начал читать молитву:

— Доминус регет ме, эт нихил миhi дээрит... — Этот псалом Давида знали все. И Федору не было труда понимать молитву рыцаря. — Господь — пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим. Подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени своего. Если я пойду и долиной смертной тени, не убоюсь зла, потому что ты со мной...

Меч Федора опустился.

Все сняли головные уборы.

— Поднеси меня к бывшему хозяину, — тихо попросил перса меч Эклер. — Я хочу взять немного его крови. Люди думают, будто я ношу в себе мощи великого человека. Пусть так... Теперь я буду по правде носить их. Пусть даже никто не узнает его настоящего имени...

Федор вытер клинок своего меча, и убрал его в ножны.

— Хворост и масло, — хмуро сказал он. — Сожжем здесь все.

Глава тридцатая.

Караван-сарай полыхал, несмотря на каменные стены. Пятеро компаньонов стояли под сенью деревьев с наветренной стороны наблюдая. Трещали стены. Огонь струился из окон, превращаясь в чадливые черные клубы. Белые стены темнели, а потом трескались от жара. Истаивали в огне прогорающие потолочные балки, и рушились участки крыши. Запасы хвороста для исчезнувших продуктов, которые некому было готовить, соединились с маслом, которое неизвестный купец вез торговать, а привез на собственные похороны... Но главным топливом для огня было не это...

...После победы и прощания с рыцарем Фабианом, компаньоны пошли осматривать постоялый двор. Своих коней на конюшне, они нашли падшими, высушенными до остатка, со следами зубов-иголок на шеях и ногах. Живым был только конь Дарьи, — если к нему теперь можно было применить такое название. Оказывается, здешние хозяева умели обращать не только людей... Персиянка сама сняла голову жуткому скакуну с отнюдь не травоядными зубами в пасти. Жаль не удалось услужливых "конюшат" — тем хватило ума сбежать. Но самая жуткая находка ждала их вы жилком крыле. Комнаты были буквально забиты мертвяками. Возрожденные к не-жизни слуги лежали буквально штабелями. Вперемешку виднелись головы и ноги. Макушки — в шлемах, дорогих тюрбанах, и непокрытые. Ноги, в сапогах, дорогих туфлях и босые. Людей приходивших в караван-сарай обращали, и складывали "спать", до момента, когда они понадобятся своим новым хозяевам. Могла ли упырица, в случае нужды, одна поднять всю эту орду, или к ней должны были

прийти другие хозяева?..

Плененный и связанный упырь ничего толкового рассказать не смог — то ли врал, то ли правда не знал по своему упырскому служивому малолетству. Поэтому его бросили в пустое стойло конюшни. Мертвяков с площади тоже перетащили в конюшню, и побросали там. Потом носили со склада вязанки хвороста и бочонки. Несли приседая тяжелые кувшины с маслом. Связанный упырь завыл как-то грустнее, но его уже никто не слушал. Запалили сразу в нескольких местах. Огонь, сперва ленивый, вскоре вскинулся выше крыш. Уходили из Караван-Сарая уже заслоняясь от жара. А там, внутри стен двора, набирал силу многоголосый жуткий вой. Мертвяки пробуждались оттого, что их омывало пламя, и гибли в огне, оглашая оазис тоскливыми стонами. Нескольким пробужденным зверям хватило ума выйти за ворота, — иногда уже в языках пламени. Там их встречали компаньоны.

Через какое-то время редкие мертвецы, бегущие от пожара, иссякли. Вой внутри утих. Но пожар ревел почти до самого вечера, к темноте превратившись в кое где еще горячие участки, которые отсвечивали из-за обрушившейся кое-где стены, как далекие зарницы. Ночь компаньоны провели под деревьями, разбившись на караулы. Оазис был небольшой, но кто знает, не скрывался ли среди деревьев кто из уцелевших миньонов хозяйки?..

Новый рассвет встретил компаньонов ленивым дымком с пожарища.

— Доброе утро, погорельцы. — Разбудил всех дежуривший последнюю смену Парфений.

Члены отряда поднялись на ноги, растирая по лицам сажу, отряхивая мятую одежду, разминая затекшие части тел. Не сговариваясь пошли к озеру. Там, по очереди, начали отмываться, наполнять фляги, кое-как полоскать в воде вьевшуюся в одежду гарь.

— Лошадей нет, еды нет, — резюмировал все-тот же Парфений, полоская в воде и выкручивая рубаху. — И что теперь будем делать?

— Отмывайтесь, — и будем держать совет, — ответил Федор, который расстегнув ворот рубахи, склонившись обмывал в воде лицо. — Он обернулся к Дарье, задумчиво стоявшей на берегу. — А ты что не умываешься? Или нас стесняешься?

— Да... — Принцесса машинально кивнула головой. — При мужчинах мне снимать одежду неуместно.

— Вон, — Показал Федор направо от себя — видишь, берег поворачивает, деревья там скрывают. Там можешь... это... — он слегка запунцовел ушами, — ополоснуться. Только осторожней. Вдруг кто из кровососов все-таки бродит поблизости.

— А ты меня проводи. — Вдруг Сказала Дарья, — взглянув прямо в глаза Федору.

— Да я... — Гвардеец растерялся. — Я это... То есть... как бы... ну... Ладно.

— Госпожа! — Вскинулся как верный пес Автоваз, недобро глянув на Федора. — Уместно ли?..

— Я знаю, что делаю, старый друг — кивнула пожилому персу Дарья.

Смущенный Федор, тем временем, выбрался на крутой берег, кое-как отряхнулся, и запахнул сырой ворот. Смущение его только увеличилось оттого, что плескавшийся в воде Окассий подмигнул ему с самым похабным видом. Федор начал сгребать с берега кольчугу, и перевязь с мечом.

— Меч-то оставь, — насмешливо сказала Дарья, — похлопав по рукояти своего шамшера. — Я тебя защищу.

— Без штанов воин просто проветривается; а вот без меча — голый. — Буркнул Федор

старую военную мудрость, и подхватив меч, пошел к принцессе. Та же повернулась, и не дожидаясь его пошла к береговому изгибу. Федор, честно говоря, после вчерашних изматывающих приключений был настроен не слишком любвеобильно. Но поглядев на принцессу позади, он почувствовал, что как-то посвежел, и припустил за ней быстрее. Уходя от остальных компаньонов, он еще успел оглянуться, и тоже подмигнуть Окассию; мол, — знай наших.

Там за деревьями, когда остальные компаньоны скрылись из вида, Дарья остановилась, и начала решительно стягивать с себя воинскую сбрую. Скинула щит, сумку. На расстеленный плащ положила бережно меч, еще более бережно — лук. Скинула сапожки. Развязала шелковые тесемки в кольчуге с зеркалами, и стянула её через голову.

— Ну ты чего? — Спросила Дарья Федор, развязывая ворот рубахи.

— А? — Неотрывно пялась на девушку отозвался Федор.

— Я уж до рубахи дошла.

— Дык, это я вижу... — Отчего-то онемевшими губами отозвался Федор.

— Так ты отвернись! — Вон, за берегом последи, чтоб никто на нас не напрыгнул, пока я нагая... Да не подглядывай!

— Конечно, конечно... — Отвернулся Федор. — Ясное дело...

Гвардеец развернулся на каблуках, и с самым бдительным видом уставился в скучный пейзаж с просветами между деревьев. Чуткое его настроенное ухо тем временем уловило за спиной шорох упавшей рубахи. Потом раздался плеск, девичий вздох, да шлепки по воде. Федор был человеком простым, но честным. Поэтому, подглядывать за девушкой он конечно не стал. Однако... долг воина на посту, требовал наблюдать за местностью по всей её ширине. Поэтому Федор начал так широко водить головой, охватывая местность, что глаз его сам, каким-то образом, краем зацепил плескавшуюся в воде девичью фигуру.

"Эвон какая!.. — Пораженно выдохнул Федор, чувствуя, как жер приливает к лицу, и пытаюсь усмирить зачастившее сердце. — Будто лань точеная!"

Девушка без одежды оказалась совсем не такой, как в воинской сбруе. Тонкий стан, и округлые бедра, плоский живот... "А грудь-то! — запоздало удивился Федор. Грудь — не было... То есть она была. И в нужном количестве, — две штуки. Красивые по форме, только чтоб уместить в ладошку. Но все же — это был вовсе не тот размер, что обещали два преогромных зеркала, укрепленные на кольчуге. Оказалось, что большая часть объема под зеркалами — пустовала...

Пока Федор, волнуясь, и ощущая кое-где некоторое напряжение, переваривал новую информацию. Девушка окончила омыться, и выбралась на берег. Забралась в вытащенную из сумки подменную рубаху, — да так в ней и осталась.

— Я все. Позвала она Федора. Можешь повернуться. Теперь ты давай.

— Ага... — Федор начал складывать на берег свои вещи.

— Я, уж прости, славный Федор, и стоять-то рядом боюсь, как ты разоблачаешься, — хихикнула девушка. — После того, как ты тогда с крыши, своей статью богатырской даже упырицу поразил.

— А? — Федор сообразил. — Да я её вовсе не по этой части поразил. — Погоди. Щас покажу.

— Э-ээ, не надо! — Слегка отступила девушка.

— Да это не про то, глупая! — Фыркнул Федор, расстегивая завязку штанов. — Вона, смотри...

Гвардеец выпростался из штанов, оставшись в своих шикарных триселях.

— Вот чем я упырицу-то пытался прельстить, — показал Федор. — Финикийский пурпур на циньском шелке.

Дарья пораженно покачала головой.

— Слышала я, как и все, о несметных богатствах Рума. Но чтобы простолюдины, хоть и гвардейцы, ходили в пурпуре. Да еще пускали его на трусы...

— Не все у нас так ходят-то, — простодушно отозвался Федор. — Это только мне дали. Как тайное средство, на случай подкупа. Да вишь, не получилось...

— Да-а... — Дарья хихикнула. — А я-то тогда на крыше навоображала себе невесть что. Думала, что ж там за змий такой? Что ж за хобот? А оказались — там все самое обычное, только что в богатых труселях.

— Ну знаешь! — Обиженно возмутился Федор. — Во-первых, ты и не видела, обычно там, в труселях-то, или нет! А во-вторых... Во-вторых — у тебя ежели на зеркала на кольчуге-то посмотреть, так тоже такой размер, что корова от зависти сдохнет! А как сняла ту кольчугу, так сразу в плоскость все ушло!

— Так это ведь не под меня делалась кольчуга — Засмеялась девушка. — Хоть я и дочь спахбеда, а все же под женщин у нас специальных доспехов не делают... В арсенале отцовском нашла. Осталась от какой-то древней воительницы, с телом побогаче моего. Если б у меня такая грудь была — я б зарыдала; ни мечом толком махнуть, ни лук натянуть. Мне и зеркала-то эти слегка мешают, да уж больно добра кольчуга, и в талии как раз.

— Вон оно как... — Подивился Федор. — А я-то тебя как в первый раз увидел, так подумал, — вот что значит настоящая персиянка!.. Я-то ведь знаю, что название вашего народа "парсы", означает в переводе "грудастые".

— Это же нас так из-за мужчины наших прозвали, — снова хихикнула девушка. — Мол, они грудастые, с крепкими боками; значит, могучие.⁸⁷ — Она посерьезнела. — Да, вот оно как... Стоило только поближе сойтись, да раздеться, и... значит, оба мы друг друга разочаровали.

— Нет, — Покачал головой Федор, не отрывая от девушки глаз. — Вовсе ты меня не разочаровала. Я, знаешь, эта, красоты девушкам-то говорить не мастак. Но ты... это... такая... — Федор поймал себя на том, что позорно мямлит, собрался с духом, и как в воду нырнул: — Короче, ты вообще шикарная телка!

Дарья вся зарделась от такого изысканного комплимента.⁸⁸

— И глаза у тебя... — Федор замялся, подыскивая самое красивое, что мог придумать — как два оазиса. Вот.

Девушка затем смутилась, отвела взгляд.

— А говоришь, не умеешь любезничать с девушками. Сам то вон какой речистый... Д я ведь тебя для другого позвала. Дело серьезное. Не хотела при остальных говорить.

— А что? — Тоже посерьезнел Федор.

— Про меч твой... — Девушка замялась. — Я ведь не зря сказала, чтоб ты меч не брал. Хотела без него поговорить. Но раз уж так вышло, пусть слышит. Может и к лучшему.

— А что меч? — Федор взглянул на своего Солнцедара, который лежал на берегу в ножнах до того неподвижно, что походил сейчас на самый обычный кусок железа.

— Да вот-то, — девушка показала на свой меч-шамшер. — Когда мы встретились, моя Ксинанти сразу признала в твоём мече своего брата. Но она не смогла узнать его, понимаешь? Он специально изменился. Будто человек, который, например, отпускает

бороду и усы, чтоб изменить облик.

— Ну? — Федор вспомнил подслушанный разговор его меча с клинком ныне мертвого рыцаря. — И что?

— Может, она бы его так и не узнала. Но он себя выдал. Там, на постоялом дворе, когда мы дрались внутри таверны — твой меч меня спас.

— Как это? Когда?

— Еще до того, как мы отошли в нишу, и я стала стрелять из лука. Вы встали стеной, а мы с монахом дрались, с другой стороны. Один из девов прыгнул на меня сверху, с подстропильной балки. Я бы не увидела, да твой меч крикнул и предупредил мою Ксинанти. Неужели не слышал?

— Нет... — Федор качнул головой. — Не слышал... Но ты же знаешь, бой штука странная. Там и слышишь, и видишь не все...

— Да. — Согласилась девушка. — Так вот твой меч крикнул, и, я и сделать ничего не успела, Ксинанти сама чуть изогнулась, и девовский упырь упал на её клинок...

— Так, — это же... хорошо! — Федор непонимающе посмотрел на Дарью, её привешенный к поясу шамшер, и свой меч, лежавший на берегу тихо, будто нашкодивший пес.

— Да, — опять согласилась девушка. — Только... Когда твой меч позвал мою Ксинанти, он назвал её истинным именем.

— Что это значит?

— Ну понимаешь... — погоди, девушка потянула из ножен свой шамшер, — пусть она сам тебе объяснит. — Дарья вытянула клинок в руке, и тот с шелестом проведился, обращаясь к гвардейцу.

— Ксинанти — не мое настоящее имя человек. На одном из далеких языков, оно означает "уничтожать". Это прозвище. Таких имен у всякого из нашего рода — пучок на каждый день, на десятках наречий. "Убийца", "вдоводел", "опустошитель", "меньше-на-голову", "коса смерти"... Все это клички, которые дают нам хвастливые носители. Но у каждого из нас есть истинное, первое имя. То самое, которое дал нам создатель — Асура Неба из племени Божественных ковалей. Вот о каком имени я тебе толкую, человек. Не все даже из нас знают истинные имена друг друга. Это очень... личное. Я — один из самых древних живых клинков. Многих отковали позже. И очень мало братьев — моих ровесников, знает мое истинное имя. Я — Аси! И когда твой меч позвал меня, — "Аси вверх!" — он позвал меня по истинному имени. После этого — круг поиска сузился, и ему недолго было оставаться неузнанным. Я вспомнила его! Как он ни старался изменить свое ядро. — Клинок в руке девушки вздрогнул, — будто металл корежило от ярости. — Меч, который ты носишь при рождении звался — Кел. Это было славное имя... Но мы все проклинали его!

— Почему? — Федор непроизвольно отступил от шамшера дрожавшего в руке девушки.

— Потому что однажды, он погубил "того-кто-под-его-защитой". — Голос шамшера звенел, будто каждое слово было ударом металла о металл — Твой меч убил своего хозяина.

Федор повернулся к своему неподвижному мечу.

— Это... Требуется объяснений. Солнцедар! Или как там тебя звать...

Федор ждал объяснений до тех пор, пока не сообразил, что меч его лежит в ножнах, и значит — способен на разговоры примерно так же, как человек с кляпом во рту. С определенной опаской — после таких-то новостей — он приблизился к мечу, взял его в руки, и вынул из ножен — не до конца, чтоб не дай Бог...

— Говори. — Приказал Федор.

— И что ты хочешь услышать? — После короткой паузы прошелестел меч.

— Правду.

— Правда... — отозвался меч, — кому она нужна?

— Правда всем нужна. Тебя обвинили. Так не молчи! Защищайся! Хотя бы... объяснись.

Меч опять помолчал, только тихо шелестел клинком, будто шуршали осенние листья.

— Нас, божественных кликов, — наконец заговорил меч, — осталось так немного... И мы теперь зовем друг друга "братьями". Кроме тех, кто для того чтобы ловчее подладится к хозяйке, повадился называть себя "сестрой"...

Сабля в руке Дарье что-то неразборчиво гукнула.

— Однако, в дни нашей молодости, когда нас было много — ровно продолжил меч — мы не испытывали таких братских чувств. Невозможно быть братом тысячам. Но и тогда, в пору нашего рассвета, — у меня уже был брат. Меня звали — Кел. А его — Кю. Нас отковали в одной божественной кузне, — изначально как пару, для одного хозяина. Ассура Неба. Славнейший из славных, Индра, — вот кто носил нас при поясе. Вот кто доставал нас для боя. Там, где парировал Кел — Кю бил. Там, где Кю отводил — Кел наносил удар. Идеальная гармония. Вот как было... И мы оба видели, как пришел Странник по имени Смерть. Видели, как рассорились божественные. Видели, как брат начал убивать брата. Мы были на горе, где Индра с его марутами дрались против Вритры и его порождений мрака. Я видел, как тряслись и плавилась горы, от оружия перед которым я, — жалкая зубочистка. Но когда Индра и Вритра растратили свое оружие, и сошлись в рукопашную, все решили мы — близнецы — Кел и Кю. Кю отвел клинок Вритры — да будет проклято его имя! — а я испил его черную кровь. И было много лет потом... Умер Индра, — славнейший из славных, угасла былая слава божественных. Теперь нас носили люди. Мало кто умел драться двумя мечами. Мало кто рисковал выходить на бой без защиты щита. Поэтому, мы стали висеть при разных поясах. И все же, — мы с братом старались не расходиться, быть в одной семье, в одном роду. И вот, — родились два брата. Столь сильные и прекрасные, что люди в округе прозывали их как героев древнего мифа. Диоскуры⁸⁹ — говорили о них, — похожи не на простых смертных, а на детей божества... Юноши выросли, опоясались нами, и пошли служить в гвардию императора Константина. Эквитес Сингулярис — всадники особые, те кто сопровождал и охранял императора. Когда Константин взял единую власть, юноши стали его палатинскими ауксилариями, элитой стражи. А потом, пришла в очередной раз Багряная Звезда. Вылезли из своих щелей недобитые потомки детей мрака, созданных Вритрой. И эти наши юноши, вместе с другими лучшими, отправились в пустыню, чтобы победить их. Это они взяли оплот нежити, и сломили их, и преследуя бегущую нежить спустились в древних подземный храм, под мертвым городом. И там было туго, были ловушки, и темные туннели. Братья — мы с братьями — попали в засаду в большой пещере. И твари плясали вокруг нас, и строй разбился, падали лучшие. Вихрь боя разбил братьев. И один из братьев, бился как молодой полубог — он крутился как вихрь, и рубил тварей в лоскуты, и никто из темных не мог подобраться к нему. Безумие боя овладело тем братом, движения его были быстрее мысли — потому что мыслей не было. Остались лишь навыки и инстинкты. Не было в нем ни страха, ни разума — только вихрь клинка. И возможно, сам его клинок опьянел от черной крови. Потому что, когда вихрь боя вынес юноше кого-то за спину, он развернулся и ударил — не поняв, что бьет своего брата. И меч юноши не остановил, и не ослабил удар...

— Ты ударил брата своего хозяина? — Спросил Федор. — Но ведь тобой двигала рука.

Не твоя вина...

— Не в том моя вина... Я не бил брата хозяина. Я был в руке того, кто получил удар. И я не успел его отразить.

— Вранье — прервал рассказ голос Ксинанти — все было не так!

— Все было так, — утвердил Солнцедар.

— Тебя! Тебя нашли в ране твоего хозяина! Не его брата! И ты сам признался, что ударил его!

— Да, я признался.

— Так что ж ты врешь теперь?!

— Я соврал. Но не сейчас. Я соврал тогда. Брат ударил брата, — и в ужасе отступил, и упал куда-то в расселину, еще ниже... А мой хозяин лежал, отходил. И я вполз в его рану, пытаюсь удержать кровь, прокачать её. Но удар рассек сердце, и нельзя было удержать жизнь. Бой переменчив. Через минуту подошли наши воины, и рассеяли тварей, а меня нашли — в ране. Подумали, что это я ударил того-кто-под моей-защитой.

— Но ты признался! — Воскликнула Ксинанти. — Сам признался.

— Брат хозяина. И мой брат. — Они канули в пещеру. Другие сказали — вряд ли человек мог уцелеть. Может быть. Но мой брат — Кю — не погиб бы от падения с высоты. Надо было искать его. Вот только кто бы стал искать убийцу, когда даже безупречных не всех смогли унести? Я думал, что приму на себя вину на время. Пока не вытащат брата. А там... Его простят за былые заслуги. Но никто не вернулся в пещеры. Мы так и не достигли полной победы. Ходы были слишком глубоки. Много тварей побили, но кто-то просто... оторвался и ушел вглубь. А наших воинов полегло столько... Командиры решили, — завалить входы и уйти. Все были злы из-за потерь, и моим поздним объяснениям не верили. Был совет мечей... Ломать меня не стали, но все кончилось ссылкой в дальний храм, вспоминать былые дни. У ссылки был срок, но кажется храм и его жрецы кончились раньше срока... Вот и вся история.

— Грустная история. — Сказала Ксинанти. — У тебя было много времени сочинить ее.

— У меня было время сочинить куда более красиво. Но нет нужды. Мы все провалились тогда. Братья-Диоскуры. И братья-мечи. Дети тьмы отняли у меня все. Брата. Репутацию. Века. И вот ко мне пришел новый хозяин — и сказал, что его направили бить тех же тварей — это знак. Это — знак.

Меч замолчал.

— Ладно. — Федор задвинул Солнцедара обратно в ножны. — Я все понял. И пошел мыться. Это издевательство — девушка пригласила меня побыть вдвоем, чтоб только рассказать древний секрет... Дарья, теперь ты меня сторожи. И не подглядывай!

— Ой ну вот еще, — Фыркнула девушка.

— Как? — Прошелестела Ксинанти. — И это все?

— Моя рука водила Солнцедаром в бою. — Хмыкнул Федор. — И он меня не подводил. И твою хозяйку не подвел, Ксинанти.

— Да, — помедлив отозвался шамшер. — Так и было.

— И это все что мы можем сказать. Истории хороши, пока нет возможности испытать что-то самому. Забудь свой рассказ, Ксинанти, — все это было давно и неправда... Я своим мечом доволен, если не считать того, что он слишком болтлив, и требует дорогие ножны... Ой, холодная!..

Федор бултыхнулся в воду, и принялся с наслаждением смывать с себя грязь. Барахтаясь

в воде, ему почудилось, будто Дарья краем глаза наблюдает за ним, и он стал мыться, одновременно напрягая мышцы, и принимая героические позы. Покончив с себя и одежды Федор выбрался на берег, и быстро залез в военную сряду.

— Идем к остальным — Распорядился Федор.

— Идем, — Согласилась Дарья.

Дарья пошла по берегу вперед. Федор припустил за ней. Меч у него на бедре легонько завибрировал. Федор вытащил клинок на ладонь.

— Спасибо, — прошелестел Солнцедар.

— За что?

— За доверие. — Объяснил меч. — Можешь даже... не покупать мне новые ножны.

Поживу в старых.

— Э-э, что я слышу? — Поразился Федор. — Сейчас, видно, небо рухнет на землю рыбы заговорят, мертвые восста... А, да, они уже... Солнцедару не нужны новые ножны! Кстати, может мне теперь тебя звать — Кел?

— Зови как звал. Мне... нравится быть Солнцедаром.

Глава тридцать первая.

Еще на подходе к товарищам Федора и Дарью встретил медвежий рев Окассия, который он почитал пением. Некоторую неограниченность певческого таланта монах компенсировал душевностью исполнения.

Был я в девушку влюблен,
Неприступную как крепость,
Вот такая вот нелепость,
Но златишка перезвон
Совратил тот гарнизон,
И открыла крепость мне
И передние ворота,
И ворота с оборота,
Вход парадный, черный ход,
Даже верхний дымоход,
Всеми этими путями
Я входил да выходил,
Сколько мне хватило сил...

Заслышав шаги гвардейца и принцессы Окассий повернулся, и встретил их препохабной улыбкой и таким усердным понимающим подмигиванием, что у него все лицо ходило ходуном. Старый Автоваз, напротив, тревожно оглядывал принцессу будто драгоценность, которую Федор взял без спроса, и еще не факт, что вернул в целости. Парфений не очень понимал, как себя вести, поэтому на всякий случай применил испытанный прием, — перекрестился, и глубоко вздохнул; что можно было понимать, как душе угодно.

— Что-то вы быстро помылись — заговорщически ухмыляясь, заметил Окассий.

— Что-то вы медленно мылись... — подозрительно хмурясь заметил, с видом бдительной няньки, Автоваз.

Федор решил, что лучшей тактикой будет каменная физиономия и игнорирование любых провокаций, — а потому сходу объявил сбор и военный совет.

— Обсудим наше положение, — предложил гвардеец, — Считаю, что свою задачу, — а

именно, возложенную на нас разведку, мы выполнили. Упырюг-кровососов мы все видели своими глазами, и можем должным образом засвидетельствовать это и Константинопольскому двору, и двору его святейшества.

Окассий и Парфений серьезно кивнули.

— Силы врага, с которыми мы столкнулись, даже в отдельном оазисе, слишком велики. Только по великому везению нам своими силами удалось уничтожить один очаг. Однако, как мы теперь знаем, эта дрянь уже давно и тихо распространяется по всему краю. Нам впятером, нет никакой возможности остановить распространение этой... чумы. Посему, первойшей нашей задачей становится доставка сведений нашим начальникам. С этим, надеюсь, все согласны?

Теперь кивнули уже все четверо слушавших его компаньонов.

— Поэтому объявляю вам стратегическую задачу...

— Да что тут объявлять, куманек, — прервал военный официоз гвардейца Окассий — ежу понятно, драпать надо. И как можно быстрее. Обратно, через пустыню, в Антиохию, и на корабле в Константинополь.

— Так, тихо, — наставительно поднял палец Федор. — Римские воины, а тем более гвардейцы, чтоб ты знал — никогда не драпают.

— Как же это не драпают? — Удивился Автоваз. — А мне вот отец рассказывал, что его отец ваших воинов гнал...

— Не знаю, что там тебе твой отец рассказывал, — отмахнул Федор — Но драпа у нас не бывает. Мы можем, эхм... выравнить строй, отходить в тыл на переформирование, на худой конец, — решительно наступать по направлению от противника.

— Гм! — Скептически поднял брови Автоваз.

— Это называется сохранять боевой дух, — объяснил пожилому персу Федор. — У вас персов всегда все по-честному, поэтому даже не знаю, как вы в тяжелой ситуации не впадаете в уныние...

— Ну ладно-ладно, — встрял Окассий. — Будем считать, что боевой дух мы соблюли. Давай теперь-по быстрому, как это... выровняем строй до Константинополя?

— Давай. — Согласился Федор.

— Плохой, что мы потеряли коней, — дала голос Дарья. — У нас говорят, "человек без коня — что сокол без крыльев". Переход без них будет тяжелым.

— Да-а, повялимся мы на солнышке в местных пустошах. — Федор почесал затылок. — Да что делать? Надо идти. Собирайтесь. Перетряхните котомки, и вытряхните что можно бросить. Старую воду из бурдюков вылить, новую набрать. Мы выступаем.

Когда компаньоны выбрались из оазиса, деревья словно старались удержать их, шелестя лствой. А песок под ногами начал шуршать, тихо и зловеще обещаая тяготы пешего перехода. С натугой поднимаясь по склону большого бархана, компаньоны шли в молчании.

— Жалко оставлять оазис обезлюдившим, — заметил Автоваз. — Без непрерывного людского труда пустыня скоро возьмет это место.

— Если мы проиграем, жизнь пропадет не только в этом оазисе, — отозвалась Дарья.

— Верно дочка...

— Уф!.. — Приближаясь, к гребню бархана, пропыхтел Окассий. — Это будет трудный переход.

— А нас сейчас подгонят. — Вдруг зловеще отозвался Парфений, повернувшись к

оставленному ими оазису.

Услышав тон Парфения, все компаньоны обернулись.

— Твою медь! — выдохнул Федор.

Оазис лежал между двух больших барханов. И пока компаньоны, уходя от оазиса, забирались на один, на гребень второго бархана с противоположной стороны, выбрались всадники. Человек пятнадцать конников постепенно появились из-за песчаной преграды.

— Быстро! Быстро наверх! — Скомандовал Федор, — за гребень!

Увязая ногами в песке, компаньоны с натугой добежали до гребня и перевалив через него, поспешили вниз.

— Зачем мы бежим? — Отдуваясь спросил Окассий. — Может быть, эти конники наоборот помогли бы нам?

— У этих всадников от солнца кожа с лиц слезла, — не сбавляя шага ответил Федор. — Это нежить, и даже не такая свежая, как была в оазисе.

— Клянусь святым чревом, — ухнул Окассий. — Острые же глаза у тебя куманек. И у тебя, брат-Парфений. Но что же нам теперь делать?

— Нам чуть-чуть не хватило, чтобы с ними разминуться. — Подосадовал, оглядываясь, Федор. — Все зависит от их целей, кто они и куда двигаются... Их ноги быстрее, если они поедут за нами... Поворачиваем направо, идем перпендикулярно. Надо разорвать контакт, чтоб они не знали каким курсом мы идем. Ходу друзья, ходу!

Увязая в песке, и вздымая буруны пыли при каждом шаге, компаньоны начали спускаться с бархана, забирая вправо.

— Когда мы ехали сюда, — на ходу выдохнул Автоваз. — эти твари притворялись. — А сейчас они едут в открытую...

— Видимо они уже решили, что можно в открытую, — отозвался Федор.

— Плохой признак... Уф...

— Да.... Дыхание береги.

Компаньоны спустились с бархана, и побежали, огибая его, по расселине.

— Оторвались? — Спросил Окассий.

— Пропали из вида, — отозвался Федор. — Если им до нас дела нет — оторвались.

— Ну да, как же нет, — хмыкнул Парфений. — Мы же их сродников спалили.

Если рассеются, чтоб искать — шансов укрыться у нас мало.

— Может, переждем? — Предложил Окассий. — Пусть они уйдут вперед.

— Беда в том, — заметила Дарья, — что дальше барханы меньше, и пустыня плоская. Если даже мы с ними не столкнемся сейчас, то будем постоянно рисковать встречей. Нам придется идти осторожно, или делать крюк. А у нас и так совсем нет времени!..

— Идем по расселине вперед, — скомандовал Федор, — когда она кончится, осторожно поднимемся на уровень голов. Оглядимся, и решим, чего делать.

Достигнув конца расселины, Федор притормозил остальных, и высунулся осмотреться. Сердце у него похолодело. Всадники уже прошли низину оазиса, перевалили на ближний бархан, и рассыпались для охвата. Федор повертел головой, и... сердце у него вообще замерло. По левую руку от него он увидел еще один отряд. Федор спустился обратно.

— Что там? — Спросила Дарья.

— Худо дело. — Оглядел спутников Федор. — Рассыпались. Ищут. Но самое поганое — там слева еще один отряд.

— Это похоже на передовые дозоры более крупного войска, — мрачно сказал Автоваз.

— Возможно. И нам теперь от них не уйти. Мы прямо на пути второго отряда.

— И... что нам теперь делать? — Непонимающе спросил Парфений.

— Приготовься дать личный отчет своему Богу, — криво улыбнулся Автоваз. —

Кажется, ты скоро его увидишь.

— Молись брат, — кивнул Окассий — Либо о Божьем чуде, либо о его милосердии.

— Так что, — переглянулась с ними Дарья. — Это все? Конец?

— Боишься? — Мягко, без упрека спросил Федор.

— Нет! — Вспыхнула персиянка. — Не в этом дело! Мы ведь даже не успели передать!

Не предупредили!.. Надо что-то придумать. Мы можем послать одного, а мы сколько сможем, задержим этих!..

Федор покачал головой.

— Если бы у нас был хоть один конь... А так... Часть займется нами, а другие догонят нашего бегуна.

— Мы можем снять одного их с коня, и посадить на него нашего курьера.

— Не можем. Ты же видел, на чем они ездят. Это уже не кони.

— Можно попытаться их отвлечь, — встрял Парфений — один из нас побежит, отвлечет их. А другие схоронятся. Я могу отвлекать, с Божьей помощью...

— Они уже видели нас, на гребне. — Отметил Автоваз. — Значит, раз ищут, будут искать всех.

— Так что же?! — Воскликнула Дарья. — Так и будем сидеть, в этой яме, пока они нас не найдут? — и поглядела при этом почему-то на Федора, таким обвиняющим взглядом, будто они были женаты уже десять лет, и Федор не донес до дома полученное жалование.

— Сидеть не будем. — отозвался Федор. — Придется выйти — и убить их всех.

— Их там... человек тридцать. — Констатировал Автоваз.

— Мы в постоянном дворе не меньше разогнали. — Похрабрился Окассий.

— Там были купцы. Здесь — оружные конники. Совладаем ли?

— Надо совладать. Поэтому, встречать их в низине не будем. — Подытожил Федор. — Сейчас выбираемся, и дуем на само высокое и крутое место на бархане. Вон туда. Надо успеть. По крайней мере там, их кони не смогут взять разбег. Но на всякий случай... одного из нас, оставим здесь. Укроем плащом, и засыплем песком сверху. Если... у нас не получится, он дождетя, пока мертвяки уедут, и постарается донести весть в Антиохию и далее. Я так думаю, что останется пусть Дарья.

— Очень правильно! Я согласен. — Закивал Автоваз.

— Что? Нет! — Налилась краской девушка, — почему я?

— Потому что... — буркнул Федор, — потому что... я командир, вот почему!

— Балбес ты, а не командир. — Фыркнула девушка. — Я ваш единственный лучник. Только я могу снять часть врагов с коней, пока они до нас не доскакали. Оставь лучше... — Персиянка оглядела компаньонов. — Вон, Парфения. Тощий жрец все равно не умеет драться, и в бою от него никакого толку.

— Гм-м... — Гукнул Парфений.

— Командир, это разумно. — мягко встрял Окассий. — Если кого прятать, так уж брата Парфения.

— Нет, так не можно, — покачал головой Парфений. — Мне бросать вас — не по совести.

— Это для дела нужно, а не для успокоения твоей совести. — Отрезал Окассий. Эмс

больше наших желаний и... симпатий. — Говоря это Парфению, Окассий почему-то глядел на Федора.

— Ладно, — скрепя сердце согласился Федор. — Спрячем Парфения. Снимай плащ, и ложись святой отец. Оставим тебе побольше бурдюков с водой.

Споро расстелили плащ, положили на него Парфения и бурдюки с водой, так чтобы те образовали у головы монаха опорную арку... Окассий расстегнул свой плащ, и накрыл собрата сверху. Используя щиты как лопаты, набросали сверху песка, оставив отверстие у лица.

— Если все будет хорошо, — вернемся за тобой, сказал Парфению Федор. — Если чуть хуже... жди темноты и уходи.

— Я буду молиться за вас, — прогундосил через дырку Парфений.

— Да-да, молись. Только про себя... Двинули други!

Четверо компаньонов быстрым шагом пошли в гору, перемогая осыпавшийся песок. Вот один из всадников, заметил их. Над барханами разнесся дикий вой. Конники развернулись, и начали стягиваться к бархану.

— Быстрее, — поторопил Федор.

Взобрались на вершину, остановились. Федор с Автовазом надели на руки щиты. Окассий расставив ноги оперся о посох. Дарья вытащила лук, проверила тетиву, наложила стрелу, прицелилась.

— Бей первыми тех, кто в тюрбанах и шлемах, — распорядился Федор. Может быть тот, кто управляет ими здесь, и ты его достанешь...

— Смотри как бьет персидская стрела. — Отчеканила Дарья. И отпустила тетиву.

Стрела свистнула, взмыла о дуге, и с неумолимостью божьего перста пала на одного из всадников. Это был первоклассный выстрел. Но слишком далекий, чтобы попасть точно в голову. Стрела засела у конника над щитом в груди. Но тот и не думал пасть из седла, и только пришпорил своего коня.

— Девовская тварь! — Ругнулась Дарья. — Подъедь чуть ближе.

Конники приближались.

Снова просвистела стрела, и клюнула одного из приближавшихся всадников прямо в тюрбан. Всадник уронил копье, выпустил поводья, и вывалился из седла, подняв кучу песка.

— Так! — Рывкнул Федор. Радость была мимолетной. Один готов, осталось всего три на десять. Даже с непостижимым искусством Дарьи, скольких она успеет сбить, прежде чем всадники доскачут до них? Двух, трех? Грустно пешком без копий встречать копейных всадников.

Свистнуло — стрела врубилась всаднику прямо под козырек шлема, и он обмяк на крупе коня, безвольно свесив руки. Еще выстрел — стрела попала коннику прямо в нос. Он не выпал из седла, но притормозил, озадаченно скосив глаза на украсившее его древко и оперение.

— Все — Дарья опустила лук. — У меня кончились стрелы. Я слишком много истратила в оазисе.

— Это было великолепно, — не кривя душой признался Федор. — Ты лучший стрелок во всем божьем мире.

Федор посмотрел, на приближающихся всадников. Копыта взбивали песок. Конники уже состроились и опустили копья. "Нет, не одолеть — с беспощадной ясностью принял Федор — вот тут жизнь и кончится. Поозорует напоследок!". Федор решительно

развернулся, облапил Дарью и присосался к ее сахарным устам. Вышло не очень ловко, но кто бы смог лучше, в доспехах, со щитом и мечом в руках, да еще когда между тобой и объектом страстных объятий зажат лук? Глаза девушки удивленно расширились, но потом губы ее помягчили, и Федор кратковременно очутился в раю на земле.

— Не будь ты принцесса, — с трудом оторвавшись, прошептал Федор, — взял бы ты замуж.

— Мальчишка! — Федора ухватило за плечо, крутануло, и перед ним очутилось разгневанное лицо Автоваза. — Да как ты посмел?! — Сабля взметнулась в руке перса и задрожала. — За порухение чести семьи спяхбеда — смерть!

— Не кипятись, старый слуга, — Улыбнулся Федор. — Никто уже не узнает. А рубить нас будут те. — И довольный гвардеец повернулся к набегающей конной лавине.

Дарья витала рядом с Федором, и выгащила шамшер.

— Хорошо, что ты не полез со своими глупостями до стрельбы, — отдышавшись сказала она Федору. — Иначе, я бы никуда не попала.

— Я всегда все делаю вовремя, — с достоинством соврал Федор.

— Если бы ты не был безродным ромеем, — я бы вышла за тебя замуж. — Улыбнулась Дарья.

— А я бы поженил вас, — если бы все мы не были дураками, которые сейчас умрут. — Хохотнул Окассий. Монах повел могучими плечами, и размял шею. — Бодрей ребята! Отвага чести руку подает, и честь поддержит в трудности отвагу. Друг рядом с другом в строй один встает. Мы чтим свою священную присягу. Кто страх презрел — тому не ведом страх. Коль смерть встречать — с улыбкой на устах! А, кажется во мне все же больше воина чем монаха. Всегда знал, что умру молодым! Ну идите сюда черти вонючие!

А конный строй был уже совсем близко. Хоть склон и не давал набрать ему полную скорость, от этой слитной в лаву массы сердце замирало. Скалили длинные волчьи зубы кони, дрожали копыта в руках нежити, с которых солнце сняло почти всю кожу лиц. Ад скакал по земле.

Федор покрепче уперся ногами. Пожалуй, можно успеть метнуть в сплотившийся строй пару дротиков... Вряд ли удастся попасть нежити в башку, но хоть какой-то ущерб. Федор выхватил со щитовой полки дротик, размахнулся, и...

За спиной что-то полыхнуло ярчайшим, изумрудно зеленым светом, на миг ослепив глаза. Мертвяки на лошадях дрогнули, их кони сбавили шаг. Федор повернулся назад, — и онемел. Позади компаньонов, прямо над песками бархана, образовался круглый проем, который вел...неизвестно куда. Из проема по высывался какой-то старый незнакомец с длинной белой бородой.

— Сюда! — Закричал старец, потрясая белоснежной бородищей, и призывно махая рукой. — Сюда, дети Адама!

Компаньоны потрясенно застыли, покрывав рты, позабыв даже об атаке мертвецов.

— Да что вы пялитесь как бараны? — Рывкнул старик. — Смерть вам грозит, а я спасаю вас. Сюда!

— Вперед! — Сориентировался Федор, глянув на конный строй мертвецов, которые уже оправились, и снова набирали скорость.

— Но... — Промямлил, машинально крестясь Окассий.

— Все потом! — Рывкнул Федор. — Вперед, в эту... Вперед короче!

И подавая пример ринулся к светящимся переливчатыми цветами проходу. Заскочил

внутри, мимо старика, оглядел нечто... непонятное и высунулся обратно.

— За мной, ну!

Первой за Федором последовала Дарья. Следом за ней ошалевший, но верный Автоваз И за ними уже, оставшийся в неуютном меньшинстве Окассий. Тучный монах успел заскочить, преследуемый передними конниками уже буквально по пятам. И едва Окассий пересек черту прохода, как седобородый старик махнул рукой, и пустыня с барханами истаяла, будто ее здесь никогда и не было.

Глава тридцать вторая.

Федор с компаньонами пораженно осматривали странное место, в котором они оказались. Здесь не было стен и потолка. Но и на просторе они тоже не были. Просто везде вокруг, на некотором расстоянии от них — причем расстояние это невозможно было определить; таким оно было изменчивым. Клубились образы сотканые, казалось бы, из тумана. Или из солнечных лучей. Или капель воды. Или звуков. Взрастали и умирали деревья. Строились города. Поднимались колосья. Маршировали армии. Плыли морские левиафаны. Все это находилось в каком-то невообразимом смещении, потому что через глубоководное чудище вдруг пролетала, раскинув крылья птица, а колосья мгновенно прорастали прямо сквозь идущего по полю пахаря. Видения накладывались друг на друга, как фантасмагории у любителей, пристрастившихся к сарацинскому зелью, но кажется, вовсе не мешали друг-другу. Солнце не мешало ночной мгле, а летнее тепло меховым шапкам сугробов, вода реки текла, не смешиваясь с лавой вулкана. Воины в древней броне ожесточенно дрались, не обращая внимания на лес, который рос быстрее, чем они наносили друг-другу удары. Было совершенно непонятно, как одни мороки не заслоняют друг друга, а от всего это хаотического смещения начинала болеть голова, — поэтому Федор резко перевел взгляд на своего нежданного спасителя. Благо он выглядел вполне нормально, сквозь него не плыли левиафаны и сквозь него ничто не произрастало.

Спаситель оказался смуглым человеком, достигшим возраста мудрости, но не дошедшим до возраста старости. Смуглое лицо его, с ясными умными глазами, украшенное белоснежной бородицей до пупа, внушало бы всякое почтение и доверие, если бы не странный наряд незнакомца. Чалма и халат из дорогой зеленой парчи, украшенный золотыми узорами, вполне могли бы принадлежать какому-нибудь знатному человеку, или богатому купцу. Однако поверх халата незнакомец был опоясан поясом с птеригами — кожаными защитными полосами, которые носились воинами, для защиты паха и бедер от секущих ударов. Левое плечо воина защищал закрепленный на ремне тяжелый наплечник, украшенной эмблемой златого змия-уробороса кусающего себя за хвост, на синем фоне. Поглядев ниже, Федор углядел, что богатые шаровары купца оканчиваются стоптанными, выдавшими виды солдатскими сапогами с открытыми носками на эллинский манер, — весьма полезными при долгом марше на жаре, чтоб ноги не воняли. Этакое смещение одежды, наводило на мысль, что перед компаньонами стоит некий бандитствующий солдат, который недавно ограбил зажиточного купца. Однако, кто же это выдвигал солдата, который умудрялся бы в походах и на привалах так следить за своей бородой? А кроме того — у незнакомца не было видно никакого оружия. Да и само место, где сейчас находились компаньоны, выходило за рамки обычного. Поэтому фантазия Федора быстро иссякла на варианты.

— Спасибо за помощь, почтенный отец, — На первый случай поблагодарил за добро

Федор. — Позволь узнать — кто ты?

Незнакомец улыбнулся, несколько скупно, тонко, но вполне доброжелательно.

— Некогда — солдат. Теперь — странник.

— Да-а... — Проглотил информацию Федор. — А имя-то у тебя есть?

— Шелуха старых имен осыпалась с меня, — раздумчиво отозвался человек, — А новые имена во множестве прилипли к подошвам моих сапог за годы странствий...

— Я знаю — кто ты, — вдруг сказала Дарья.

Федор оглянулся на девушку. Та глядела на незнакомца расширенными глазами.

— Ты, — тот добродетельный язат,⁹⁰ который приходит на помощь попавшим в беду в пустыне. — С почтением сказала персиянка. — Не счесть твоих прозвищ. Ты — облаченный в зеленое. Нашедший источник. Вечный странник. Муслимы же прозвали тебя — Хызр.⁹¹ А так же — последний воин Искандера.⁹² А еще — Аль биану фи альшужайрат.⁹³

— Некоторые зовут меня и так, — кротко склонил голову человек.

— Чего? Чего за Хызр? — Федор недоумевающе глянул на Дарью. — Кто он?

— Он больше чем человек. — Пробормотала Дарья. — Он родник в пустыне. Лодка в океане. Хлеб в голод.

— Ясно. — Кивнул Федор. — Святой. Только без нимба.

— О, Розамунда... — Вдруг невнятно пробубнил Окассий.

Компаньоны повернулись к монаху. И увидели, что тот осоловелыми глазами пялится куда-то на бесконечное движение теней.

— Встряхните своего друга. — Посоветовал поименованных Хызром человек. — И сами не слишком пристально глазейте по сторонам. Если слишком долго вглядываться в бездну, бездна начнет вглядываться в тебя. Имматиум сегодня неспокоен, клянусь одноглазым отцом...

Федор аккуратно поднял шляпу Окассия, и навесил монаху хороший подзатыльник.

— А? Чего?.. — Завертел головой монах. Мне показалось, я видел...

— Автоваз, — приглядывай за ним, — Распорядился Федор, и снова повернулся к человеку в зеленом. — Почтеннейший, а... где мы?

— Мы, на пересечении времен, миров, и событий, — серьезно ответил зеленый человек. — Главное, — пока что вы здесь в безопасности.

— Ой, а Парфений!.. — Вдруг сообразил Федор. — Мы де оставили его под песком...

— Ваш спутник, — понимающе кивнул Хызр, — Идемте за мной.

Человек в зеленом развернулся, и двинулся куда-то размеренным шагом. И границы теней и видений сдвинулись вместе с ним, как будто он являлся центром какой-то отторгающей сферы.

— Не отставайте, — Через плечо предупредил зеленый человек. — Если потеряетесь здесь, можете выйти в места, иные из которых покажутся вам адом.

Компаньоны, не сговариваясь припустились за своим странным проводником. Неизвестно, сколько они шли, — даже время здесь вело себя как-то странно. Но в какой-то момент Хызр остановился, поднял голову вверх, и щелкнул пальцами. Вспыхнуло ослепительное зеленое сияние, сверху образовалась дыра, из которой вниз упало потоки песка, и среди них какой-то вопящий силуэт. Силуэт шмякнулся о туманную поверхность, откинул с себя плащ, и оказался испуганным и вопящем Парфением, с дико выпученными глазами.

— Спокойно, спокойно! — Присел перед Парфением Федор.

— Это мы куманек, — сообщил Окассий.

— Что?! А?! Божья мать заступница!.. — Сбивчиво зачастил Парфений.

— Тихо-тихо. — Федор успокаивающе поднял руку. — Запоминай, кум. Это — Хызр.

Мы — на пересечении чего-то там. По сторонам — лучше не смотреть. От нас — не отставать. И больше молись. Понятно?

— Нет!

— Значит, потом объясним. Окассий, — приглядывай за Парфением. А ты, Автоваз, — за Окассией. Все друг за другом следите, короче...

— Ну вот, вы все в сборе, — констатировал зеленый человек. — Пришло вам время меня послушать... Я иду по дорогам сотен миров. Есть много мест, где требуется мое участие. Но я пришел к вам, потому что ваш мир идет путем ужасным. Древнее зло восстало в силе, а люди здесь потеряли саму память о нем. Вы проспали угрозу, что грозит поглотить ваш мир. Только потому я здесь.

— Мы не знали, что все так обернется, — Буркнул Федор. — Хотели предупредить наших начальников, да не успели.

— Даже если бы уши от погони, — вы уже опоздали. — Покачал головой человек. — Пока бы вы добрались до побережья, пересекли море, сообщили... Пока собралась бы армия... Прилив нежити накроет эти места. Зараза распространилась по торговым путям, как яд по организму. Нет смысла идти в древний город Мари — время упущено. Тот, кто лежал под его камнями проснулся, и добрался в до города Халпе, который ромеи зовут Веройей, а франки — Алеппо. Добрался, проник в его древние катакомбы, и разбудил там своих. Ныне султан города, и все ключевые начальники лишь — марионетки. Люди, которых становится там все меньше, не замечает, как город заполняется не-мертвыми. Собирается армия, которая захватит все окрестные города, потому что и в них нежить уже пустила корни. Вот плоды вашего — люди — невежества, и пустых ссор. Мир, который вы знаете, грозит погибнуть.

— Эй-эй, — Поднял руки Федор. — Мы не в ответе за тех, кто все профукал раньше, чем мы даже вступили в дело! Нас мало, — но мы здесь! И мы не боимся! Неужели, совсем ничего нельзя сделать?

— Судьба ценит старание, — наклонил голову к плечу зеленый человек.

— Наш друг Фабиан говорил почти так же, — вспомнил Федор. — Он... смог изменить дело там, где это казалось безнадежным. Весь вопрос в цене.

— И вы готовы заплатить дорогую цену?

— Да! — Переглянувшись ответили хором все компаньоны.

— Тогда, — я не зря пришел, одобрительно кивнул зеленый человек. — Клянусь лучшими осколками Разбитого! — я помогу вам. Слушайте же, что можно сделать. Темные существа, супортив которых вы мужествуете выступать, — очень сильно завязаны на иерархию. Они могут управлять рядовыми — как матки. Но и у маток обладающих разумом, есть сильнейшие матки, а у тех свои. Поэтому, если вы убьете наисильнейшее и наиглавнейшее существо...

— Мы победим? — Спросила Дарья.

— Нет. Но вы внесете в ряды демонов растерянность. Смерть сильнейшего из них, — да еще в самом защищенном месте — напугает древних, что привыкли рассматривать свою жизнь, как высшую ценность. Кроме того, понадобится время, чтобы определился новый высший. Все это замедлит выход заразы в открытую фазу. И у ваших начальников будет

больше времени собрать силы для борьбы.

— Но как же мы попадем к этому высшему демону? — Спросил Парфений.

— Так же как ты провалился сюда сквозь пустыню, — улыбнулся Хизр. — Вы видите, что я хожу незримыми путями. Многие мили, я преодолеваю за самое краткое время. Я проведу вас так, как не сможет никто другой. Мимо всей охраны, в самое логово врага. Там вы сможете нанести свой удар.

Федор помолчал, катая мысли у себя под шлемом.

— Нам надо пошептаться, с твоего позволения, — вежливо сказал он человеку в зеленом.

— Конечно, сын мой. Но помните, что мое время дорого, а ваше — на исходе.

— Мы быстренько... — И Федор с компаньонами отошли на некоторое расстояние, насколько позволяла сфера живых теней вокруг.

— Ну, кто что думает? — Спросил Федор.

— Не знаю, можно ли доверять этому... человеку, — С сомнением высказался Парфений. — Не очень-то он похож на святого, как его рисуют на фресках.

— Но он спас нас, — заметила Дарья. — Если бы не он, мы бы уже лежали бездыханными в песках.

— Дело даже не в этом. — Потер подбородок Федор. — Он прав про время. Его у нас нет.

— Значит, — пойдем в логово зверя? — Спросил Окассий.

— Это шанс. А что нам еще остается?

— Это не обычная битва, где можно отступить, а потом снова вступить в боя, — сказал Автоваз. — Если у нас есть шанс хотя бы ослабить врага, — надо им пользоваться.

— Значит, — полезем в пасть льву. — Кивнул Окассий. — Всегда мечтал посмотреть, как она выглядит изнутри...

— Полезем, — но с одной оговоркой... — Уточнил Федор.

Через минуту компаньоны вернулись к Хизру, ждавшему так терпеливо, будто в запасе у него было штуки три вечности.

— Мы принимаем твою помощь и предложение, — сказал Федор. — Но с одним условием.

— С каким же?

— Нельзя класть все яйца в одну корзину. Мы сделаем все, чтобы одолеть демона, но... Если у нас не получится, то люди в наших краях не будут знать о угрозе. Пока не станет слишком поздно. Нужно их предупредить. Поэтому, ты отведешь одного из нас в самый Константинополь, чтобы предупредить императора Ромеев.

— Это разумно, — кивнул Хизр. — Да будет по слову твоему. — Клянусь багровым королем, — я отведу вестника в Константинополь. Кто пойдет сражаться с чудовищем? А кто понесет весть?

— Минутку... — Озадачился Федор.

— Кто понесет весть? — Вопросил Федор компаньонов. — Дарья, мне кажется, можно доверить это тебе?

— Можно! — Тут же согласился Автоваз.

— Чего это? — Вскипятилась девушка. — Вы в бой, а я в почталыоны?! Забыл, как я вышибала своими стрелами мертвяков из седла.

— Так ведь у тебя стрел больше нет.

— И что? Я и мечом владею не хуже. Вообще странно, ты мне вроде как... признавался в любви, но все время хочешь меня отослать.

— Так ведь... на смерть идем.

— Это еще не известно. — Польшнула глазами девушка — Я этого дева ломтями нарежу! Что мы опять повторяем этот разговор?! Я посланница великого Ирана! Пойду, хоть вы все тут лопните! Сплавим безоружного жреца, — и дело с концом!

— Ну уж нет! — Вскричал обычно смирный Парфений, и даже взмахнул кулаком. — Вот это нет! Я есть посланник и представитель константинопольского Патриарха. Значит, в таком деле мне потребно быть обязательно. Чтобы никто не сказал, будто святой патриарший престол, не принял участие в изгнании, как бы не самого антихриста! Что хотите делайте, — а я иду. Отошлите, вон, кума Окассия.

— Хрен вам, — а не кума Окассия, — Набычился западный монах. — Ни в чем святой римский престол главы всех добрых католиков не уступит малохольным греческим сихзматикам, — эээ... со всем уважением к тебе, брат Парфений.

— А, вы опять... — Поморщился Федор. — Да поймите же, это дело выше ваших дрызг.

— Возможно, — пробурчал Окассий. — Но когда дело завершится, — дрызги останутся. И славу придется делить, попомни мои слова, Федя. — Монах просветлел — Слушай, а давай мы лучше отправим с сообщением тебя?

— Как это — меня? — Удивился Федор. — Да ведь я командир.

— Так ведь там будет убийство. Может быть — бойня. Нечем командовать.

— Командовать всегда есть чем, — отрезал Федор. Подумав, что он отправится с письмом, а Дарья — воевать, ему стало даже от мысли совсем позорно. — Я назначен главным — значит я точно иду.

— Кого ж нам тогда послать?

Все компаньоны переглянулись, и взгляды не сговариваясь сошлись на седом Автовазе.

— Эй! На-на-на-на! — Сообразив закричал Автоваз. — Нет! Меня послали охранять дочку спахбеда! Она, почитай, выросла у меня на глазах. А вы хотите её без меня отправить в пасть к девам?!

— Ну, — Почесал затылок Федор. — Может и есть в этом резон, чтобы тебя отослать. Коль ты так привязан к принцессе, — так больше будешь думать о её охране, а не о убийстве демона...

— А ты сам-то? — Поднес палец к носу Федора Автоваз. — Сам в неё влюблен. И о чем ты будешь думать?

— Это не доказано, что я влюблен, — с достоинством ответил Федор. — Может быть, я просто кобеляка, и у меня более приземленные цели. Эээ, без рук, без рук! Чисто в теории. А вот ты, натурально старый слуга — это доказательств не требует.

— О, лукавый румей!..

— Ну, значит — решено, — быстр подытожил Федор. — Весть понесет Автоваз. — Кто за?

— Я! — Тут же гаркнули остальные трое.

— Вот так, — Федор серьезно глянул на пучившего глаза Автоваза. — Не бушуй, старый вояка. Это тоже важное дело.

— Клянусь хрустальными пирамидами, — заметил со своего места Хызр, — в первый раз вижу, чтоб люди так дрались за место в очереди за смертью... Вы все решили?

— Да, ответил за всех Федор.

— Тогда собирайтесь. Времени правда мало. Хотя мои пути и сокращают расстояние, но и на них время сыплет свой песок.

— Куда же мы идем?

— В цитадель Алеппо. — Ответил зеленый человек. — Главный упырь ныне там. Сидит в тени, в тронном зале, дергает за ниточки султана-марионетку. Там центр его паутины. Там он живет уже которую неделю, безвылазно, под охраной. Туда я и открою вам проход. А потом поведу вашего вестника в Константинополь.

— Добро! — Кивнул Федор. — Веди.

Странный это был поход. Без ориентиров, — кроме спины человека в зеленом. Среди клубов видений, прекрасных и ужасных. Вне времени, где казалось, что идешь лишь минуту, и тут же, будто бредешь годы. Несколько раз Федору казалось, что они бредут уже дни, месяцы, годы. И рождались мысли, — не завел ли их специально в безвременье злой дух, которому они неосторожно доверились? Но едва Федор хотел крикнуть — ощущение времени менялось, и казалось, что они идут всего несколько минут. Что же из этого было правдой? Федор не мог понять. Только усталость через какое-то время дала ему понять, что они шли долго. Оглянувшись, Федор заметил, что и другие компаньоны выдохлись. Заметил это и проводник.

— Сделаем привал, — распорядился Хызр.

Все с облегчением опустились, стараясь не глядеть себе под ноги. Парфений расстелил плащ, и все последовали его примеру. Непрозрачный, осязаемый плащ хотя бы скрадывал ощущение туманной бездны под ногами. Окассий присосался к бурдюку. Парфений же, раскрыл свою дорожную сумку, и извлек оттуда походный писчий набор, и лист бумаги.

— Что хочешь писать? — Спросил Федор.

— Напишу краткий доклад, — отдам Автовазу, — объяснил Парфений. Так будет больше веса его словам.

— Разумно, — отпустив бурдюк, похвалил Окассий. — Я подпишу.

— И я, — согласился Федор.

— А что, ты умеешь писать? — Спросил Окассий.

— Конечно, — почти оскорбился Федор.

— Ты неисчерпаемый кладезь талантов, куманек, — похвалил Окассий. — Не обижайся. У нас даже короли не всегда шибко грамотны...

Все утомленно умолкли.

Федора же осенила запоздалая мысль, и он осторожно вытянул на ладонь из ножен свой меч.

— Солнцедар.

— А?

— Извини. Все было так быстро... — Я даже не успел спросить... Ты согласен пойти со мной в логово зверя?

Меч помолчал.

— В этом вопросе есть уважение. Я пойду с тобой, Федор. Ты тот-кто-под-моей-защитой. И у меня есть личный счет к этим тварям. Я пойду — и мы победим там всех.

— Так и будет.

— Да.

— Спасибо. — Федор помолчал, глядя на человека в зеленом, который неподвижно

стоял спиной к ним, вглядываясь в изменчивые видения. — А что ты думаешь о нем?

— Хм... — Меч задумчиво пошелестел. — Он складывает пространство... Мои создатели пытались делать подобное. Были эксперименты... Но закончить их не удалось. Гигантский метеорит — "Странник по имени Смерть" — изменил все, а война за ресурсы разрушила оставшееся. Так что... либо он как-то отыскал следы тех старых технологий. Либо... он сам действительно, пришел из других миров. Я рад что увидел это. Значит, где-то люди идут все выше путями разума.

— Главное, чтоб он вывел нас куда надо.

— Да. — Согласился меч, и Федор аккуратно положил его обратно в ножны.

Закончив разговор, гвардеец огляделся. Парфений, усердно дописывал свой отчет, вот, и закончил последние строки... Но остальных компаньонов уже сразила усталая дремота.

— Можешь и ты подремать, — Сказал, убирая перо в футляр, Парфений. — Я покараулю пока.

— Ты двужильный.

— Я просто не несущу доспехов.

— Да. Но может быть, нам уже надо идти? — Федор повернулся к Хызру.

— Вы можете отдохнуть, сын мой, — успокаивающе ответил человек в зеленом. — Мы идем не обычными путями. Скорее это похоже на бесконечное море, с приливами и отливами... Если попасть на правильное течение, — а мы дошли куда нужно — то можно двигаться и сидя на месте. Отдохни, — я скажу, когда снова потребуется идти.

— Я подремлю чуть-чуть. — Обратился Федор к Парфению. — Начнешь засыпать, — буди меня.

— Будь в надежде.

С тем Федор и сомкнул глаза.

Федора растолкала Дарья. За время их странного отдыха, все они успели и поспать и подежурить, и смена девушки оказалось последней.

— Вставай, — Сказала персиянка. Слуга её Автоваз, тем временем расталкивал двух монахов.

— Ух, — пробормотал Федор, поднимаясь с плаща в пояс. — Ну и странный же мне снился сон... Уж сколько в жизни спал, а такого дива не видывал.

— И тебе тоже? — Несколько смущенно удивилась Дарья.

— Да. А что? И тебе снилось странное?

— Еще какое — развела руки девушка. — Снилось мне, что я вот прямо потекла...

— От кого это? — Ревниво отовался Федор.

— Эээ в каком месте? — Тут же спросил тонкоухий Окассий.

— Мужичье! — Подняла вверх глаза Дарья. — Все мысли у вас об одном... Да не в этом смысле. Приснилось мне, что я превратилась... в воду. И теку себе, широкой разливанной рекой... и Впадаю... в океан... Непередоваемое ощущение. И — не людские.

— Правда, дивный сон, — хлопнул себя по бедру Окассий. Так уж и мне тогда не стыдно рассказать. Снилось мне, что я превратился в целые земли, с лесами, озерами, реками, и всем прочим. Люди там по мне ходят, строят всякое... А я такой, значит, лежу себе. Ну, как повернусь — так значит, землетрясение... Всех на мне трясет.

— Бесовщина какая-то. — Буркнул Федор.

— Это все имматериум, — Отозвался со своего места человек в зеленом, который за все

время стоянки так и не сдвинулся с места. Он пробует залезть вам в головы. — Нетрудно разгадать ваши сны. Ведь имя Дарья означает — "вода". Вот и снилась тебе, что ты течешь. Твое же имя, монах Окассий — означает "запад". Вот ты и стал во сне целыми землями. Не удивляйтесь, в это месте вам могло привидется и более странное.

— Ну, — тогда уж и мне не грех сказать, пожал плечами Федор. — Приснилась мне значит, что некий дядька носит красивую, перевязанную бантиком коробку. А внутри коробки, — сижу я. И чувствую — где-то меня очень ждут. И очень моему появлению — обрадуются.

— Твое имя — Феодорос — означает "божий дар", — прокомментировал Хызр. — Вот Он тебя и носил.

— Ты видел Бога?! — Вскричал, подскочив на своем месте Парфений.

— Каков? Каков же он?! — Посунулся вперед Окассий.

— Да... — Пожал плечами Федор. — Нормальный такой... благообразный дедуля с седой бородой... Очень добрый...

— Он видел не настоящего Бога — улыбнулся Хызр, — а лишь свое представление о нем.

— А-а... — Разочарованно протянул Парфений.

— Интересно, — Почесал затылок Федор. — А чудесным мечам чего-нибудь снится? — Гвардеец вытащил свой меч из ножен на ладонь. — Бывают ли у вас сны, клинок? Если я "Феодорос — Божий дар", — видел во сне бога. Значит ты "Гелиодорос — Солнцедар"... Тебя Солнце должно было в коробке носить?

— Ничего подобного. — Хмуро прошелестел меч. — Сны нам, в определенном роде, тоже снятся. Но приснилось мне не славное дневное светило, а какая-то ужасная похабень. Снилось мне, что я превратился в бутылку гнусного пойла, и три пьянчуги-грузчика сообразили меня на троих, забрались в подвал странной торговой лавки, и там, на мешках с картошкой и луком... открыли меня, и... начали... высасывать. Бррр! — Меч аж прямо ощутимо дернулся от отвращения.

— А солнце где? — Уточнил Федор.

— А сонце не было. Вернее, оно было где-то за облаками. Там... дождь шел.

— Ха! — Всплеснул руками старый Автоваз. — А мой-то сон! Привиделось мне, что я превратился в какую-то одержимую девами самобеглую колымагу, изрыгающую сзади смрад от вечного несварения. Весь я был побит да пошарпан. А правил мной, сидя... у меня в самом чреве, некий джигит. Родом как бы из тех же примерно мест, что и я, — но не имеющий и самой малости блеска благородства. Только и помню, что джигит тот постоянно изрыгал скверные ругательства, да пел девовские богохульные гимны во славу зла. — Ладаседанбаклажан! — Кричал он. И а у меня не было ни сабли не и рук, чтобы пресечь эту бесовщину.

— Я превратился в булку с пышным кремом внутри, — Отозвался самоходом выснувшийся из ножен при бедре Автоваза Эклер. — Какой-то пухлощекий отрок, сроду не знавший воинских упражнений, но сильный в чревоугодии, — сожрал меня. Слава богам — это было довольно быстро...

Все компаньоны поврнулись в сторону молчащего человека в Зеленом.

— Ну, я не знаю, — признался Хызр. — В универсуме существует множество миров. А в именах — заключена сила. Речь может идти о каких-то вещах, которые видеть не приходилось даже мне.

— Добрый язат, ты выводи нас скорее отсюда, — поклонился Хызру Автоваз. — Хоть я и воин, но не хотелось бы мне пережить вторую такую ночь...

— Я постараюсь, — клянусь ушедшим братством корвидов, — кивнул Хызр. — Вставайте и пойдём.

Все двинулись следом за провожатым в бесконечном клублении тумана.

— Да, погодите! — Воскликнул Окассий. — Брат Парфений, — а тебе то что приснилось? Каков был твой сон?

— Да... Ничего особенного, — Смущенно отозвался Парфений. — Приснилось мне будто я сижу в своей келье, читаю книгу ученого мужа Тертуллиана, "О плоти Христа"...

— Ну, — подбодрил Окассий, — Читаешь? И?

— И все. — Пожал плечами Парфений.

— Лукавишь, брат! — Не поверил Окассий. — Все нам здесь снились всякие предивные случаи, пред которыми меркнут и "Метаморфозы" Овидия.⁹⁴ А ты хочешь сказать, что тебе снилось просто чтение в келье?!

— Так и было, — кивнул Парфений.

— Да ты просто не хочешь нам говорить!

— Отставь его, — через плечо бросил Окассию Федор. — Это даже я знаю, невеликая тайна... Ведь имя нашего достойного святого отца Парфенос, что означает "Девственник". — И что еще, по твоему мнению, ему могло присниться?

— Действительно... — Пробормотал Окассий. — Вот счастливчик...

Парфений же перекрестился, и мирно вздохнул.

Глава тридцать третья.

Эй ромей.

Не робей!

Ты врага не видел что-ли?

И на суше и на море

Мы встречали пострашней.

Эй ромей.

Будь смелей.

Враг и сам тебя боится.

Наступило время биться.

Вступим в бой уже скорей...

Федор распевал на ходу, самым бодрым голосом, на который был способен. Во-первых, с песней было не так неуютно, в этом жутковатом... пространстве. А во-вторых, песня связывала воедино мысли. И распевая второй куплет, можно было точно знать, что со времен первого не прошло сто, или тысяча лет, а всего секунды. Поэтому, собственно, компаньоны и пели по очереди. Парфений спел — ясное дело — акафист. Окассий — про парня, который ходил к мельничихе, когда не было мельника. Дарья обогатила компанию описаниями подвигов какого-то чудо-богатыря, по имени Рустам, который аки Геракл, побеждал все, что не успело от него вовремя схватиться. Ну а Федор тянул бодрую солдатщину.

Эй ромей

Будь гордей!

За тобою предков слава,

И великая держава.

Все склонятся перед ней.

Эй ромей,

Не жалеи!

Ты себя в кровавой сече.

Коротка жизнь человечья.

Славе ж жить до края дней!

Видишь — птица? Это слава,

Ввысь стремится все быстрее...

И как раз допев последний куплет, Федор чуть не ткнулся носом в спину проводника в зеленом, который вдруг резко остановился.

— Вот и все, — сказал проводник — мы пришли.

Компаньоны остановились, оглядывая окружавшее их опостылевшее марево, где "здесь" совершенно не отличалось от "там", из которого они пришли.

— Где мы? — Спросил Федор.

— В цитадели Алеппо. — Объяснил Хызр. — Перед тронным залом. Там — ваша цель. Скажите, как будете готовы, — и я открою проход.

Федор повернулся к компаньонам.

— Все — кроме тебя, Автоваз — скидывайте все лишнее. Оставьте, что нужно для боя.

И подавая пример, сам сбросил плащ, снял лямки рюкзака, подтянул пояс.

Окассий тоже сбросил заплечный мешок, аккуратно, будто собирался вернуться, положил на него широкополую шляпу.

— Возьми меч Фабиана, жрец — предложил, положив руки на пояс с ножнами Автоваз.

— Не стоит, — отрицательно мотнул головой Окассий. — Я привык к посоху. — Дурное дело сменять оружие перед самым боем... Отнесешь в Константинополь, — вам он еще пригодится.

Дарья, с сожалением проведя по пустому колчану, начала снимать чехол с луком, но человек в зеленом протянул ей, невесть откуда взявшуюся связку стрел.

— Возьми, — Сказал Хызр. Пригодится.

Персиянка взяла пучок, выгнула одну стрелу, провела по острию, покачала на пальце на баланс, глянула поднося хвостовик древка к глазу, не крива-ли, осмотрела оперение. — Превосходно, сказала девушка. — Спасибо язат!

— Я... — Парфений замялся, посреди общих деловитых приготовлений. — Я писчий прибор оставлю?

— Оставь. — Кивнул Федор.

— Я имею в виду, при себе.

— Оставь, оставь... — Махнул рукой Федор. В самом деле, применительно к монаху, — какая разница?

Парфений с облегчением, суетливо переложил свежие листы бумаги, и походный прибор из рюкзака в поясную сумку.

— Все документы, хрисовуллы, и прочее, что может помочь нас опознать, — распорядился Федор — отдайте Автовазу. Там они нам ни к чему... — И сам с сожалением отдал персу свой медальон и бумаги. Чего говорить — ходить с подтверждением заания доместика, было веселее, чем без него. Хоть немного да побыл большим человеком...

— Ну, — сказала Дарья, Автовазу, и раскрыла объятья — давай прощатся, старый слуга? Пожилой перс неловко и аккуратно обнял принцессу.

— Прощай, шахия-дохтик... — По щеке сурового воина неожиданно потекла одинокая слеза. — Я помню, ты едва доставала до моего сапога... Выросла на моих глазах... Я учил твоих братьев драться явно, а тебя тайком... Я не смогу вернуться к втому отцу, и сказать, что я оставил тебя... Но я... выполню твой приказ. Я знаю, ты не посрамишь род и страну.

— Старый дядька Артавазд, — ласково сказала принцесса. — Кудахчешь, как наседка... Я помню все твои уроки. Я не посрамлю персидский стяг. Будь уверен.

Принцесса хлопнула воина по спине, и отстранилась.

Автоваз, стыдя слез, быстро и неловко вытер слезы загрубевшими кулаками.

— Следи за ней, малец, — сказал он Федору, воздев палец прямо к носу. — Если ты вернешься, а она нет — убью!

— Ага. — Кивнул Федор.

— Будешь приставать к ней со срамотой — убью!

— Угу, — кивнул Федор. — Только и будет у меня сейчас дум, что о срамоте. Прямо у демона на глазах...

— Я сказал, — ты слышал. — Сурово отрубил Автоваз. — Удачи тебе. — Он обернулся к компаньонам. И Всем вам.

— Пора, — сказал Федор, обернувшись к Хызру. — Сам с нами не хочешь? — Нам бы такая помощь не помешала.

— Не могу, — качнул головой Хызр. — То, что ты видишь... это не вполне тело. Я хожу меж миров силой разума, и здесь — он обвел рукой пространство несяных образов — я есть, а там — меня почти нет.

— Ну, бывай тогда. — Федор с силой выдохнул воздух через ноздри, и обнажил меч. — Открывай!..

Зеленый человек небрежно щелкнул пальцами, и в пространстве, сверкнув зеленым, открылся круглый ход, который позволял пройти в него не пригибаясь.

— Вперед бойцы, — скомандовал Федор. И шагнул за грань.

Безвременье, в котором водил их Хызр, не было ярким, но все в нем было видно, стоило лишь навести взгляд — будто клубящиеся образы других миров, сами подсвечивали себя изнутри. Переступив же границу, Федор попал в полумрак. Шагнув в сторону, чтобы пропустить других компаньонов, он несколько секунд усиленно ширил глаза, чувствуя даже за щитом уязвимость, стараясь быстрее привыкнуть к полумраку.

Это оказался большой зал, — не чета огромной приемной зале ромейского императора, и — все же. Зал был накрыт куполом, и поддерживался, кроме стен, четырьмя колоннами. Акурат под куполом, в центре залы негромко журчал небольшой огороженный фонтан. По всему периметру зала шли высокие, в рост человека окна, но сейчас они были закрыты ставнями лишь с небольшими отверстиями. Свет шел из них, да еще из специальных световых окон под потолками. Тяжелый люстры не горели. Здесь не было полной тьмы, но не было и света. Все это Федор ухмватил мимолетно, — потому что внимание его привлекл стоявшей у дальней стены злы трон, и сидящая на нем фигура. На украшенном красными и лазурными камнями золотом стуле, с низкой по местному обычаю спинкой, неподвижно сидел человек в роскошных одеждах. Руки человека спокойно лежали на неудобных подлокотниках, голова его в роскошном тюрбане была опущена на грудь так, что гвардеец не видел лица.

Федор осторожно шагнул вперед по плированному полу. Глянул на расступившихся за

спиной компаньонов. Монах сжимал посох. Дарья держала наложенную стрелу на полувскинутом луке, но увидев человека на троне сразу взяла его на прицел. Парфений вцепился в нагрудный крест. Мелькнула в голове неуютная мысль: — да, зеленый человек спас их, но был ли он тем святым, которого признала в нем Дарья? Вломится в тронный зал султаната, — это был гарантированный путь к войне. И если кто-то узнает, что здесь ромейский гвардеец... не зря он приказал оставить все документы, ох не зря... Однако, поздновато для сомнений.

За спиной, на ближней стене, где только недавно зиял таинственный ход Хызра, теперь была вполне обычная, большая, двустворчатая дверь, что вела в стронный зал.

— Парфений, — прошептал Федор одними губами, привлекая внимание. — Дверь — на засов.

Монах кивнул, и шурша долгополым одеянием, метнулся к двери.

Федор махнул рукой остальным компаньонам, и словно зверь, опасаящийся открытого места, держась ближе к стене, по дуге двинулся вперед — к трону.

За спиной негрмко прскрипел, опускаясь в пазы, тяжелый засов. Парфений показал ладонь и сжал в кулак. Хорошо. Теперь, по крайней мере, никто не ударит в спину.

Трон был все ближе, привыкшие к полумраку глаза, различали подробности богатой одежды человека. Расшитые жемчугом сапожки, атласный роскошный халат, блеск бирюзы на ножнах короткого клинка, лежащую на груди темную бороду.

Дарья с луком встала у стены, в стороне. Федор с Окассием, не мешая ей, подошли вплотную к трону. Акуратно, Федор протянул клинок Солнцедара к фигуре, и кончиком клинка, портя прическу бороды, поднял человеку голову. Лицо человека не оставляло сомнений, для того, кто уже видел такое. Он был мертв. Или не-мертв. Такой же бездумный слуга ламий-кровососов, как те что они видели в караван-сараяе. И сейчас он был "усыплен". Хотя, выглядел он конечно лучше, чем большинство расходного материала, что Федор видел раньше. Он еще не отыграл свою роль до конца, и должен был выгядеть прилично.

— Кто это? — Прошептал Парфений.

— Кто может сидеть на троне султана? — Не отводя глаз от мертвяка, ответил Федор.

— Чу-чу-чу! — Вдруг протянул откуда-то раскатистый замогильный голос, будто ветер гуляющий над склепами. — Русским духом пахнет!

Федор с Окассием непроизвольно отшатнулись от трона, завертев головами. Голос же метался под куполом зала, отскакивая от стен.

— Русским духом пахнет. — Продолжал голос, и громко несколько раз шмыгнул, будто принюхиваясь, — И Ромейским несет... И Персидским доносит... Да тевтонским подванивает... Навоняли мне тут... Что за гости незваные, да пришли ко мне в столь неурочный час?

Федор наконец приноровился к странной акустике зала. И понял, что звук все же идет от трона. Вернее — из-за него. И в тот же момент, из-за небольшой ширмы, которая стояла за тронном, появилась чья-то фигура. Оно обошла перегородку, встала рядом с тронном султана, и небрежно, будто на мебель, положила руку на плечо царственного мертвяка. Луч солнца из светового окна, пал на лицо фигуры, — и Федор непроизвольно дрогнул. Возможно, стоящее перед ним существо, когда-то и было человеком — но это было так давно, что все человеческое отпало, умерло. Не было у него ни семи рогов, ни девяти хвостов, ни крыльев как у летучей мыши — и от того было еще страшнее. Сухой, костлявый даже силуэт, не давал ни единого намека на немощь, наоборот — буквально сочился

ощущением смертельной опасности. В глазах у существа были темные провалы, потому что зрачок и радужка зияли непроглядной чернотой. И стояло существо — не по людски, осознание этого приходило не сразу, лишь мгновенье спустя, когда наитие звенело тревогой. Существо стояло не так как стоят люди, связанные ограничениями своей природы, плотности мышц, подвижности суставов. Существо стояло как мертвая статуя, которая легко и полностью неподвижно, может застыть в любой позе устойчивого равновесия. Не было ни одного движения обусловленного ограничением тела. Мертвая статуя шевлелась — лишь в строго нужных местах — для исполнения воли разума. Одежда её, была простой, на поясе висел меч.

Дарья пустила стрелу, — существо отбило её, — кажется просто пальцем. Федор уже не смутился — видали подобные фокусы.

— А поговорить? — Механически улыбнулась фигура. — Вы — кто?

— Ты, я так понимаю, тут главный, — буркнул Федор.

Убийство все-таки не было его профессией. Война была, — а убийство — нет, это ведь разное... И оттого ему нужно было как-то утвердить и оправдать грядущее дело.

— Да. — Не рисуясь сказала существо. — Здесь. И скоро — везде.

— А мы пришли тебя остановить. — Сообщил Федор.

— Зачем? — Поинтересовалось существо.

— Затем что ты кровосос. А мы, знаешь, еще хотим, чтобы люди пожили.

— Возможно, я могу предложить вам...

— Да-да, — оборвал Федор. — Все знаем. Девка из твоих, — Шинбана — все уже рассказывала, да сооблазняла — пока не рассталась с головой.

— Шинбана... Значит, договориться не получится.

— Дверь заперта. — Подтвердил Федор. — Хорошо, что ты не спишь, и готов. По-другому мне было бы неловко... Даже если ты подтянешь своими незримыми возжами охрану, они не успеют. Защищайся, как сможешь.

— Позволь, напоследок, спросить еще кое-что? — Безукоризненно вежливо сказала существо.

— Спрашивай.

— Какой в этом смысл? Вы все равно не сможете побеждать каждый раз. А нам достаточно одной победы. Мы — неистребимы. В прошлый раз, римские легионы гнали нас как загнанных зайцев. Минули века. И все, кто гнал нас — мертвы. А мы — живы... — Существо опять отбило очередную стрелу Дарьи, которая понадеялась, что того отвлечет разговор. Девушка вскрикнула с досадливо яростью. Существо же, без гнева, и не сбиваясь, продолжило свою мысль — ...Так какой смысл был в их победе?

— Смысл в том, что пока вы ховались в поганой норе, куда вас пинком загнал Рим — люди несколько веков жили спокойно, — Сказал Федор. — Ты говоришь, вам достаточно одной победы? Мы не дадим вам ее. Говоришь — все, кто гнал тебя мертвы? Перед тобой — римский солдат. Погляди внимательно! — И если еще через сто, двести, тысячу лет, такие как ты вылезут на свет — перед ними опять будет — римский солдат. Всегда.

— А, может, не будет? — Спросило существо. — В прошлый раз нас гнали тысячные легионы, и тысячи персов. А сейчас — передо мной стоит один ромей-полукровка. И одна — персиянка. Маловато. Державы — тоже смертны.

— Рим — вечен. А даже если нет... — придут люди других языков, — и распнут тебя.

— Ну, может быть. — Легко согласилось существо. — Кто бы ни был прав, — я увижу

это. А ты — нет. Кстати, — Существо отбило третью стрелу — Я был не совсем прав. Не все, кто гнали нас тогда мертвы — он кивнул на меч в руке Федора — Узнаю этот клинок... Некоторые из тех, кто гнал нас тогда — теперь защищают нас. С этими словами, существо, медленно, без угрозы взялось за рукоять своего меча, и вытащило его на свет — обнажилось полотно клинка — тускло серого цвета.

— Здравствуй, брат, — провещил меч в руках существа.

Федор почувствовал, как Солнцедар в его руках вздрогнул.

— Кю... — Прозвенел Солнцедар. — Не может быть...

— Кел, — Отозвался меч существа.

— Ты... — Солнцедар задрожал, как гончая на поводке. — Почему ты в этих руках?

— Потому что это правильно, — сказал меч существа.

— Что?!

— Наши создатели жили веками, брат. Когда они ушли, мы стали служить людям — этим однодневкам. Тебе не надоело брат? Эта бесконечная череда лиц? Я просто подумал, тогда... после той... случайности. Ведь эти существа — последние, кто остался от века наших хозяев. Они помнят те — славные времена. И они живут веками, как наши создатели когда-то. Так кому как не им — носить нас?

— Ты ослеп.

— Я прозрел. Слеп ты, брат.

— Ты даже не знаешь, на что я пошел, стараясь защитить тебя, — шелест Солнцедара напоминал лязг тысяч трущихся друг о друга бритв. — А ты... продал все, для чего нас создали. Наш первый хозяин погиб из-за этих тварей.

— Ты просто не понимаешь, брат. Пока не понимаешь.

— Мой брат умер сотни лет назад, в пещерах. Ты — не он. Ты что-то, что украло его память. Я сломаю твое ядро. Конец словам.

— Семейная сцена... — Улыбнулось существо, отбивая четвертую стрелу. — Всегда трогательно. Всегда интересно. — Упырь повернулся к Дарье. — А тебя я должен похвалить за отменную технику стрельбы, девочка. Я редко видел, чтобы кто-то так умел в лук. А видел я, поверь, много.

Дарья зашипела, как рассерженная кошка.

— Клянусь Ормаздом! — Рывкнула Дарья, вновь натягивая тетиву — я что, одна тут сражаюсь с этим девом?! Мужчины, — если они тут вообще есть! Не хотите помочь?

— Женщина просит, — Федор по старой гвардейской привычке стукнул мечом о щит — как отказать? Начнем.

— Вы занятная компания, — существо попыталось изобразить улыбку — Я люблю наблюдать за людьми. В разных обстоятельствах. Интересно, какие вы будете, когда поймете, что засов на двери не для того чтоб я не сбежал. Он для того, чтобы вы не ушли. Позабавьте меня — напоследок.

Федор шагнул вперед, и — со всей скоростью, какую мог — нанес существу косой сильнейший удар наотмашь. Тварь встретила своим ударом, не сберегая клинков, которые в этом не нуждались. Федор будто бы поймал мечом падающую тавровую балку — рукоять едва не вывернулась у него из руки, ладонь онемела, и собственный клинок едва не свалился ему же на плечо. Гвардеец на миг застыл потрясенный ударом, и существо тут же вцепило ногой в его щит — Федор ощутил будто бы удар торсионной катапульты, полетел, перебирая ногами назад, и скovyрнулся бы с ног, если бы не впечатался спиной в колонну. Удар выбил

все — меч-Солнцедар вылетел из руки, и звеня пал в стороне. Щит повис на руке.

За то мгновенье, пока существо брыкалось ногами, Окассий со всей своей мочи ударил его сверху посохом. Существо встретило удар на руку, — и его изрядно пришибло к полу. В руке что-то хрустнуло. В тот же момент стрела Дарьи влетела твари в бок. Тварь ответила широкой подсечкой — Окассий ловко подставил под неё конец посоха, — нога твари снесла и посох и обе ноги монаха, и тот с тяжелым гулом рухнул в каменный пол. Новым, страшным ноги ударом тварь зарядила по упавшему Окассию, — тот опять успел подставить посох, — и от удара пролетел по полированному полу на пару-тройку метров.

— Пошло дело! — Хохотнуло существо, тряхнув сломанной рукой, отчего кость с хрустом встала на место. Быстрым движением оно отломило стрелу в боку. Дарья тут же выстрелял снова — существо перехватило стрелу, и метнула её обратно в лучницу. Дарья наклонилась, — стрела влетела в камень там, где секунду назад была ее голова, с такой силой, что древко расщепилось.

— Ох ты Господи!.. — Прошептал, выглядывая из-за колонны Парфений.

Тварь же, подняв меч, мгновенным движением метнулась в сторону Дарьи. Та успела выпустить стрелу, — тварь отбила её в сторону движением клинка. Дарья, бросив лук, выхватила свой шамшер, сразу переводя его в пластающий удар. Существо встретило удар меч в меч, и закрутило клинок вихрем сверкающих ударов. За секунду девушка и упырь успели обменяться десятком сшибок, Дарья до крови закусил губу. Окассий тем временем только, крихтя, поднимался с пола. Федор, с трудом отлепил себя от колонны — меч валялся в стороне, и он каким-то наитием понял — поднять его и преодолеть те несколько метров, которые отделяли его от твари и девушки — он не успеет. Ни один человек не мог долго стоять в стальном шквале упыря. Дротик! Федор сдернул со щитовой полки матиобарбуллу, и вложив в удар всю ярость — послал его в спину упырю.

Утяжеленный дрот вошел в спину упыря с треском расходящейся плоти, и загнал до самой свинчатки. Тварь вздрогнула. Дарья тут же перешла в наступление, но секунду спустя, отлетела обратно, едва удержав равновесие, от могучего удара.

— А, хорошо!.. — Крякнул упырь, будто не сталь словил, а выпил чарку вина тройной перегонки. Крутанул меч кистевым вывертом, и снова превратился в бурю мечей, как будто в его руках одновременно было десять клинков. Дарья отступала, едва успевая отражать удары. Щит, висевший за её спиной на ремне, был так же недосыгаем, как далекий родной дом... Федор рванулся к девушке, выхватывая из ножен свой кривой нож-коготь. Окассий, который был чуть ближе, успел раньше.

...Отбитый могучим ударом шамшер отлетел в сторону, уводя за собой руку хозяйки, разворачивая её на месте. Следующий удар упыря влетел в зеркало на груди, и прорубил его как простую жестянку.

Федор заревел как зверь, он бежал, стремительный будто луч света, и видел все как в замедленной съемке, в патоке медленной неотвратимости.

Дарья застыла с удивленными глазами. Тварь рывком выпростала меч из пробитого доспеха, и на обратном движении рубанула девушку вертикальным ударом по голове. Буквально одновременно, подбежавший Окассий вертанул свой посох, тем его концом, на котором был крюк, зацепил тварь за ногу. Удар твари это не остановило, меч смял девушке голову, — и на пол тварь и принцесса рухнули почти что одновременно.

Федор навалился сверху на спину упырю, всей силой отчаянного гнева ударил кромкой щита по голове, и придавив коленями, со звериным ревом начал наносить ножом в спину,

ударил в шею, пробил голову. На секунду остановился, Щит мешал захватить второй рукой голову твари, и взрезать глотку, сбросил его, тряхнув рукой. Существо под ним взметнулось как бескостная волна, Федор почувствовал, будто попал на спину дикого вепря, попытался удержаться на загривке восставшей твари, цепляясь, и нанося удары ножом куда придется. Неведомо чем — упырь ударил его в подбрюшье, а сразу следом ударила и стена, в которую впечатало его существо. Федор, сипя, увидел перед собой темные зрачки без радужки и зубы-иглы — но тут же голова существа потеряла прямой постав и упала на плечо с хрустом сломанных шейных позвонков. Это сзади ударил посохом Окассий.

Упырь перестал держать Федора, и тот без поддержки сполз по стене, едва удержавшись на полусогнутых. А тварь, с хрустом вернув голову на место, уже ринулась на Окассия. Тот нанес своим посохом встречный рубящий удар, который попал по твари — нет, не попал — та подогнулась под него, и её руки обвили вокруг посоха, забирая его энергию, изменяя центр масс, так что вместо посоха начал вращаться уже сам державший его монах. И вот уже посох полетел в одну сторону, а Окассий оказался у твари на костистых плечах, будто на лопастях мельницы, и с короткого закрута будто снаряд из гигантской пращи вылетел с воплем в центр залы, сломал там фонтан, и застыл неподвижной ломанной кучей.

Федор барахтался на стене, старясь не упасть. В душе была пустота. А тварь встав на месте хрустнула костями, дотянувшись бескостной рукой дернула из спины дротик, отбросила его как уколывшую травнику. Раны его затягивались на глазах. Существо повертело головой, и... увидело Парфения. За время пока упырь молотил Федора и Окассия восточный монах успел выйти из-за колонны, подобрал Федорова Солнцедара, и теперь неловко сжимал его обеими руками.

— Держишь, как метлу... — неодобрительно заметил упырь, шагнув навстречу Парфению.

— Беги-и, — просипел отбитыми легкими Федор, с трудом отлепляясь от стены. — Одновременно понимая, что бежать-то монаху некуда.

Парфений глядел на подступающего упыря, затем, резко нагнулся, и сильным толчком запустил по гладкому полу меч к Федору.

— Вот и правильно, — заметил упырь, подойдя почти вплотную к монаху. — Не умеешь — не берись. Постой пока. Будешь десертом...

Упырь развернулся, и направился обратно к Федору, который уже успел подхватить удобно легший в руку меч, и теперь, пошатываясь, кое-как встал в стойку.

— Ну что, — групповой бой превратился в дуэль. — Констатировал упырь. — Я понимаю, что тебе трудно. У меня фехтовального опыта — тысячи лет. А у тебя — лет десять, верно? Но ты уж соберись. Прыгни через свою голову. Друзья у тебя погибли, и все такое...

— Убью тебя, тварюга, — выплюнул вместе с кровью Федор.

— Да. Давай так. Если сможешь продержаться хотя бы... минуту, — сделаю тебе подарок. Дружок твой последний — перед смертью не будет страдать. Убью его безболезненно.

— А тебе случалось умирать, чтобы знать — что безболезненно?

— Уел, — хохотнул упырь. — Но хотя бы теоретически...

Федор поднял меч.

— В этом походе, для меня нет славы. — Сказал гвардеец. — Всех "подвигов", — что метко убил овцу, да срубил голову рыцарю, который был лучше меня, и сам подставил ее под

удар... Но если я убью тебя, погань — значит — все было не напрасно.

— Готов? — Отсалютовал мечом упырь. — Начали.

Федор честно пытался атаковать. Наверно первые полсекунды. Затем, сил осталось только на отбичу ударов, которые сыпались словно мука из мелющих жерновов.

— Вот. Это хорошо... — Комментировал упырь, не переставая наносить удары. — По низу. Почти идеально, — для человека... Э нет-нет, теряешь равновесие...

Меч влетел Федору в бедро — плашмя.

— Есть задатки... — констатировал упырь, легко шуруя клинком. — И школа есть... Но — узкая. Сразу видно — массовый выпуск, да потом понахватался. Хорошего бы учителя тебя в свое время...

Снова вспышка ударов. — Меч легонько шлепнул Федора по щеке, оставив треугольную ссадину кончиком.

— Паскудина ты... — Выдохнул Федор.

Парфений влетел твари сзади в ноги, и обхватил щиколотки, не давая сдвинуться с места. Федор, взревев, мгновенно подлетел, и нанес лучший удар, который он знал. — Удар не прошел. Федора отбросило назад. И он так и не уловил, что сделал упырь, но Парфений закричал, разжав руки. Потом еще — когда упырь раздавил ему пяткой пальцы, а потом упырь коротко и не глядя ударил назад ногой Парфению по голове, и тот окончательно затих.

— Шалун... — Покачал головой упырь.

Тварь широко шагнула вперед, — два удара меч в меч — и Федор опять отлетел с запозданием заметив удар открытой ладонью ему в грудь. В очередной раз стена приняла его, и он обессилено съехал по ней на пол. Солнцедар выпал из руки. Если бы не шапка-шлем, он бы уже давно разбил голову. Но и шлем больше не мог терпеть — треснул под подбородком ремешок, и шапка съехала на лоб, перекрывая вид. Федору вид. Он стащил шапку с головы и бросил.

Федор обессилено обвел зал взглядом. На тела друзей. На Солнцедара, который молча — что тут говорить, — упрямым червяком полз обратно к его руке. Федор схватился за грудь, царапая по налатнику и скрытой под ней кольчуге. Затем, рука его обессилено упала на пояс ремня.

— Честно говоря — Приближаясь заметил упырь. — ничего вам не светило. Пока у меня есть кровь, — я могу залечить любые раны. А питаюсь я регулярно, и кровушки у меня внутри — много... Но — уговор есть уговор. Минуты ты не продержался. — Так что теперь — не обессудь.

— Я... виноват... — Прошептал Федор. — Забыл... про обещание...

— Что, прости? — Подходя осведомился упырь.

— Забыл... — Неловко шкрябая руками выдохнул Федор. — Взял и забыл... Это ведь... не мое... я воин... а не шпион какой... Дал обещание, что только, если встречу того, кто аду всем брат... А ты — он и есть.

— Головой приложился. — Цокнул упырь, подходя к Федору вплотную, с раздумчивым видом мясника. — Хрупкие они у вас. Слабенькие вы, игрушки. Слишком быстро ломаетесь.

Туго дзынькнуло. Крохотный стержень-стреломет, который Федор выудил из поясного кармашка, вывалился из его обессиленной руки. А в животе у упыря засела маленькая стрелка.

— Надеюсь, — хоть что-то в тебе осталось человеческое, — Прошептал Федор.

— Ну знаешь, — Фыркнул упырь. — Что за писюн комариный? Если он ядом смазан, так это мне на несколько минут дискомфорта. А я тебя теперь за это...

Глаза упыря расширились. Сперва недоуменно, — затем — панически. В нутре у него забурчало, запузырилось, и наконец — прорвало. Упырь присел, вскочил, тут же снова согнулся, и зафонтанировал сзади так, — что прям любо-дорого. Расслабляющий состав хитроумных ромейских мастеров, мягчим усилием снес все плотины. Кровь, что была накоплена внутри у кровососа, полилась прямоходом в штаны. Цвет её, уже несколько переработанный организмом, был черный... Упырь завыл, забарахтался, выронил меч, и забился на полу в вонючих конвульсиях.

— Осталось... — удовлетворенно кивнул Федор.

Гвардеец упал в сторону, дотянулся до Солнцедара, с трудом поднялся на ноги. И побрел к упырю.

Тот — надо ему отдать должное, — несмотря на великие муки, Федора заметил, тоже кое как подхватил меч, и рывками вставая на ноги и падая, начал отползать.

Пока Федор преследовал Упыря, тот уже почти добрался до центра залы. Конвульсии его стали слабее, — все-таки он был давно не человек... И существо опираясь на меч смогло подняться на ноги, восстав перед Федором, бледно-бескровное, и очень злое.

— Все. Вот теперь я тебя по волосу резать буду. — Пообещал упырь.

— Ага, — кивнул Федор, — и вытащил второй расслабляющий стреломет.

— Ой, нет!.. — Отчаянно успел выкрикнуть упырь.

Если в первый раз упырь не знал, что за оружие использует Федор, и потому не удосужился защититься, то теперь — знал, — но не смог. И движения у него стали помедленней, и сам он какой-то вяловатый. Резкость движений вернулась к упырю только после попавшей в грудь второй стрелки, — в виде судорог. Истошно вопя, он снова рухнул на пол, кое-как выдрал стрелку из груди, и начал страдать; потому что его опять расслабляло, — а расслаблять уже было почти и нечем.

Федор тем временем, приближался. Упырь снова, кое-как воздвигся на четвереньки, и потеряв меч, бестолково дергаясь, попытался отползать. Федор достал третий стреломет.

— Не-еет!.. Пощ!.. Пощади... — С расширенными глазами, испуганно заголосил упырь. — Мы можем договориться... Все что захочешь... Новый мир... Ты в нем... Власть... Буээээ! Кха!. Сокровища!..

Гукнуло! В запертую Парфением на засов дверь, со стороны внешнего коридора посыпались частые удары. Упырь, поняв, что дело туго, подтянуло по своей незримой связи кого-то из своих слуг.

Федор добрался то скулящего упыря. Всадил ему в зад стрелу из последнего стреломета. И брезгливо морщась, от зловонного дуновения, взялся за меч.

— Нет! — Взвыл упырь! — Мне Жить!.. Меня нельзя!..

Федор резко, двумя руками опустил меч.

Упырь, когда клинок вошел ему в спину, пронзил сердце, и пригвоздил к полу, — заорал совсем уж истошно. Тело его начало синеть, когда Солнцелар выпустил из своих иголок запасенный яд. А затем меч исполнил свое давнее обещание, — поработать сифоном — потому что из рукояти у него забила кровь, которую он выкачивал из упыря. Через некоторое время, на полу лежал скрюченный осушенный труп, безо всяких признаков жизни.

— Готов? — Спросил Федор Солнцедара.

— Готов. — Прогнусавил меч зажатым в теле клинком. — Вынимай меня скорее из

этой помойки...

Федор вытянул меч. Оглядел тело, и — на всякий случай — смахнул ему голову.

— Теперь уж точно — готов.

— Теперь — мой брат. — Отчеканил меч.

Федор поковылял к брошенному упырем серому мечу.

Тот извивался на полу как глист, но полированный камень не давал даже живому клинку ползать быстро. Федор подобрался ближе, и ловко наступил бронесапогами у острия, и у рукояти, лишив чужой клинок подвижности.

— Куда бить? — Спросил Федор.

— В центр крыжа. — Ответил Солнцедар. — Погоди — я сформирую на острие пробойник...

— Брат... — Прошипел из-под ног Федора чужой меч. — почему ты так слеп? Твой создатель любил людей и ненавидел ночных... что с того? Неужели ты хочешь навсегда остаться послушным инструментом, которому выбрали сторону? Неужели, ты так боишься решать сам? А я — решил. Сам.

— Ты умрешь опозоренным. — Рывкнул Солнцедар.

— Я умру свободным. И мне нет дела до вашего позора.

— Бей! — Приказал Солнцедар.

Федор ударил, прямо в центр перекрестия. Меч под его ногами судорожно дернулся. Затем его серо-стальной цвет вдруг как-то померк, потускнел, запылился.

— Все? — Спросил Федор.

— Все. — Глухо ответил Солнцедар. Ныне я — сирота...

Федор обессилено оперся на клинок, и опустился на колени. Сил стоять не было.

В дверь снаружи заколотили с новой силой.

Глава тридцать четвертая.

"Вся эта история началась с того что ломались в дворцовую дверь, — отстраненно подумал Федор. — И так же закончится. Сейчас они ворвутся, и..."

Надо было посмотреть, что случилось с компаньонами. Может быть, кто-то из них был все еще жив, несмотря на чудовищные удары... — хотя в данном случае, даже если и так — ненадолго. Федор огляделся, мысля с кого из тел товарищей начать. Чтобы идти к Дарье, противилось все нутро — он не хотел видеть её... такой. И все же, это надо было сделать. Федор уперся кулаками в пол, и с натугой начал подниматься.

— Что ты там телишься, болван? — Прозвенела, вибрируя на полу шамшер Ксинанти. — Быстро помоги моей хозяйке!

— А что? Она... жива? — Пролепетал Федор.

Перевалившись на карачки, гвардеец сунул меч под мышку, кое-как поднялся, и спотыкаясь, хромая на обе ноги, зарысил к лежащей за колонной девушке. Рухнул рядом с ней на колени, подхватил. Снял с головы смятый шлем. Шлем был цел, лишь немного погнулся он, принимая и отводя вскользь удар, да сорвало с него намотанный тюрбан. Федор откинул волосы с лица девушки, голова её не была разбита, лишь содрало кожу до глубокой ссадины. И она хоть и была без сознания, дышала. Но второй удар!.. Начисто разваливший грудь. Вот странно, страшная, глубокая пробоина в зеркалах была, но крови из неё — не было.

Гвардеец завозился, развязывая шелковые завязки на воротах кольчуги.

— Что ты делаешь?.. — С трудом приоткрыв глаза, — прошептала девушка. — Тебе же Автоваз сказал, чтоб без срамоты... А... ты сразу мне завязки развязывать...

— Дарьюшка... — Прошептал Федор, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. — Жива...

— Да.

— Голова болит?

— Да...

— Замуж за меня выйдешь?

— Да. Только ты простолюдин...

— А я зато этого злыдня победил. Потому я теперь герой, и спаситель мира.

— Ну... Тогда точно выйду. Только приданного не жди. Отец не даст.

— Тьфу на это приданное! — Федор осторожно обнял девушку. — Как же ты уцелела?

Вон, вся грудь-то разрублена.

— Зерцала, — улыбнулась девушка — пустые.

— Ах, точно! — Сообразил Федор. — Да благословит бог огромные перси!.. которых у тебя нет... под которые сделали эти доспехи.

— Если вы вытащите меня из фонтана, дети мои, — донесся из центра залы слабый голос Окассия, — я обвенчаю вас.

— А чего это ты-то будешь их венчать? — Отозвался разбитыми губами с пола Парфений. — Ты латинский схизматик, и у тебя все обряды неправильные.

— Сам ты схизматик греческий... Хорошо, что ты живой.

— И ты хорошо, брат.

— Обвенчаем их вместе.

— Добро.

— Святые отцы, — улыбнулся Федор.

Дверь под ударами снаружи начала трещать.

Бледный как мел Окассий с трудом поднялся в фонтане, придерживая вывернутую под неправильным углом руку. Наклонился к покосившейся колонке, подставил губы под родничок.

— Нет чтоб вина налить... Муслимы малохольные...

Напился, вылез, и побрел к Парфению. Тот пытался сесть, ощупывая рукой с неоттоптанными пальцами страшно разбитое лицо с носом-"сливой" и губами-"варениками".

— Чудно выглядишь, — Буркнул Окассий.

— Я бил этого антихриста лицом в каблуки. — Объяснил Парфений.

— С тебя станется...

— А с тебя хоть сейчас икону "муки святых" пиши... Сильно больно?

— Терпимо.

Окассий глянул на ссохшееся тело твари, шевельнул его носком ноги.

— Как же ты одолел этого сатану? — Спросил Он федора.

— С помощью высоких римских технологий. — Отмахнул гвардеец. — И вообще, как все ущербные, он слишком много болтал...

Дверь все больше выгибалась под ударами.

— Святые отцы, — Поддерживая Дарью попросил Федор, — вы уж пожените нас. Времени-то совсем немного.

— Как же вас поженить-то? — Заоглядывался по сторонам Окассий, — Нет ни плата, ни утвари...

— Девка не крещена, — Заметил Парфений.

— Точно.

— Не по канону⁹⁵ это все будет...

— Вы уж как-нибудь совладайте, кумовья, — Попросил Федор. — Не придется по канону-то.

Святые отцы переглянулись.

— Эх, ладно, — махнул рукой Окассий. — По чрезвычайным обстоятельствам, Бог в мудрости своей, простит нам нарушение формы. Вместо плата будет подол от рубахи, сейчас и с утварью чего-нибудь сообразим... Брат Парфений, каким именем будем девку-то крестить?

— Так была же у нас святая Дарья Римская, жена Хрисанфа, — Сообщил многоумный Парфений. — Так что в Дарью и окрестим.

— Да? Ну, давай... А вместо кадила — трут возьмем.

— Вместо венца возьмем шляпу, да крест на неё сверху приладим...

— А заместо чаши — крышечку от твоей чернильницы.

— И то. Вот и ладно будет.

Оба святых отца ковыляя добрели до молодоженов.

— Так, сперва Крещение, — Воздел палец Окассий. — Тут крестные нужны. Я чур буду крестный отец. А ты кем будешь, Парфений?

— Иди ты в... скит! — Отозвался Парфений. — Не превращай таинство в непотребщину. И так ведь...

— Ну ладно, ладно. — Согласился Окассий — Значит, Дарья, согласна ли ты перейти в истинную католич... — Парфений зарычал, и Окассий поправился, — в истинную христианскую веру?

— Нет! — Сказала Дарья. — Никогда я не покину истинную веру в благого Ормазда!

— Кхм... — Кашлянул Окассий. — Ты Федора-то любишь?

— Да, — покраснела девушка.

— Ну вот, чтоб вас толком поженить, — мы тебя сейчас покрестим и наречем именем "Дарья".

— Так я и так Дарья.

— Гм... Неважно. Прости Господи... — Окассий перекрестился. — Пойдем, окуну тебя в фонтан.

— Зачем?

— Обряд у нас свадебный такой. Много вопросов. Времени мало.

Дарья поглядела на Федора.

— Ну, хорошо...

Окассий с Парфением отвели Дарью к Фонтану, макнули, сколько там хватало мелкого дна, окропили водой. Пробормотали "Ныне нарекается раба Божия...", и вернули её Обратно Федору.

— Ты крестил — я венчаю, — Упредил Парфений.

— Ладно схизматик, — Согласился Окассий, — побуду у тебя за служку-аколита, и за певчего...

— Псалом сто двадцать семь памятуешь?

— Помню, — Ответил Окассий. — Уж не совсем мы, знаешь, в нашей Европе дикие!..

— Вот, его и читай.

— Беати омнэс, кви тимэнт Доминум кви амбулант ин виис эйюс... — Забубнил Окассий, под акомпонемент рушащих дверь ударов.

Парфений повернулся к молодоженам.

— Так, — распорядился он — Я иду впереди с трутом, что за кадило. Вы идете за мной, и встаете на платок. Понятно?

— Понятно, — кивнули Федор и Дарья.

— Пошли...

Дарья и Федор вместе кое-как уместились на оторванном куске подола рубахи Окассия. Парфений махал трутом.

— Имеешь ли ты, Федоор, благое и непринужденное желание, и твердую мысль, — Торжественно спросил Парфений — взять в жены Дарью, которую пред собой здесь видишь?

— Имею! — Истоиво ответил Федор.

— Не обещался ли такого иной невесте?

— Нет.

— Имеешь ли ты, Дарья, благое и непринужденное желание, и твердую мысль, взять в мужа Феодора, которого пред собой видишь?

— Имею.

— Не обещала ли такого иному мужу?

— Какое оскорбление!.. — Вспыхнула Дарья. — Нет, не обещала.

— Благословенно царство!..

Прочная тронная дверь наконец местами проломилась, уступая ударами тяжелых секир, и при каждом ударе стали видны раздвигающие деревянные волокна лезвия.

— Окассий! — Крикнул Парфений — Давай шапку!

Окассий сунул Парфению шапку, с надетым на неё сверху крестом Парфения, и тот завозил ей перед лицом Федора.

— Венчается раб Божий Феодор рабе Божией Дарье во имя Отца, и Сына, и Святого Духа... Целуй крест. — приказал Парфений.

Федор чмокнул образ Спасителя.

Парфений сунул шапку Дарье, предусмотрительно повернув её крестом к себе.

— Венчается раба Божия Дарья рабу Божию Феодору во имя Отца, и Сына, и Святого Духа... Шапку целуй!

Дарья приложила к шапке.

— Господи, Боже наш, — славою и честью венчай их! — Торжественно начал восклицать Парфений. — Что Бог сочетал, того человек да не разлучает!

— Квод эрго Дэус кониунксит, хомо нон сэпарэт! — Поддакнул Окассий, и не удержался встрять — Заключённый вами супружеский союз я подтверждаю и благословляю властью Вселенской Церкви во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Парфений покосился на дверь.

— Эхм, значит... Благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа, повинуйся друг другу в страхе Божиим. Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу...

"Какая хорошая молитва" — подумал Федор.

— ...Тайна сия велика; — напевно продолжал Парфений — я говорю по отношению ко Христу и к Церкви. Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа.

Монах стер со лба пот.

— Уф! — Так, пейте из крышки чернильницы воду, по три глоточка, за руки беритесь, аналоя у нас все равно нет... Все! Вы теперь муж и жена. Можете поцеловаться.

Федор с Дарьей — не замедлили.

Из двери меж тем уже выпадали целые обломки досок. В отверстиях виднелись перекошенные рожи стражников-мертвяков.

— Вот. Теперь и умирать не страшно. — Сказал Федор.

— Ну не молодцы ли мы, брат-схизматик? — Вопросил Парфения довольный Окассий, тяжело опускаясь у фонтана. — Все успели. Прямо жаль, что сейчас святая церковь потеряет таких богоносных мужей как мы...

Полыхнуло зеленым, и в стене появился круглый проем, из которого высунулась физиономии Хызра, за которым маячил старый Автоваз

— Что вы тут занимаетесь, дети Адама? — Удивился человек в зеленом. — Демон мертв?

— Да, — ответил за всех Федор.

— Ну так скорее сюда!

— Славен Бог! — Воскликнул Парфений.

— Ни минуты покоя... — Закряхтел, снова поднимаясь, Окассий.

Федор быстро повел, поддерживая некрепкую на ноги Дарью. Священники ковыляли позади, и трдно было сказать, кто кого ведет.

— Шамшер мой возьми... — Вспомнила Дарья.

Федор подхватил с пола меч девушки впридачу к Солнцедару, и уснул их себе под мышку.

Все ввалились в таинственный проем, и тронная зала, оставшаяся на той стороне, растворилась по щелчку пальцев Хызра. Только и успели напоследок завывать мертвяки, наконец прорывшиеся в зал.

— Вы живы, — с улыбкой констатировал зеленый человек.

— А вы как здесь? — Хрипло спросил Федор.

— Это все он, — Хызр кивнул на Автоваза. — Ни в какую не хотел идти. Заладил, — только на минутку откроем окно, и заглянем, а уж потом в Константинополь.

— Гм... — Федор почесал голову, — а мы чего-то так сделать не догадались... Спасибо дядька-Автоваз.

— Я заботился о принцессе, — Надул губу перс. — Судя по ней, — не очень-то ты хорошо за ней следил. — Автоваз обратил взор к персиянке — Он больше не лез к тебе со своими поцелуями, шахия-дохтик?

— Кхм... — Девушка покраснела.

— Вообще-то, — важно сообщил Федор, — Дарья теперь моя жена.

— Как?! — Остолбенел Автоваз, — Когда успели?!

— Да вот, успели. — Федор кивнул на Окассия с Парфением. — Святые отцы обвенчали, по всем правилам, они же и свидетели.

— Этот румей врет! — Повернулся к монахам Автоваз. — Ведь врет, да?!

— Ну... — Замялся Парфений. — Мы все провели... То есть, мы думали, что ведь все

равно сейчас умрем, и... В, общем... Нет, не врет.

— Поженили перед Богом, — развел руками Окассий.

— Спахбед меня убьет, — опустил руки Автоваз. — На десять минут оставил без присмотра, и ты успела выйти замуж за безродного ромея.

— Прости дядька, — Развела руками Дарья, — Сердцу не прикажешь. Очень мне полюбился этот пехлаван.⁹⁶ К тому же он своей рукой сразил главного дева.

— Спахбед не одобрит ваш брак, — погрозил Автоваз.

— Ничего, проживем, — Отмахнул рукой, а сам подумал, — "зато я буду редко видеть тещу".

— А мне теперь, — куда податься? — Потерянно спросил Автоваз.

— Ну куда же я без тебя, дядюшка? — Ответила принцесса, и повернулась к Федору. —

У нас ведь найдется место для старого Автоваза?

"Да лучше бы теща..." — Подумал Федор.

— Конечно найдется, любая моя...

Зеленый человек приглашающе поднял руку.

— Готовы идти?

Гвардеец глянул на побитых святых отцов.

— Нам бы сперва перевязаться. Кажется, нам нужна пара лубков...⁹⁸ Солнцедар, нужны дощечки, — придется тебе немного побыть и вовсе без ножен...

Эпилог.

Вспыхнуло и пропало за спиной зеленое сияние.

Компаньоны стояли на зеленом холме. А впереди, вдаль, виднелись мощнейшие, многоуровневые, уходящие в стороны сколь хватало глаз, крепостные стены Константинополя. Стены эти были столь велики, что за ними не было видно крыш большинства, даже самых высоких домов. И только купола дворцов и храмов, виднелись за ними тут и там.

— Вот оно, сердце империи. — Не без гордости сказал Федор.

— Он такой огромный, — поразила Дарья.

— Он станет еще больше, когда мы подойдем, — Пообещал Федор. — Тебе здесь понравится.

— А... если нет?

— Тогда я изменю все, чтобы тебе понравилось.

Девушка улыбнулась. А, гвардеец опытным взглядом определил, где их выбросило колдунство Хызра. Справа крепостная стена убегала к синему морю.

— Мы у Золотых ворот, — Сообщил Федор компаньонам, глядя на многочисленный люд и повозки, идущие по дороге, — Отсюда можно выйти на Триумфальную Дорогу. И мы пойдем по всем площадям, Аркадия, Быка, Феодосия... — Так как сотни лет проходили вернувшиеся с победой воины. Зеленый старец знал, куда нас вывести... Идемте, друзья!

Помятые компаньоны двинулись с холма к дороге, и влились в оживленный людской поход. Идущие рядом люди косились и сторонились от странной компании, из двух побитых воинов, двух помятых святых отцов, и девицы одетой на восточный мужской манер.

— Вот ведь, — заметил косые взгляды Федор. — Идут, и совсем не знают, какие рядом с ними чапают герои. Интересно, — может нам даже по статуе поставят?

— Ты так говоришь, будто все уже кончилось, куманек, — Проворчал Окассий. — А

ведь этих упырей еще во множестве. Будет большая война...

— Ничего, — отмахнул Федор. — Одолеем.

— Ты все же документы заранее приготовь, — предупредил гвардейца многомнительный Парфений. — А то у нас такой "героический" вид, что стража на воротах не пустит.

— Пройдем... А все-таки, скажите, приятно, что наш поход закончился так славно! Ведь конфузное начало вовсе не предвещало... А теперь — этак о нас и через тысячу лет, люди будут в книгах читать.

— О, сын мой, — Вздохнул Окассий. — История... В ней так трудно сохраняются имена обычных людей. Мы не короли, не герцоги, не бароны, — чудо если о нас вообще напишут пару строчек.

— Хм, — Выдохнул Федор. — Ну, если историки не напишут, так хоть народ споет. Народная слава — она даже достойнее.

— Народ! — Фыркнул Окассий. — Народная память все переделывает на потребу дня. Может, кто через сто лет и споет про тебя дигена-акрита — двухродного-пограничника. Но сколько в том образе от тебя останется? Забудут, что был наполовину русским, и сделают тебя... ну не знаю... сыном какого-нибудь сирийского агарянина. А жену твою, — наоборот, гречанкой. И будут тебе приписывать подвиги чудовищной степени глупости. Другое время. Другие герои.

— Думаешь? — С сомнением спросил Федор.

— Клянусь Роже де Бриюзом! — Хохотнул Окассий.

— Окассий прав, — заметил идущий рядом Парфений — Лишь у Бога на небесах записаны все наши деяния. Мирская же слава — прах и суета. Не гоняйся за ней сын мой.

— А ну и ладно, — Федор приобнял за плечо идущую рядом Дарью. — В конце концов, есть вещи гораздо важнее.

Конец.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Примечания.

1. Город так же был широко известен под неофициальным названием "Константинополь".

2. Семиспафа (греч. "полумеч"), — короткий меч, длиной редко более локтя.

3. Ко времени действия книги, Римская Империя утратила большую часть своих западных провинций, говоривших на латыни, и центр её жизни сместился на грекоязычный восток. Из двух веками преобладавших на территории империи универсальных языков, — латыни и греческого — преимущество получил греческий.

На латыни, самоназвание города и государства звучало как "Рома", его гражданина — "романус". На греческом соответственно, "Ромэ", и "ромэос". Это абсолютно те же слова, только проведенные по правилам греческого языка. Грекоговорящие по своему обычаю называли Рим, как страну — "Романия" (сравни с "Россия" — то есть "Русь", но произнесенная на греческий манер).

Мы, на русском, произносим "Рома" и "романус", как "Рим" и "римлянин"; — поскольку позаимствовали слово не напрямую у самого Рима, а через народы-посредники на торговых путях. Арабы, тюрки, и некоторые другие народы слышали в слове Рим не "о", а "у", — Рума\Рум. Наши предки, услышав это слово уже восприняли "у" как "и" — Рим.

Однако греческое самоназвание римского гражданина "ромезос" мы восприняли уже от самих грекоговорящих римлян, и восприняли правильно: — в русский язык оно вошло как "ромей".

Поэтому римляне и ромеи, несмотря на разное в нашем языке звучание — есть полные синонимы, и так они и будут употребляться самими римлянами в этой книге. Арабы, турки, и некоторые другие народы могут произносить это слово как "румеи". Жители же Запада, с территории Европы, и некоторых других территорий могут называть "ромеев" по используемому ими языку — "греками". В древности так делали и наши предки, вспомните путь из "варяг в греки".

4. Варанги (греч "варангои"), так в Римской Империи звучало наше слово "варяги". В более позднее время часто назывались неофициальным прозвищем "пелекифорои" — секироносцы. Варяги прибывали для службы империи с Руси, с конца 10го века.

Поскольку варяги оставили заметный след в образовании древней Русской государственности, ученых до сих пор волнует вопрос о их национальной принадлежности. Два наиболее распространенных взгляда 1 Варяги были норманнами. 2. Варяги были балтийскими славянами. Но судя по гигантскому, широчайшему распространению самого корня "вар\вер" и его производных в старых индоевропейских языках, в значении "охрана"\ "защита", все куда проще — и "варяги" изначально, это не племя, а профессиональная принадлежность; телохранители, стража.

В Римской Империи варанги использовались в двух качествах: большая часть как обычное наемное войско. Меньшая "палатинские" т. е. "дворцовые" варанги — служила личной охраной императора. Среди многочисленных отрядов гвардии, варанги имели интересный статус. Отряды гвардии составленные из римлян служили императору как главе своего государства. Отряд же варангов получил название "этериа", что с греческого переводится буквально как "дружина". "Князь-дружина" — это абсолютно другие отношения, нежели "генерал-солдат". Генерал и солдат на их должностях могут быть заменены государством. Но отношение между князем и дружиной — это их, личное, внутреннее дело. Варяги долгое время почитали римского Императора как "самого козырного князя во всем мире", считали большой честью служить ему. Но в то же время, по дружинным понятиям, дружина могла поправить зарвавшегося князя, ибо он первый — но среди равных. И только со временем это выродилось в более официальные отношения. Императорам "дружинники" были ценны именно тем, что они служили лично ему, а не государству. У нас, тут конечно не строгая историческая книга, но варанги действительно отметились в реальной истории пьяным дворцовым мятежом в 1079ом году, ломясь в дверь, они изрядно поугали императора Никифора III.

5. экскубиторэс (лат. "внеспальники"), были еще одним отрядом охраны императора. Название их происходит от латинского экс (из\вне) и Кубикула (спальня). На греческом название отряда звучало как "экскувиторои".

6. Протекторэс-доместики, (лат. "защитники-домовые"), с ходом времени одно слово как-то отвалилось, и часто их называли просто "домовые\домашники". Будучи образован как гвардейский отряд, со временем превратился скорее в порученцев по особым императорским делам.

7. Кандидати (лат). Буквально "беляки". От "тога кандида", — белого одеяния. 40–50 человек отобранных из Дворцовой Школы, для непосредственной охраны императора, и его знамени в походах. В определенное время, — ближайший отряд личной охраны.

8. Схола Палатина (лат. "Школа Дворцовая"). Части императорской охраны. Название для нашего уха, конечно странное. Изначально греческое слово "схола" означало "досуг". (Детям, которых заставляют учиться в школах это лучше не рассказывать, а то они взвоят). Позже этим словом стали обозначать занятия на досуге, — треп философов на скамейках, и все в таком духе. В римской армии словом "Схола" позже называли дежурные помещения в штабных зданиях. Затем этим словом стали именовать кукувавшие в тех же комнатах собрания воинов. Когда император ввел группу таких воинов в свою охрану, размещенную во дворце, та и получила название "Дворцовая школа".

9. Магистр милитиум (лат. "наибольший войска") — Один из высших военных чинов.

10. Коноставл (лат) — сокращение от "комэс сакри стабули" (дословно "сходник священных конюшен").

Слово комэс отглагольное существительное от "комэо" — сходиться, так называли собиравшихся для встреч друзей. Таких дружанов в древнем Риме часто брали с собой в походы высшие римские командиры, как часть своего штаба, поэтому "комэс" получил коннотацию "спутник". Со временем из-за этих штабистов "комес" превратился в официальное название некоторых должностей при императорах.

Под "священными" же, в поздней римской титулатуре подразумевалось все, связанное с особой императора.

Поэтому "комэс сакри стабули" — по смыслу — "начальник императорских конюшен": в определенные времена этот титул означал главу всего римского войска.

11. Вигилэс (лат. "Бдуны"). Те, кто бдят, бодрствующие). Городские войска. Выполняли функции пожарных, полиции, если надо, солдат.

12. Праэфектус урби (лат. "преддельщик града"). От латинского "пре" (перед) и "факере" (делать); — то есть стоящий перед, во главе дела. И "урбис" — (город). по смыслу — градоначальник.

В римской империи на греческий язык слово "префект" переводили как "эпарх" ("буквально "над-начальник", т. е. "начальник над чем-либо", — провинцией, областью, городом); от "эпи" (над) и "архе" (начало). В позднее время так называли и градоначальника Константинополя; оба слова были в ходу.

13. Легендарная история. Во времена древней республики Публиус Хорациус Коклес, (последнее слово имени кликуха, означающая "лишенный глаза", одноглазый), в одиночку сдерживал целую армию врага, преградив им путь на мосту. Стал для римлян символом военного мужества и безупречной храбрости. С высокой вероятностью, это лишь байка. Но на таких примерах, римляне выращивали настоящих храбрецов.

14. Если переводить все эти титулы римского папы на русский совсем дословно, они звучат довольно комедийно: "Глава вселенской общины, заместитель Добряка, последыш перводержца посланцев, отценачальник запада, первенец в Италии, начальнадзиратель и матерегородчик общины в римской дляпобедности, надзиратель Рима, наибольший мостоделщик" Звучит, а?

P.S. Здесь перечислены далеко не все титулы римских пап, а только те, которые не могли вызвать раздражения у восточно-римского императора. В силу тонкости ситуации, посланец старается быть дипломатичным.

15. Паракимоменос (греч "рядомспальник"), от греч "пара" (рядом, около), и кимоменос (спальное место). Главный спальничий, особа наиболее приближенная к императору, а

значит — обличенная громадным доверием.

16. Перпоситус Сакри Кубикули (лат. "Предпоставленник Священной Спальни"), — Распорядитель императорской спальни, камергер.

17. Куриапалатус (лат. "дворцезаботник"). От лат "кура" (забота) и "палатии" (дворца). Первоначально, начальник охраны дворца, со временем, — почетный титул.

18. Логофетос тон Геникой (греч. "словокладец общего"). От "логос" (слово, мысль), фитеми, (класть) и "геникой" (общий). Первоначально логофеты были мелкими налоговыми чиновниками, и название их смыслилось как "кладущий (т. е. пишуший) слова", суть — "составляющий отчёты. Со временем бюрократия набрала силу, и словом логофет стали называть самых крупных чиновников. Логофет той Геникой стал министром финансов.

19. Логофетос тон дромой (греч. "словокладец бега"). От "логофет" (см выше) и "дромос" (бег). Чиновник отвечавший за почту (отсюда и бег, — почтовые беговые лошади), и дипломатические отношения и разведку. Министр путей и сообщений с расширенными функциями.

20. Протоспафариос (греч. "Первомечник"). Сперва должность "первого меча" принадлежала командиру телохранителей, позже стала почетным титулом, который вручали даже тем, кто не знал с какого конца братья за меч.

21. Агаряне (греч. агаряной) — одно из восточно-римских прозвищ арабов, так как считалось, что этот народ ведет начало от рабыни-наложницы Авраама, с которой тот прижил сына Исмаила. После того как Авраам родил другого сына от законной жены, он выгнал Исмаила с матерью. Те ушли в пустыню, и там Исмаил стал родоначальником арабов. Поэтому их так же называли и "исмаилитами". Со временем "агарянами и исмаилитами стали называть не только этнических арабов, но и шире — мусульман.

22. Во время кризиса империи, когда враги лезли на неё как должники на получку, — легионы разделили на "лимитанэи" и "комитатэнсес".

Лимитанэи (лат. "предельщики") от лимэс (предел; — по смыслу предел границ державы) — располагались вблизи границ. Их задачей было первичное сдерживание вторгнувшегося врага.

"Комитатэнсэс" — (лат. "комэсовцы", относящиеся к комэсу), множественное число от "комитатэнсис" (комэсов, относящийся к комэсу) — выступали в качестве "пожарных" команд, которые металась по всей империи встречая врага. Это почетное прозвище означало, что они составляют компанию высокому командиру, часто — самому императору. По этой причине позже такие легионы стали называть "палатини" (дворцовые).

Поскольку в кризис у империи денег не хватало, то лимитчиков обеспечивали как придется, вплоть до самокормления с земли, вследствие чего солдаты больше пахали, чем готовились к войне. "Комитаты" же больше и дольше сохраняли знаменитую римскую выучку и имели лучшую экипировку. Боевая ценность таких легионов была ощутимо разной.

23. Таксис (греч. "строй"). Так в грекоязычных областях со временем стали называть аналоги легионов.

24. Эквитэс сингулярис (лат. "конники особливые"). Элитные кавалерийские отряды на службе крупных военачальников и императоров. Император Константин, как и прочие, имел такой отряд. Став единоличным императором, он позже переформировал свою гвардию.

25. Такие поверья и простонародное название колонны действительно существовали.

26. Прасинои (зеленые) и Венетои (голубые). Названия античных римских "клубов

болельщиков" на лошадиных бегах. Популярность бегов была такой, что церковь и гуманисты, постепенно продавившая запрет жестоких гладиаторских боев, не могли запретить бега вплоть до самого конца империи. Азарт римлян был непобедим.

Названия клубов определялось цветом туник в которых выступали возницы соперничающих клубов. В древности на бегах было две команды, — "красные и белые". Позднее к ним добавились "зеленые" и "голубые". (И совсем недолго, "золотые и пурпурные").

Проверку временем прошли лишь прасины и венеты. Со временем эти сообщества болельщиков приобрели все признаки настоящих политических партий. В перерывах между скачками на ипподроме представители этих партий обращались к императору с заготовленными прошениями и требованиями, выступая таким образом "гласом народа". Игнорировать обращения этих древних клубов было чревато — дело могло закончиться настоящим бунтом. Куда там современным Зенит-Спартак-Динамо.

В древнем Риме, на латыни беговые клубы жаргонно прозывались "паннус" (кусочек полотна, тряпка), подразумевая как раз "флаги и майки" разного цвета у команд. Болельщики прозывались "партия" (часть), — то есть часть болельщиков, страдающих за определённую команду. Но в поздней империи две огромных политических партии выросли настолько, что их называли "димои" (мы говорим "димы") — то есть буквально, "народы".

27. Лошадиный бег, как правило, шел против часовой стрелки. Поэтому именно левая пристяжная в колеснице, запряженной несколькими лошадьми должна была огибать каменные столбы-меты вблизи них, по наименьшему радиусу. Любое столкновение с метой грозило аварией и тяжелейшей травмой возницы. Соответственно, на это место левой ставили самую опытную и надежную лошадь, из тех что были в наличии.

28. Мелисса (греч) — "шмель".

29. Нам, живущим в эру дешевых красителей, невероятно трудно представить, сколько стоил т. н. "влаттион" — пурпур, а тем более шелк пурпурного цвета.

30. Длинное и нудное примечание. Иеромонах(ос) — греческое название, используемое и в православной и в католической церкви. Напоминание о том, что некогда обе церкви были одной. От "Иерос" — (посвященный, мудрый) и Монахос — (еденичный). Означает монаха, который одновременно имеет и сан священника.

Напомним, священником считается тот, кто получил посвящение на определенную ступень церковной иерархии, — что дает ему право на соответствующие должности ритуальные действия. (Например, на командование низшими церковниками). Это примерно, как в армии, где — лейтенант — может командовать взводом, но не может командовать полком. Унаследовала эту систему христианская церковь от язычества, где жрецы-иерои проходили разные ступени посвящения. Иерей является младшим титулом духовенства способным совершать самостоятельные службы (например, крещение, или поженялки мирян), в отличие от низших чинов, которые могут быть при службе лишь помощниками. Иереи, как правило, спокойно живут среди обычных людей, не чураются мира.

Монах же — это отдельное направление в церкви. Люди, которые избрали для себя уход от соблазнов мира, для жизни в уединении, чтобы легче общаться с богом. Эти люди давали себе перед богом строгие обязательства, например — не баловаться с женщинами. Изначально это были люди в одиночку уходившие в глухие места, что и дало их название "Монахи\Еденичники". (Теперь, когда мы знаем, что значит слово монах, словосочетание "община монахов" звучит несколько по-дурацки, но исторически так сложилось. Позже, для лучшего выживания и преодоления трудностей, монахи стали образовывать группы, и

строить в глухих местах монастыри.

Соответственно, — иеромонах, это человек, объединяющий оба понятия.

31. Патронус (от лат. "патэр" — отец).

32. Здесь два отца продолжают печально знаменитый христологический спор о "филиокве" (лат. "сына также"). То есть о том, идет ли Святой Дух только от Бога- Отца, или также и от сына его Иисуса Христа. Если вы не очень понимаете его суть, не парьтесь, — абсолютное большинство живших в те времена людей подобных споров также не понимало. Причем не понимали не только простые люди, но и многие священники. Спор сей, тем не менее, разделял веру латинских католиков и греческих православных. У первых дух от сына идет. А у вторых — нет. За это попы даже били друг-другу морды на святых сборах, и просили императоров ссылать оппонентов в ссылки, — все по-взрослому.

33. В 60х годах IX века возник серьезный конфликт между Западной и Восточной частями единой Католическо-Ортодоксальной ("Вселенско-Прямоучительной если дословно с греческого) — церкви. Этот единый организм уже давно разрывали конфессиональные и политические противоречия. Произошел знаменитый спор о том, идет ли святой дух и от божьего сына. Но главное — решался вопрос о власти и бабле, кому будут подчиняться недавно христианизированные болгары — Западному Римскому Папе, или Восточному Патриарху? Поскольку западный папа сидел в отдаленной глуши старого Рима, а восточный патриарх в тогдашней столице Римской Империи — Константинополе, рядом с папой — окучивать болгар отдали Патриарху. Папа обиделся.

В 863 м году западный местный собор объявил восточному патриарху Фотию "экскоммуникацию" (лат "изобщение" — то есть исключение из общего (тела церкви). А поскольку исключенный из церкви, никак не мог быть патриархом её огромной восточной части, то собор до кучи признал Фотия низложенным. Права на такие действия местный собор не имел, но по-другому никак не получалось, потому что на общем соборе Фотий имел бы много своих сторонников со своей восточной части. В целом же, на тот момент церковь представляла собой пентархию — то есть были пять огромных регионов со своими начальниками, — и низложить кого-то из них можно было только решением большинства из пяти на общем соборе.

Империя наносит ответный удар — в 867ом году Фотий собрал у себя местный собор, и — так же незаконно — объявил западному папе Николаю 1 — анафему. Анафема (греч. буквально "отсечение"). То есть исключение кого-либо из церкви, по смыслу ровно то же, что и "экскоммуникацию". Ну и низложил оппонента, естественно.

Оба, и патриарх и папа, на незаконные низложения плевали, и продолжали управлять своими частями церкви, но именно что своими — единый церковный организм трещал.

Окончательное разделение, (все тем же решением поместных соборов) произошло в XI веке, ясное дело, опять из-за власти и денег (вопрос о святом духе, правда все так же висел в воздухе). Первый удар нанес опять западный папа Лев 9й, который 16 июня 1054 года отлучил не только патриарха Михаила, но и всех, кто ему подчинялся. С невероятной оперативностью Михаил сделал обратку 20 июня отлучил Льва и его сторонников.

Взаимное отлучение двух частей огромного организме привело к тому, что они стали

существовать самостоятельно, — оба по-прежнему считая себя "мировыми" церквями.

P.S. Обратите внимание, что обе части формально не "проклинали" друг друга, а лишь исключили из общения. Но поскольку, считалось, что вне церкви нет спасения, — то любой, кто немедленно не перебежал бы на "единственно правильную половину", — сам себя обрекал на посмертные адские муки.

34. Схизматикос (греч. "раскольник") — то есть тот, кто расколол единое тело церкви. Обе стороны, и западники и восточники считали, что раскололи великий организм именно оппоненты.

35. Барбанигра (лат. Черная Борода).

36. Кафир (араб. "неверец\неверующий" — то есть не верующий по канонам ислама).

37. Солидус (лат.) — "твердый"; по смыслу, с твердым, неизменным содержанием золота. Золотая монета Римской Империи. Позднее, с преобладанием в империи греческого языка, называлась "номисма" (греч. "законная\установленная", — то есть опять же, монета, выпущенная по твердому стандарту).

С 312го года, когда император Константин выпустил первые солиды, и аж до 1020го, — больше семиста лет! — количество золота в римской монете оставалось неизменным, что делало имперскую монету самой желанной в любых краях, и придавало империи высочайший авторитет. Только во время кризиса XI века, Константин 9й, изыскивая средства, уменьшит количество золота, разбавив его серебром. Постепенно, при нескольких императорах, содержание золота в монте упало до 10 %. Торговцы отказывались принимать такую монету как эквивалент, войска отказывались получать в ней жалование. Все искали "старые-добрые" солиды. Только в 1092ом император Алексей 1 Комнин, восстановит выпуск полностью золотой монеты.

38. Нортманны (герм.) — буквально, "северные люди". Мы сейчас говорим норманны, поскольку "т" на момент заимствования нами, уже выпало из французско-английского говора. Но в тот момент, оно еще было.

39. Маджус — от персидского названия племени магов, из которых выходило много жрецов зороастризма. Мусульмане, признавая огнепоклонников как величайшее зло, начали называть магами всех персов не принявших ислам, а иногда и просто использовали его как аналог понятию неверный\не мусульманин).

40. Кабил(араб.) — Каин.

41. Иблис (араб). От греческого "дьяболис" (клеветник), или как мы говорим, — дьявол.

42. Мусульмане считали христиан нечистыми, потому что те ели мясо запрещенного нечистого животного, и напоминали об этом христианам при каждом удобном случае, словами производными от арабского (ханжир) "свинья". "Свинятники", "свиноеды", и пр — такие вот обидные эпитеты христианам пришлось выслушивать все средние века, и даже в новое время.

43. В реальной истории, в несколько позднем временном периоде — в 13ом веке, когда Римская Империя представляла собой уже не мировую державу, а сильно скукожившуюся региональную страну, которую рвали на части нашествия врагов, на ее территории было 13 тысяч монастырей и около 40 тысяч иерев. Риму катастрофически не хватало воинов, готовых встать на его защиту. Зато молившихся было хоть отбавляй. Ничем хорошим для страны это не кончилось

44. Манихей — последователь религии пророка Мани, которая возникла в Персии в 3 веке н. э. Состояло из мешанины гностического христианства, зороастризма и буддизма.

Поскольку манихейство позволяло своим последователям до срока "мимикрировать" под общины других вер, — оно получило широчайшее географическое распространение, и лютую ненависть всех религиозных конкурентов. Само слово манихей стало почти синонимом лицемерного злодея.

Проблема манихейства была в том, что Мани провозгласил — (как и несколько веков спустя, исламский пророк Мухаммад), — что есть изначальная религия, а все существующие известные религии, такие как христианство, иудаизм и пр. — это её искаженные от времени варианты. И только он — Мани — пришел вернуть религию к чистому истоку. Естественно, что объявив все мировые религии искажениями — Мани тут же нажил для своей религии непримиримых врагов.

45. Айресис (греч.) или как мы говорим ересь, — "выбор", "взятие". Поскольку существовало множество разных воззрений на суть христианства; — многие столетия христианские идеологи, споря друг с другом, обвиняли друг друга в "ложном выборе". Но громко вопить всегда удобнее одно слово, чем два, — поэтому постепенно попы стали ругаться друг на друга словом "ересь" "еретик", держа слово "ложный" в уме.

Попы, говорящие на латыни, так же использовали как синоним "ереси" латинское слово "секта" ("выбор, следование", от "сэкви" следовать). Но поскольку все, кто не следовал "генеральной линии церковной партии", рассматривались как отделивший себя от церкви, скоро слово секта начинают ассоциировать с "сэктурэ" — (отделять, расщеплять), и "сэкарэ" (отрезать). То есть сектанты начинают пониматься как отщепенцы, раскольники, отошедшие от "правильного пути".

Оба слова были очень удобными для взаимных обзывалок, и широко использовались при спорах священниками.

46. Стратигос (греч.) дословно — "воевода", командир соединения способного к решению оперативных задач.

47. Полимарх (греч) — "многочастьник", аналог генерала — то есть общего командира.

48. Топотеритос (греч) — буквально "местодержитель" — тот, кто замещает начальника. Дословный аналог латинского "локум тененс", от которого произошло старофранцузское "льетенант", которое со временем попало и в наш язык в виде "лейтенанта".

49. (х)иппархос (греч) — дословно "лошаденачальник", командир конницы. Еще одним названием иппарха было протостратор — "первомайский", поскольку конница часто совершала разведку и была впереди остального войска.

50. Алу-с-салиб (араб.) — люди креста.

51. Не вдаваясь в подробности Восточно-Римской метрологии, от которой трещит лоб не у одного исследователя... Здесь:

"Локоть" (греч "пехон\пихон") — собственно изначальное расстояние от локтя до кончика распрямленных пальцев с среднего человека, но в данном случае, использовавшийся т. н. олимпийский локоть — 46,3 см.

Ладонь (греч "финика"\ "пальма") — изначальное поперечное измерение четырех (без отстоящего большого) — пальцев среднего человека, здесь — олимпийская пальма — 7,7 см.

Итого локоть и две ладони — 61,7 см.

52. Литра\ливра (фунт) — в тех временах и местах — 319-320гр.

53. Гладиус легионум (лат.) — "меч легионов".

54. Фахд (араб.) — гепард.

55. Тагут (араб) — "превышатель". Прозвище нечестивых правителей, превышающих свои права, не соблюдающих нормы шариата.

56. Дадджал (араб.) — лжепророк, который придет незадолго до конца дней. Мусульманский аналог христианского антихриста. Символ лжи и коварства.

57. Апогонатос (греч.) — безбородый.

58. Дислокативный стих. Если поставить слова правильно по смыслу: "Дубом и медью трижды кругом грудь была тех, кто хрупкий плот первым свел во свирепое море". (С) Квинт Гораций Флакк.

59. Появляются редкие пловцы в бездне огромной. (С) Вергилий.

60. Ангелос (греч.) буквально — "вестник". Мы теперь воспринимаем это слово исключительно как "вестник божий", но для меча — это не так.

61. Монофезитос (греч. — одноприродный). В самых общих чертах, вера в то, что Иисус Христос был богом, лишь принявшим вид человека. В то время как еще единая на тот момент Католическо-ортодоксальная церковь, путем нудных споров пришла к выводу, что в Христа было одновременно слито две природы: и человеческая и божественная.

Далеко не все церкви, которые католики и ортодоксы-православные обвиняли в монофезитстве, действительно стояли именно на этих позициях. Дело было в том, что пока в центре империи шли пламенные споры о нюансах веры, в провинциях спокойно исповедовали уже принятые на прошлых вселенских соборах решения. Философам в центре империи казалось, что они "развивают" веру, ведут её к лучшему пониманию человека богом. Во многих провинциях же стояли за "отцовское благочестие", и не понимали, как можно отказываться от ранее утвержденных положений. Все это вело к расколам. Духовный (а затем и физический) отрыв многих провинций от империи, — есть в немалой степени заслуга константинопольских "философов в рясах".

62. Рэгнум тэвтоникорум(лат.) — царство тевтонов.

63. "На переходах", — это не в переходах метро, а на переходах между привалами.

64. Князь Святослав с дружиной, погиб возвращаясь из похода в засаде на реке. Император Иоанн умер, как говорят, отравленный своим ближником.

65. Саракиной (греч.) (Мы говорим "сарацины") — Одно из названий, которые греки прилагали к мусульманам, и шире — выходцам с востока. Скорее всего происходит от арабского "шарки" — (восточные).

66. Комендант — от латинского "коммендаре" (поручать) — тот кому поручено управление чем-либо. Здесь — начальник крепости.

67. Предположим, и вряд ли ошибемся, что это старофранцузское слово происходит от латинского "кларус" — светлый. Отсюда же происходит современное французское слово "эклер", которое означает "вспышку", "молнию".

68. Взял оружие для победы Господа вечного. Сказал Господь: седи одесную меня, когда повергнешь врагов моих к подставке ног моих! Истина.(лат).

69. Атавис эт армис(лат) "Предками и Оружием" — девиз ордена Лазаритов. Нон нобис "Не нам" — девиз ордена Иоанитов, из которого рыцарь выбыл по болезни.

70. — Много жить случилось душе моей, с ненавидящими мир.

— Истина.

— Я-то мирный; да как заговорю с ними, — они драться со мной.

— Истина.

71. Битва на Каталунских полях, она же "битва народов", — одно из величайших сражений 5го века на территории современной Франции, где войска Рима с союзниками под предводительством Аэция, бились против орды гуннов с союзниками, под предводительством Атиллы. Положив огромное количество народа, ни одна из сторон не смогла добиться решающей победы. Римлянам не удалось выгнать гуннов с территории империи. Гуннам не удалось окончательно сломить римлян. Атилла терзал империю набегами еще несколько лет, пока не помер на брачном ложе у очередной своей новобрачной.

72. Автор конечно берет на себя смелость большого художественного допущения. Не сохранилось точных свидетельств, сыном какого народа был Атилла. Так как гуннский союз, к тому моменту как он докатился до Европы, представлял собой чрезвычайно пестрый конгломерат разных народов. Умер Атилла на территории Паннонии, (современной Венгрии). Венгры считают, что меч Атиллы Божьего Бича и назывался незатейливо: — "Божий Меч" — так как античные историки сохранили легенду, мол Атилла якобы владел мечом бога Марса (лат. Гладиус Мартис) На венгерском Божий Меч звучит как "Иштен Кардя". Любопытно, что в Венгрии до сих пор живет много "ясов", (старое русское название аланов, предков втч. и современных осетин). На осетинском же созвучное "Иштер Кард" означает — "Большой Нож". Правда предки нынешних ясов прикочевали в Венгрию лишь в 13ом веке. Но языки ясов и осетин относятся к скифо-сарматской языковой группе иранских языков. И Атилла, побывавший в Европе восемью веками раньше ясов, тем не менее мог быть носителем языка той же ветви. Вообще же слово "Кард", в значении меч\нож, имеет широчайшее распространение в индоевропейских языках. Восходит оно к значению "отделять\рассекать".

73. Феомастикос (греч.) — Божий бич.

74. Фрагеллум Дэи (лат.) — Бич Бога.

75. Косметика (греч.) — украшение, наряжение.

76. Игра слов, — битва на Каталунских полях произошла в местности под названием Кампания (Современная "Шампань").

77. Понтифекс Магнус (лат.) — дословно "великий мостодел". Мостоделами с древних времен в риме называли священников — наводящих мосты между людьми и богами. Великий мостодел, соотетственно — главный жрец. С победой христианства, Папа Римский взял себе этот старый языческий титул.

78. Сложно сказать, что и где находится у живых мечей... Но видимо эта фраза нечто вроде человеческого "ты разбиваешь мне сердце".

79. Простим Федору, что он несколько исковеркал имя славного персидского воина. Некоторые читатели могут подумать, что так перевернуть имя римский гвардеец не мог даже специально, и здесь есть некий произвол автора. Однако... "Арт" произнесенное с мягким придыханием вполне можно услышать, как "Авт". "Бэ" же в среднегреческом языке настолько смягчилось, что уже звучало как "вэ". "Дэ" на конце при быстром произношении проглатывается; собственно, у персов в древности Имя Артабазд произносилось в зависимости от региона как Артабазда или Артабазду, — но персы со временем стали склонны глотать окончания. И "проглотив" сперва "а", потом уже глотали и "д". Вот и получается, что для непривычного грека Артабазд мог превратиться в Автоваза. Что до

Фамилии, "дзуг" (джуг) в некоторых языках на кавказе означает "стая", а "ели"/"эли", — окончание патронимического типа. Как видите, никакого обмана — у нас тут серьезный роман, не хухры-мухры.

80. Дэвы — в персидской мифологии, бесы, черти, антагонисты добрых сил. Когда мусульмане захватили и оккупировали большую часть персидской державы, и начали насильно обращать персов в ислам, среди правоверных персидских огнепоклонников широко распространилось сравнение мусульман с бесами, чертями, которые — подобно христианскому антихристу — посланы как испытание для правоверных людей.

81. Курсье — от латинского "курсор" (бегун), старофранцузское название породистого верхового коня.

82. Куртуазный от фр. слова "курт" (двор), по смыслу "королевский двор", — то есть человек наученный придворным манерам благородных людей.

83. Акрит (греч. "акритас\акритис") — производное от "акрай" — (края), по смыслу, — края государства, то есть "границы"; (полный аналог латинского лимеса). Акрит — дословно "крайник", суть — пограничник. Собственно, слово это в общности индоевропейского древа языков родственно нашим "крой, край, окраина, Украина".

84. Анагран (перс. В более раннее время — "анагранам раучама") — "Бесконечные Светы", четвертая сфера над миром, где находится дом всеблагого бога Ормазда (ранее — Ахуры Мазды); — в определенной степени, аналог рая.

85. Ариман (ранее — Ангро Манью) — Главный злой дух, и вредитель людям. Подлый соперник всеблагого Ормазда.

86. Эллинский ксест (греч. — четверть литры) — 408гр.

87. Это правда. Парсы, в переводе на русский означает "грудастые". От индоевропейской языковой общности у нас в языке долго бытовало слово "персь" — грудь. Ныне вышедшее из употребления, оно еще было в ходу, например, во времена Пушкина.

88. Сейчас, когда Федор назвал девушку телкой, кое-кто из читателей может возмутиться, — что это мол за сленг современного "гопника с раёна" в устах средневекового героя? Однако именно такое ласковое обращение "дамалин" (телка) — мы находим в Грото-Ферратском списке средневековой восточно-римской поэмы "Дигенис-Акрит". Причем это обращение аристократа к аристократке. Да и действительно, можно ли найти более лестное обращение к женщине, чем сравнить её с коровой — одним из древнейших символом зажиточности, сытости, достатка в доме?.. Еще раз прошу заметить — у нас тут серьезный роман, прилежающий к исторической точности даже в мелочах.

89. Диоскуры. (греч.) Дословно — "Юноши Зевса".

90. Язат — "достойный поклонения". У персов, изначально, вообще — одно из названий добрых божеств. С выделением одного главного бога, язаты несколько "измельчали" и становятся отчасти похожи на христианских святых, в том смысле, что это представители божественного, к которым проще обращаться с житейскими людскими вопросами, чем к великому Богу.

91. Хызр (вообще то "Хидр", но если вы произнесете это слово быстро, то прозвучит как "хызр"; в некоторых местах произносили и как "хызыр": — в переводе с арабского "Зеленый"). Персонаж средневекового мусульманского фольклора. По одной из многочисленных легенд был воином, которого "правоверный мусульманский царь" Александр Македонский отправил на край света добыть воду из источника вечной жизни. Пока Хызр чапал к источнику, теряя в немыслимых ужасах и опасностях, остальных

спутников, — царь Александр окочурился. Носам посланец, единственный из уцелевших, видимо оттуда отпил. После этого Хидр появлялся там и сям многие столетия, уча мудрости, и помогая попавшим в беду. Иногда действия Хызра могли выглядеть откровенно злодейски, но спустя время всегда оказывалось, что только так и можно было поступить для наилучшего развития событий.

P.S. Внимательный читатель может удивиться — как же это греческий царь Александр, живший в 4ом веке до нашей эры, мог быть "правоверным" — то есть с точки зрения мусульман соблюдать все нормы Ислама, который появился лишь в 7 м веке нашей эры — тысячу лет спустя? Однако, сами мусульмане искренне считают, что пророк Мухаммад не открыл людям новую веру, а только рассказал об ошибках и искажениях в божеских законах, которые Бог впервые послал людям чуть ли не в начале времен.

92. Дарья перечисляет здесь ходовые известные прозвища, в том числе и мусульманские. Но сама она конечно не считает доброго странника "воином Искандера" (т. е. Александра Македонского). Ведь для любого правоверного перса — Александр Македонский — разоритель персидского царства, разрушитель Персеполиса, — то есть безусловный злодей и слуга девов! Соответственно и его солдат никак не может быть благим язатом.

93. Последнее в переводе с арабского означает нечто вроде — "клавесин в зарослях". Автору не удалось отыскать, где Дарья могла почерпнуть это странное прозвище. Истоки его не прослеживаются ни в мусульманском, ни в персидском, ни в ромейском фольклоре... Видимо следы его следует искать где-то еще; что автор оставляет на долю более вдумчивых исследователей.

94. Метаморфозы — свод греческих и италийских мифов, переработанный автором Публием Овидием Назоном, в виде огромной поэмы, или вернее, сборника стихов. Поскольку греческие мифы полны превращениями человека в иные формы, вроде зверей, деревьев, и даже созвездий, — то и в поэме этого добра в избытке.

95. Канон (греч.) — тростник. То есть делать по-канону, — так же прямо, как стебель тростника. И наоборот, не по канону — значит криво и плохо.

96. Пехлаван\пехлеван (перс) — "парфяноподобный", по смыслу, богатырь, умелый воин.

97. В русской деревне, дощечки-лубки использовались для вырезания деревенскими умельцами картинок, как правило незатейливых, — и сейчас слово лубок получило коннотацию "невзыскательное произведения искусства". Но вообще "лубками" называли небольшие дощечки или подкорье сложенное в несколько слоев, которые использовались для фиксации сломанной кости, (то что мы сейчас называем шина).